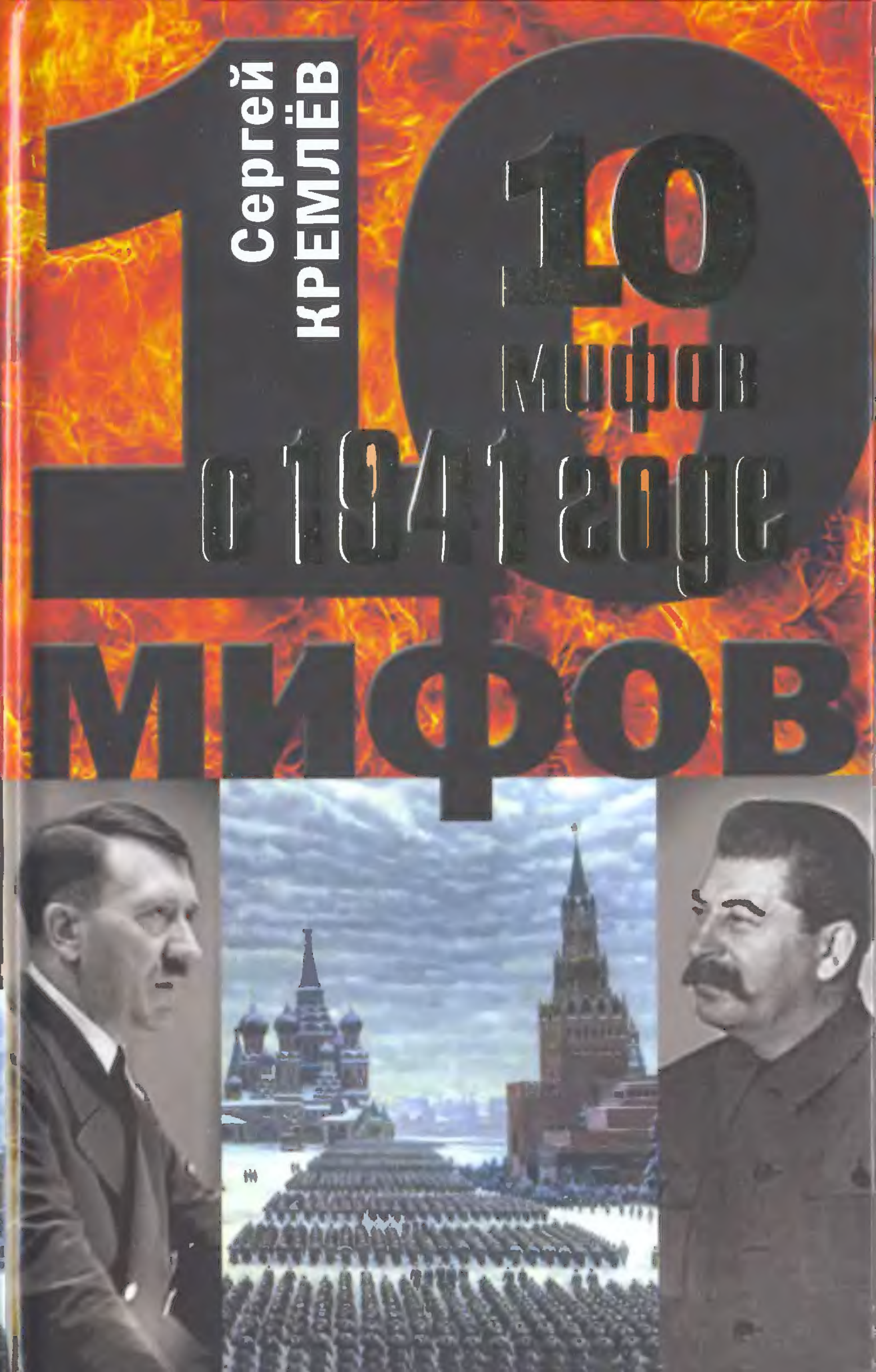

Сергей
КРЕМЛЁВ
10
мифов
о 1941 годе
10
МИФОВ

10 мифов

Сергей КРЕМЛЁВ

о 1941 годе

МОСКВА
2009

ББК 63.3 (2)622
К 79

Оформление серии художника *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована картина:
Юон К. Ф. «Парад. Ноябрь 1941 год», 1949 г.

Кремлёв С.
К 79 10 мифов о 1941 годе / Сергей Кремлёв. — М. : Яуза; Эксмо, 2009. — 416 с. — (10 мифов).

ISBN 978-5-699-33157-4

Трагедия 1941 года стала главным козырем «либеральных» ревизионистов, профессиональных обличителей и осквернителей советского прошлого, которые ради достижения своих целей не брезгуют ничем — ни подтасовками, ни передергиванием фактов, ни прямой ложью: в их «сенсационных» сочинениях события сознательно искажаются, потери завышаются многократно, слухи и сплетни выдаются за истину в последней инстанции, антисоветские мифы плодятся, как навозные мухи в выгребной яме...

Эта книга — лучшее противоядие от «либеральной» лжи. Ведущий отечественный историк, автор бестселлеров «Берия — лучший менеджер XX века» и «Зачем убили Сталина?», не только опровергает самые злобные и бесстыжие антисоветские мифы, не только выводит на чистую воду кликуш и клеветников, но и предлагает собственную убедительную версию причин и обстоятельств трагедии 1941 года.

ББК 63.3 (2)622

ISBN 978-5-699-33157-4

Посвящается поколению моих отца и матери, Тараса Константиновича и Екатерины Ивановны Брезкун (Капустян), поколению, которое молодым встретило Великую Отечественную войну 22 июня 1941 года и довело её до 9 мая 1945 года...

ОТ АВТОРА: «НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИФАХ И МИФОТВОРЧЕСТВЕ»

Моя книга называется «10 мифов о 1941 годе»... Несмотря на то что такое заглавие определилось, собственно, заказом издательства «Яуза», книгу-то писал я сам. И коль уж я за её написание взялся, значит — с обозначенным в заглавии подходом согласен.

Да, в последние годы слово «миф» стало расхожим, как и слово «мифотворчество». В 2004 году то же издательство «Яуза» выпустило в свет книгу А. Исаева с очень схожим заглавием: «Десять мифов Второй мировой»... Хватает на полках книжных магазинов и других «Мифов...».

Однако что означает слово «миф»? Как его толкует такой, например, авторитетный эксперт, как Владимир Даль, автор «Словаря живого великорусского языка»? Он сообщает нам: «Миф — происшествие или человек баснословный, небывалый, сказочный...» Более же современный словарь Ушакова это понятие расширяет: «Миф... 1. Древнее народное сказание о богах или героях... 2. Что-н. легендарное, фантастическое, баснословное; вымысел, выдумка».

Сейчас — не героические времена. Возможно, поэтому, когда сегодня говорят о «мифах», имеют в виду не сказания о героях, а именно вымысел, выдумку. И вот в

аннотации, скажем, к книге Марка Солонина «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?» сообщается, что «автор опровергает уже устоявшиеся и новые мифы о причинах катастрофических поражений в первые месяцы войны, дает объективную, глубоко аргументированную трактовку хода боевых действий...».

Что ж, якобы аргументов и фактов в книге Солонина хватает... Хотя основной его вывод для «демократизированной» части населения нынешней «Россиянии» не так уж и сенсационен: крах 1941 года — это, мол, закономерный итог политики «тирана» Сталина.

Мол, если гитлеровский режим «держался на лжи, демагогии и терроре», то «Сталин поставил в основание своей власти один только террор». Сталин — по Солонину — «был убежден, что всеобщий страх — это и есть тот камень, на котором будет покоиться его незыблемая власть», но «задавленный террором народ» нельзя было поднять на Великую Отечественную войну. А «поднятое к вершинам власти быдло — без чести, без веры, без стыда и совести» (это Солонин о «на всю жизнь, — как он выражается, — перепуганных» 1937 годом генералах РККА) оказалось полностью профессионально непригодным. Оно, это «быдло» в лампасах, с началом войны разбежалось вкупе с гражданским начальством, а «вместе со сбежавшим начальством ушел и страх — и Красная Армия, великая и ужасная, стала стремительно и неудержимо разваливаться»...

И только, мол, неумная политика Гитлера по отношению к завоёванным им русским, политика сохранения на оккупированных территориях колхозов, зато отказа от создания «антибольшевистской русской добровольческой армии и альтернативного русского правительства», только зверства оккупантов подняли-таки народ на борьбу и спасли Россию, а заодно — и «малообразованного сына пьяного сапожника», как аттестует Сталина Марк Солонин.

Что ж, суждения и выводы для сына «рядового Великой войны Семёна Марковича Солонина» — неожиданные. Однако они, вообще-то, достаточно затасканы

ещё со времён школы пропагандистов «Русской» «освободительной» «армии» Власова в Дабендорфе. И вполне понятно, почему перед этими «выводами» с земным поклоном снимает шляпу другой «сын «фронтовика» — «Виктор» «Суворов»-Резун.

Но вот в чём штука! Предыстория и история Великой Отечественной войны и особенно период с начала июня 1941 года по примерно конец ноября 1941 года дают нам так много разноречивых фактов и сведений, что при желании и умении их можно надёргать для «подтверждения» прямо противоположных утверждений. И за счёт тенденциозного подбора тех или иных документов и фактов можно «подтвердить» многие старые мифы, то есть вымыслы, о 1941 годе, можно расширить их, а можно измыслить и новые, как это сделали Резун и Солонин.

Впрочем, относительно их «открытий» вполне уместно заметить, что новое — это хорошо забытое старое... Басни о «тиране» Сталине начали сочинять даже не в Дабендорфе и даже не на мексиканской вилле Троцкого в Койокане — их хватало уже в начале 20-х годов в самой Москве.

К слову, бесспорными документами и фактами можно подтвердить и основную схему, принятую в официальной советской историографии, а именно: в 1941 году только Гитлер планировал войну против СССР, а СССР честно выполнял условия Пакта 1939 года и подвергся неспровоцированному вероломному нападению. Оно обусловило проигрыш приграничного сражения и глубокое отступление наших войск. Однако героические усилия всего народа и его руководства во главе со Сталиным и ВКП(б) в течение 1941 года привели к провалу германского блицкрига и создали предпосылки для будущей нашей Победы.

Но и эта схема, в целом намного более верная, чем схемы резунов, будет от объективной и подлинно историчной, увы, далека.

Так возможно ли получить не «объективную, глубоко аргументированную *трактовку* хода боевых действий»

начала 1941 года, а объективную их ***картину***? «Трактовка» — по тому же словарю Ушакова — это «то или иное понимание, толкование... чего-нибудь». А нам ведь надо не *толкование* фактов, а их ***знание*** — в полном (что в реальности бывает очень редко) или хотя бы в представительном (что уже реальнее) их объёме!

И если мы их, эти *представительные* факты, будем *знать*, то и *понимать* мы будем всё верно!

Но какими знаниями снабжает нас такой «мифоборец», как тот же, скажем, Марк Солонин?

А вот, например, такими... Заявляя на страницах 468—469 своей книги о том, что единственным, «не требующим ни знакомства с подчиненными, ни разведки противника, ни знания военной техники», универсальным правилом для советского командования всех уровней было «гремевшее» и «грохотавшее» «по всем штабам, окопам и блиндажам» правило «Любой ценой!», Марк Солонин приводит как пример бои на знаменитом «Невском пятачке» и далее пишет:

«Осенью 1941 года после установления блокады Ленинграда в наших руках остался крохотный плацдарм... площадью 2 на 3 км. На «Невском пятачке» можно было развернуть стрелковый батальон, от силы — полк... «Невский пятачок» не мог иметь... никакой существенной роли при прорыве блокады... Тем не менее этот «плацдарм» приказано было удержать. Любой ценой. Его и удерживали. 400 дней подряд. Немецкая артиллерия простреливала каждый метр этой огромной братской могилы. Общее количество истребленных (этим эпитетом Солонин закладывает в подсознание читателей намёк на то, что вина за «истребление» — не на немцах, а на Сталине. — *С.К.*) на этом проклятом месте солдат оценивается разными исследователями в 200—300 тыс. человек. Для справки: за первые шесть месяцев войны (к 31 декабря 1941 г.) вермахт потерял на Восточном фронте убитыми и пропавшими без вести 209 595 солдат и офицеров [74. С. 97; 12, с. 161]...»

Далее мне не раз придётся останавливаться на «открытиях» «исследователей» типа Солонина или Резуна, но, чтобы читатель понял, стоит ли безоглядно верить их данным и выводам, я сообщу следующую информацию...

В 1993 году Воениздат МО РФ выпустил в свет статистическое исследование «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах» под общей редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. Несвободное от неточностей (в таком исследовании неизбежных), в целом это издание надо расценивать как своего рода нормативный и достоверный источник для любого историка. Причём источник это вполне доступный. В списке «использованной» литературы в книге М. Солонина он идёт, к слову, за № 35.

Уж не знаю, как и для каких целей использовал его автор книги о 22 июня, но на странице 167 справочника Воениздата приведены данные по Ленинградской стратегической оборонительной операции (длилась 83 суток, с 10 июля по 30 сентября 1941 года). Безвозвратные потери Северного (Ленинградского), Северо-Западного фронтов и Балтийского флота — 214 тысяч 078 человек. Это — потери двух ***фронтов*** и одного ***флота***. В целом!

На странице 184 приведены данные по операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда (длилась 19 суток, с 12 по 30 января 1943 года). Безвозвратные потери Ленинградского и Волховского фронтов — 33 940 человек.

На странице 199 приведены данные по Ленинградско-Новгородской стратегической операции (длилась 48 суток, с 14 января по 1 марта 1944 года). Безвозвратные потери Ленинградского и Волховского фронтов, 2-го Прибалтийского фронта и Балтийского флота — 76 686 человек.

На странице 247 приведены данные по потерям личного состава Ленинградского фронта за весь период боевых действий — 1353 суток. Убито и умерло на этапах санитарной эвакуации всего 332 059 человек (26 789

офицеров, 64 523 сержанта и 240 747 солдат). При этом потери убитыми и умершими при санитарной эвакуации по годам войны: за 1941 год — 62 187 человек, за 1942 год — 62 747 человек, за 1943 год — 74 473 человека, за 1944 год (год активного наступления) — 122 999 человек, за 1945 год — 3653 человека.

Наконец, на странице 301 приведены данные по общим потерям личного состава Балтийского флота за все 1418 суток войны. Убито и умерло на этапах санитарной эвакуации всего 19 836 человек (3001 офицер, 4038 старшин и сержантов и 12 797 матросов и солдат).

Так откуда Марк Солонин извлёк цифру в 300 тысяч «истреблённых» защитников только «пятачка» у Невской Дубровки? Это ведь не описка, не невольная ошибка или неточность. Это — сознательная, злостная и злобная дезинформация читателя. По сути это — исторический подлог.

Да, «Невский пятачок» — это совместный и важный для обороны Ленинграда подвиг армии и моряков. И наши потери там были почти непрерывными, для ограниченного участка фронта — огромными... Я помню, как ветеран в потёртом пиджачке, услышав от меня два слова «Невская Дубровка?» после его заявления о том, что он воевал в бригаде морской пехоты под Ленинградом, не смог сдержать слёз... Да, это был трагический и героический эпизод, но — лишь ***эпизод*** в масштабной ленинградской эпопее! И эпизод, злостно Солониным перевранный и оболганный.

Плацдарм на левом берегу Невы в районе посёлка Невская Дубровка был создан в ночь на 20 сентября 1941 года частями 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В.Ф. Конькова и 4-й бригады морской пехоты генерал-майора Б.Н. Ненашева, и он имел протяжённость по фронту до 4 км и глубину до 800 метров. Немцы начали яростные контратаки с целью ликвидировать этот якобы «никчёмный» — по Солонину — плацдарм, и в результате он сократился до 2 км по фронту. На него обрушивалось до 50 тысяч снарядов, мин и авиабомб в сутки — такие усилия по отношению к ненужным по-

зициям не предпринимают. Весной 1942 года, когда ледоход отрезал «пятачок» от правого берега Невы, немцы 29 апреля ликвидировали-таки плацдарм, однако 26 сентября 1942 года войска Невской оперативной группы снова овладели этим плацдармом и удерживали его (уже в менее трудных условиях) вплоть до прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года. Тогда с этого плацдарма наступала 45-я гвардейская стрелковая дивизия, сковавшая значительные части противника на правом фланге ударной группировки фронта. К слову, эта дивизия, ранее 70-я стрелковая, на «Невском пятачке» и стала гвардейской — первой на Ленинградском фронте.

Однако это — не всё... В отношении цифры немецких потерь Марк Солонин совершает, по сути, не менее злостный и злонамеренный подлог, хотя уже не фактический, а системный. Приводя данные по потерям вермахта за первое полугодие войны, он ссылается на два источника. Под № 74 в его списке использованной литературы идёт книга Т.Г. Ибатуллина «Война и плен» (СПб., 1999). Не имея её под рукой, ничего об этом источнике сказать не могу. Но вот № 12 в ссылке Солонина — это знаменитый «Военный дневник» начальника Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал-полковника Франца Гальдера. Его служебный дневник, который он вёл лично, — тоже нормативный документ для любого исследователя. Солонин, приводя цифру потерь вермахта в России в 1941 году, ссылается на 3-й том «Дневника...», изданный Воениздатом в 1971 году. Конкретно — на страницу 161.

Вообще-то том 3-й издан в двух книгах, и точная ссылка должна была бы это учитывать (страницы под номером 161 есть в обеих книгах). Но ясно, что имеется в виду запись от 5 января 1942 года — за 198-й день войны, помещённая на странице 161-й книги второй 3-го тома:

«Потери с 22.6 по 31.12.1941 года: Ранено — 19 016 офицеров, 602 292 унтер-офицера и рядовых; убито — 7120 офицеров, 166 602 унтер-офицера и рядовых; про-

пало без вести — 619 офицеров, 35 254 унтер-офицера и рядовых.

Итого потеряно 26 755 офицеров и 804 148 унтер-офицеров и рядовых.

Общие потери сухопутных войск на Восточном фронте составляют 830 903 человека, то есть 25,96 процента численности всех сухопутных сил на Востоке (3,2 млн человек)...».

Если суммировать данные Гальдера по убитым и пропавшим без вести, то мы действительно получаем приведённую Солониным цифру немецких потерь в 209 595 человек к концу 1941 года.

Но!

Первое... Гальдер делал все записи в дневнике исключительно для себя, стенографируя их. Уже в силу этого его данные по потерям не могут рассматриваться как точные. Они в дневнике Гальдера имеют чисто оперативный характер и, безусловно, занижены, — не Гальдером, конечно. Причина вполне понятна: какой полевой командир даже дивизионного или корпусного уровня будет сообщать «наверх» полные данные по всё более возрастающим потерям в реальном масштабе времени!

Второе... Солонин суммирует данные Гальдера лишь по боевым потерям вермахта убитыми и пропавшими без вести. Но ведь есть еще и категория потерь на этапах санитарной эвакуации. В справочнике Воениздата 1993 года по РККА и РККФ приведены данные безвозвратных потерь именно в такой формулировке: «убито и умерло на этапах санитарной эвакуации», в том числе — и по нашим потерям под Ленинградом. И если бы Гальдер фиксировал потери вермахта с учётом санитарных потерь, то итог был бы, конечно, существенно более высоким.

Третье... Гальдер зафиксировал потери лишь вермахта, но ведь у люфтваффе, скажем, тоже были свои сухопутные войска уже в 1941 году. Главное же, Гальдер не мог включать и, естественно, не включил в цифру потерь вермахта потери Ваффен-СС. А части СС широко

использовались на Восточном фронте с самого начала войны, воевали эффективно и смело, почему и несли очень немалые потери.

Четвёртое... На Восточном фронте в 1941 году воевали и несли потери не только немцы, но и итальянцы, венгры, румыны, финны, словаки, хорваты, испанцы... Только вооружённые силы Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии за войну имели безвозвратные потери официально в 1,7258 миллиона человек. Для сравнения — Германия потеряла в боях на советско-германском фронте официально 6,9237 миллиона человек. То есть потери союзников Германии составили почти 25 % от потерь немцев. Поэтому к цифре в 209 595 человек Солонин и ему подобные могут уверенно приплюсовывать не менее 50 тысяч человек. Плюс потери частей СС, плюс потери люфтваффе и ряда специализированных частей (например, батальонов государственной трудовой повинности) да плюс умершие в госпиталях. Нет, ***полная*** итоговая цифра при ***полном*** подсчёте потерь гитлеровского блока вряд ли выглядит для немцев, их союзников и Солонина с Резуном очень уж радужно...

Для сравнения: по данным справочника Воениздата 1993 года, наши потери за 1941 год составили убитыми и умершими на этапах санитарной эвакуации 465,4 тысячи человек и умершими от ран в госпиталях 101,5 тысячи человек. Но ведь это итоги самого тяжёлого военного года, когда героизм и преданность Родине одних смешивались с трусостью и предательством других!

Я взял для анализа один из пассажей Марка Солонина почти «навскидку», но так же подробно можно проанализировать практически любое его «открытие» и — с теми же итоговыми результатами. Но если таким анализом заняться подробно, это занятие будет вряд ли для многих занимательным. Чтобы понять, чем пахнут некие субстанции, совсем не обязательно долго в них копаться. Если, конечно, всё в порядке с обонянием.

К тому же моя книга — всего лишь краткий очерк ситуации 1941 года, а число отобранных мной для анализа «десяти мифов» даже в малой мере не исчерпыва-

ет всего накопившегося массива мифов о 1941 годе — простодушно-искренних, дубово-казённых, исступлённо-озлобленных, заказных в рамках психологической войны против России, напыщенно-невежественных, полузнайских, злопыхательских или просто интеллигентски-«выпендрёжных». Собственно, число «десять» определилось условиями издательской серии. Но я постарался сформировать представительный — с точки зрения общей картины — набор этих мифов, а насколько мне это удалось, оценит уже сам читатель.

Мне же в этом предисловии остаётся сказать следующее... Принявшись по предложению издательства «Яуза» за эту работу о 1941 годе, я, уже более основательно, чем ранее, знакомясь с проблемой и источниками, был неприятно удивлён тем фактом, что при всём кажущемся обилии литературы на тему о 22 июня 1941 года я почти не нашёл ничего достаточно адекватного этой теме и рассматривающего её полно и комплексно.

Даже в импонирующих мне, вполне убедительных при объективном их прочтении, книгах за многословием состоятельных аргументов нередко теряется концептуальность... Порой же авторов честных и очень нужных сегодня книг подводят излишняя эмоциональность и связанные с ней перехлёсты...

В книгах же типа резуновско-солонинских назойливо мельтешит калейдоскоп надёрганных фактов, цифр, номеров частей, описание тех или иных боевых действий, но даже если при этом отсутствуют характерные для книг последнего типа прямые подлоги и передержки, приводимые факты и данные дают лишь фрагментарно правдивое представление о тех или иных обстоятельствах лета и осени первого военного года и при этом не дают общей правдивой картины. Ведь, как я уже говорил, в событиях тех дней можно найти всё — и многочисленные примеры не только компетентных, но и попросту блестящих действий командиров многих соединений и частей РККА, и примеры не только бездарных, но попросту идиотских действий командования РККА всех степеней.

Как быть? На что опираться, что брать за основу? Мне ведь предстояло написать не капитальный всеобъемлющий труд, а краткий очерк. Такую форму диктовали и издательская задача, и сжатые сроки, да и мой личный настрой — я решил, что можно сказать много и в книге малого объёма.

Вот почему в конце концов я пришёл к некой мысли, показавшейся мне плодотворной и нетривиальной. «А почему бы, — подумал я, — не использовать в качестве одного из основных источников достоверных сведений о тех днях и событиях свидетельства и оценки одного из руководителей той войны с немецкой стороны? Почему бы не опереться на данные того самого генерал-полковника вермахта Франца Гальдера, значение «Военного дневника» которого не сможет поставить под сомнение даже «Виктор» «Суворов», даже Марк Солонин, даже любой злобствующий антисталинист?» Слово «уникальный» сейчас нередко употребляется неверно, но случай Гальдера действительно уникален, то есть неповторим и ни с чем не сравним. Гальдер оказался единственным военачальником высшего ранга в мировой военной истории, который лично для себя вёл ежедневные записи о своей повседневной служебной деятельности во время войны (лишь с 10 октября по 4 ноября 1941 года записи не велись, так как Гальдер, совершая прогулку верхом, упал с лошади, получил сильный вывих правой ключицы и почти месяц не мог писать).

Я рассуждал: «Если я привлеку в свои союзники по разоблачению антисоветских и антирусских мифов о 1941 годе начальника Генерального штаба Сухопутных войск (Des Generalstabes des Heeres) вермахта генерала Гальдера, который вёл ежедневные записи о ходе войны с 22 июня 1941 года по 29 сентября 1942 года, то его свидетельства будут убедительнее любых моих собственных аргументов!»

К идее о целесообразности такого подхода я пришёл, когда, приступив к работе над книгой и перелистывая личный служебный дневник Гальдера, стал отыскивать

в нём — казалось бы, мне и до этого неплохо известном — такие данные, что...

Короче, читатель этой книги сможет сам составить своё мнение о том, верно ли я поступил, обратившись за помощью к генералу Гальдеру, и развенчивают ли данные его «Дневника» злобные мифы о 1941 годе.

Напоминаю: автор предлагает читателю лишь краткий очерк, который в принципе не способен дать *детальной* картины тех событий. Но картину *в целом* он, надеюсь, отражает. И глядя на эту картину взором, не замутнённым злобой к истории Советского Союза и советского народа, видишь историческую правоту и величие той эпохи, которую давно назвали эпохой Сталина, и историческую правоту и величие не творца этой эпохи (любую эпоху творит деятельная, лучшая часть народа), а первой фигуры этой эпохи — большевика-ленинца Иосифа Сталина.

ВВОДНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ:

«О ЕВРОПЕЙСКОЙ СИТУАЦИИ В 1940—1941 ГОДАХ»

Слово «экспликация» (от латинского *explicatio* — развёртывание, разъяснение) употребляют, как правило, по отношению к тексту, поясняющему значение символов и условных обозначений на планах и картах. Однако оно будет, пожалуй, уместным и для определения сути вводного раздела к этой книге, потому что мне действительно надо кое-что разъяснить читателю относительно того, как я представляю себе мировую, и прежде всего — европейскую, ситуацию в 1940—1941 годах.

29—30 сентября 1938 года в Мюнхене было подписано соглашение о передаче Германии Судетской области Чехословакии, граничащей с Рейхом. Поскольку из примерно четырнадцати миллионов населения версальского «новодела» — Чехословакии немцы составляли второе после «титульной» нации, чехов, национальное меньшинство — их было до трёх с половиной миллионов, даже чуть больше, чем словаков, то в Мюнхене, по сути, восторжествовало право наций на самоопределение.

Что же до нации Швейка, то она к тридцатым годам двадцатого века не имела ни здравого смысла этого главного своего национального героя, ни былой, давно утраченной способности к самопожертвованию и сопротивлению, свойственной её подзабытым национальным героям Яну Гусу и Яну Жижке. И в марте 1939 года,

после того, как легитимно избранный *самими чехами* президент Чехословакии Гаха «вручил судьбу чешской нации в руки фюрера», немцы вошли в Прагу, и Чехия была преобразована в имперский протекторат Богемия и Моравия, президентом которого до 1945 года остался тот же Гаха.

Одной из наиболее забавных фальсификаций истории (забавных потому, что она легко разоблачается любым внимательным школьником) является утверждение, что Гитлер-де «оккупировал Чехо*словакию*». Во-первых, в международно-правовом отношении он её не оккупировал, а принял под имперскую руку при согласии самого главы чешского государства и без малейшего вооружённого противодействия чешского народа. Во-вторых, протекторат был образован на землях лишь Чехии, а *Словакия* устами словацкого сейма провозгласила себя самостоятельным государством во главе с президентом магистром Тисо. И мир этот акт вполне признал. Признал его и СССР, потому что установил со Словакией официальные дипломатические отношения. Наконец, не забудем, что через полвека с небольшим после Мюнхена Чехословакию расчленил не «тоталитарный» австрийский немец Гитлер, а вполне «демократический» чешский чех Гавел, подтвердив этим искусственность «Чехословакии».

Далее, в ночь с 22 на 23 марта 1939 года литовский министр иностранных дел Урбшис подписал договор между Литовской республикой и Германской империей о передаче Рейху Клайпедского края. Этот акт тоже подают как акт насилия нацистов над Литвой. Однако на деле это было всего лишь восстановлением справедливости, поскольку германская Мемельская область, после поражения немцев в Первой мировой войне взятая в 1920 году под контроль Антантой, в 1923 году была подарена последней Литве. Но в конце 1938 года на выборах в Клайпеде-Мемеле местные нацисты получили голоса 90 % избирателей. С учётом того, что выборы проходили в крае, принадлежащем ещё Литве, эта цифра в комментариях не нуждается.

Последней серьёзной «больной» проблемой Европы оставался Данциг и Польский «коридор». Старинный польско-немецкий (причём к XX веку давно и почти поголовно немецкий) город Гданьск-Данциг после Первой мировой войны был объявлен «вольным городом» — «республикой Данциг» под мандатом Лиги Наций. А территорию Германии перерéзал узкий «коридор», соединивший Польшу с морем, но отделивший от остальной Германии Восточную Пруссию. Такое решение Антанты и США было подлым по отношению не только к немцам, но и по отношению ко всей Европе и всему миру, потому что само по себе программировало будущий европейский конфликт. Это понимали все умные люди в реальном масштабе времени, но я отмечу лишь «меморандум из Фонтенбло» Ллойд Джорджа от 25 марта 1919 года, где он писал:

«Если в конце концов Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 г., она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения... Поддержание мира будет... зависеть от устранения всех причин для раздражения, которое постоянно поднимает дух патриотизма; оно будет зависеть от справедливости, от сознания того, что люди действуют честно в своем стремлении компенсировать потери... Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты или прощены.

По этим соображениям я решительно выступаю против передачи большого количества немцев из Германии под власть других государств... Я не могу не усмотреть причину будущей войны в том, что германский народ, который достаточно проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств. Народы многих из них (Ллойд Джордж мог бы сказать и определённее — Чехии и Польши. — *С.К.*) *никогда раньше не могли создать стабильных правительств для самих себя, и теперь в каждое из этих государств попадёт масса немцев, требующих воссоединения со своей родиной. Предложение комиссии по польским делам о пе-*

редаче 2100 тыс. немцев под власть народа иной религии, народа, который на протяжении всей своей истории не смог доказать, что он способен к стабильному самоуправлению, на мой взгляд, должно рано или поздно привести к новой войне на Востоке Европы».

На мой взгляд, одного этого документа достаточно для того, чтобы оправдать позицию Германии в «польском» вопросе в 1939 году и однозначно осудить позицию Польши. Мало того, что поляки и слышать не желали об изменении ублюдочного «статус-кво», они не желали даже иметь реальные его гарантии, потому что единственной реальной гарантией мог быть тройственный англо-франко-советский договор, гарантирующий Польшу. Поляки же не только не соглашались на ввод советских войск в Польшу в случае нападения на неё Германии, они отказывали потенциальному русскому союзнику даже в аэродромах — даже после того, как немцы вторгнутся в Польшу. Позиция Польши заводила в тупик военные переговоры СССР с Англией и Францией, которые начались в Москве 12 августа 1939 года. Однако и позиция англо-французов вела ситуацию туда же — в тупик. Возможен был, впрочем, с точки зрения «союзников», и иной вариант — такая «общая» война с Германией, когда примерно 80—90 % военных усилий пришлось бы на СССР.

А рейх жёстко требовал от Польши скорейшего решения проблемы «Коридора» путём, например, референдума под международным контролем. Если бы жители «Коридора» высказались за оставление его в составе Польши, Германия должна была получить право или на прорытие подземного тоннеля для связи с Восточной Пруссией, или на постройку надземной экстерриториальной транспортной эстакады через «Коридор». Если бы население высказалось за Германию, Польша должна была получить право на экстерриториальную коммуникацию с польским портом Гдыней и Данцигом, возвращённым в Рейх.

Поляки отказывались, потому что «руководство» Польши руководилось из Лондона и Парижа, а в ко-

нечном счёте — из Вашингтона. И *этому*, заокеанскому, руководству в Европе нужна была война, а не мир. Причём война Германии с Польшей по замыслам этого руководства должна была перерасти в войну Германии с Советской Россией.

Поскольку Сталину и России война была не нужна, 23 августа 1939 года в Москве был подписан советско-германский Пакт о ненападении, который, к слову, основывался (об этом часто забывают) на советско-германском договоре о нейтралитете 1926 года, продлённом Гитлером в 1933 году и действовавшем к моменту подписания Пакта 1939 года.

Я приведу лишь две оценки этого Пакта, сделанные в реальном масштабе времени. Первая принадлежит 80-летнему Павлу Николаевичу Милюкову, знаменитому кадету, бывшему министру иностранных дел Временного правительства:

«Соглашение Сталина с Гитлером о нейтралитете России...

Западные демократии — если они решат вступить в войну с Германией, примут такое решение добровольно, уже после заключения советско-германского договора 23 августа...

Неужели кто-то из русских хочет, чтобы вся тяжесть союзной войны против могущественной армии Гитлера легла на одну недовооруженную ещё Россию? В чем провинился тут Сталин? В том, что он предпочел нейтралитет и тем выиграл время?

Пакт явно не направлен против демократий, и если карта мира окажется иной, чем того ожидали демократические государства, то причины этого надо искать в их собственной политике, а не в политике СССР...»

А вот цитата из шифровки московского посла Франции Наджиара в Париж:

«Сделка 23 августа не является вероломным ударом по Польше и нам, которого желала Германия».

Это было правдой. При этом правдой было и то, что Пакт исключал вероломство Франции и Англии по отношению к России и объективно вынуждал Польшу к реалистичной позиции. Увы, Польша и реальность — вещи несовместные... Несмотря на свою явную неправоту, Польша на мирный компромисс с Рейхом не пошла.

Такой была предыстория начавшейся 1 сентября 1939 года германо-польской войны. Усилиями Англии и Франции при закулисном руководстве США она тут же превратилась в общеевропейскую войну с перспективами перерастания её в войну мировую в интересах США.

Однако панская «гоноровая» Польша рухнула так быстро, что этого не ожидал никто, в первую очередь — сам Гитлер. Казалось бы, обязательства Англии и Франции по гарантированию «независимости» напрочь прогнившего — как оказалось — «государства» можно было считать исчерпанными. И было бы разумно начать мирные консультации с целью деэскалации конфликта. Тем не менее Англия и Франция всё более хорохорились и, объявив после 1 сентября 1939 года войну Германии, так её и не сворачивали.

Такое положение вещей заранее планировалось интернациональной Золотой Элитой, и поэтому ни о каком мире Англии и Франции с Германией речи быть не могло. Однако до весны 1940 года война англо-французов с Рейхом была почти бескровной и справедливо получила наименование «странной». При этом Гитлер ничего не имел против прекращения и этой «войны»...

В начале февраля 1940 года Вашингтон объявил о намерении послать в Европу своего специального представителя — Самнера Уэллеса. Официальное сообщение о целях поездки подчёркивало: «*Господин Уэллес не получил полномочий делать предложения или принимать обязательства от имени правительства США... Его поездка предпринимается только с целью информации президента и государственного секретаря США о существующем положении в Европе*».

12 февраля 1940 года генерал Гальдер записал в свой дневник информацию, полученную из германского МИДа:

«Самнер Уэллес. Его маршрут: Рим, Берлин, Париж, Лондон. Задачи: а) сбор информации; б) подготовка предложений о посредничестве на следующих двух условиях: восстановление польского государства; восстановление Чехословакии в соответствии с Мюнхенским соглашением.

Никакого вмешательства во внутренние дела Германии. Никаких чрезмерных репараций. Американская помощь: деньги для поддержания европейских валют, чтобы помочь поставить на ноги европейскую торговлю...»

Увы, это была лишь мирная «упаковка» визита Уэллеса, внутри которой содержалась скорая ***настоящая*** война.

17 февраля 1940 года янки отплыл из Нового в Старый свет, 23 февраля он был уже там и приступил к серии зондажей в ведущих европейских столицах. 26 февраля Уэллес имел первую встречу с Муссолини, 29 февраля убыл из Рима и 2 марта беседовал с Гитлером. Затем последовали Париж, Лондон и опять Рим. В Москву Уэллес, к слову, не заглянул.

Проведя свои зондажи, Уэллес отбыл за океан, но в беседах в Лондоне и Париже американский эмиссар твёрдо обещал союзникам участие в будущих военных событиях Соединённых Штатов. И фактически миссией Уэллеса Америка, ещё не ввязываясь в бои прямо, обеспечивала будущую большую войну политически. Эта война должна была истощить и ослабить Европу и обогатить и усилить США.

Если бы наступил скорый мир, то Германия быстро становилась бы экономическим (а затем — и политическим) руководителем неких Соединённых Штатов Европы в русле германских идей Срединной Европы. Англия и Германия могли бы восстановить и развить

совместные проекты в духе заключённого лишь в феврале 1939 года, но уже полузабытого Дюссельдорфского соглашения о взаимном экономическом сотрудничестве.

Советский Союз, дружественный Германии и всё более экономически укрепляющийся, в новой ситуации обретал бы всё большую комплексную мощь и, соответственно, всё большее влияние на европейские и мировые дела.

Италия вовлекалась бы в новые европейские орбиты так, как это было бы выгодно Италии и Европе, а не США.

Франции в такой Европе тоже нашлось бы вполне достойное место, как и другим европейским странам.

Но *такая* Европа Америке была не нужна, и с началом весны 1940 года начался новый тур европейского противостояния — «норвежский». Причём англичане сами спровоцировали немцев на активные действия, что хорошо видно из беседы советского полпреда Майского с норвежским посланником в Лондоне Кольбаном. В ответ на вопрос Майского — не опасаются ли норвежцы германской оккупации, Кольбан заявил, что они опасаются скорее опрометчивых действий «со стороны наших английских друзей».

Резон в таких опасениях был. Скажем, 6 марта 1940 года генерал Гальдер записывал в дневнике:

«Англия, как и Франция, потребовала от Норвегии и Швеции разрешения на пропуск своих войск. Фюрер намерен действовать. К 10.03 подготовка будет закончена. 15.03 — начало операции «Везерюбунг».

Формально пропуска войск англо-французы требовали для обеспечения своей военной помощи финнам в их войне с СССР. Но как раз 6 марта 1940 года финская делегация во главе с Рюти выехала в Москву — заключать мир. И войска на территории Норвегии Лондону нужны были для блокирования поставок в Германию шведской железной руды через норвежские порты. Англича-

не предлагали норвежцам широкую военную поддержку в случае предоставления портов, прикрытие Тронхейма, Бергена, Ставангера, Нарвика... Высадка англичан в Норвегии планировалась не позднее 20 марта 1940 года, а первый эшелон предполагалось переправить морем в Нарвик 15 марта. Ещё до этого Черчилль — тогда морской министр — намеревался минировать норвежские ***территориальные*** воды — без согласия Норвегии, естественно.

Лондону и хотелось, и кололось.

Дания в случае оккупации английскими войсками норвежской территории была бы выгодной потенциальной континентальной базой для английских войск, ориентированных на саму Германию, а также важной военно-морской базой для английского флота.

Вот при каком положении вещей германские посланники в Копенгагене и Осло 9 апреля 1940 года в 5 часов утра вручили министрам иностранных дел Дании и Норвегии меморандумы, где говорилось, что отныне Германия берёт на себя военную защиту Дании и Норвегии от возможной англо-французской агрессии и с этой целью вводит на их территорию свои войска. В это время германские корабли уже более суток находились в море на пути к Норвегии.

Оккупация Норвегии была явно превентивной мерой — Гитлер лишь ненамного упредил английскую оккупацию Норвегии. Что же до «оккупации» Дании, то, поскольку она не оказала сопротивления, Дания фактически сохранила тогда свой суверенитет. Во всяком случае, и после «оккупации» её немцами Дания и Германия сохранили в Копенгагене и Берлине свои посольства. Сохранились и дипломатические отношения Дании с внешним миром, в том числе и с Советским Союзом. Ещё в 1941 году СССР и Дания заключили очередное торговое соглашение на 1942 год.

«Странная» же война продолжалась... «Момент истины» наступил для Франции вскоре после начала мощного наступления немцев в Северной Франции. Ранним утром 10 мая 1940 года части вермахта двинулись на

Францию и в 5 часов 35 минут без объявления войны вступили на территорию Голландии, Бельгии и Люксембурга.

Как и в Первую мировую войну, это был настолько логичный для немцев шаг, что он заранее был предусмотрен англо-французами, и уже в 6 часов 45 минут 10 мая 1-я французская группа армий генерала Бийота и английский экспедиционный корпус получили приказ осуществить план «Д», по которому союзные войска должны были левым крылом войти в «нейтральную» Бельгию и овладеть рубежом по устье Шельды до того, как немецкие войска подойдут к нему, а два подвижных французских соединения — выдвинуться в район Тилбург, Бреда и установить связь с «нейтральными» голландцами!

Подобные планы за семьдесят минут не составляются, и план «Д» был принят ещё 17 ноября 1939 года. Он предусматривал немедленный ввод союзных войск в Бельгию, если туда войдут немцы. Ведь у немцев был один разумный вариант: удар по Франции через Бельгию. Мощная линия Мажино прикрывала всю франко-германскую границу и тянулась до Седана вдоль границы с Люксембургом и южного участка франко-бельгийской границы. Там она обрывалась, диктуя немцам единственно разумно стратегическое решение: прорываться во Францию в обход линии Мажино через Бельгию и Люксембург.

15 мая 1940 года капитулировали ввязавшиеся в чужую драку голландцы, а 25 мая — бельгийцы. Вскоре получили свою катастрофу и галлы. 14 июня немцы без боя заняли Париж, а 22 июня в Компьене французские представители подписали условия капитуляции Франции.

24 июня было заключено перемирие между Францией и Италией, объявившей войну Франции 10 июня — «под занавес» событий.

Англия, получив в конце мая 1940 года свой Дюнкерк, была изгнана с континента, однако на её территорию пока не упала ни одна германская бомба. Более

того, во время триумфального чествования победителей в рейхстаге Гитлер в середине июля 1940 года публично предложил Англии мир.

Однако Золотой Элите мира нужна была война — долгая и кровавая. Поэтому конфидент этой Элиты — Черчилль отклонил мирные предложения Гитлера. И немцы начали готовить операцию «Морской лев» по вторжению на Английский Остров, параллельно развернув воздушные бомбардировки территории Англии.

Так развивалась в 1940 году обстановка в Западной Европе. Внешне для Рейха всё обстояло более чем успешно, но фактически Гитлер оказывался во всё более сложном положении.

В отличие от Германии положение Советского Союза к осени 1940 года кардинально улучшилось, хотя и тут имелись свои «подводные камни».

17 сентября 1939 года советские войска вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Нынешние «демократы» типа «политолога» Арбатова-младшего пытаются квалифицировать эту акцию как «участие в разделе Польши», но всего лишь демонстрируют при этом элементарное незнание истории, потому что уже два слова — «линия Керзона» — всё ставят на свои места.

Линия же Керзона (по имени министра иностранных дел Англии Дж. Керзона) — это условное название линии, проходящей через Гродно — Яловку — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова (Хрубешова), через Крылов и далее, западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. Эта линия, соответствующая этнографическим границам, была выработана территориальной комиссией Парижской мирной конференции и принята Верховным советом Антанты 8 декабря 1919 года в качестве восточной границы Польши. 10 июля 1920 года на конференции в Спа поляки согласились признать её, но после неудачи РСФСР в польско-советской войне 1920 года эти русские земли по Рижскому мирному договору 1921 года отошли к Польше.

Теперь же, в 1939 году, мы их вернули, и Западная Украина воссоединилась со всей Украиной, а Западная Белоруссия — с Белоруссией.

После падения Польши Советский Союз по согласованию с Германией и после заключения с ней Договора о дружбе и границе в сентябре 1939 года в октябре 1939 же года заключил пакты о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией. На территорию Прибалтики вошли советские войска.

Это было полностью оправданно — малые нации Прибалтики никогда не имели шансов на подлинную государственную самостоятельность, но лишь Россия, даже царская, обеспечивала им национальную самобытность. Иначе литовцы давно бы ополячились, латыши — онемечились, а эстонцы были бы то ли «финнизированы», то ли — если бы Россия в начале XIX века после последней Русско-шведской войны не приняла под свою руку Финляндию — «ошведились» бы вместе с финнами.

К концу 30-х годов XX века у трёх прибалтийских народов был небольшой выбор — или сохраниться как народы при патронаже России, или постепенно онемечиться при патронаже Германии. При этом народная масса предпочитала русских, правящий слой — немцев, ещё бы лучше — англичан, а уж совсем лучше — янки. Но англичане были за морями, янки — за океаном, а немцы — вот они, под боком.

Решив прибалтийскую проблему, Сталин приступил к решению «финской» проблемы. В 1939 году наша граница с финнами была такой, что тяжёлая артиллерия с финских позиций могла обстреливать Ленинград. А в самой Финляндии кое-кто публично рассуждал о великой Финляндии до Урала!

Когда финны отказались от великодушных предложений России по обмену территориями, заговорили пушки. Запад ответил на начало советско-финской войны исключением СССР из Лиги Наций, Германия же политически нас поддержала (позднее все советские источники утверждали обратное).

Наши военные провалы в конце 1939 года сменились мощными прорывами финской обороны в начале 1940 года. Англо-французы же готовили для войны в Финляндии экспедиционные корпуса. И ещё 7 марта 1940 года французский премьер Даладье говорил в Париже финскому послу Холману, что союзники ждут обращения к ним Финляндии, чтобы «броситься ей на помощь всеми способами», и что он, Даладье, не понимает, почему такое обращение откладывается. Однако финны истощились и обессилели. И 12 марта 1940 года был заключён мирный договор.

Наша граница с финнами отодвинулась за Выборг. В 1812 году император Александр I присоединил к вновь обретённому Великому княжеству Финляндскому русскую Выборгскую губернию. Теперь она возвращалась в Россию вместе со вторым по величине городом Финляндии Виипури-Выборгом.

Получили мы и полуостров Ханко — в аренду для нашей военно-морской и авиационной базы. Были теперь неплохо прикрыты новыми территориями Мурманск и Мурманская железная дорога. Раньше Мурманск был легко уязвим с ближних финских (а теперь — наших) островов, а дорога легко перереза́лась.

Полностью мы вернули себе Ладожское озеро — ранее рассечённое надвое границей — с городком Сортавалой на его берегу.

Английский генерал Айронсайд, узнав обо всём этом, не скрывал горечи. «Мы потерпели второе поражение», — заявил он, имея в виду под первым Польшу.

Францу́зы комментариями не ограничились. 15 марта 1940 года Париж отказался продлить советско-французское торговое соглашение, был наложен арест на суммы, которые нам должны были выплатить французские фирмы. А 26 марта наш полпред Суриц был объявлен «персоной нон грата», и французы потребовали его отзыва. 26 апреля 1940 года французские власти наложили арест на ценности нашего торгпредства.

В далёких дальневосточных водах французские и английские крейсера начали угрожать нашим торговым

перевозкам. 28 марта 1940 года англичане и французы задержали два советских парохода «Селенга» и «Владимир Маяковский», арестовали их экипажи и отвели суда вначале во французские Хайфон и Сайгон, а затем — в английский Гонконг. И наш посол Майский неделями добивался в «Форин оффис» правды, а англичане упорно добивались от него ответа на вопрос — не для Германии ли были предназначены грузы?

Зато 11 февраля 1940 года было заключено новое хозяйственное соглашение с немцами. С нашей стороны его подписали нарком внешней торговли Микоян и торгпред в Германии Бабарин, с германской — особо уполномоченный по экономическим вопросам доктор Риттер и хорошо известный в СССР доктор Шнурре.

«Правда» опубликовала совместное коммюнике об этом, где сообщалось:

«Хозяйственное соглашение предусматривает вывоз из СССР в Германию сырья, компенсируемый германскими поставками в СССР промышленных изделий.

Товарооборот между Германией и СССР уже в первом году действия соглашения достигнет объема, превышающего наивысшие размеры, когда-либо достигнутые со времени мировой войны.

Имеется намерение в будущем повысить еще больше взаимные поставки товаров».

Всё верно! Германия в тридцатые годы поставляла нам чуть ли не всю промышленную базу строек первых пятилеток и уже тогда была нашим крупнейшим торговым партнёром. СССР быстро превращался в индустриальную державу, наши природные ресурсы были огромны, и партнёрство с Германией открывало перспективы без преувеличения грандиозные.

Англо-французы же планировали бомбардировки... Баку. В декабре 1939 года английский министр по координации обороны лорд Чэтфилд представил в Комитет начальников штабов доклад «Об уязвимости нефтедобывающих районов России». Тогда в Лондон из Пари-

жа прилетали генералы Гамелен и Вейган с адмиралом Дарланом. Присутствовали на заседании союзного совета Черчилль, генерал Уэйвелл, адмирал Каннингхэм.

Вейган командовал французскими войсками в Сирии и Ливане, Уэйвелл — английскими на Среднем Востоке. Каннингхэм держал флаг командующего флотом Его королевского величества в Восточном Средиземноморье.

19 января 1940 года правительства Англии и Франции поручили главнокомандующему союзными войсками во Франции генералу Гамелену и главнокомандующему французским флотом Дарлану окончательно определить план непосредственного вторжения на Кавказ. В этот поход предполагалось взять с собой Югославию, Румынию и Турцию.

Войска вторжения должны были разрушить советские нефтепромыслы и двинуться «навстречу армиям, наступающим из Скандинавии и Финляндии на Москву». Однако в реальности к середине лета 1940 года Франция не смогла отстоять даже Париж.

А Советская Россия ещё более укрепила свои позиции, вернув себе в июне 1940 года Бессарабию, захваченную Румынией в 1918 году, и присоединив к себе русинскую Северную Буковину, которая, надо заметить, ранее никогда России не принадлежала.

В июле 1940 года в Прибалтике установилась Советская власть, началось движение за присоединение к России, и в августе 1940 года Литва, Латвия и Эстония были приняты в состав СССР.

Итак, за 1939 и 1940 годы Германия в результате территориальных приобретений получила «в довесок» затяжную войну с Западом (и фактически — с Соединёнными Штатами) с неопределёнными перспективами.

Россия же, без единого, по сути, выстрела и выгодно для себя используя активность Германии, вернула себе Западную Украину, Западную Белоруссию, Прибалтику, Бессарабию, приобрела Буковину. Кроме того, ценой достаточно малой крови была отодвинута граница с Финляндией.

И всё это — при сохранении мира с внешним миром.

Германия же вела войну с Англией, лидеры которой, прежде всего — Черчилль, открыто провоцировали Гитлера, заявляя, что «Восточный фронт всё ещё возможен».

Вопрос: «Много ли в таком заявлении правды?» — становился для Гитлера основным источником головной боли.

Гитлер не мог не понимать, что если он не разобьёт в ближайшее время Англию, то не в 1942-м, так в 1943 году ему придётся воевать ещё и с Америкой, действующей на стороне Англии. И тогда могла повториться «польская» ситуация, но — уже в отношении Рейха. В 1939 году Гитлер, вторгаясь в Польшу, рисковал всем, а Сталин без риска воспользовался плодами риска немцев и вернул себе исконные русские земли. Россия ударила по Польше, когда её падение было предрешено успешным германским вторжением.

Не произойдёт ли нечто подобное в том случае, когда в недалёком уже будущем объединённые англосаксы ударят по Рейху? Не ударит ли Сталин в спину немцам тогда, когда их падение будет неизбежно предрешено вторжением на континент Англии и США? Возможность такой перспективы не могла Гитлера не волновать по вполне объективным соображениям.

Гитлер очень хотел лично встретиться со Сталиным, был готов принять его с максимальной пышностью в Берлине, однако в столицу Рейха в ноябре 1940 года поехал, увы, лишь Молотов.

В 1998 году МИДом РФ был официально издан последний, XXIII том многотомного издания ещё 70-х годов «Документы внешней политики СССР». Этот том назывался уже просто «Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941» (книга 2-я, части 1 и 2)... «СССР» из названия выпал — видно, очень уж ненавистна была эта великая аббревиатура чинам из «российского» МИДа.

Так вот, в XXIII томе «ДВП» в книге 2-й, части 1-й приведены официальные записи берлинских бесед Мо-

лотова с Гитлером, Риббентропом, Герингом в ноябре 1940 года... Это — интереснейшее чтение, и из этих стенограмм виден совсем иной, чем нам его обычно показывают, фюрер. Скажем, 12 ноября 1940 года в первой беседе он говорил Молотову удивительно прозорливые и верные вещи! Я просто процитирую русскую запись переводчиков В. Павлова и В. Богданова (стр. 44):

«США ведут чисто империалистическую политику. США не борются за Англию, а пытаются захватить ее наследство. В этой войне США помогают Англии лишь постольку, поскольку они создают себе вооружения и стараются завоевать то место в мировом положении, к которому они стремятся. Он (Гитлер. — *С.К.*) думает, что было бы хорошо установить солидарность тех стран, которые связаны общими интересами. Это проблема не на 1940 г., а на 1970 или 2000 год».

Имеется и немецкая запись переводчика Гитлера Шмидта, приведённая в сборнике документов и материалов «Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941», изданном в 2004 году издательством «ТЕРРА–Книжный клуб» (составитель Ю. Фельштинский). Там на стр. 268—269 слова фюрера приведены несколько иначе:

«В настоящее время США ведут империалистическую политику. Они не борются за Англию, а только пытаются овладеть Британской империей. Они помогают Англии в лучшем случае для того, чтобы продолжить свое собственное перевооружение и, приобретая базы, усиливать свою военную мощь. В отдаленном будущем предстоит решить вопрос о тесном сотрудничестве тех стран, интересы которых будут затронуты расширением сферы влияния этой англосаксонской державы, которая стоит на фундаменте, куда более прочном, чем Англия. Впрочем, это не тот вопрос, который предстоит решать в ближайшем будущем; не в 1945 г., а только в 1970 или 1980, самое раннее, (когда. — *С.К.*) эта англосаксонская держава станет угрожать свободе других народов».

Чтобы восстановить мысль Гитлера полностью, надо, очевидно, соединить обе записи, где есть некоторый разнобой в годах и прочем... Но любой вариант удивителен! Сегодня, в 2000-х годах нового века, предвидение Гитлера полностью оправдалось, и США угрожают свободе всех народов мира! В свете бомбардировок Сербии и Ирака глубина анализа Гитлера поражает!

Как поражают и такие его слова, сказанные Молотову во время второй их встречи (ДВП, кн. 2, ч. 1, стр. 65):

«Я считаю, что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем если мы будем стоять друг против друга грудью и будем бороться друг против друга».

Но, возможно, фюрер лукавил, двурушничал? Думаю всё же — нет. Когда читаешь записи его бесед с западными лидерами, то там — да, нередко чувствуется лукавство, особенно тогда, когда Гитлер поносит Россию... Вот тут он действительно «отбывал номер» и отделывался дежурными антисоветскими фразами. А в беседе с Молотовым интонации искренние... «Спиной к спине...» — это сказано сильно! Сразу вспоминается песенка из «Сердец четырёх» Джека Лондона: «Мы спина к спине у мачты, против тысячи — вдвоём»!

И тогда же Гитлер недвусмысленно предлагал СССР открыто присоединиться к фронту против англосаксов и США в рамках Пакта трёх (Германия, Италия и Япония). В советской записи сказано: «Он, Гитлер, предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом Пакте».

К слову, тогда же Гитлер говорил: «Возможно, в Азии возродятся такие силы, которые исключат возможность колониальных владений для европейских государств»... Это вообще-то как-то плохо вяжется с образом «маньяка, рвущегося к мировому господству».

Под «новым мировым порядком» Гитлер понимал такой мир, когда солнце будет светить, не заходя, не

одной только Британии, а всем народам мира, когда англосаксам придётся потесниться и дать место за мировым столом всем странам.

А вот о каком порядке возвещала миру надпись на однодолларовой банкноте США, где под пирамидой масонской власти имелась лента со словами: «Novus ordo seclorum» («Новый порядок на века»)?

Увы, Молотов — типично исполнительская фигура второго плана — не уловил идей фюрера, а Сталин так и не успел посмотреть ему в глаза и ответить взглядом понимания, исключающим будущую войну русских с немцами, а значит — и нынешнюю глобализацию, и мировой диктат Золотой Элиты к началу XXI века.

В итоге недоверие Гитлера к России нарастало.

Одним из поводов для недоверия Гитлера была и фигура московского посла Англии, убеждённого германофоба Криппса, который чувствовал себя в русской столице весьма комфортно и вовсю провоцировал нас против Германии. Между прочим, и наш полпред в Лондоне Майский (давний «кадр» такой зловещей фигуры, как многолетний нарком иностранных дел СССР «Литвинов»-Валлах) вёл себя отнюдь не как друг Германии, хотя та была державой, официально дружественной России, и при этом находилась в состоянии непростой войны со страной пребывания Майского, России вовсе не дружественной.

Недаром, когда «Рубикон» был перейдён, в своём обращении к немцам 22 июня 1941 года по поводу начала войны Гитлер констатировал:

«Британия все еще надеялась образовать европейскую антигерманскую коалицию, в которую должны были входить Балканы и Советская Россия... Поэтому в Лондоне решили отправить господина Криппса послом в Москву. Он получил ясные инструкции — на любых условиях возобновить отношения между Англией и Советской Россией и развивать их в пробританском направлении...

В этой речи, к слову, Гитлер говорил и вот что:

«Никогда германский народ не испытывал враждебных чувств к народам России...»

И даже вот что:

«Я... боролся... за установление в Германии нового национал-социалистического порядка, позволившего рабочему в полной мере пожинать плоды своего труда... Успех этой политики в экономическом и социальном возрождении нашего народа, который, систематически устраняя классовые и общественные различия, становится действительно народной коммуной — конечной фазой мирового развития...»

Да, здесь была и «работа на публику», но хотел бы я посмотреть, как отнеслись бы к предложению хотя бы лицемерно, но публично признать высшей ступенью развития общества *коммуну* «демократы» Черчилль и Рузвельт!

От нас, уважаемый читатель, это скрывали постольку, поскольку очень уж тяжело было признать Советскому Союзу, так много и так многих потерявшему в ту войну, что и на самой России есть доля вины за то, что война Германии с Россией стала реальностью.

От нас это скрывают и по сей день — но уже по другой причине. Зная правду, начинаешь понимать, что не Гитлер (и уж тем более не Сталин) развязал и раздувал Вторую мировую войну. Это было делом органического носителя идей Мирового Зла — наднациональной Золотой Элиты Запада, Золотых Космополитов, и прежде всего — янки!

А янки — это нынешний подлинный хозяин «Россиянии». И указать пальцем на дядю Сэма нынешним «академическим» «историкам» не с руки.

Вернёмся, впрочем, на рубеж 1940—1941 годов...

28 октября 1940 года Муссолини решил тоже отметиться в большой внешней политике, и Италия напала

на Грецию. Муссолини вёл неглупую внутреннюю политику (об этом даже в шестидесятые годы не побоялся сказать, например, знаменитый итальянский писатель Альберто Моравиа), но его внешняя политика всегда была бездарной. В итоге Гитлеру пришлось выручать дуче и втягиваться в войну на Балканах. С другой стороны, его вынуждала к этому политика Англии, рассчитывавшей использовать Грецию и Югославию в качестве баз для бомбёжек нефтепромыслов Румынии, снабжавшей Рейх нефтью.

Нейтрализовать «югославскую» угрозу нефти Гитлер попытался, подключив Югославию к Пакту трёх, но сразу же после этого англичане организовали в Белграде антигерманский переворот, и Германия была вынуждена 6 апреля 1941 года войти на территорию Югославии и Греции.

В этот момент и произошло то событие, рациональное объяснение которому лично я дать не могу. 5 апреля 1941 года — за сутки до удара вермахта и люфтваффе по Югославии, СССР заключил в Москве пакт о дружбе и ненападении (!?) с проанглийским правительством Симовича.

Генерал Симович, к слову, как и посол Югославии в Москве Гаврилович, были членами тайного общества «Чёрная рука», которое способствовало развязыванию Первой мировой войны в интересах США.

28 апреля 1941 года Гитлер в беседе с московским послом Рейха графом фон дер Шуленбургом спросил: «Какой черт дернул русских заключить пакт о дружбе с Югославией»? Если знать всю обстановку в тогдашней Европе, то никакого другого вопроса по поводу нашей скоропалительной «дружбы» с Белградом задать, увы, нельзя.

Да, неумно мы вели себя той роковой весной, неумно... И такие шаги СССР, как пакт с обречённой бриттами на заклание Югославией-Сербией, делал для фюрера всё более привлекательным план покончить с Россией ещё до удара по Англии. И теперь уже он поступал нерационально — вплоть до того, что уже его *чёрт дёрнул* пойти летом 1941 года на Москву.

Вот на каком европейском фоне стал обретать детальные черты пресловутый план «Барбаросса». И то, что 13 апреля 1941 года японский министр иностранных дел Мацуока подписал советско-японский договор о нейтралитете, уже ничего изменить не смогло.

Что ещё надо сказать?

Безусловно, Сталин не собирался воевать с Германией.

В 1941-м году...

А в 1942-м — когда было бы закончено перевооружение РККА?

А в 1943-м или в 1944-м — когда на Германию навалились бы Соединённые Штаты, «пришившие последнюю пуговицу к мундиру последнего солдата», и Англия, постоянно подстрекаемая янки к продолжению войны с немцами?

Думаю, и в этом случае Сталин, скорее всего, просто предпочёл бы остаться в стороне... Однако нельзя не признать, что у Гитлера были, были серьёзные объективные основания сомневаться в перспективной лояльности России и Сталина к его Германии.

И Гитлер, надо сказать, подробно и аргументированно сообщил о своих сомнениях уже тогда — в реальном масштабе времени. Сообщил как в очень узком кругу — например, в ходе совещания в ставке вермахта 9 января 1941 года, так и публично — в ноте СССР об объявлении войны и в обращении по радио к нации 22 июня 1941 года.

Показательная деталь — текста ноты и меморандума к нему нет даже в упомянутом выше XXIII томе «ДВП». В аннотации к этому тому сказано, что публикация документов того времени «важна для установления исторической правды»... Однако для установления правды просто необходимо знать те ключевые документы, о которых я упомянул. Увы, том XXIII заканчивается текстом выступления по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотова 22 июня 1941 года.

А текста выступления Гитлера — нет! Директиву министра иностранных дел Рейха Риббентропа послу

в Москве Шуленбургу и меморандум о причинах объявления войны можно отыскать лишь в Интернете (http://publicist.n1.by/history/1941/history_1941-06-21-/html). Текст речи Гитлера — там же (http://militera.lib.ru/docs/ww2/chrono/1941/1941-06-22.html).

Лишь в номере 6-м «Военно-исторического журнала» за роковой 1991 год был опубликован текст пространной ноты министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года. Но она почти никогда более не воспроизводилась.

Почему?

Да потому, что там, в полном соответствии с исторической правдой, говорится о том, что, несмотря на лояльные шаги со стороны Германии:

— уступку Литвы в советскую сферу влияния;

— поддержку в вопросе о возврате Бессарабии и включении в состав СССР Северной Буковины (никогда России не принадлежавшей);

— сдержанность при возврате в состав СССР Прибалтики;

— поддержку против финнов во время советско-финской войны,

СССР необоснованно пытался расширить свою активность и влияние на Балканах (что создавало беспокойство Гитлера относительно румынской нефти); совместно с Англией (хотя и без координации с ней) фактически поощрял антигерманский переворот в Югославии и тут же заключил с югославами до удивления ненужный России пакт.

Главное же — СССР фактически давал Англии основания надеяться на некий благоприятный для неё (и неблагоприятный для Рейха) поворот в советско-германских отношениях. А эти надежды поддерживали Англию в её нежелании прекратить войну в Европе почётным для обеих сторон миром.

Вот что поставил нам в вину Гитлер в июне 1941 года. И, как это ни печально, надо признать, что претензии Гитлера к Советскому Союзу были в определённой мере обоснованными... Подчёркиваю — претензии, а не тот

способ, который он избрал 22 июня 1941 года для их удовлетворения.

Конечно, и Сталин обоснованно колебался в оценке подлинных намерений Гитлера и в прочности его — убеждённого антикоммуниста — новой лояльности к Советскому Союзу.

Но и Гитлера тогда обуревали жестокие сомнения... И то, что он колебался, хорошо видно из его малоизвестного письма Муссолини от 21 июня 1941 года. Оно было опубликовано в СССР в № 5 малотиражного «Военно-исторического журнала» за 1965 год и начиналось так:

«Дуче! Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения... Дальнейшее выжидание приведет самое позднее в этом или в следующем году к гибельным последствиям...

После уничтожения Франции — вообще после ликвидации всех их западноевропейских позиций — британские поджигатели войны направляют все время взоры туда, откуда они пытались начать войну: на Советский Союз.

Оба государства, Советская Россия и Англия, в равной степени заинтересованы в распавшейся, ослабленной длительной войной Европе. Позади этих государств стоит в позе подстрекателя и выжидающего Североамериканский Союз...

Если и дальше терпеть эту опасность, придется, вероятно, потерять весь 1941 год, и при этом общая ситуация ничуть не изменится. Наоборот, Англия еще больше воспротивится заключению мира, так как она все еще будет надеяться на русского партнера. К тому же эта надежда, естественно, станет возрастать по мере усиления боеготовности русских вооруженных сил. А за всем этим еще стоят американские массовые поставки военных материалов, которые ожидаются с 1942 года...»

Взаимные подозрения и тревоги можно было снять, лишь посмотрев друг другу в глаза. Тем более что тема личной встречи Гитлера и Сталина возникала с момента подписания пакта Молотова—Риббентропа несколько раз — в том числе в беседах Сталина и Риббентропа, Молотова и Гитлера...

В своей книге «Кремлёвский визит фюрера» я, к слову, поставил-таки двух лидеров лицом к лицу, заставив их придать своим раздумьям и сомнениям новый характер.

Но как могло бы в этом случае всё развиваться дальше?

Если бы СССР принял предложение Гитлера о присоединении к Пакту трёх (Германия, Италия и Япония), то это было бы не столько политическим отходом от пробританской линии — Сталин вёл лишь одну политику, прорусскую, так сказать, сколько отходом от нашего скользкого нейтралитета в сторону долговременной политической дружественности к странам «оси».

Главным тут мог бы стать наш отказ от поддержки антигерманских кругов в Сербии (что до хорватов и словенцев, то они традиционно были лояльны к немцам, а остальные южнобалканские славянские народы в серьёзный «расклад» не шли).

Политические шаги (в том числе отказ от активности на Балканах) можно и нужно было подкрепить усилением поставок в Германию не только нефти и сырья, но и — очевидно — необходимых ей для десанта в Англию вооружений к концу 1941 года или в 1942 году. Поставляла же оружие Англии официально нейтральная Америка — на коммерческой якобы основе. Вот и мы могли бы предпринять нечто подобное по отношению к Германии.

Избежав за счёт этого войны в 1941 году с Германией и усилив производство вооружений на не разрушенных бомбёжками, не эвакуированных заводах Харькова и Запорожья, Николаева и Севастополя, Киева и Днепропетровска, мы не получили бы в 1941 году и войны с Англией — при любой нашей политике.

Выиграть же в той ситуации один мирный год на перевооружение значило для России выиграть устойчивые перспективы для построения развитого социализма. А обеспечить нерушимое социалистическое будущее России означало для России всё! Ведь всё то, что произошло и происходит у нас с 1991 года, — это и один из результатов нашей Победы над Германией в 1945 году, оказавшейся в конце концов победой «пирровой». Слишком уж многих убеждённых строителей нового мира потеряли мы на той войне. Слишком многое разрушила она из того, что они успели построить в России — от Балтики до Тихого океана и от Арктики до Кушки.

Но что означал бы мир с СССР в 1941 году для Германии — без реальных, убедительных доказательств с нашей стороны устойчивой лояльности России к III националистическому рейху?

Германия, дав нам этот мирный год, напротив, рисковала всё потерять. Ведь время работало не на неё, а на англосаксов... И было непонятно — с кем в перспективе будет Россия? Собственно, об этом и писал Гитлер Муссолини 21 июня 1941 года.

Но и не дать нам мирный 1941 год означало для Германии — как показала реальная история — военное поражение к 1945 году и цивилизационное поражение Германии и всей Европы к концу XX века.

Мы, не поддержав Рейх, в конце концов проиграли стратегически, к началу XXI века окончательно отдав мировую геополитическую инициативу Золотой Элите. За что сейчас и расплачиваемся.

Германия, напав на нас, проиграла как стратегически, ныне тоже всё более подпадая под влияние чуждых ей наднациональных сил, так и тактически — безоговорочно капитулировав уже через несколько лет и перед Западом, и перед Востоком.

То есть единственным взаимно разумным — и тактически, и стратегически — вариантом был для России и Германии всё более тесный и нерушимый союз.

Вплоть до военного.

Гитлер должен был понять, что будущее его Рейха обеспечено лишь в условиях мира и дружбы с Россией.

Сталин должен был понять, что будущее России, невозможное без социалистического строя в ней, обеспечено лишь при блоке с Рейхом, что исключало бы поражение России в её единоличном (без Рейха) противостоянии с Западом в XX веке.

В 1992 году экс-член Политбюро ЦК КПСС Егор Лигачёв приехал в Европу. В ходе своей поездки он встречался и с идеологом европейского национализма Жаном Тириаром. Этот бельгиец мыслил не только категориями маленькой Бельгии, но и большого мира, и в ответ на заявление Лигачёва о том, что СССР-де спас мир от коричневой чумы, Тириар сказал Егору Кузьмичу вот что:

«Я считаю, что и вы, как и Гитлер в своё время, совершаете ошибку, потому что я убеждён, единственный и главный враг России и Германии — американский капитализм, и что на самом деле война России с Германией — это ошибочная война. Истинно справедливая война должна быть направлена против американского капитализма. Самой правильной была идея, чтобы Советский Союз и Германия совместно выступили против англосаксонского империализма. В таком случае с властью англосаксонской цивилизации в мире сегодня было бы покончено, а Россия и Германия от этого только выиграли бы...»

Обращаю внимание читателя на то, что Тириар говорил об ошибке Гитлера, а не Сталина, и был тут прав. Ведь в реальности именно Гитлер напал на Россию, а не Сталин на Германию; именно Гитлер санкционировал разработку плана «Барбаросса», а СССР Сталина подобных планов не имел — внутренние инициативные разработки Генштаба РККА не в счёт, о чём я ещё скажу.

Но, так или иначе, ошибка была совершена и привела к таким бедствиям для Германии, которых она не испытывала ни до, ни после той войны.

Что же до России, то наши бедствия и потери в Великой Отечественной войне постепенно бледнеют лишь на фоне нынешней чёрной полосы нашей новейшей истории, которая, начавшись в марте 1985 года с *приводом* на вершину власти Горбачёва, длится по сей день.

Ту войну против России мы выиграли.

Выиграем ли ***эту***?

Не мной сказано: «Тот, кто не знает своего прошлого, не имеет будущего». Вот для того, чтобы мы имели будущее, я и старался внести этой книгой посильный вклад в осмысление реальностей начала Великой Отечественной войны и мифов, наслоившихся вокруг неё.

ВОЙНА МЕЖДУ СССР И ТРЕТЬИМ РЕЙХОМ БЫЛА НЕИЗБЕЖНА С ЛЮБОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

На подобном утверждении уже много лет сходятся все — и «правые», и «левые», и сторонники Сталина, и его хулители, и сторонники Гитлера, и его хулители, и даже большинство историков-«ревизионистов».

Однако приведённое мной выше высказывание Жана Тириара показывает и доказывает, что может иметь место и иной взгляд на эту «бесспорную» «истину». В своей вводной экспликации я, надеюсь, дал читателю достаточно документальной информации для размышлений на тему: «Так ли уж всё здесь просто?» А ниже аргументов и фактов ещё и подбавлю, оставляя за читателем право не согласиться со мной или...

Или — согласиться.

Надо сказать, что в реальном масштабе реальной истории неизбежность войны Рейха и СССР не была так уж однозначно очевидной для всех. Например, сразу же после удара немцев по Польше, когда над ней выли сирены германских пикирующих бомбардировщиков «Штука» Ю-87, на имя фюрера из-за рубежа пришла телеграмма от промышленника Фрица Тиссена. Он знал Гитлера с января 1931 года и активно способствовал его приходу к власти. С началом же войны Тиссен тайно эмигрировал и теперь возмущался, однако не войной как таковой, а тем, что Гитлер вступил в конфликт с Англией и Францией.

В открытом письме фюреру «капитан индустрии» писал:

«Я напоминаю Вам, что Вы, конечно, не послали Вашего Геринга в Рим к святому отцу или в Доорн (голландский город, куда удалился экс-император Вильгельм II. — *С.К.*) *к кайзеру, чтобы подготовить обоих к предстоящему союзу с коммунизмом. Тем не менее Вы все же внезапно вступили в такой союз с Россией, то есть совершили шаг, который Вы сами сильнее, чем кто-либо другой, осуждали в своей книге «Майн кампф» — старое издание, стр. 740—750. Ваша новая политика, господин Гитлер, толкает Германию в пропасть и приведет немецкий народ к катастрофе. Вернитесь обратно, пока это еще возможно...»*

Если бы тогда Тиссена спросили, считает ли он неизбежной войну Германии с Россией, он вряд ли ответил бы утвердительно. Тем не менее почти общим местом в трудах западных, советских и постсоветских авторов стало мнение о якобы двуличии Гитлера, который предложением заключить Пакт обеспечивал себе «русские» тылы в блицкриге против Польши в 1939 году с расчётом сразу на будущий блицкриг против России.

Так вот, я в этом сомневаюсь! Сомневаюсь несмотря на то, как начался для нашей Родины день 22 июня реального 1941 года. В то, что Гитлер торопился решить «польский» вопрос и не хотел конфликтовать с Россией, которая могла связать себя союзом с Францией, как это было перед Первой мировой войной, — в это я верю. А вот в то, что Гитлер в 1939 году лишь играл с нами, — нет, не верю.

Вот фактически ***полный*** текст памятной записки, вручённой послом Германии Шуленбургом Молотову 15 августа 1939 года — в рамках подготовки к заключению Пакта:

«1. Противоречия между мировоззрением национал-социалистской Германии и мировоззрением СССР были в прошедшие годы единственной причиной того, что Германия и СССР стояли на противоположных и враждующих друг с другом позициях. Из развития последнего времени, по-видимому, явствует, что различные мировоззрения не исключают разумных отношений

между этими двумя государствами и возможности восстановления доброго взаимного сотрудничества. Таким образом, периоду внешнеполитических противоречий мог бы быть навсегда положен конец и могла бы освободиться дорога к новому будущему обеих стран.

2. Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т.п. Помимо того, политическое сотрудничество обеих стран может быть только полезным. То же самое относится к германскому и советскому народному хозяйству, во всех направлениях друг друга дополняющих.

3. Не подлежит никакому сомнению, что германо-русские отношения достигли ныне своего исторического поворотного пункта. Политические решения, подлежащие в ближайшее время принятию в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для формирования отношений между немецким и русским народами на много поколений вперед. От них будет зависеть, скрестят ли оба народа вновь и без достаточных к тому оснований оружие или же они опять придут к дружественным отношениям. Обоим народам в прошлом было всегда хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами.

4. Правда, что Германия и СССР вследствие существовавшей между ними в течение последних лет идеологической вражды питают в данный момент недоверие

друг к другу. Придется устранить еще много накопившегося мусора. Нужно однако констатировать, что и в течение этого времени естественная симпатия германского народа к русскому никогда не исчезала. На этой основе политика обоих государств может начать новую созидательную работу.

5. На основании своего опыта германское правительство и правительство СССР должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза. В настоящее время они вновь пытаются, путем заключения военного союза, втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 году эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям.

6. Вызванное английской политикой обострение германо-польских отношений, а также поднятая Англией военная шумиха и связанные с этим попытки к заключению союзов делают необходимым, чтобы в германо-советские отношения в скором времени была внесена ясность. Иначе дела без германского воздействия могут принять оборот, который отрежет у обоих правительств возможность восстановить германо-советскую дружбу и при наличии соответствующего положения совместно внести ясность в территориальные вопросы Восточной Европы. Ввиду этого руководству обеих стран не следовало бы предоставлять развитие вещей самотеку, а своевременно принять меры. Было бы роковым, если бы из-за обоюдного незнания взглядов и намерений другой страны оба народа окончательно пошли по разным путям.

Согласно сделанному нам сообщению, у Советского правительства также имеется желание внести ясность в германо-советские отношения.

Ввиду того, что прежний опыт показал, что при использовании обычного дипломатического пути такое

выяснение может быть достигнуто только медленно, министр иностранных дел фон Риббентроп готов на короткое время приехать в Москву, чтобы от имени фюрера изложить господину Сталину точку зрения фюрера. По мнению господина Риббентропа, перемена может быть достигнута путем такого непосредственного обмена мнениями, не исключающего возможности заложить фундамент для окончательного приведения в порядок германо-советских отношений».

Этот документ является образцом блестящего краткого анализа как сути прошлых российско-германских отношений, так и сути текущих политических реальностей того времени. И он написан, безусловно, с искренних позиций.

Однако война стала фактом. России и Германии не удалось совместно изменить ход мировой истории в направлении сотрудничества народов во имя противодействия англосаксонскому глобализму и, значит, — на благо более разумного и справедливого мира во всём мире.

А возможно ли было это сотрудничество? Нам тычут в нос вырванными из контекста цитатами из «Майн кампф» или из плана «Барбаросса» и безапелляционно заявляют: «Нет!»

Но так ли всё однозначно даже в этом самом плане «Барбаросса»?

Ну, например...

Как часто «историки»-академисты приводят первые строки знаменитого плана «Барбаросса», который начинается так:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (Вариант «Барбаросса)...»

Но многие ли полностью знакомы с этим планом, утверждённым Гитлером 18 декабря 1940 года? А ведь в этой совершенно секретной директиве № 21 (план

«Барбаросса», машинный № 33408/40, отпечатано 9 экземпляров) первый абзац раздела IV внятно доказывает, что план вторжения в Россию носил при его утверждении лишь ***предположительный*** характер. Предлагаю уважаемому читателю убедиться в этом самому, прочтя упомянутый абзац:

«IV. Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию в отношении нас (выделение здесь и ниже моё. — *С.К.*)».

Прошло полтора месяца, оперативный отдел Генерального штаба Сухопутных войск издаёт 31 января 1941 года уже уточнённую «Директиву по сосредоточению войск» (план «Барбаросса», маш. № 050/41 — документ командования, сов. секретно, отпечатано 30 экз.).

И первый её раздел опять подтверждает отсутствие жёсткого намерения Гитлера в то время начать войну с СССР:

«1. Общие задачи. В случае если Россия изменит свое нынешнее отношение к Германии, следует в качестве меры предосторожности осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии»...

Мне абсолютно чужды идеи «Суворова»-Резуна (это всего лишь неглупо составленная смесь правдоподобия и чёрной лжи). И я понимаю и знаю, что к началу войны Россия своего отношения к Германии не изменила, а «быстротечная кампания» тем не менее началась. Однако не могу не заметить, что выше цитированные документы относятся ко времени до одобрения Совет-

ским Союзом антигерманского переворота в Югославии 27 марта 1941 года и до заключения нами 5 апреля 1941 года пакта с антигерманским и проанглийским югославским правительством, пришедшим к власти в результате этого переворота.

После этого Гитлер имел основания в нашей лояльности и усомниться.

Вернёмся ещё раз к теме ноябрьских переговоров Гитлера и Молотова. Уже при первой их встрече 12 ноября Гитлер заявил (ДВП, т. XXIII, кн. 2(1), стр. 42):

«Ситуация, в которой состоится настоящая беседа, отмечена тем фактом, что Германия... находится в войне, а Советский Союз — нет... После этой войны не только Германия будет иметь большие успехи, но и Россия.

Если сейчас оба государства трезво проверят результаты совместной работы за этот год, то они придут к убеждению, что польза была в этом для обоих... Может быть, не каждая страна достигла 100 % того, на что надеялась, но в политической жизни приходится довольствоваться и 25 %.

Возможно, и в будущем не все желания будут исполняться, но... убежден, что... два народа, если будут действовать совместно, смогут достичь больших успехов. Если же они будут работать друг против друга, то от этого выиграет только кто-то третий».

Укладывались ли в эту разумную схему наши действия по отношению к Югославии? Или наши претензии на влияние на Балканах? Ведь ни на что серьёзное России на Балканах никогда (подчёркиваю — никогда!) рассчитывать не приходилось, потому что Россия никогда не имела там серьезного экономического влияния.

При этом ещё до заключения Пакта Молотова–Риббентропа — 14 августа 1939 года — Шуленбург заявлял в Москве, что Англия и Франция «вновь пытаются втравить СССР в войну с Германией», и продолжал:

«В 1914 году эта политика имела для России худшие последствия. Интересы обеих сторон требуют, чтобы было избегнуто взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям».

Замечу — тем самым «демократиям», которые готовы были ударить вместе с финнами по СССР зимой 1940 года и превентивно бомбить Баку весной и летом того же года.

Трагедией было то, что Сталин знал о провокациях Запада, говорил о них (одна беседа с Мацуокой весной 1941 года чего стоит!). Но вот же — сомневаясь в искренности немцев, колеблясь между перспективой сыграть свою игру на ослаблении Рейха англосаксами и перспективой союза против них с Рейхом, Сталин упустил момент избежать войны с немцами и составить спасительную для России коалицию с ними.

Увы, поводы для сомнений Гитлеру Сталин невольно давал. Попытки неуместной активности на Балканах; беспрецедентная трёхчасовая беседа с английским послом Криппсом летом 1940 года сразу после прибытия последнего в Москву; претензии на всю, а не только Северную Буковину — это лишь отдельные примеры на сей счёт.

Но особо я бы выделил ничем рационально не объяснимый наш Пакт о ненападении (??!!) 1941 года с проанглийской Югославией. Он сыграл, на мой взгляд, роль особо роковую в решении Гитлера воевать с Россией.

В итоге, как я уже говорил, немцы проиграли в 1945 году, а русские — в 1991-м, причём мы проиграли в немалой степени потому, что таскали каштаны из огня для Запада в составе «антигитлеровской» «коалиции», а не громили Запад в составе гипотетического Четверного пакта Германии, России, Италии и Японии.

Стенограммы берлинских переговоров Гитлера и Молотова осенью 1940 года подтверждают, что принципиальная возможность для последнего варианта была! Скажем, Гитлер тогда говорил (ДВП, т. XXIII, кн. 2(1), стр. 42), что:

«...хочет попробовать, поскольку это возможно и доступно человеческому разумению, определить на длительный срок будущее наций, чтобы были устранены трения и исключены конфликты... Речь идет о двух больших нациях, которые от природы не должны иметь противоречий, если одна нация поймет, что другой требуется обеспечение определенных жизненных интересов... Он уверен, что в обеих странах сегодня такой режим, который не хочет вести войну и которому необходим мир для внутреннего строительства...»

Было сказано им и так (стр. 43):

«Если будет обоюдное признание будущего развития, то это будет в интересах обоих народов. Это, возможно, потребует много труда и напряжения нервов, но зато в будущем оба народа будут развиваться, не став, однако, одним-единым миром, так как немец никогда не станет русским, а русский — немцем. Наша задача — обеспечить это мирное развитие».

В этих словах, между прочим, сквозит неподдельное уважение к русским.

Тогда же Гитлер предложил Советскому Союзу участвовать как четвёртому партнёру в Тройственном пакте (стр. 46).

Читатель может возразить — мол, говорить можно много чего, а реально фюрер стремился-де к мировому господству. Однако и здесь всё далеко не так однозначно — если исследовать ту эпоху внимательно и непредвзято. Но о какой непредвзятости может идти речь, если даже такой достаточно легко доступный документ, как меморандум уполномоченного отдела экономической политики имперского управления НСДАП фон Корсванта от июня 1940 года, «историки» или замалчивают, или предельно кратко аннотируют его с принципиальными искажениями его вполне конструктивной сути?

Не имея возможности углубляться в эту тему, но возвращаясь к беседам Гитлера с Молотовым, просто

скажу, что уверен — со стороны Гитлера это был тогда не блеф, а искреннее желание избежать опасного конфликта с Россией. Гитлер отнюдь не был маньяком.

А его прогноз на долгосрочную перспективу оказался **единственно прозорливым** из всех тогдашних прогнозов на дальнюю перспективу. Он был настолько точен, что я приведу его ещё раз. Стенограмма 12 ноября 1940 года зафиксировала (стр. 44): «Следующий момент — это проблема Америки. Он, Гитлер, не говорит об этом в связи с настоящими событиями (к тому времени США фактически уже воевали на стороне Англии, не только снабжая и вооружая её, но и охраняя силами ВМФ США английские конвои. — *С.К.*)... США не борются за Англию, а пытаются захватить ее наследство. В этой войне США помогают Англии лишь постольку, поскольку они создают себе вооружения и стараются завоевать то место в мировом положении, к которому они стремятся. Он думает, что было бы хорошо установить солидарность тех стран, которые связаны общими интересами. Это проблема не на 1940 год, а на 1970 или 2000 год...»

Это было сказано в 1940 году — за тридцать лет до Вьетнама, за пятьдесят — до 1991 года, за шестьдесят — до Сербии и Ирака.

13 ноября 1940 года Гитлер задал Молотову важнейший для будущего вопрос (стр. 68): «Объявила бы Россия немедленно войну Америке, если бы та вступила в войну?»

Молотов заявил, что «считает этот вопрос неактуальным».

Гитлер заметил: «Когда он будет актуален, будет уже поздно».

И тогда же он предлагал (стр. 69): «Нужно... создать мировую коалицию из стран: Испании, Франции, Италии, Германии, Советского Союза и Японии». И, нарисовав картину вполне разумного мирового развития, констатировал (стр. 69): «Для осуществления всего этого требуется, конечно, продолжительное время, 50—100 лет». Это было сказано шестьдесят восемь лет назад.

Гитлер настойчиво стремился к встрече со Сталиным, весной 1940-го предпринимал для этого официальные шаги, а осенью 1940-го мучительно хотел понять, чего ему ждать от России: удара в спину «русской шпагой Англии», когда США придут в Европу *во второй раз* году этак в 43-м; сомнительного нейтралитета или — крепкого рукопожатия не конъюнктурного, а стратегического партнёра, готового поддержать союзника политической, материальной, а если надо — то и военной силой.

Не разрешив своих сомнений (а, напротив, получив подкрепление им в виде советско-югославского пакта 1941 года), Гитлер, как я понимаю, и решился на авантюру «превентивной» войны. В некотором роде повторилась ситуация с Наполеоном, который ведь тоже не хотел конфликта с Россией. Ведь Россию и Францию тогда тоже ***стравили***! Причём — те же силы!

Сказанное выше не означает, конечно, что автор настроен прогермански. У меня есть лишь один объект неизменных симпатий, а точнее — любви и преданности, — моя Родина, Советский Союз, которому я служил и служу по сей день. Однако именно поэтому я в итоге длительных размышлений пришёл к следующему выводу: Россия много раз «вплеталась» в губительные для неё «коалиции», но не сумела подняться до понимания спасительности для неё той глобальной коалиции, которая была ей предложена Германией осенью 1940 года.

Итог известен: Германия проиграла в 1945-м, а Россия — в 1991-м.

Выиграл же в долгосрочном итоге «кто-то третий». Хотя, замечу в скобках, вряд ли — бесповоротно.

Но, так или иначе, война началась. И вокруг её начала ныне образовалось тоже немало мифов.

О некоторых из них далее и пойдёт наш разговор...

ПРИЧИНА ПОРАЖЕНИЙ 1941 ГОДА — СТАЛИН... БЛИЗОСТЬ ВОЙНЫ ВИДЕЛИ ВСЕ, КРОМЕ ЭТОГО «ГЛУПЦА» И «ПАРАНОИКА», КОТОРЫЙ СДЕРЖИВАЛ ГЕНЕРАЛИТЕТ, ИГНОРИРОВАЛ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ И ВЕРИЛ «ПРОВОКАТОРУ» БЕРИИ. ПОЭТОМУ В 1941 ГОДУ В СТРАНЕ И В АРМИИ К ВОЙНЕ ГОТОВИЛИСЬ ВСЕ, КРОМЕ СТАЛИНА. ПРИ ЭТОМ БЛАГОДАРЯ НАРКОМУ ВМФ КУЗНЕЦОВУ, ОБЪЯВИВШЕМУ «ГОТОВНОСТЬ № 1», ОСОБЕННО ОТЛИЧИЛСЯ КРАСНЫЙ ФЛОТ, КОТОРЫЙ НАЧАЛ ВОЙНУ УСПЕШНО

Этот миф по сей день является наиболее устойчивым и наиболее подлым по отношению к Сталину, к тем сотням тысяч советских воинов, которые встретили войну не в постелях, а на боевых позициях, и к командирам этих воинов. И поэтому, несмотря на малый объём этой книги и невозможность рассмотреть вопрос всеобъемлюще, я уделю анализу второго мифа особое внимание.

Итак...

Когда фальсификаторы истории начинают говорить о начале войны и о якобы «бездарном» Сталине, войну

якобы проморгавшем, то стандартная исходная посылка — знаменитая телеграмма Рихарда Зорге от 15 июня 1941 года:

«Нападение ожидается рано утром 22 июня по широкому фронту».

И хотя я стремлюсь не к замутнению, а к прояснению истины, анализ второго мифа я тоже начну с «телеграммы Зорге», заметив, во-первых, что «конструкция» этой якобы шифровки резко отличается от реальных шифрограмм, и во-вторых, что ни один ответственный руководитель государства не станет предпринимать какие-либо серьёзные действия на основе одного лишь подобного сообщения, даже если оно исходит от сто раз проверенного и надёжного информатора.

Однако не это суть важно! Дело в том, что Зорге вообще ничего подобного не сообщал. 16 июня 2001 года орган МО РФ «Красная звезда» опубликовал материалы Круглого стола, посвящённого 60-летию начала войны, с признанием полковника СВР Карпова:

«К сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена. Такие «дурочки» запускаются просто: кто-то из авторов публикаций о Зорге эти радиограммы для красного словца придумал, а остальные со ссылкой на него подхватили — и пошла писать губерния... Затем добавили психологизма, придумали мстительного Сталина...»

А вот ещё одна «дурочка», вылетевшая из-под чьего-то бойкого пера — возможно, писателя Овидия Горчакова, её, во всяком случае, воспроизводившего:

«Из докладной записки Л.П. Берия И.В. Сталину:

«21 июня 1941 года... *Я вновь настаиваю* (это якобы Берия якобы Сталину пишет в подобных выражениях! — *С.К.*) *на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует*

меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра. То же радировал и генерал-майор В.И.Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев... <...> Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!»...»

Эти строки тоже гуляют по печатным страницам уже много лет, и любой продвинутый «историк» вам отбарабанит: «Войну проморгала разведка НКВД, потому что Берия перед войной уничтожил всех толковых разведчиков».

А ведь с 3 февраля 1941 года по 20 июля 1941 года НКВД был разделён на два отдельных наркомата — НКВД под руководством Берии и НКГБ под руководством Меркулова. Поэтому с 3 февраля 1941 года у **НКВД не было внешней разведки!** Причём и разведчиков в 1940—1941 годах никто не уничтожал, как не очень-то их «уничтожали» — безвинно — и ранее. Но многие ли об этом знают?

Что же до «докладной записки Берии», то эта разухабистая фальшивка не имеет даже видимости служебного документа. У деловых бумаг определённой эпохи имеется свой, вполне определённый словарь, фразы тоже выстроены определённым образом и т.д. И одно употребление жаргонного выражения «деза» в этом якобы документе государственной важности выдаёт подлог. К тому же реальный Берия был не настолько туп, чтобы употреблять в докладной Сталину плоский каламбур «тупой генерал Тупиков»...

В этой антибериевской «дурочке» берлинскому послу Деканозову приписывается сверхбдительность. А в биографическом справочнике К. Залесского «Империя Сталина» Деканозову вменяется в вину то, что он «не смог оценить ситуацию и оставался в неведении о захватнических планах А. Гитлера».

Впрочем, неверны оба утверждения. Реально Деканозов был склонен соглашаться со своим давним колле-

гой, резидентом разведки НКГБ Амаяком Кобуловым, которому немцы в целях стратегической дезинформации подставили агента-двойника Берлинкса, имевшего в НКГБ кодовое имя Лицеист. Так что никого никакими «дезами» насчёт скорого наступления немцев Деканозов «бомбардировать» не мог — он поддавался на «дезы» Лицеиста, уверявшего в обратном. К тому же по прямому указанию Берии разведчик Александр Коротков с марта 1941 года активизировал в Берлине работу с Харро Шульце-Бойзеном — Старшиной, который давал достаточно точную информацию. И эта информация вполне вовремя поступала туда, куда надо, — на столы руководителей страны.

К слову, в книге А. Сухомлинова «Кто вы, Лаврентий Берия» приведена следующая якобы сталинская виза на предвоенном донесении Старшины, представленном Сталину наркомом ГБ Меркуловым: «Товарищу Меркулову. Можете послать Ваш источник из штаба германской авиации к ё... матери. Это не «источник», а дезинформатор...»

Далее А. Сухомлинов пишет: «Нецензурные слова Сталин не только написал, но и подчеркнул дважды. Все это есть в архивах...» Что ж, после Хрущёва и Горбачёва в архивах можно действительно найти много чего, никогда в реальном масштабе сталинской эпохи не существовавшего.

Что интересно! Заслуженный прокурор Сухомлинов — фигура определённого значения. Во всяком случае, кого ни попадя к следственному делу Берии не допустят: не дай бог обнаружится, что оно — сплошной фальсификат. Я это к тому, что Сухомлинов, судя по его заявлению, видел «визу Сталина», где нецензурные слова *дважды подчёркнуты*, собственными глазами.

Но вот передо мной спецсообщение В.Н. Меркулова № 2279/ М от 17 июня 1941 года в ЦК ВКП(б) товарищу Сталину с агентурными данными Старшины и Корсиканца (Арвид Харнак) от 16 июня 1941 года. Это спецсообщение опубликовано в сборнике документов «Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш».

1939 — март 1946» (М.: МФД, Материк, 2006) на страницах 286—287 с указанием места нахождения и т.д.: «Архив Президента РФ, фонд 3, опись 50, дело 415, лист 50. Подлинник. Машинопись».

И тут «резолюция Сталина» выглядит несколько иначе: «Т-щу Меркулову. *Может, послать ваш «источник» из штаба герм. авиации к еб-ной матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.*».

Сборник, изданный «Материком», — это научное издание, и все особенности публикуемых документов, в том числе подчёркивания, отчерки на полях, «галочки» и т.д., указываются особо. Так вот, мало того, что в «материковской» «визе Сталина» нецензурные слова не подчёркнуты — хотя бы одной чертой, зато подчёркнута адресация Меркулову (и не «товарищу», как у Сухомлинова, а «т-щу»), так ведь и сама «виза» имеет принципиально иной смысл! У Сухомлинова Сталин фактически приказывает: «Можете послать...», а в сборнике «Лубянка. Сталин...» Сталин всего лишь размышляет: «Может, послать...» Но более того! В этой, последней, визе Сталин разделяет информаторов и выражает недоверие лишь информатору из штаба люфтваффе (Старшине — Шульце-Бойзену), но не информатору из Министерства хозяйства (Корсиканцу — Харнаку).

И эта виза выглядит уже достовернее, поскольку, хотя Шульце-Бойзен и был честным информатором, его сообщение от 16 июня действительно выглядит несерьёзно уже потому, что в нём перепутана дата сообщения ТАСС (не 14 июня, а 6 июня), а *первоочередными* объектами налётов германской авиации названы второразрядная Свирская ГЭС, московские заводы, «производящие отдельные части к самолетам, а также авторемонтные мастерские». Так что Сталин имел все основания усомниться в точности подобной «информации».

Впрочем, несмотря на все выходные архивные данные спецсообщения Меркулова и несомненную подлинность этого сообщения, подлинность самой *«резолюции»* лично для меня более чем сомнительна по одной, но весомой причине...

Вот что сообщается о ***реальной*** сталинской реакции на эту записку Меркулова в изданном в 1995 году совместно Службой внешней разведки России и Московским городским объединением архивов сборнике документов «Секреты Гитлера на столе у Сталина» на страницах 232—233:

«Ознакомившись с агентурным сообщением, Сталин в тот же день (17 июня. — *С.К.*) вызвал к себе народного комиссара государственной безопасности В.Н. Меркулова и начальника внешней разведки П.М. Фитина. Беседа велась преимущественно с Фитиным. Сталина интересовали мельчайшие подробности об источниках. Фитину казалось, что он полно и точно рассказал о Корсиканце и Старшине и объяснил, почему разведка им доверяет. Сталин заметил: «Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне». Результатом приказания Сталина явился документ, подготовленный 20 июня 1941 г. внешней разведкой и известный как «Календарь сообщений Корсиканца и Старшины с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г.». В нем были собраны все основные донесения, предупреждавшие о предстоящей войне, с указанием, от кого и когда получили информаторы эти сведения...»

Однако к 20 июня 1941 года Сталину, надо полагать, не было нужды в этом «Календаре», а почему так, читатель поймёт позднее, познакомившись с моей реконструкцией событий последней предвоенной недели.

Нахально, смело, однако неумело состряпана и такая «дурочка», как якобы резолюция Берии якобы от 21 июня 1941 года: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников Ястреба, Кармен, Алмаз, Верного за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить».

Берия не мог писать ничего подобного 21 июня 1941 года уже потому, что к этому дню не только ему,

но и Сталину было ясно: счёт мирному времени идёт если не на часы, то на считаные дни!

Подробно я анализировал эти «дурочки» в своей книге «Берия: лучший менеджер XX века», поэтому здесь ограничусь уже сказанным и процитирую лишь две подлинные записки самого Берии (первую — практически полностью!), напомнив, что с 3 февраля 1941 года он не руководил разведкой НКГБ, но в качестве наркома внутренних дел был высшим руководителем пограничных войск СССР и благодаря его усилиям к 1941 году в погранвойсках была создана ***собственная*** приграничная разведка. У неё не числились в агентах «сливки общества», но зато ей помогали простые поездные машинисты, смазчики, стрелочники, скромные поселяне и жители приграничных городков. Они собирали информацию как муравьи, и, собранная воедино, она давала наиболее объективную картину происходящего. Итог же работы этой «муравьиной разведки» отражался в записках НКВД руководству страны, например в записке наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия № 1196/ Б от 21 апреля 1941 года о переброске германских войск к советской границе и нарушении воздушного пространства СССР, направленной И.В. Сталину, В.М. Молотову и наркому обороны С.К. Тимошенко:

«Совершенно секретно

С 1 по 19 апреля 1941 г. пограничными отрядами НКВД СССР на советско-германской границе добыты следующие данные о прибытии германских войск в пункты, прилегающие к государственной границе в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве.

В пограничную полосу Клайпедской области:

прибыли две пехотные дивизии, пехотный полк, кавэскадрон, артиллерийский дивизион, танковый батальон и рота самокатчиков.

В район Сувалки-Лыкк:

прибыли до двух мотомехдивизий, четырех пехотных и двух кавалерийских полков, танковый и саперный батальоны.

В район Мышинец-Остроленка:

прибыли до четырех пехотных и одного артиллерийского полков, танковый батальон и батальон мотоциклистов.

В район Остров-Мазовецкий — Малкиня-Гурна:

прибыли один пехотный и один кавалерийский полки, до двух артиллерийских дивизионов и рота танков.

В район Бяла-Подляска:

прибыли один пехотный полк, два саперных батальона, кавэскадрон, рота самокатчиков и артиллерийская батарея.

В район Влодава-Отховок:

прибыли до трех пехотных, одного кавалерийского и двух артиллерийских полков.

В район г. Холм:

прибыли до трех пехотных, четырех артиллерийских и одного моторизованного полков, кавполк и саперный батальон. Там же сосредоточено свыше пятисот автомашин.

В район Грубешув:

прибыли до четырех пехотных, один артиллерийский и один моторизованный полки и кавэскадрон.

В район Томашов:

прибыли штаб соединения, до трех пехотных дивизий и до трехсот танков.

В район Пшеворск-Ярослав:

прибыли до пехотной дивизии, свыше артиллерийского полка и до двух кавполков.

<...>

Сосредоточение германских войск вблизи границы происходило небольшими подразделениями, до батальона, эскадрона, батареи, и зачастую в ночное время.

В те же районы, куда прибывали войска, доставлялось большое количество боеприпасов, горючего и искусственных противотанковых препятствий.

В апреле усилились работы по строительству укреплений.

<...>

За период с 1 по 19 апреля германские самолеты 43 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину до 200 км.

Большинство самолетов фиксировалось над районами: Рига, Кретинга, Таурогeн, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно.

Приложение: схема.

Народный комиссар внутренних дел СССР *Берия*»

Второго июня 1941 года Берия направляет записку № 1798/Б лично Сталину:

«...Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашов и Лежайск сосредоточились две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в местечке Улянув... и штаб армии в фольварке Усьмеж... командующим которой является генерал Рейхенау (требует уточнения).

25 мая из Варшавы... отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполя) было доставлено сто самолетов.

<...>

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Рейхенау — в районе местечка Ульгувек... 18 мая — генерал с группой офицеров — в районе Белжец... 23 мая генерал с группой офицеров... в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее

количество их отмечено в направлениях на Брест и Львов.

<...>

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР...

<...>

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар внутренних дел СССР *Берия*»

Через три дня, 5 июня 1941 года, в записке № 1868/Б Берия докладывает Сталину, в частности, о прибытии в Бяло-Подляска штаба пехотной дивизии, 313-го и 314-го пехотных полков, личного полка маршала Геринга и штаба танкового соединения, о сосредоточении в районе Янов-Подляский северо-западнее Бреста понтонов и частей для двадцати деревянных мостов, о прибытии на станцию Санок эшелона с танками, о наличии на аэродроме Модлин до ста самолётов, а на аэродроме в районе Бузеу до 250 немецких самолётов, о проследовании к советско-румынской границе через станцию Пашканы двенадцати эшелонов германской пехоты с танками; через станцию Крайова — двух эшелонов с танками; о прибытии на станцию Дормэнэшти трёх эшелонов пехоты и на станцию Борщов двух эшелонов с тяжёлыми танками и автомашинами.

И так — до самого 22 июня 1941 года...

Постепенно становилось понятно, что мероприятия немцев — не прикрытие готовящегося удара по Англии (деревянные мосты нужны для переправы не через Ла-Манш, а через Буг), не демонстрация силы, а приготовления к уже скорой и окончательно решённой Гитлером войне.

Но как готовились к этой войне в РККА?

Ну, например, так...

27 декабря 1940 года новый нарком обороны маршал Тимошенко, сменивший маршала Ворошилова, издал приказ № 0367, гласивший:

«Приказом НКО 1939 г. № 0145 требовалась обязательная маскировка всех вновь строящихся оперативных аэродромов. Главное управление ВВС Красной Армии эти мероприятия должно было провести не только на оперативных, но и на всей аэродромной сети ВВС. Однако ни один из округов должного внимания этому приказу не уделил и его не выполнил.

Необходимо осознать, что без тщательной маскировки всех аэродромов, создания ложных аэродромов и маскировки всей материальной части в современной войне немыслима боевая работа авиации.

Приказываю:

<...>

3. Все аэродромы... засеять обязательно с учетом маскировки и применительно к окружающей местности путем подбора соответствующих трав. На аэродромах имитировать поля, луга, огороды, ямы, рвы, канавы, дороги, с тем, чтобы полностью слить фон аэродрома с фоном окружающей местности.

<...>

К 1 июля 1941 г. закончить маскировку всех аэродромов, расположенных в 500-км полосе от границы.

<...>

9. Генерал-инспектору ВВС установить контроль и о ходе работ докладывать ежемесячно.

Народный комиссар обороны СССР — Маршал Советского Союза *С. Тимошенко*».

Увы, приказ наркома Тимошенко № 0367 от 27.12.40 г. не был выполнен так же, как не был выполнен приказ наркома Ворошилова № 0145 от 09.09.39 (тридцать девятого!) года.

Основная вина за это лежит, конечно, на генерал-инспекторе ВВС, помощнике начальника Генштаба РККА по авиации дважды Герое Советского Союза генерал-лейтенанте авиации Якове Смушкевиче и начальнике Главного управления ВВС, заместителе наркома обороны Герое Советского Союза генерал-лейтенанте авиа-

ции Павле Рычагове. Однако допустимо ли — с точки зрения «демократов» — ставить вопрос так, если этих двух руководителей довоенных ВВС «безвинно» расстреляли после начала войны по распоряжению «кровавого палача» Берии и только «разоблачитель» этого «палача» Никита Хрущёв их в 1954 году реабилитировал?

Собственно, и нарком Тимошенко тут не без вины — проконтролировать исполнение своего собственного приказа он забыл, доказательством чего является уже его приказ № 0042 от 19 июня 1941 года. В нём нарком Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА Жуков констатировали:

«...По маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано.

Аэродромные поля не засеяны, полосы взлета под цвет местности не окрашены, а аэродромные постройки, резко выделяясь яркими цветами, привлекают внимание наблюдателя на десятки километров.

Скученное и линейное расположение самолетов на аэродромах при полном отсутствии их маскировки и плохая организация аэродромного обслуживания с применением демаскирующих знаков окончательно демаскируют аэродром...»

Как следовало из того же приказа, устроить ложные аэродромы руководство ВВС к 19 июня 1941 года не удосужилось. А о скученности техники можно судить по фотографиям наших уничтоженных на земле самолётов, сделанным немцами в 1941 году. Обгоревшие, разрушенные самолёты на этих фото стоят крыло к крылу, да ещё и в два ряда.

Так надо ли после *такого* удивляться, что война началась так, как она началась? И виновен ли в том, что она так началась, Сталин?

А ведь многие наземные генералы по части преступного пренебрежения делами службы ушли от авиационных генералов недалеко. И об этом говорилось в том же приказе № 0042 от 19 июня 1941 года:

«...Аналогичную беспечность к маскировке проявляют артиллерийские и мотомеханизированные части: скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели.

Танки, бронемашины, командирские и другие спецмашины мотомеханизированных и других войск окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемы не только с воздуха, но и с земли.

Ничего не сделано по маскировке складов и других важных военных объектов...»

Вот как готовились генералы. Не все, конечно, но многие, особенно — высший генералитет.

А готовился ли к войне Сталин? Предвидел ли её он?

Есть такая книга — «Я — истребитель», написанная генерал-майором авиации Героем Советского Союза Георгием Нефёдовичем Захаровым. Перед войной он командовал 43-й истребительной авиадивизией Западного Особого военного округа. Пребывая тогда в звании полковника, Захаров уже имел опыт боёв в Испании (6 самолётов лично сбитых и 4 в группе) и в Китае (3 лично сбитых).

Цитата из его книги будет обширной, но существенно сократить её я не мог — здесь важна каждая фраза:

«...Где-то в середине последней предвоенной недели — это было либо семнадцатого, либо восемнадцатого июня сорок первого года — я получил приказ командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Протяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север — до Белостока.

Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и совсем не замаскированные танки, бронемашины, орудия. По дорогам

шныряли мотоциклы, легковые — судя по всему, штабные — автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее... и готовое вот-вот перехлестнуть через нее.

Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме единственного: близится война.

Все, что я видел во время полета, наслаивалось на мой прежний военный опыт, и вывод, который я для себя сделал, можно сформулировать в четырех словах: «со дня на день».

Мы летали тогда немногим более трех часов. Я часто сажал самолет на *любой подходящей* (выделение здесь и далее моё. — *С.К.*) площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, молча брал под козырек (то есть он заранее знал, что скоро сядет наш самолёт со срочной информацией! — *С.К.*) и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух и, пройдя 30—50 километров, снова садились. И я снова писал донесение, а другой пограничник молча ждал и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру таким образом мы долетели до Белостока и приземлились в расположении дивизии Сергея Черных»...

Пограничники — это служба Берии! Поэтому не приходится сомневаться: из пограничного «секрета» донесение Захарова уходило на погранзаставу, оттуда — в штаб погранотряда, оттуда — в штаб пограничного (не военного!) округа, тот телеграфировал в Главное управление погранвойск НКВД, и общая сводка по полёту была положена на стол наркома, то есть — Берии.

Случай с Захаровым — не просто особый! Он — в точном смысле слова — уникален. ***И в подлинной истории войны он должен быть записан жирным шрифтом и заглавными буквами!***

А почему так — несколько позже.

Сейчас же отметим вот что... Задачу на полёт Захарову ставило армейское начальство, и после приземления в Белостоке полковник докладывал ему. Так какой же была реакция этого начальства?

Захаров пишет:

«В Белостоке заместитель командующего Западным Особым военным округом генерал И.В. Болдин проводил разбор недавно закончившихся учений. Я кратко доложил ему о результатах полета и в тот же вечер на истребителе, предоставленном мне Черных, вернулся в Минск...»

Странно!

«Продвинутые» «историки» обвиняют Сталина в том, что он запрещал любые перемещения войск вблизи границы. А на деле в ЗапОВО в июне 1941 года даже учения проводились! «Историки» же утверждают, что Сталин требовал от военных, чтобы они сидели на своих местах тихо, как мышки, почему, мол, войска в кальсонах войну и встретили...

Далее... Иван Васильевич Болдин информацию Захарова, надо полагать, учёл. С началом войны он, командуя оперативной группой войск, отрезанной от главных сил Западного фронта в районе Белостокского выступа, воевал успешно и вывел группу из окружения. И хотя Болдин был первым заместителем расстрелянного командующего ЗапОВО генерала армии Павлова, Болдина никто не обвинял, не арестовывал, в октябре 1941 года он принял командование 19-й армией, а с ноября 1941 года по февраль 1945 года командовал 50-й армией, закончив войну заместителем командующего войсками 3-го Украинского фронта.

Что же до командующего ЗапОВО Павлова, то он на прямое свидетельство боевого, с богатым военным опытом командира авиационной дивизии реагировал иначе, о чём сообщает сам Захаров:

«Командующий ВВС округа генерал И.И. Копец выслушал мой доклад с тем вниманием, которое свидетельствовало о его давнем и полном ко мне доверии. Поэтому мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом (фронтом). Слушая, генерал армии Д.Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел впервые. У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил, а не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно заменяла слово «преувеличивать» на «паниковать» — он явно не принял до конца всего того, что я говорил... С тем мы и ушли».

Внимание генерала Копца к докладу Захарова было, увы, запоздалым. Маршал Советского Союза Мерецков в своих воспоминаниях сообщил интересную деталь. В последнее предвоенное воскресенье, то есть 15 июня 1941 года, он — тогда заместитель наркома по боевой подготовке — находился в Западном Особом военном округе и наблюдал за учением в авиационной части. Вдруг в разгар учения на аэродроме сел немецкий самолёт.

Далее — прямая цитата по пятому, 1988 года, «политиздатовскому» изданию мемуаров Мерецкова (стр. 197):

«...Все происходившее на аэродроме стало полем наблюдения для его (немецкого самолёта. — *С.К.*) экипажа.

Не веря своим глазам, я обратился с вопросом к командующему округом Д.Г. Павлову. Тот ответил, что по распоряжению начальника Гражданской авиации СССР на этом аэродроме велено принимать немецкие пассажирские самолеты. Это меня возмутило. Я приказал подготовить телеграмму на имя И.В. Сталина о неправильных действиях гражданского начальства и крепко поругал Павлова за то, что он о подобных распоряжениях не информировал наркома обороны. Затем я обратился к начальнику авиации округа Герою Советского Союза И.И. Копцу:

— Что же это у вас творится? Если начнется война (выходит, подобные публичные предположения перед войной не были криминальными, как нас сейчас уверяют! — *С.К.*) и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тогда будете делать?

Копец совершенно спокойно ответил:

— Тогда буду стреляться!»

Ровно через неделю тридцатидвухлетний Копец застрелился. Но мне его, честно говоря, не жаль. Тем более, что он заслуживал не столько почётной смерти от пороха и свинца, сколько верёвки...

Как и его начальник Павлов.

За две недели до начала войны будущий Главный маршал авиации, а тогда — командир 212-го отдельного дальнебомбардировочного авиационного полка подполковник Александр Евгеньевич Голованов оказался свидетелем разговора командующего ЗапОВО Павлова со Сталиным по ВЧ-связи. Так вот, Павлов убеждённо доказывал Сталину, что тревожные вести с границы — неправда, что он только что вернулся оттуда и докладывает, что никакого сосредоточения немцев нет, а разведка округа работает хорошо.

Павлов заявил, что считает тревогу провокацией, и, когда положил трубку, сказал Голованову, что, мол, какая-то сволочь пытается доказать Сталину, что немцы сосредотачивают войска на нашей границе.

Не Берия ли был этой «сволочью»? Однако нам по сей день талдычат, что Сталин-де «не верил предупреждениям Павлова».

К слову, Мерецков оказался в приграничной зоне Западного Особого военного округа за неделю до войны по прямому указанию Сталина! Сталин направил его туда с инспекцией после доклада о тревожном положении на границах в районе Киевского Особого и Одесского военных округов.

Небезынтересно и свидетельство генерала НКВД Судоплатова... 20 июня 1941 года его старый соратник генерал Эйтингон сообщил Судоплатову, что на него

произвёл неприятное впечатление разговор с командующим Западным Особым военным округом генералом Павловым — давним знакомцем Эйтингона ещё по Испании. Эйтингон, позвонив Павлову, по-дружески поинтересовался у командующего, на какие приграничные районы стоит обратить особое внимание в случае начала войны, но Павлов в ответ «заявил нечто... невразумительное». Он считал, что «никаких особых проблем не возникнет даже в случае, если врагу удастся в самом начале перехватить инициативу на границе, поскольку у него достаточно сил в резерве, чтобы противостоять любому крупному прорыву»...

Читаешь всё это и думаешь: «Не слишком ли «тупое» непонимание ситуации обнаруживала «невинная жертва Сталина и Берии» — генерал Павлов?»

И было ли оно «тупым», и было ли оно «непониманием»? Не имеем ли мы здесь дело с отрыжкой заговора Тухачевского–Уборевича? В своё время Павлова «втихую» продвигали они. И, в конце-то концов, почему Гитлер ударил через Белоруссию, когда ему — по всеобщему мнению — нужна была Украина? Оккупировав огромной массой войск с самого начала её, лишив СССР мощной производственной и сырьевой базы на Украине, Гитлер мог рассчитывать на многое. А Гитлер ударил через пинские болота... Не потому ли, что знал — именно тут сопротивление ему дезорганизуют предатели?

Сталин же...

Сталин примерно с 18 июня 1941 года не нуждался уже ни в чьих предупреждениях. Он точно знал, что война начнётся уже очень скоро. И «сообщил» ему об этом сам... Гитлер!

Я предлагаю читателю вернуться к полёту полковника Захарова и задуматься: «Почему, если задание Захарову давал командующий авиацией ЗапОВО генерал Копец, то есть человек из ведомства наркома обороны Тимошенко, то донесения от Захарова везде принимали пограничники из наркомата внутренних дел, возглавлявшегося наркомом Берией? И принима-

ли молча, не задавая вопросов: кто, мол, ты такой и чего тебе надо?»

Почему вопросов не было? Как так?! В напряжённой приграничной атмосфере у самой границы производит посадку неизвестный самолёт, и пограничный наряд не интересуется: а что, собственно, пилоту здесь нужно?

Такое могло быть в одном случае: когда на границе под каждым, образно говоря, кустом этот самолёт ***ждали***.

А зачем его ждали? Кому нужны были, да ещё и в реальном масштабе времени, сведения Захарова? Объяснение тут может быть одно: ***не позднее 18 июня 1941 года Сталин провёл личный стратегический зондаж намерений Гитлера и перепроверил его результаты информацией полковника Захарова.***

Представим себе ещё раз ситуацию того лета...

Сталин получает сообщения о близящейся войне от нелегалов и легальных закордонных резидентур Меркулова из НКГБ, от нелегалов генерала Голикова из ГРУ Генштаба, от военных атташе и по дипломатическим каналам. Но всё это может быть стратегической провокацией Запада, видящего в столкновении СССР и Германии собственное спасение.

Однако есть созданная Берией разведка погранвойск, и вот её-то информации верить не только можно, но и нужно. Это — интегральная информация от такой разветвлённой периферийной разведывательной сети, что она может быть лишь достоверной.

И эта информация доказывает близость войны.

Подобная (и независимая!) информация приходит также от разведотделов приграничных армейских округов. И ей тоже можно и нужно верить. Но как проверить всё окончательно?

Идеальный вариант — спросить самого Гитлера о его подлинных намерениях. Не окружение фюрера, а его самого, потому что фюрер не раз неожиданно даже для окружения менял сроки реализации собственных приказов! Сроки наступления на Западном фронте в 1940 году изменялись Гитлером более двадцати раз!

И Сталин 18 июня 1941 года обращается к Гитлеру о срочном направлении в Берлин Молотова для взаимных консультаций. Это — не гипотеза, а факт! Сведения о предложении Сталина Гитлеру отыскиваются в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Франца Гальдера. Этот нормативный для любого серьёзного историка войны источник был опубликован ордена Трудового Красного Знамени Военным издательством Министерства обороны СССР в 1968—1971 годах, и на странице 579-й тома 2-го среди других записей 20 июня 1941 года имеется следующая:

«Молотов хотел 18.6 говорить с фюрером».

Одна фраза...

Но эта фраза, достоверно фиксирующая факт предложения Сталина Гитлеру о срочном визите Молотова в Берлин, полностью переворачивает всю картину последних предвоенных дней!

Полностью!

Сталин предложил...

Гитлер отказал.

Даже если бы он начал тянуть с ответом, это было бы для Сталина доказательством близости войны. Но Гитлер вообще отказал. Сразу!

И Сталин понял: это — война. Собственно, после отказа Гитлера не надо было быть Сталиным, чтобы сделать тот же вывод, который сделал и полковник Захаров и который можно сформулировать в четырёх словах: «со дня на день».

И Сталин поручает наркомату обороны обеспечить срочную и эффективную воздушную разведку приграничной зоны с немецкой стороны. И подчёркивает, что разведка должна быть проведена опытным авиационным командиром высокого уровня. Возможно, он дал такое задание командующему ВВС РККА Жигареву, побывавшему в кабинете Сталина с 0.45 до 1.50 17-го (собственно, уже 18-го) июня 1941 года, а уж тот позвонил в Минск Копцу.

Мог ли Копец выбрать лучшую кандидатуру, чем полковник Захаров?

С другой стороны, Сталин поручает Берии обеспечить немедленную и без помех передачу собранной этим опытным авиатором информации в Москву. Вот почему Захарова на всём маршруте его полёта, в зонах нескольких пограничных отрядов, под каждым кустом ждал пограничный наряд, даже не спрашивая — что это за самолёт сел в пограничной полосе. Захаров ведь садился на «подходящих площадках» не по собственной инициативе. Ему было заранее сказано, что все сведения в реальном масштабе времени он должен периодически передавать через пограничников, делая посадки через 30—50 километров.

Причём обязательно периодически, а не один раз в конце полёта! Потому что, во-первых, время не ждало! В реальном масштабе времени сведений от Берии ждал сам Сталин. При скорости У-2 (позднее переименованном в По-2) примерно в 120—150 километров в час фактор времени на 400-километровом маршруте уже был значимым.

А во-вторых... Во-вторых, Захарова в какой-то момент немцы могли и сбить. И тогда хотя бы часть оперативной информации до Сталина всё равно через Берию дошла бы.

Она же дошла вообще полностью. И уже к вечеру 18 июня 1941 года Сталин знал точно и окончательно: война на носу.

Возможно, впрочем, что приведённую мной реконструкцию событий надо кое в чём изменить (особенно если Захаров летал не 18-го, а 17-го), то есть, возможно, вначале был полёт Захарова, а уж после него — обращение Сталина к Гитлеру. Возможно и параллельное совмещение этих событий. Но несомненны их взаимосвязь и взаимная обусловленность в реальном, подчёркиваю, масштабе времени.

Поняв, что Гитлер решился-таки на войну с Россией, Сталин немедленно (то есть не позднее вечера 18 июня) начал отдавать соответствующие распоряжения НКО, НК ВМФ и НКВД.

Это не могло не быть так или иначе замечено чужим глазом, что подтверждается и в записке Сталину, Молотову и Берии, направленной наркомом ГБ Меркуловым 21 июня 1941 года.

Записка содержала текст беседы двух московских иностранных дипломатов, состоявшейся 20 июня. Точные данные относительно их гражданства в тексте записки, опубликованной в сборнике документов «Секреты Гитлера на столе у Сталина», Служба внешней разведки изъяла даже в 1995 году! Однако нам сейчас важен сам разговор, часть которого я ниже привожу:

«_____: Когда приехал ваш генерал-лейтенант?

_____: Вчера. Он видел Тимошенко и Жукова.

_____: <...> Вы с ним были?

_____: Я с ним был.

<...>

_____: Но он ничего не спрашивал? Тимошенко знал, что он от вашего генерала подходящего ответа не получит... А здесь все беспокоятся — война, война.

_____: Да. да. Русские узнали».

Да, русские узнали!

И узнали заблаговременно потому, что усилия множества крупных и мелких разведчиков, предпринимаемые в последние месяцы, увенчал личный зондаж Сталина!

В свете этого зондажа в истинном свете выглядит и заявление ТАСС от 14 июня 1941 года о том, что «по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...».

Сталин заявлением ТАСС от 14 июня как бы предварял своё последующее предложение Гитлеру о немедленной посылке в Берлин Молотова.

То есть это была первая фаза зондажа.

Предложение о срочном визите Молотова было второй фазой.

Отказ Гитлера стал «лакмусовой бумажкой».

Полёт Захарова и сведения от него, принятые пограничниками Берии и немедленно переданные последним Сталину, поставили последнюю точку.

Теперь надо было немедленно дать указание Тимошенко, Жукову и наркому ВМФ Кузнецову о срочном приведении — без особого шума — приграничных войск и флотов в боевую готовность и ждать развития событий.

Поскольку они нарастали, 21 июня Сталин санкционировал вторую директиву. Первая же директива о готовности к нападению была санкционирована Сталиным вечером 18 июня — сразу после полёта Захарова. Сама директива наверняка давно уничтожена — скорее всего, ещё в хрущёвские времена. Но ряд деталей последней предвоенной недели убедительно доказывает её наличие.

Так, адмирал Кузнецов в своих мемуарах «Накануне» пишет:

«...Сообщение ТАСС от 14 июня звучит особенно нелогично теперь, когда мы знаем, как отреагировал на него Гитлер. 17 июня, то есть буквально через три дня, он отдал приказ начать осуществление плана «Барбаросса» на рассвете 22 июня. Просматривая сводки с флотов, можно убедиться в повышенной активности немцев на море именно с этого рокового числа — 17 июня...»

Однако всё как раз логично! Если сообщение ТАСС было зондажным (а оно таковым и было), а 17 июня была проведена вторая фаза сталинского зондажа с предложением о визите Молотова, то Гитлер после своего отказа должен был немедленно санкционировать начало «Барбароссы». Он ведь тоже был не дурак. Войска Рейха изготовлены. Фюрер ещё, возможно, колебался, но когда увидел, что Сталин ставит его в ситуацию «момента истины», то сразу же понял — немедленно после его отказа Сталин должен будет предпринять срочные

меры в приграничных военных округах. А это значит, что фактор внезапности нападения — под угрозой.

И Гитлер отдал окончательный приказ.

Причём имеются очень интересные свидетельства и с той стороны, например — мемуары Луитпольда Штейдле, бывшего командира 767-го гренадерского полка 376-й пехотной дивизии 6-й армии Паулюса. Накануне войны Штейдле командовал батальоном полка, дислоцированного в районе Белостокского выступа, и сообщает вот что:

«Восемнадцатого июня моему полку было приказано в течение 24 часов реквизировать в точно обозначенном районе 600 лошадей с телегами. Акция была внезапной и сначала выдавалась за полицейско-ветеринарное мероприятие... Теперь каждая рота получила дополнительно гужевой транспорт. Ставилась цель гарантировать наивысшую степень подвижности... в стороне от больших дорог...

Однако почти никто не верил, что положение столь серьезно. И в прошлом не раз случалось, что Гитлер добивался своего путем военных демонстраций (как видим, у Сталина до его прямого зондажа были объективные основания колебаться в оценке планов Гитлера. — *С.К.*)... Штаб дивизии почти ничего не знал ни о противнике, ни о том, как наше командование оценивает обстановку в целом...»

То есть и тут как некий рубеж называется примерно тот же (17—18 июня) предвоенный день. Думаю, это — не случайно.

Нет, Сталин войну не «проморгал». И разведывательный «Календарь сообщений Старшины и Корсиканца», подготовленный разведкой НКГБ к 20 июня, остался невостребованным не потому, что Сталин не доверял этим сообщениям, а потому, что после 18 июня 1941 года в дополнительном информировании лично у Сталина не было нужды — «информатором» Сталина стал лично фюрер.

А генералы...

Что ж, порой трудно отделаться от мысли, что в начале войны мы в ряде случаев имели дело не только с головотяпством военачальников, но и с прямым, заранее планировавшимся их предательством! Во всяком случае, то, как встретили войну многие командующие и командиры, иначе как преступлением не назовёшь.

Ссылки на «размагничивающее»-де влияние заявления ТАСС от 14 июня могут убедить лишь простаков! Любые политические публичные заявления и в малой мере не могут быть руководством к действию для военных. Для компетентного, настоящего военного человека таковым руководством является ***только*** приказ! А генералы РККА не смогли (?) выполнить даже приказы НКО о маскировке...

С начала мая 1941 года каждый старший командир и генерал в западных военных округах должны были быть как натянутая струна. И уж, во всяком случае, это было обязанностью личных «команд» Тимошенко и Жукова в Москве, Павлова в Минске и Кирпоноса в Киеве.

А как они «готовились» к войне? Вот начальник штаба КОВО генерал-лейтенант М.А. Пуркаев докладывает 2 января 1941 года из Киева в Генеральный штаб:

«Моб[илизационный] запас огнеприпасов в КОВО крайне незначительный. Он не обеспечивает войска округа даже на период первой операции. <...> Г[лавное] А[ртиллерийское] У[правление] не выполняет своих планов. Вместо запланированных по директиве Наркома от 20.9.1940 г. № 371649 на второе полугодие 3684 вагонов — подано в округ только 1355 вагонов, причем без потребностей округа по видам боеприпасов»,

и т.д.

Генералы-«писаря» из Генштаба в лучших канцелярских традициях переправляют доклад Пуркаева в ГАУ, и оттуда — в лучших опять-таки канцелярских традициях — в феврале 1941 года приходит отписка (выделение везде моё):

«...Размер подачи боеприпасов округу по плану 2 полугодия [19]40 года, основанному на директиве ГШ, ***рассчитан*** был только ***на частичное*** удовлетворение потребности округа в [19]40 году. <...> ***План*** подачи выполнен на 34 %»,

и т.д. с успокаивающим извещением, что, мол, в течение 1941 года всё отгрузим.

Отгрузили!

Но как же генштабисты готовили директиву наркома, заранее ***планируя*** удовлетворение потребности округа лишь ***частично***? Причём и эту ***плановую*** потребность удовлетворили всего ***на треть***! И не волновались, не теребили наркома Тимошенко, промышленность, ЦК, лично товарища Сталина, зато бодро рапортовали: «Броня крепка, и танки наши быстры...»

Да, я знаю, что маршал Жуков в своих мемуарах писал, что в начале 1941 года председатель Госплана Н.А. Вознесенский (тот самый, в 1950 году расстрелянный вполне за дело) считал заявки наркомата обороны «слишком завышенными» и заявлял Сталину, что их «следует удовлетворить максимум на 20 %». В чём Сталина вначале и убедил, но...

Но, во-первых, Сталин вскоре, по здравом размышлении, распорядился издать специальное постановление о значительно большем производстве боеприпасов, начиная со второй половины 1941 года (как же это нас с началом войны выручило!).

Во-вторых, свидетельство Жукова выявляет ещё одного прямого виновника наших первых военных провалов — Вознесенского. Этот «государственный деятель» перед войной не смотрел, оказывается, дальше собственного высокомерного носа.

В-третьих, вина с Генштаба и ГАУ всё равно не снимается, потому что они, как видим, заранее планировали дутые, «бумажные» плановые цифры и тем преступно вводили в заблуждение приграничные округа.

В-четвёртых же, командование уже округов, особенно ЗапОВО, преступно виновно в том, что и имеющие-

ся склады уже произведённых и поставленных в округа боеприпасов и вооружения были размещены бездарно и не обеспечивали оперативного снабжения войск в условиях скоротечного начала боевых действий.

Страна действительно давала армии, скажем, крепкую броню быстрых новейших танков Т-34, но многие генералы в предгрозовую пору так планировали боевую учёбу, что рядовые танкисты не имели возможности эту технику в кратчайшие сроки освоить. И формировали новые механизированные и танковые корпуса чуть ли не на границе, поставляя им новую технику мелкими партиями и не обеспечивая должной боевой готовности.

Причём то же самое, если не хуже, мы имели в ВВС, руководимых «жертвами Берии» Смушкевичем и Рычаговым.

Позднее маршал Жуков оправдывался тем, что танковые и механизированные корпуса из-за колебаний-де Сталина (ну, как же без этого!) стали формировать с запозданием лишь в марте 1941 года и не успели их укомплектовать. Но выход был очевиден — не плодить управления 20 (двадцати) мехкорпусов, не имеющих техники, но дислоцирующихся в приграничной зоне, а создать их в количестве вполовину, скажем, меньшем, зато укомплектованных. А вторую очередь готовить в глубине страны.

Да, много, много неясного мы имеем в освещении предвоенной половины 1941 года и в особенности последней предвоенной и первой военной недель. Скажем, знаменитая «заслуга» наркома ВМФ Кузнецова в своевременном приведении флотов в «готовность № 1»... Так ли уж она велика на деле, и была ли она, эта якобы предпринятая Николаем Герасимовичем без санкции Сталина инициатива?

Даже то, что флоты оказались к нападению немцев более или менее готовы, далеко не факт. И уж тем более не факт несанкционированная отдача наркомом ВМФ приказа о приведении ВМФ в боевую готовность!

Есть засекреченные с 1943 года «Записки участника обороны Севастополя» капитана 1 ранга А.К. Евсеева,

которые и по сей день хранятся в Центральном военно-морском архиве (фонд 2, опись 1, дело 315, листы 6—126). И из них следует, что полную боевую готовность № 1 на Черноморском флоте объявили уже *после того*, как первые немецкие бомбы разорвались на Приморском бульваре Севастополя. И это при том, что 21 июня 1941 года Черноморский флот без всяких директив из Москвы был, по сути, в полной боевой готовности по причине последнего дня крупных манёвров, которые как раз 22 июня должны были закончиться.

Вот что писал бывший командир учебного отряда ЧФ Евсеев в декабре 1942 года:

«...Наступил чудный крымский вечер. Началось увольнение личного состава на берег. Жизнь в Севастополе шла своим обычным порядком. Блестели ярко освещенные улицы и бульвары. Залитые огнем белые дома, театры и клубы манили к себе уволившихся в город моряков на отдых. Толпы моряков и горожан, одетых в белое, заполнили улицы и сады. Всем известный Приморский бульвар был, как и всегда, запружен гуляющими. Играла музыка. Веселые шутки и смех раздавались в этот предпраздничный (окончание учений всегда для военных людей праздник. — *С.К.*) вечер повсюду.

Высший и старший начсостав флота — участники маневров — были приглашены командованием флота на банкет по случаю успешного окончания маневров...»

Нужны комментарии?

Напомню лишь, что и генерал Павлов в последний предвоенный вечер наслаждался опереттой в Минском театре, хотя в тот момент должен был быть уже в совсем ином месте, о чём я ещё скажу.

И даже когда немецкие самолёты летели над бухтами Севастополя, многие на вопрос «Что это за самолёты?» отвечали: «Да это, наверное, Иван Степанович решил проверить готовность противовоздушной обороны Севастополя...»

Адмирал Иван Степанович Исаков руководил тогда манёврами Черноморского флота. Он-то и засекретил 28 декабря 1943 года записки Евсеева, приказав числить их секретными «с правом использовать всем работающим по Севастополю». Заметим: не отдал приказ наказать Евсеева за клевету, а «всего лишь» засекретил ту правду, которая сама по себе зачёркивает «заслугу» наркома ВМФ по приведению флотов в «Готовность №...».

Какая там у него была самой главной?

Ну, в самом-то деле! Разве мог нарком пойти на такой шаг *до начала военных действий* без прямого указания Сталина? Ведь что это такое — готовность № 1? Это сигнал «Большой сбор» в базах флота, боевая тревога на кораблях, бегущие из увольнения бравые краснофлотцы и лейтенанты в белых кителях, белых брюках и белых же туфлях! В Севастополе, в Одессе, в Таллине...

А за этим переполохом наблюдают агенты абвера... Или даже просто граждане пока ещё дружественного Третьего рейха, случайно или по служебным делам оказавшиеся, скажем, в Таллине. А война вдруг возьми и 22 июня не начнись.

Скажем, Гитлер удар ещё бы на неделю перенёс! Он же не собирался с нами до осенней распутицы ковыряться, он рассчитывал всё до осени завершить и мог ещё неделькой пожертвовать по тем или иным причинам.

И что мы тогда имели бы? Как минимум — ноту аусамта Рейха наркомату иностранных дел СССР. А как максимум? Как максимум — тот самый повод к нападению, которого так опасался Сталин.

То-то и оно!

Нет, подобного рода акции стране могут выйти боком! Как могут они выйти боком и самовольным инициаторам подобных акций. Поэтому вряд ли Кузнецов действовал накануне войны *на свой страх и риск.*

Между прочим, в 1961 году Крымиздат тиражом 30 000 экземпляров выпустил записки Евгении Мельник, жены артиллериста с 35-й тяжёлой береговой ба-

тареи, располагавшейся у Херсонесского мыса в Севастополе, «Путь к подполью». Непритязательные, но очень информативные, эти записки начинаются описанием ночи с 21 на 22 июня 1941 года, и из них тоже можно сделать вывод, что в Севастополе ни о какой «Готовности № 1» накануне войны не знали. Светомаскировка две последние предвоенные недели соблюдалась постольку, поскольку шли те самые большие флотские учения, которые к 22 июня закончились... По какому поводу знаменитый «Примбуль» и был вечером 21 июня ярко иллюминирован, а адмиралы собрались на банкет.

Что ж, Севастополь был от границ СССР далеко. Но вот в приграничных военных округах — если бы их командование ответственно относилось к своим обязанностям, уже явно было не до банкетов. И оно, это командование, к вечеру 21 июня 1941 года обязано было находиться не в ложах театров, а на фронтовых командных пунктах.

Именно фронтовых, а не окружных, потому что не позднее 19 июня 1941 года из Москвы в Минск и Киев поступили соответствующие распоряжения. Мы это сейчас увидим, а пока я скажу, что интересные данные о начале войны можно отыскать иногда даже в таком, казалось бы, далёком от военно-политической проблематики источнике, как монография «Отечественное коневодство: история, современность и проблемы» Е.В. Кожевникова и Д.Я. Гуревича.

Хотя почему — «далёком»?.. Массы вооружённых конников долгое время играли в мировой истории роль стратегического фактора, так что рассказ о действиях советской кавалерии в первые часы войны отнюдь не был избыточным в умной книге о лошади... Тем более что наши кавалеристы в эти страшные часы не крутили хвосты коням, а воевали храбро, а нередко — и умело. Вот как об этом написано в монографии «Отечественное коневодство» 1990 года со ссылкой на издание 1984 года «Советская кавалерия. Военно-исторический очерк». А.Я. Сошников и др.:

«Кавалерия вступила в бой с гитлеровцами с первых минут войны. В Западном (Особом. — *С.К.*) военном округе вместе с пограничниками встретили перешедшего в наступление врага два эскадрона 6-й Чонгарской кавдивизии, направленные в помощь 87-му погранотряду ***еще 19 июня*** (выделение моё. — *С.К.*). Вслед за ними вступили в бой и все части этой дивизии, подтянутые к границе за час до начала военных действий — в 3 часа ночи 22 июня 1941 года. Кавалеристы стойко отражали атаки превосходящих сил противника. Они несли тяжелые потери, но сдерживали стремящихся в глубь советской территории агрессоров...»

Раненный в бою командир Чонгарской дивизии генерал М.П. Константинов попал к партизанам, после выздоровления полтора года командовал крупным партизанским соединением в Белоруссии, а вернувшись на Большую землю, продолжал воевать, с октября 1943 года до конца войны командовал 7-м гвардейским кавкорпусом. В апреле 1945 года стал Героем Советского Союза.

Однако в вышеприведённой цитате нас сейчас должно более всего интересовать сообщение о том, что части 6-й Чонгарской кавдивизии были приведены в боевую готовность ещё 19 июня 1941 года! Это ведь не могло быть самодеятельностью генерала Константинова! Но и заслуги командующего войсками округа Павлова в том тоже нет — иначе в боевой готовности был бы весь округ.

Кто отдал умное распоряжение, сегодня можно только гадать. Но отдано оно было. И, зная уже то, что мы знаем, надо скорее удивляться не тому, что ряд частей и соединений встретили войну в боевой готовности, а тому, почему так было *не у всех*!

К тому же я сказал ещё далеко не всё!

Вот, например, тоже интересный факт, наводящий на размышления, — из мемуаров маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, перед самой войной назначенного с должности командующего артиллерией Киевского ОВО начальником ГАУ:

«К 19 июня (1941 года. — *С.К.*) я уже закончил сдачу дел своему преемнику и почти на ходу распрощался с теперь уже бывшими сослуживцами. На ходу потому, что штаб округа и его управления в эти дни как раз получили распоряжение о передислокации в Тернополь и спешно свертывали работу в Киеве».

Не расходится написанное и с книгой Г. Андреева и И. Вакурова «Генерал Кирпонос», изданной Политиздатом Украины в 1976 году:

«...во второй половине дня 19 июня от Наркома обороны поступил приказ полевому управлению штаба округа передислоцироваться в город Тернополь».

Но с чего это управление ***округа*** вдруг заторопилось в Тернополь, где в здании бывшего штаба 44-й стрелковой дивизии располагался ***фронтовой*** командный пункт и «было все готово для работы полевого управления»? Нам рассказывают, что «тиран» и «глупец» Сталин не позволял командующему ЗапОВО Павлову войска в летние лагеря выводить, хотя в том никакого криминала не было — плановая боевая учёба. А тут штаб Киевского Особого военного округа с места снимается! Кто мог дать указание об этом кроме Сталина?

И что же — КОВО дали приказ развернуть полевое управление округом (то есть уже, собственно, фронтом), а ЗапОВО нет? До Кирпоноса в Киев срочные указания ко второй половине 19 июня дошли, а до Павлова в Минск и к 21 июня не успели?

Успели, оказывается! И под Барановичами, в районе станции Обуз-Лесная, за несколько дней до вторжения тоже был развёрнут фронтовой командный пункт. Только Павлов там до начала войны так и не появился!

А вот в Одесском военном округе генерал М.В. Захаров прибыл на свой полевой командный пункт в районе Тирасполя 21 июня 1941 года вовремя и взял на себя командование. И прибыл Захаров туда не по своей инициативе — он ещё 14 июня получил приказание из

Москвы выделить армейское управление (9-й армии) и 21 июня вывести его в Тирасполь, тщательно организовав управление войсками оттуда. Об этом пишет в своих мемуарах (издания 1985 года) бывший заместитель начальника штаба Одесской военно-морской базы контр-адмирал Константин Илларионович Деревянко. Он прямо пишет также о двух директивах наркома обороны Тимошенко и начальника Генерального штаба Жукова от 14 и 18 июня и сообщает, что командующие других западных округов получили их 18 июня!

Всё верно! Одесский военный округ — это «румынский» театр второстепенных военных действий. Там особо беспокоиться о скрытности и отсутствии повода к провокациям не надо. А с *особыми* округами надо было и разбираться *особо*, и отдавать им директивы *особо*. И как раз 18—19 июня они были отданы — формально Тимошенко и Жуковым. Но могли ли они сделать это без санкции Сталина? Нет, конечно!

Однако в классическом (в смысле — первом и прижизненном, в 1971 году) издании «Воспоминаний и размышлений» маршала Жукова об этих директивах не сказано ни слова. В главе девятой «Накануне Великой Отечественной войны», начиная со страницы 213-й до страницы 232-й, где говорится о проекте директивы Генштаба, которую начали готовить 21 июня 1941 года, упоминаются лишь директивы от 14 апреля и от 13 мая 1941 года. Но ведь адмирал Деревянко ничего не выдумывал, когда писал о замалчиваемой директиве от 18 июня! И не у одного ведь Деревянко мы находим «следы», оставленные этой директивой.

Далее... В 1995 году вышла в свет книга генерал-полковника в отставке Ю.А. Горькова, консультанта Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба, под названием «Кремль. Ставка. Генштаб». На странице 79-й её мы читаем:

«В обстановке надвигающейся войны, 13 июня, С.К. Тимошенко просил у И.В. Сталина разрешения привести в боевую готовность и развернуть первые эше-

лоны по планам прикрытия. Но разрешение не поступило».

Могу поверить... Сталин, понимая, что страна ещё не готова к серьёзной войне, не хотел давать Гитлеру ни одного повода к ней. Известно, что Гитлер был очень недоволен тем, что Сталина не удаётся спровоцировать. Об этом сам Ю. Горьков пишет — на странице 78-й. Поэтому 13 июня 1941 года Сталин ещё мог колебаться — пора ли принимать все возможные меры по развёртыванию войск. Потому он и начал свои собственные зондажи, начиная с заявления ТАСС от 13—14 июня, которое, скорее всего, после разговора с Тимошенко и написал.

Надо сказать, что в записях о посещениях кремлёвского кабинета Сталина (я позднее скажу об источнике этих сведений) отсутствуют дни 12-го, 13-го, 15-го и 19-го июня. Не пытаясь сейчас как-то объяснить этот факт (хотя есть глухие упоминания о том, что Сталин перед войной приболел), я просто обращаю на него внимание, высказав лишь предположение, что в эти дни Сталин как раз занимался какими-то срочными и деликатными вопросами, связанными с оценкой текущей ситуации и выработкой ближайшей линии поведения своей, Вооружённых Сил СССР и всей страны.

Что интересно! В своих мемуарах Жуков писал: «После смерти И.В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действительности. Последняя мирная ночь была совершенно иной...»

Увы, здесь явно видно стремление и честь соблюсти, и капитал приобрести... Если в последнюю мирную ночь командующие и их штабы были на местах и в боевой готовности, то почему спали войска? Притом одни спали, а другие уже выдвигались к границе... Как это понимать?

К слову, а как встретили войну пограничники Берии? Что ж, я просто процитирую изданную в 1989 году Воениздатом монографию «Граница сражается» А.И. Чугунова:

«Последняя ночь перед вторжением для пограничных войск западного и северо-западного участков фактически уже не была мирной. С вечера 21 июня многие заставы, пограничные комендатуры и отряды по распоряжению их начальников вышли из казарм и заняли оборонительные сооружения, подготовленные на случай военных действий».

Но кто дал распоряжения начальникам? И что значит «...многие»? Что, на каких-то заставах начальники сказали подчинённым: «А что, ребята, ночь тёплая, звёздная, посидим-ка мы эту ночь в окопах? Из них и звёзды лучше видно, да и немца — если там чего начнётся!» А на каких-то заставах ночь была облачная, и там в окопы — звёздами любоваться, не садились...

Нет уж, такой ответственный приказ, как приказ занять с вечера боевые позиции, мог прийти на заставы только из Москвы, из наркомата. И отдать такой приказ мог лишь сам нарком. То есть — Берия. И, безусловно, для всей западной полосы границы.

Правда, встречаются сообщения о том, что пограничникам вообще не запрещалось занимать оборонительные сооружения. Хорошо, пусть так, хотя подобное утверждение не выдерживает никакого логического анализа! Но кто был инициатором такого положения дел (фактически разрешения действовать по обстановке), если не нарком Берия? И мог ли он дать такой «карт-бланш» пограничникам без ведома и согласия Сталина? И мог ли Сталин ограничиться одними погранвойсками НКВД и забыть о РККА и РККФ? Ведь противной стороне видны действия и повседневная жизнь прежде всего погранвойск.

Так что информация А. Чугунова лишний раз доказывает: и Сталин знал о войне, и остальные знали.

Но кто-то меры принял, а кто-то ***почему-то*** — нет!

Маршал Мерецков позднее вспоминал:

«М.П. Кирпонос, отнесясь к делу очень серьезно, отдал распоряжение о занятии полевых позиций в пограничных укреплениях Киевского особого военного ок-

руга. В Москву поступило сообщение об этом. Передвижение соединений из второго эшелона было разрешено, но по указанию Генштаба войскам КОВО пришлось оставить предполье и отойти назад. До рассмотрения сходной инициативы (? — *С.К.*) Одесского военного округа дело не дошло (? — *С.К.*). В результате на практике войска этого округа были в канун войны, можно считать, в боевой готовности, чего нельзя сказать о войсках Киевского и Западного Особых военных округов».

Здесь что ни фраза — то вопрос, потому что мы имеем здесь дело со смешением правды, недомолвок, умолчаний и прямой лжи.

Маршал Жуков писал о последних предвоенных днях в том же стиле:

«Нам (Жукову и Тимошенко. — *С.К.*) было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И.В. Сталина.

Нарком обороны С.К. Тимошенко рекомендовал командующим войсками округов проводить тактические учения соединений в сторону государственной границы, с тем чтобы подтянуть войска ближе к районам развертывания...»

Итак, перемещать войска можно было. Однако Жуков полностью умалчивает о действиях Кирпоноса, описанных Мерецковым и блокированных Жуковым.

Надо ли пояснять — почему он о них умалчивает? Ведь ещё 18 июня 1941 года военные получили санкцию Сталина на отдание директивы войскам о приведении их в повышенную боевую готовность. Другое дело, что она оказалась «спущенной на тормозах» нерадивыми ленивцами, растяпами и предателями.

Но вот война началась...

Как и когда началась она для Сталина?

После XX съезда, состоявшегося в начале 1956 года, Хрущёв и хрущёвцы старались представить Сталина не-

годяем, бросившим страну 22 июня 1941 года на произвол судьбы и уехавшим пьянствовать на дачу в Кунцево, якобы сказав — мол, проср... страну, так теперь сами и разбирайтесь. Эта гнусная сплетня получила широкое хождение, её воспроизвёл Валентин Пикуль в неоконченной эпопее «Сталинград». И этот «факт» десятилетиями считался «достоверным». Ещё бы — его ведь сообщил глава государства и партии! И ведь сам (!) Пикуль как смачно расписал «маразм Сталина» в своём «Сталинграде»! Так что имеется немало таких наших сограждан, которые верят в эту мерзкую ложь по сей день.

Впервые её опроверг уже известный читателю генерал-полковник в отставке Ю.А. Горьков, опубликовавший в своей книге «Кремль. Ставка. Генштаб» обширные извлечения из «Журнала посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете»... Сегодня — правда, мизерным тиражом в 350 экземпляров — опубликован и весь этот «Журнал...».

Генерал Горьков оценивал «Журнал...» так: «Совершенно особое значение имеет уникальный, бесценный источник — журнал регистрации лиц, посетивших его (Сталина. — *С.К.*) в кремлевском служебном кабинете, хранящийся ныне в архиве Президента Российской Федерации (бывший архив Политбюро ЦК КПСС)».

Действительно, данные этого «Журнала...» разоблачают много лжи о Сталине, и даже генерал Горьков пишет:

«Вернемся... к первым дням Великой Отечественной войны. Именно вокруг них сконцентрировалась наиболее густая атмосфера сплетен и слухов. К сожалению, уже стало хрестоматийным мнение, что в эти дни И.В. Сталин, глубоко подавленный крахом своей наступательной доктрины (помилуй бог, откуда она у него в 1941 году могла быть? — *С.К.*), обманутый и униженный (ого! — *С.К.*) Гитлером, впал в глубокую апатию, а 22 и 23 июня вообще беспробудно пьянствовал, не принимая никакого участия в делах управления государством.

Так вот, анализ журнала посещений И.В. Сталина показывает, что И.В. Сталин находился в своем кремлевском кабинете с раннего утра 22 июня 1941 года...»

Это действительно так. И 22 июня 1941 года Сталин, начав приём в 5.45, закончил его в 16.45, принимая людей одиннадцать часов подряд! 23 июня 1941 года, начав в 3.20, он закончил в 0.55 уже 24 июня. И в этот день после отдыха Сталина людской поток тёк через его кабинет «всего» 5 часов 10 минут. Однако надо же было и с ситуацией более детально разобраться, подумать...

Зато 25 июня 1941 года рабочий день Сталина составил все 24 часа! В этот день он принял 29 человек! 26 июня за 10 часов 35 минут было принято 24 человека, а 27 июня за 10 часов 05 минут — опять 29!

Вот так!

А 21 июня 1941 года, после 22 часов 20 минут, в сталинском кабинете кроме его хозяина осталось лишь три человека: Молотов, Ворошилов и Берия. Вскоре Берия куда-то ненадолго отлучился и в 22.40 пришёл опять.

В 23 часа Берия с Молотовым и Ворошиловым ушли, и Сталин остался один. Он, похоже, уже понимал, что его директивы последних дней армейцами исполнены из рук вон плохо. Но в данный момент он уже ничего изменить не мог, а отдохнуть надо было — следующий день обещал быть трудным.

День же двадцать второго июня 1941 года начался с того, что в 5.45 в кабинет Сталина вошли Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков.

В 7.30 пришёл Маленков и ушёл вместе с Берией в 9.20.

Но в половине двенадцатого дня, когда в кабинете у Сталина оставался лишь Молотов, они опять появились вместе на полчаса. И до этого часто связанные общими задачами, Маленков и Берия теперь будут всё теснее взаимодействовать все двенадцать последующих лет — до дня ареста Берии 26 июня 1953 года.

Побывали в первый день войны у Сталина также Микоян, Каганович, Ворошилов, Вышинский, Шапош-

ников, Ватутин, флотский нарком Кузнецов, Кулик, Мануильский и Георгий Димитров.

23 июня 1941 года была образована Ставка Главного Командования Вооружённых Сил Союза ССР.

Как видим, простое знакомство с документом обрушивает огромный пласт лжи о «запое» Сталина и прочем. Хотя, если честно, было бы немудрено с горя и запить, обнаружив, как подвели Россию и её вождя те, на кого надежды было больше всего — военные! Это ведь для них Сталин и страна давали оружие, кадры, средства. Постоянно вникая в *общие* оборонные проблемы, проблемы *чисто военные* Сталин оставлял на военных, на профессионалов.

А они...

Да, многое проясняется при анализе документов.

И тогда ложь рушится.

Но в 1956 году она нагло восторжествовала! Ведь ни один из тех, кто здравствовал в 1956 году, в 60-е, в 70-е и даже в 80-е годы и ***точно*** знал, как Сталин провёл первый день войны, не возвысил голос в защиту Сталина и исторической правды!

Ведь не встал Молотов в зале XX съезда и не сказал в ответ на инсинуации Хрущёва: «Да как вы смеете так подло лгать, гражданин Хрущёв, потому что после такой лжи вы мне не товарищ! Я ушёл из кабинета товарища Сталина за час до наступления 22 июня 1941 года и вновь вошёл в его кабинет наутро без пятнадцати шесть. И потом бывал день за днём в этом кабинете по несколько раз на дню!»

И Маленков не встал...

И Каганович...

Не встали маршалы и генералы, когда Хрущёв, изгаляясь над нашей историей с трибуны XX съезда, записывал в стратеги себя и отказывал в полководческом таланте их Верховному Главнокомандующему. А ведь все они сидели тогда в зале — кроме маршала Рокоссовского, бывшего тогда министром обороны Польши.

Не встали маршалы Ворошилов и Жуков.

Не встали после того, как Хрущёв заявил, что Сталин в военных делах ничего не смыслил, что ему по глобусу докладывали обстановку, что он чуть ли не из-за голенища сапога вытаскивал карту, на которой был помещён чуть ли не весь мир...

А ведь могли сказать правду и маршал Тимошенко, и маршал Василевский, и адмирал Кузнецов. Зато последний как-то обмолвился, что он-де увидел Сталина чуть ли не через неделю после начала войны. А ведь был вызван в сталинский кабинет в 15 часов 20 минут по московскому времени 22 июня 1941 года.

И другие — или прошедшие в первые дни войны через этот кабинет, или получавшие непосредственно от его хозяина приказы и распоряжения — тоже не встали.

Все они тогда промолчали.

Почему?

Надеюсь, читателю уже ясно — почему. Однако вернёмся ещё раз в дни накануне войны и посмотрим, что написано о них в тех мемуарах адмирала Кузнецова, которые так и названы «Накануне». Их дополненное издание Воениздат выпустил в 1990 году...

Страница 285:

«Еще во второй половине дня 21 июня стало известно: в ближайшую ночь можно ожидать нападения немцев...»

Стр. 299:

«Около 11 часов вечера (21 июня. — *С.К.*) зазвонил телефон. Я услышал голос маршала Тимошенко:

— Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне...»

Сразу возникает вопрос: «Так когда это стало известно: «во ***второй половине дня*** 21 июня» или «***около 11 часов вечера***»?»

Читаем страницу 299 дальше:

«...Через несколько минут мы (с контр-адмиралом Алафузовым. — *С.К.*) уже поднимались на второй этаж

небольшого особняка, где временно находился кабинет С.К. Тимошенко.

Маршал, шагая по комнате, диктовал... Генерал армии Г.К. Жуков сидел за столом и что-то писал...

Семен Константинович... не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну...

Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов (хронология адмирала Кузнецова плохо согласуется с другими данными, но... — *С.К.*). Помнится, она была пространной — на трех листах (а выставляемая ныне на всеобщее обозрение «директива №1» весьма кратка. — *С.К.*). В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии.<...>

Поворачиваюсь к контр-адмиралу Алафузову:

— Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности номер один...»

Адмирал Кузнецов, сообщая это, похоже, не понял, что фактически сам развенчивает свою «заслугу» — ведь пресловутый приказ он отдал тогда, когда затягивание с его отдачей было бы равносильно измене. Причём контр-адмирад Деревянко со ссылкой на рассказ своего старого сослуживца капитана 3-го ранга В.А. Ерещенко, который в ночь нападения был оператором в штабе ЧФ, сообщает, что нарком Кузнецов (не Алафузов) позвонил в штаб Черноморского флота по ВЧ в ***первом часу ночи*** и, приказав переводить флот на оперативную готовность номер один, прибавил, что телеграмму об этом начали передавать из Москвы в 23.50 21 июня.

Но и это ещё не всё! Читаем страницу 300:

«Позднее я узнал, что Нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов (сам Жуков неопределённо указывает «вечером 21 июня». — *С.К.*) к И.В. Сталину. Следовательно, уже в то время... было принято решение привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения

отражать его. Значит, все это произошло примерно за одиннадцать часов до фактического вторжения врага на нашу землю».

И опять возникает вопрос: «Что имеет в виду Кузнецов, написав «это произошло»?»

За одиннадцать часов ***до*** нападения «произошла», как я понимаю, последняя (но — если я был прав в ранее приведённой реконструкции событий — не первая) санкция Сталина на приведение войск в боевую готовность. И вот даже к 11 часам вечера 21 июня «не произошла» отправка директивы об этом в войска.

Почему?

Что — в этом Сталин виноват?

Много позже смерти Сталина маршал Василевский заявлял, что надо было-де «смело перешагнуть порог», но Сталин-де «не решался на это»...

Однако Сталин, если пользоваться образными сравнениями в духе Василевского, вовремя открыл перед военными «дверь», и смело шагать через «порог», не начиная, естественно, военных действий, но, приводя войска в боевую готовность, они не только могли, но и были обязаны.

Мог ли Сталин предполагать, что высший генералитет почти поголовно своими обязанностями пренебрежёт?

Но и это ещё не всё! Читаем страницу 300 воспоминаний Н.Г. Кузнецова далее:

«Не так давно мне довелось слышать от генерала армии И.В. Тюленева — в то время он командовал Московским военным округом, — что 21 июня ***около 2 часов дня*** (выделение моё. — *С.К.*) ему позвонил И.В. Сталин и потребовал повысить боевую готовность ПВО».

Выходит, уже не в «17 часов», а в «2 часа дня» 21 июня 1941 года Сталин был готов «перешагнуть порог»? Если он потребовал повысить боевую готовность от командующего внутренним военным округом Тюле-

нева (заметим — через голову Тимошенко и Жукова), то уж командующие приграничными особыми военными округами им забыты быть не могли никак!

Но об этом все точно информированные лица молчали всю оставшуюся жизнь.

Почему? Почему практически все лгали или своим молчанием «освящали» чужую ложь, включая ложь о том, как Сталин начал войну? Да и не только Сталин... В 1963 «хрущёвском» году были изданы мемуары Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова. С одной стороны, маршал явно не лгал, когда передавал свой разговор со знакомым ещё по Испании командующим ЗапОВО Павловым.

Разговор состоялся за несколько дней до войны в Москве. Павлов, наведавшись в наркомат «по каким-то мелочам», случайно столкнулся с Вороновым и в ответ на его вопрос — как, мол, там у вас дела идут? — бодрячески ответствовал, что, мол, всё спокойно, всё в порядке, войска вовсю «топают» на тактических учениях.

В части преступного бодрячества Павлова свидетельство маршала — наверняка правда. Но с другой стороны, маршал Воронов описывает явно невозможную ситуацию... Мол, он, командуя в то время ПВО страны, в середине ночи с 21 на 22 июня 1941 года получил от постов ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи) собщения о бомбардировке Либавы и т.д. И якобы тут же поспешил к наркому Тимошенко, у которого якобы сидел начальник Управления политпропаганды РККА Мехлис, но якобы не было начальника Генштаба РККА Жукова. Воронов якобы начал излагать наркому страшные вести, но тот якобы не поверил, приказал сесть и всё записать на бумаге, а Мехлис якобы ещё и стоял за спиной у Воронова и смотрел — то ли Воронов пишет, что говорил. Воронов утверждает, что он закончил свою писанину в четвёртом часу ночи 22 июня 1941 года, но якобы даже в четыре часа нарком обороны не верил, что начались военные действия.

Что ж, для 1963 года эта сказка могла сойти за правду. Но зачем так очевидно лгал ***лично Воронов***, да ещё и

по адресу не Сталина, а Тимошенко, я не могу сказать даже в 2008 году.

Тем не менее лично я сейчас уверен, что практически вся тогдашняя партийно-государственная и военная элита, имевшая возможность видеть общую картину, находясь в Москве, в центре событий, позднее составила заговор молчания относительно первых ***военных*** дней Сталина потому, что ей важно было исказить картину последних ***предвоенных*** дней Сталина, да ещё и представить его перед самой войной то ли глупцом, то ли трусом.

Объективности ради должен признать, что хотя бы в 1971 году, на 75-м году жизни и за три года до смерти, Георгий Константинович Жуков в своих мемуарах, изданных Агентством печати «Новости» в 1971 году, имел мужество заявить:

«И.В. Сталин был волевой человек и, как говорится, не из трусливого десятка. ***Несколько*** подавленным я его видел ***только один раз*** (выделение везде моё. — *С.К.*). Это было на рассвете 22 июня 1941 года: рухнула его убежденность в том что войны удастся избежать».

Но ведь это краткое и неполное признание было сделано во времена Брежнева, которые кое-кто иногда определяет — пусть и без серьёзных к тому оснований — как «возврат к мягкому сталинизму». А громко сказать тому же Жукову, или Тимошенко, или Василевскому, или Мерецкову в пятидесятые ли, в шестидесятые ли годы, что Сталин не только *знал*, но и ***вовремя санкционировал*** приведение войск в боевую готовность, это же...

Это же означало совершить гражданское самоубийство! Или — если подбирать сравнение более возвышенное — лечь грудью на амбразуру. А на самопожертвование никто из них не отважился.

Да и как мог отважиться на это, скажем, Молотов? Он ведь тоже ***прямо*** лгал — даже в 1984 году. И эта ложь тогда же была зафиксирована Феликсом Чуевым,

хотя он её считал святой правдой. В его книге «Сто сорок бесед с Молотовым» есть запись от 13 января 1984 года:

«Читаю Молотову выдержки из книги Авторханова о 22 июня 1941 года: «Приехали к нему на дачу и предложили выступить с обращением к народу. Сталин наотрез отказался. Тогда поручили Молотову...»

— Да, правильно, приблизительно так...»

Но ведь это даже приблизительно не так! Это абсолютно не так! 22 июня 1941 года Сталин не был на даче, а принимал Молотова в своём кремлёвском кабинете в 5.45 и весь день был в Кремле, начиная дело войны.

Но не мог же Молотов сказать правду. Очень уж она и для него была неприглядна. К слову, если бы выплыла ***эта*** правда, то, смотришь, выплыла бы правда и о Лаврентии Берии... И вместо «лагерно-пыльного» монстра перед глазами изумлённых потомков предстал бы блестящий государственный деятель-универсал, не только не грозивший никому стиранием в «лагерную пыль» за предупреждения о близкой войне, а, напротив, своей организаторской работой и своими личными действиями обеспечивший ***своевременное*** информирование о ней Сталина!

Увы, никто из первых лиц державы ни в реальном масштабе времени, ни позднее не вступился за поруганные честь и доброе имя вождя, за правду о товарище Сталине. А ведь это был тот, кто поднял их, дал им золото погон и звёзд, дал высокие государственные посты... Это был тот, кто явно — и формально и неформально — возвышался над ними в силу очевидной гениальности и величия личности и судьбы.

Увы — «тьмы низких истин» им был дороже их «возвышающий» обман...

СТАЛИН САМ ПЛАНИРОВАЛ В 1941 ГОДУ ПРЕВЕНТИВНЫЙ УДАР ПО ГЕРМАНИИ, И ГИТЛЕР ЕГО ВСЕГО ЛИШЬ УПРЕДИЛ (ВАРИАНТ: СТАЛИН И ГИТЛЕР ДОГОВОРИЛИСЬ О СОВМЕСТНОМ УДАРЕ ПО АНГЛИИ, НО ГИТЛЕР ОБМАНУЛ СТАЛИНА И УДАРИЛ ПО РОССИИ)

Этот миф родился в первый же день начала войны Германии с СССР усилиями коллектива безымянных авторов во главе с рейхсканцлером Германии Гитлером и рейхсминистром Риббентропом. Этот миф был подробно изложен и «обоснован» в ноте министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года. В заключительной части ноты было сказано (цитирую по тексту, опубликованному в «Военно-историческом журнале», 1991, № 6, стр. 32—40):

«...Если и было малейшее сомнение в агрессивности стратегического сосредоточения и развертывания русских войск, то оно было полностью развеяно сообщениями, полученными Верховным командованием вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий.

<...>

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ИЗЛОЖЕННЫХ ФАКТАХ, ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕЙХА ВЫНУЖДЕНО ЗАЯВИТЬ:

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВОПРЕКИ СВОИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ В ЯВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ СО СВОИМИ ТОРЖЕСТВЕННЫМИ ЗАЯВЛЕНИЯМИ ДЕЙСТВОВАЛО ПРОТИВ ГЕРМАНИИ, А ИМЕННО:

1. ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ПРОТИВ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЫ БЫЛА НЕ ПРОСТО ПРОДОЛЖЕНА, А С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ (после 1 сентября 1939 года. — *С.К.*) ЕЩЕ И УСИЛЕНА.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТАНОВИЛАСЬ ВСЕ БОЛЕЕ ВРАЖДЕБНОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГЕРМАНИИ.

3. ВСЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ БЫЛИ СОСРЕДОТОЧЕНЫ И РАЗВЕРНУТЫ В ГОТОВНОСТИ К НАПАДЕНИЮ.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДАЛО И НАРУШИЛО ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ. НЕНАВИСТЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЫ К НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМУ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗУМА. БОЛЬШЕВИЗМ — СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МОСКВА ГОТОВА НАНЕСТИ УДАР В СПИНУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ, ВЕДУЩЕЙ БОРЬБУ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ...»

Я уже ранее говорил, что многие претензии Рейха к СССР были обоснованными. Однако при этом нам надо понимать, что эти претензии были настолько же обоснованными, насколько не обоснованным было заявление о том, что Москва якобы была готова нанести Германии удар *в спину*, тем более — изготовившись к этому удару в *1941 году*. Пауль Карель, автор известной книги «Гитлер идёт на Восток», изданной в ФРГ в 1963 году, признавал, что «...к какому бы мнению кто

бы ни склонялся, Сталин совершенно очевидно не собирался нападать на Германию в 1941 году». И далее Карель писал: «Процесс полного перевооружения Красной Армии, особенно в том, что касается танковых частей, находился на середине. В войска поступали новые танки и самолеты. Очень возможно, что именно по этой причине Сталин старался не провоцировать Гитлера на нежелательные действия».

Даже генерал-фельдмаршал фон Манштейн и генерал полковник Гот на вопросы о том, какой характер носила группировка советских войск к 22 июня 1941 года — оборонительный или наступательный, после войны высказывались в том смысле, что характер дислокации и развёртывания советских частей наиболее точно было бы определить как «развёртывание на всякий случай», а глубина расположения советских войск была такова, что их можно было применять лишь в оборонительных операциях. И это — абсолютно точная оценка. Правда, оба германских военачальника оговаривались, как, например, Манштейн, что «в течение очень короткого периода времени Красная Армия имела возможность перегруппироваться для перехода в наступление»...

Собственно, жонглирование номерами сосредотачивающихся советских частей и шулерское использование карт с указанием их сосредоточения как раз и позволяет «исследователям» типа «Суворова»-Резуна заявлять о намерении Сталина ударить в июле 1941 года... Но в РККА к июню 1941 года в местностях, где на картах стояли обозначения, например, грозных механизированных корпусов, реально дислоцировались лишь «эмбрионы», зародыши этих корпусов — мы это увидим чуть позднее. И уже это обстоятельство опровергает схемы резунов.

Я повторяю: Гитлер имел логические и политические основания опасаться такого варианта *в принципе* — в обозримой политической перспективе. Тот же Пауль Карель (под этим псевдонимом, возможно, скрывался бывший личный переводчик Гитлера Пауль Шмидт) сообщает, что вскоре после окончания бесплодного

визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года Гитлер записал: «Теперь я уверен, что русские не станут ждать, пока я разгромлю Британию».

Да, Гитлер колебался и сомневался... Но подобные сомнения или укрепляются, или рассеиваются в результате недвусмысленных предварительных дипломатических шагов. Сталин, резонно опасаясь удара Германии *в грудь* России летом 1941 года, предпринял такой прямой дипломатический шаг — 14 июня в «Известиях» было опубликовано сообщение ТАСС от 13 июня.

Рискуя увеличивать и увеличивать объём книги, я всё же приведу это сообщение в его основных системных блоках, начиная с первых строк:

«Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон (Криппс прибыл в Лондон 11 июня 1941 г. — *С.К.*), особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией» <>...

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве всё же сочли необходимым... уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий...; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии (то есть в польское «генерал-губернаторство» и Восточную Пруссию. — *С.К.*) связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским

отношениям (так Сталин деликатно намекнул на «английские» планы Рейха. — *С.К.*); 3) СССР... соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...»

Сталин предпринимал этот зондаж, прекрасно понимая, что успокоительная официальная реакция Берлина на сообщение ТАСС не означала бы, конечно, что Москва может спать спокойно, но что отсутствие официальной реакции Берлина однозначно станет для нас сигналом боевой тревоги.

Гитлер отмолчался. Он уже имел под рукой «рыбу» ноты аусамта от 21 июня 1941 года, и его публичный успокоительный ответ Сталину за неделю до полностью подготовленного германского удара по России делал бы с самого начала невозможным даже минимальное дипломатическое и политическое оправдание агрессии Германии.

Гитлер это понимал, потому и отмолчался, хотя не мог не сознавать, что его молчание для Сталина будет красноречивее любых словесных излияний.

Гитлер понимал.

А Резун-«Суворов»?

Думаю, понимал это, начав выполнять *заказ* на свой «Ледокол», и он. Недаром же в предисловии к своей книге он написал: «Я замахнулся на самое святое, что есть у нашего народа... Для этого надо было стать предателем. Я им стал... Мой отец был моей первой жертвой. Я у него просил прощения. Он меня не простил»...

И далее Резун сам признаёт: «Я предатель, изменник... Таких не прощают», и экзальтированно восклицает: «Ругайте книгу, ругайте меня. Проклинайте»...

Вообще-то от этого попахивает то ли паранойей, то ли шизофренией... Но жить-то, предав Родину, надо... А английские фунты, хотя это и не швейцарские франки, — валюта надёжная. К тому же и в России политическая конъюнктура складывалась благоприятная —

Родину начинали предавать не отдельные отщепенцы, а чуть ли не «гамузом» всё Политбюро, ЦК КПСС, Совет Министров СССР и прочая, и прочая, и прочая... Как говорится — скорлупа беззакония плавает в океане глупости. И поскольку на просторах России с конца 80-х годов этот океан разливался всё шире, «Виктор Суворов» мог запускать в него свой «Ледокол» без опасений, что он сядет на мель.

Да, миф о превентивном ударе Сталина по Гитлеру родился в один день с началом удара Гитлера по России, с тех пор пережил ряд взлётов и падений, однако полнокровную вторую жизнь обрёл лишь в «перестроечном» Советском Союзе, идиотизируемом его же «элитой». Тогда-то, во времена «развёрнутой перестройки», во всех интеллигентских курилках взахлёб и начали обсуждать и превозносить «Ледокол» Резуна-«Суворова».

Не раз размышляя над феноменом «Ледокола», я думал: «Почему далеко не всегда достигается историческая однозначность? По недостатку сведений? Но ведь до сих пор спорят о причинах даже Первой мировой войны — события, казалось бы, более чем документированного»... Очевидно, дело в том, что объективную картину можно воссоздавать лишь предельно чистыми руками непредвзятого историка, уважающего ***всю*** совокупность исторических фактов. А если автор начинает не анализировать прошлое, а ***подбирать*** в нём то, что укладывается в его «концепцию», то вместо правды даже в лучшем случае общество получит правдоподобие. В худшем же — ту преднамеренную чудовищную ложь, в которую так хочется поверить некоторым легковерным людям.

На самом же деле «Суворов» не сделал никаких открытий, утверждая, что и Советский Союз, и его руководитель Сталин интенсивно готовились к тяжёлой войне с гитлеровской Германией. Конечно, готовились, да ещё и как! И были бы последними глупцами, если бы не готовились. И воевать — если уж возникнет необходимость — собирались «малой кровью, могучим

ударом»... Но какой же дурак вот так сразу, за здорово живёшь, готовится воевать кровью большой?

Но «Суворов» заявляет иное: Красная Армия, полностью готовая к уже давно задуманной-де Сталиным агрессии, вот-вот должна была начать первой! Так, в подтягивании к западным границам новых войск непосредственно перед войной он видит их изготовку к агрессии. Хотя проще видеть здесь то, что и было: спешные меры в ситуации, когда поведение Германии на границах с СССР становилось всё более провокационным, а войск на границе было для обороны недостаточно.

Или вот что пишет «Суворов», ссылаясь на некоего «лётчика» Прайса: «Наиболее мощное вооружение среди серийных истребителей мира в сентябре 1939 года имел русский И-16... По огневой мощи И-16 в два раза превосходил «Мессершмитт-109Е» и в три раза «Спитфайр-1».

Уже само такое заявление поверхностно. У каждого массового самолёта много модификаций. И наиболее характерные данные И-16 таковы: 2—4 пулемёта ШКАС калибра 7,62 мм. На некоторых модификациях устанавливались, да, ещё и две пушки ШВАК калибра 20 мм. Но этот тип (17-й) предполагалось использовать как штурмовик. Насколько часты были пушечные И-16, можно судить по тому, что даже лётчик Московской зоны ПВО Виктор Талалихин пошёл на таран, ибо слабое пулемётное вооружение его «ишачка» не позволило сбить врага оружием. Об этом писал знаменитый Марк Лазаревич Галлай.

«Мессершмитт» же «109Е» (как и И-16) имел вариантное вооружение: и 4 пулемета МГ-17 калибра 7,92 мм, и два МГ-17 при 20-мм пушке МГ-ФФ «Эрликон», и две пушки МГ-ФФ.

«Спитфайр» вооружался и восемью пулемётами 7,69 мм «Виккерс», и двумя пушками «Испано» калибра 20 мм, и четырьмя пулемётами и двумя пушками.

Английский «Харрикейн» имел до десятка пулёметов 7,69 мм.

«Аэрокобра» США несла два пулемёта калибра 12,7 мм и пушку калибра 37(!) мм. Это — перед войной!

То есть говорить о двух-, а то и трёх(!)кратном даже огневом превосходстве И-16 над другими истребителями не приходится, если оставаться на почве профессионального анализа. Тем более что боевые возможности рода войск (и, естественно, ВВС) определяются комплексом качеств: тактико-технические характеристики техники, её ресурс плюс боевая выучка личного состава, которая у люфтваффе была тогда в целом, конечно, выше...

Доказывая якобы супервооружённость советских ВВС, «Суворов» сообщает, что ещё в 1939 году впервые в мире наши самолёты в боевой обстановке использовали ракеты. Да, это так — их использовали впервые на Халхин-Голе. Но это не значит с точки зрения боевого совершенства авиации ни-че-го! Ракеты (типа снарядов «Катюш») в то время, перед войной и в начале войны, ***для авиации*** серьёзной боевой ценности не представляли. Их применение было эпизодическим, хотя порой, как свидетельствует, например, Александр Покрышкин, и исключительно результативным.

Не лучшее знакомство обнаруживает «Суворов» и с историей советского оружия и Вооружённых Сил вообще, безграмотно излагая значение для нашего танкостроения идей американца Кристи, отечественную воздушно-десантную эпопею и т.д.

Но и просто историю «аналитик»-перебежчик знает не ахти как... Он пишет: «Сталин продал на внешнем рынке титанические (любимая «количественная» мера Резуна. — *С.К.*) запасы золота, платины, алмазов». Чуть ниже речь уже о «коллекциях бриллиантов», то есть под «алмазами» подразумеваются, надо полагать, не они, а промышленные алмазы. Откуда Сталин взял перед войной в СССР алмазы для экспорта, если первую алмазную «трубку» нашли в Якутии в шестидесятых годах, знает, наверное, лишь наш «профессиональный», как его аттестует «Ди Вельт», разведчик. А вот замнаркома вооружения Новиков пишет о том, что импортные алмазные «карандаши» для заточки инструмента директорам заводов выдавали в наркомате лично в руки. И это на правду похоже больше.

«Суворов» пишет о расформировании Днепровской военной флотилии в 1940 году и создании на её базе флотилий Дунайской и Пинской, и для него это — подготовка к походу на Румынию, которая представлена как «нефтяное сердце» Германии, и на саму Германию. О Пинской, например, флотилии написано так: «Использовать Пинскую военную флотилию в обороне нельзя». И отсюда «вывод»: она-де — орудие агрессии.

Но вот что сказано в Большой Советской энциклопедии (изд. 3, т. 8): «В начале Великой Отечественной войны... Пинская военная флотилия приняла активное участие в боевых действиях в Полесье, под Бобруйском, Гомелем, Кременчугом и в обороне Киева. Большинство кораблей флотилии погибло в боях».

Оборонительных...

А вот уж совсем «бесспорное» — для экс-Резуна — «доказательство» того, что в 1941 году не Гитлер собирался напасть (и напал!) на нас, а Сталин чуть не успел его опередить. Со ссылкой на некие «воспоминания композитора А. Александрова» «Суворов» сообщает, что «диктатор» якобы ещё в феврале 1941 года заказал Александрову песню «Вставай, страна огромная!».

Каково?

Александров — композитор, так как же Сталин мог ему заказать что-то конкретное по текстовому наполнению? Заказывать уж тогда надо было Василию Лебедеву-Кумачу, автору не мелодии, а текста. Но у Кумача (как отпетого «сталиниста», надо полагать) на сей счёт свидетельств не находится.

Как ещё один пример «добросовестности» Резуна я приведу, а потом прокомментирую цитату из одной из последних книг «Виктора Суворова» — «Беру свои слова обратно», где он, «р-р-раздраконив» маршала Жукова, сообщает:

«Итог дискуссии о роли Жукова под Сталинградом и на Курской дуге подвел главный маршал авиации Голованов: «Жуков ***не имеет прямого отношения*** (выделение

моё. — *С.К.*) к Сталинградской битве, и к битве на Курской дуге, и ко многим другим операциям» (Ф. Чуев. Солдаты империи, с. 314)».

Уж не знаю, что там написано в книге Феликса Чуева, но Резуну не мешало бы справиться в первоисточнике, например, в издании мемуаров А.Е. Голованова «Дальняя бомбардировочная...» (М.: Центрполиграф, 2007). И тогда Резун мог бы узнать подлинное мнение маршала Голованова и не вводить своих читателей в заблуждение так нагло и подло.

Александр Евгеньевич Голованов имел с Жуковым, как сам он признаётся, «не лучшие отношения». И, тем не менее, на страницах 579—580 своих мемуаров он пишет, что, когда Жуков стал заместителем Верховного Главнокомандующего, его (Жукова) способности в военном деле получили дальнейшее развитие. Далее Голованов пишет, что не имеет возможности перечислить всё, сделанное Жуковым на данном поприще, но замечает:

«Однако нужно сказать, что он (Г.К. Жуков. — *С.К.*) ***имеет прямое отношение*** (выделение моё. — *С.К.*) и к Сталинградской битве, и к битве на Курской дуге, и ко многим другим операциям»...

При этом Голованов сообщает, что был, пожалуй, единственным из маршалов, который посетил Георгия Константиновича после его снятия с поста министра обороны, чтобы показать, что уважение Голованова к полководческому таланту Жукова остаётся неизменным вне зависимости от того, является ли Жуков министром или просто гражданином Советского Союза.

Вот так наш Резун и *режет* правду-матку — режет без ножа.

Далее я на анализе конкретики мифов Резуна останавливаться не склонен, но предложу читателю два замечания по теме.

Первое... Сталин, планируя — по Резуну — превентивный удар по Рейху, почему-то до последнего дня

отправлял в Рейх эшелоны и суда в рамках выполнения договорных поставок сырья и продовольствия, а Гитлер, не планируя — по Резуну — удара по России, к 22 июня 1941 года не имел в советских портах ни одного германского торгового судна.

Второе... Сталин, планируя — по Резуну — превентивный удар по Рейху, почему-то не распорядился заблаговременно уничтожить документацию советского посольства в Берлине, и для того, например, чтобы после начала войны шифровальщица легальной резидентуры НКГБ успела сжечь кодовые книги, сотруднику резидентуры Гукасову пришлось затеять жестокую драку с гестаповцами и быть ими избитым. При этом семьи советских дипломатов оставались в Берлине до начала войны, и их набралось в итоге на целый поезд, с мытарствами добравшийся в СССР очень нескоро.

А Гитлер, не планируя — по Резуну — удара по России, санкционировал заблаговременное уничтожение бумаг германского посольства в Москве, и над зданием посольства ***всю*** последнюю предвоенную ***неделю*** вился дым — там вовсю жгли документы. При этом в самом посольстве оставался минимальный служебный персонал, а семьи сотрудников посольства уже находились в Германии — якобы на отдыхе.

Увы, на Резуне-«Суворове» миф об агрессивном Сталине не закончился. Резун относил удар Сталина на июль 1941 года. А уже упоминавшийся мной Марк Солонин в последние годы сделал и более сенсационное «открытие»! Он утверждает, что в июне 1941 года Гитлер, «сам того не ожидая» (!), «упредил удар Сталина ровно на один день». Соответственно, книгу, где Солонин «обосновывает» это «своё» «открытие», он назвал «23 июня: «день М». Так миф о сорванном Гитлером превентивном ударе Сталина по Гитлеру получил новое подтверждение. Не так чтобы очень весомое — примерно в 600 килограммов (~0,6 кг умножить на 10 000 экземпляров тиража), но всё же...

Набор «аргументов» и фактов здесь использован вполне «джентльменский», но ведь и среди джентль-

менов попадаются шулеры... Попадаются они и среди историков, и книга Солонина, как и книги Резуна, в своих основных концепциях, конечно, шулерская, однако подробный, постраничный анализ её полутысячи страниц вылился бы в не менее чем тысячу страниц текста, и такой подвиг я совершать не намерен. Поэтому возьмём лишь один, вполне характерный, пассаж автора «23 июня» и кратко его проанализируем.

На странице 28-й Солонин сообщает о том, что в 1989 году печатный орган МО СССР «Военно-исторический журнал» в № 4 опубликовал данные по механизированным корпусам, развёрнутым перед войной в западных приграничных округах, и далее пишет:

«...Но стоило нескольким «историкам-любителям» обратить внимание образованной публики на то, что мехкорпусов в Красной Армии было, оказывается, больше, чем у немцев — танковых дивизий, стоило только этим «любителям» взять в руки исправный калькулятор и доложить читателям, что, например, войска Юго-Западного и Южного фронтов (не очень ясно, почему «фронтов», а не Киевского Особого и др. военных округов? — *С.К.*) имели на вооружении 5826 танков, а немецкая группа армий «Юг» — всего 728, стоило только некоторым, особенно разнузданным «фальсификаторам истории» вслух заявить, что 5826 больше 728... Что тут началось... Сколько крика, сколько претензий...» и т.д.

Ирония — вещь неплохая, однако в данном случае она ни к месту уже потому, что при оценке соотношения вооружений сторон кроме умения манипулировать с калькулятором необходимы и некоторые технические знания и учёт таких, например, технических понятий, как «наработка до отказа», «гарантийные сроки эксплуатации», «техническая надёжность», «физический износ», «моторесурс».

Это ведь всё надо учитывать, как и такие факторы, как боевая подготовка, владение личным составом техникой, наличие радиосвязи, реальный боевой опыт...

5826 действительно больше 728, причём в качественном отношении *новые* советские танки Т-34 и KB не имели себе равных не только в танковых войсках Рейха, но и всего мира. И к началу войны их было произведено примерно полторы тысячи первых и более полутысячи вторых. Однако прекрасно выглядящие сегодня в таблицах новейших монографий ТТХ (тактико-технические характеристики) этих танков и внушительные цифровые данные по их наличию у СССР к 22 июня 1941 года в реальном масштабе времени, то есть летом 1941 года, несколько портило наличие такой ничем не устраняемой до какого-то момента детали, как уже упоминавшаяся мной «наработка до отказа», и прочих подобных деталей.

Изливать накопившуюся злобу на Сталина проще, чем освоить хотя бы азы теории надёжности, но без знания и понимания некоторых моментов рассуждать о некоторых вещах невозможно. Точнее, можно, но — безграмотно, невежественно и поверхностно. Поэтому — немного теории...

В соответствии с межгосударственным ГОСТом (Государственным стандартом) 27.002-89 «Надёжность в технике. Основные понятия. Термины и определения» надёжность — это «свойство объекта сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях применения, технического обслуживания, хранения и транспортирования».

Проще говоря, надёжность обеспечена тогда, когда что-то работает безотказно и не преподносит никаких сюрпризов в виде, скажем, гусеницы танка, порвавшейся не в бою или через десятки часов эксплуатации, а при первом же выезде на учения.

Отказ же, в соответствии с ГОСТ 27.002-89 — это событие, заключающееся в нарушении работоспособного

состояния. При этом внезапный отказ — это «отказ, характеризующийся скачкообразным изменением значений одного или нескольких параметров объекта».

А наработка до отказа — это (я цитирую здесь и далее всё тот же ГОСТ) «продолжительность работы объекта от начала эксплуатации до возникновения первого отказа».

Существуют и показатели безотказности. Например, есть средняя наработка до отказа — «математическое ожидание наработки объекта до первого отказа», и есть средняя наработка на отказ — «отношение суммарной наработки восстанавливаемого объекта к математическому ожиданию числа его отказов в течение этой наработки».

Так вот, с этими самыми наработками у новейших советских танков к середине 1941 года дела обстояли не лучшим образом. Хотя тогда теория надёжности ещё не существовала даже в самом зачаточном виде, техника ломалась. И нередко ломалась совершенно неожиданно, да и не всегда объяснимо. Ведь техника эта была даже не новая, а — *новейшая*! То есть ещё плохо изученная даже её создателями, недостаточно освоенная в серийном производстве и мало изученная в части её реальных эксплуатационных характеристик.

Я понимаю, что пустился в обсуждение вопросов, которые для любителей скоропалительно-залихватского чтения типа «Ледокола» Резуна или «23 июня» Солонина скучны. Но что делать — Вторая мировая война была войной моторов, и при анализе её событий хотя бы немного в теории технической надёжности ориентироваться надо. И надо понимать, что воистину грозными для врага «тридцатьчетвёрки» и КВ стали чуть позже, когда реальная война и реальная эксплуатация выявили многие их недостатки и эти недостатки были выправлены.

Итак, к 22 июня 1941 года наши новейшие танки были ещё, увы, не очень-то надёжны. Они ведь начали поступать на вооружение лишь в 1940-м, а то и в 1941 году.

«Однако в РККА имелись тысячи не таких уж и плохих — по сравнению с немецкими T-I, T-II и даже T-III — более старых танков: БТ-7, Т-26 и т.д.», — заявляют резуны и солонины.

Да, имелись... В количестве до 11 тысяч единиц. Но для них к 22 июня 1941 года стали актуальными уже другие понятия теории надёжности. И прежде всего — понятие «назначенный ресурс», то есть «суммарная наработка, при достижении которой эксплуатация объекта должна быть ***прекращена*** (выделение везде моё. — *С.К.*) независимо от его технического состояния», и понятие «назначенный срок службы». Старые лёгкие танки — по причине их давнего производства, в массе своей были уже не только морально, но и физически изношенными. Они уже почти выработали свой ресурс и подлежали снятию с вооружения и замене. Они всё чаще, уже в мирное время, переходили из исправного состояния — «состояния объекта, при котором он соответствует всем требованиям нормативно-технической и (или) конструкторской (проектной) документации», в неисправное состояние, то есть в «состояние объекта, при котором он не соответствует ***хотя бы одному*** из требований нормативно-технической и (или) конструкторской (проектной) документации».

А многие советские «бэтэшки» и другие их родные и двоюродные «братья», произведённые ещё во время первой советской пятилетки, к 22 июня 1941 года не соответствовали не то что ***одному*** из требований нормативно-технической и конструкторской документации, но сразу нескольким. То есть, говоря попросту, всё чаще ломались по причине выработки ресурса, физического износа.

А ведь ресурсы у боевой техники даже *назначенные*, «штатные», никогда большими не бывают. Особенно у танков и истребителей, реальная боевая жизнь которых исчисляется нередко всего лишь часами. Это не «жигуль», который в умелых руках живёт чуть ли не вечно...

К тому же остро стояла проблема запасных частей. С одной стороны, ей тогда при производстве не очень-

то уделяли внимание — у социалистической России, ещё недавно бывшей лапотной «Расеей», просто не было необходимого опыта. С другой стороны, в первые годы массового развития танкостроения в запчастях не было и особой необходимости — танки в СССР развивались стремительно, и вместо консервирования технического «статус-кво» за счёт замены изношенных частей было в какой-то период разумнее переходить к производству новых моделей.

«Так что, — спросят резуны, — мы делали такие танки, которые не могли ездить, а только ломались?»

Ездили, ездили наши танки! Но до тех пор, пока не был исчерпан ресурс, а он у тысяч танков кончался как раз в 1941 году. Между прочим, даже современные танки часто возят на специальных трейлерах, чтобы сберечь ресурс двигателя и ходовой части.

Что же до тысяч устаревающих танков в РККА, то эта сомнительная «мощь» не в последнюю очередь объяснялась некомпетентностью двух подряд начальников вооружений РККА — Тухачевского и Уборевича, которые заказывали промышленности эти многие тысячи, не заботясь о перспективных схемах. Конструктор среднего танка Т-34 Михаил Ильич Кошкин буквально надорвался, отстаивая своё детище, и умер ещё до войны, 26 сентября 1940 года, совсем молодым — в сорок два года. Сталинская премия ему была присуждена уже посмертно — в 1942 году.

К тому же на старых танках, как правило, не было рации (на старых истребителях — тоже), за что надо «благодарить» тоже этих двух высокопоставленных заговорщиков и изменников.

Наконец, новая техника не была должным образом освоена, да и некомплект её был к середине 1941 года велик. Здесь показательны и типичны воспоминания дважды Героя Советского Союза генерала армии Дмитрия Даниловича Лелюшенко. Весной 1941 года его назначили командиром 21-го механизированного корпуса, но корпус ещё лишь предстояло сформировать в составе двух танковых и одной мотострелковой дивизии. По штату корпус,

дислоцировавшийся на юго-западе Псковской области на даугавпилсском направлении, должен был иметь 1031 танк разных марок, а в наличии было 98 БТ-7 и Т-26. Мощные КВ и Т-34 только начинали поступать.

Стремясь быстрее закончить формирование, Лелюшенко торопил командование с присылкой техники и оружия, но в ответ слышал: «Не торопитесь, не только у вас такое положение». За месяц до начала войны Лелюшенко был в ГАБТУ — Главном автобронетанковом управлении РККА и спросил его начальника генерал-лейтенанта Федоренко: «Когда прибудут танки? Ведь чувствуем, немцы готовятся...» Федоренко успокоил: «Не волнуйтесь! По плану ваш корпус должен быть укомплектован полностью в 1942 году».

Примерно так же обстояли, к слову, дела и в советских ВВС. На этой стороне вопроса я здесь останавливаться не буду, сказав лишь, что новые наши пушечные истребители Як-1 и ЛаГГ-3 были не так уж и хороши по сравнению с новыми немецкими истребителями, а Миг-3 имел лишь пулемётное вооружение. При этом налёт на самолётах новых марок Як-1, Миг-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2 у многих лётчиков составлял менее 10 часов. Другими словами — всё ничего! А старые самолёты далеко не все были боеспособными.

Чтобы было ясно, что я имею в виду, приведу фрагмент записи в дневнике генерала Гальдера от 12 сентября 1941 года:

«*Авиация противника* на 11.9.1941 года насчитывает 670 истребителей, 600 бомбардировщиков, 1230 учебных самолетов и 440 других самолетов. Итого — 2940 самолетов.

Если принять, что только 40 процентов самолетов являются боеспособными, то он имеет 270 боеспособных истребителей и 240 бомбардировщиков».

С готовыми к бою танками положение, как правило, было ещё сложнее. При этом на 22 июня 1941 года немецкая группа армий «Юг», упоминаемая Солониным,

имела все 728 танков, естественно, боеспособными, а вот упомянутые Солониным же 5826 советских танков были боеспособными лишь в некоторой своей части, и вряд ли боеготовый их процент составлял реально более 30 процентов.

Да и надёжность наших боеспособных танков была, как уже сказано, к 22 июня недостаточна для новых танков. Для старых танков имелась проблема ресурса, то есть износа.

Несколько слов о соотношении, приведённом Солониным: 5826 наших танков Юго-Западного и Южного фронтов против 728 немецких в группе армий «Юг»...

Юго-Западный фронт — это до 22 июня 1941 года Киевский Особый военный округ (КОВО), а Южный фронт — в основном Московский военный округ. Последний танков имел мало (на 1 июня 1941 года 4 КВ и 5 Т-34, а всего к 22 июня 1941 года — чуть более тысячи в основном устаревших танков).

В одном из изданий книги М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» (М.: Вече, 2002) приведены данные по наличию бронетехники в Красной Армии на 1 июня 1941 года (таблица 24 Б приложения Б), из которых следует, что в КОВО имелось 5836 танков, из которых: КВ — 278; Т-34 — 496 (всего современных танков 774 единицы). Из таблицы же 7 В приложения В — данные по укомплектованности мехкорпусов западных приграничных округов на 22 июня 1941 года — следует, что в КОВО имелось 4793 танка. То есть даже в одной книге одного автора имеем разнобой более чем в тысячу единиц. Последняя цифра по КОВО примерно согласуется с суммарной (по двум фронтам) цифрой М. Солонина, но вообще-то — точные подсчёты боеготовой техники, да ещё через шестьдесят лет после её эксплуатации, — это вещь в себе.

А теперь я открываю страницы 18—19 интереснейшей, богато иллюстрированной фотографиями книги французского историка Франсуа де Ланнуа «Немецкие танки на Украине. 1941 год» (М.: Яуза, 2006), где отражены боевые действия 1-й танковой группы из группы армий «Юг», и читаю:

«Войскам 1-й танковой группы (командующий генерал-полковник Эвальд фон Клейст. — *С.К.*) противостояли 5-я и 6-я армии, которые вместе с 26-й и 12-й армиями входили в состав Киевского Особого военного округа. Последний, состоявший под командованием генерал-полковника Кирпоноса, после начала боевых действий был переименован в Юго-Западный фронт...

...5-я и 6-я армии, противостоявшие 1-й танковой группе, представляли собой мощную силу. Четыре механизированных корпуса этих армий имели не менее 2590 танков против всего лишь 880 танков (у М. Солонина — 778. — *С.К.*) 1-й танковой группы! Однако из этих 2590 танков только 596 (по данным М. Мельтюхова — 774. — *С.К.*) были эквивалентны 615 Pz. III и IV».

Требуются комментарии?

Где же здесь то якобы подавляющее превосходство РККА в танках, о котором нам талдычат солонины, «суворовы» и т.д. и т.п.? Причём ещё раз напоминаю, что у немцев танки, изготовившиеся к удару по СССР, были, во-первых, достаточно новыми с точки зрения износа и достаточно надёжными с точки зрения их приработки и выявления производственных дефектов в процессе эксплуатации. Во-вторых, они были тщательно проверены и подготовлены к предстоящим близким боевым действиям со всей немецкой тщательностью. А у личного состава танковых войск Рейха был реальный боевой опыт современной маневренной войны в Польше и в Северной Франции. Иногда указывают на то, что продолжительность боевых действий и там и там была недолгой, но даже один реальный бой обогащает человека таким опытом — как воинским, так и психологическим, — который не даётся любыми учениями.

У советских танкистов такого опыта, по сути, не было — ни Испания, ни Халхин-Гол, ни тем более финская война не походили на то, чему предстояло развернуться на просторах России с утра 22 июня 1941 года.

То есть 1941 год был для РККА годом активного перевооружения и боевой учёбы, и уже поэтому ни о каких превентивных ударах СССР по Германии не могло быть и речи. Во всяком случае — в 1941 году. Да, Генштаб РККА проводил в этом направлении соответствующие штабные разработки, и именно из опубликованных в 90-е годы и позднее подобных документов Резун, Солонин и иже с ними выдирают цитаты и, размахивая ими, обрушивают на головы образованной публики дутые «сенсации» о превентивных планах Сталина. Но Генштаб, не рассматривающий различные варианты действий Вооружённых Сил — от оборонительных до наступательных, — даром ест хлеб той страны, которая своих генштабистов кормит.

Но из чего надёргивают цитаты авторы «сенсаций» о якобы подготовке превентивного удара РККА в 1941 году? Ну, скажем, вот из чего...

В 1991 году, году 50-летия начала Великой Отечественной войны, «Военно-исторический журнал» Минобороны ещё СССР, редактируемый тогда ещё генерал-майором В.И. Филатовым, опубликовал ряд интересных документов и аналитических материалов, опровергающих заявления о подготовке СССР к превентивному удару (см., в частности, № 3, 4, 5, 6 за 1991 год).

Однако уже в № 12 за 1991 год — год успешной антисоветской контрреволюции — тот же «ВИЖ», ещё орган МО СССР, но редактируемый уже В.С. Ещенко, занял сомнительные позиции... В № 1 за первый наш антисоветский, 1992, год «ВИЖ» был представлен читателю как «орган Министерства обороны» непонятно какой страны. В этом «органе», в его № 1, на странице 7-й и был опять поставлен вопрос: «Готовил ли СССР превентивный удар?»

Далее — до страницы 30-й шла некая архивная «информация к размышлению», а ответ на вопрос, хотя был и сформулирован не очень-то вразумительно, был всё же отрицательным.

Из № 2 «ВИЖ» за тот же 1992 год читатель впервые мог узнать, что журнал «учрежден Генеральным штабом

Вооруженных Сил», и это было несколько неожиданно, поскольку «ВИЖ» был основан в 1939 году как орган НКО СССР.

Во втором-то номере «ВИЖ» и появилась публикация «Упрямые факты начала войны», в которой были приведены тексты «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» от 15 мая 1941 года и проекта записки Тимошенко и Жукова на имя Сталина и Молотова по планам стратегического развёртывания в 1941 году. Оба документа, написанные от руки А.М. Василевским, никем не были ни подписаны, ни тем более утверждены.

Особенно эффектно с позиций Резуна выглядело начало первого документа:

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест-Демблин, и выход к 30-му дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц.

Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшей задачей — разбить германскую армию восточнее р. Висла...»

и т.д.

Второй номер «ВИЖ» за 1992 год, как я понимаю, и открыл «зелёный свет» для любых измышлений, «сенсаций», «толкований» и прочих «откровений» типа резуновских.

Я не очень верю в аутентичность этого документа, в том числе и потому, что как раз на конец 80-х — начало 90-х годов падает активная деятельность ренегатов типа генерала Волкогонова по фальсификации несуществующих «документов» и уничтожению подлинных архивных документов. Однако даже в «соображениях Василевского» нет и намёка на агрессивную войну СССР с целью разгрома Германии. Речь — об упреждающих действиях в условиях явно готовящейся агрессии Германии против СССР.

Миф о готовности СССР к превентивному удару опровергает и «Военный дневник» Гальдера. 24 июня 1941 года там появилась запись:

«Полное отсутствие крупных оперативных резервов совершенно лишает командование противника возможности эффективно влиять на ход событий. Однако наличие многочисленных запасов в пограничной полосе указывает на то, что русские с самого начала планировали ведение упорной обороны и для этого создали здесь базы снабжения».

Такой «стратег», как «Виктор» «Суворов», в наличии в приграничной полосе советских баз снабжения усматривает доказательство подготовки к превентивному удару СССР, но, как видим, такой «дилетант» в стратегии, как начальник Генштаба Сухопутных сил вермахта, усматривает в том же свидетельство чисто оборонительных намерений СССР.

То есть Резуна опровергаю не я, Сергей Кремлёв, а Франц Гальдер! Резун, правда, может привести, в свою очередь, немало противоположных высказываний Гальдера, которого военный историк из ГДР Иоганнес Цукерторт относил к «оголтелым разносчикам» утверждений о наличии у СССР весной 1941 года агрессивных

намерений. Но эти-то заявления Гальдера относятся ко временам уже «холодной войны»! А в преддверии са́мой «горячей» в истории мира войны Гальдер в своём дневнике записал 22 марта 1941 года:

«...Оборона на Востоке. Вопрос об оборонительных мероприятиях на Востоке на случай русского превентивного наступления выходит на первый план. Однако мы не должны допустить принятия каких-то слишком поспешных мер. Я не думаю о том, что русские проявят инициативу...»

Да, СССР не только не готовил превентивный удар, но и не имел к тому в 1941 году как особой нужды, так и — главное — реальной возможности. Иное положение в 1941 году было у немцев, у Гитлера. Я уже говорил об этом во вводной «Экспликации», но повторю — к лету 1941 года Гитлер оказался в крайне сложном положении.

Запад, ловко втянув его в войну с собой, мира не желал и готовил подключение к мировой войне Соединённых Штатов, которые, как и в Первую мировую войну, должны были прийти в изнурённую войной Европу, чтобы разгромить Германию и остаться в Европе в качестве верховного арбитра и хозяина.

Россия же занимала уклончивую позицию и порой давала — во всяком случае, в представлении Гитлера — основания Западу рассчитывать на себя как на «последнюю надежду Англии». К тому же в случае удара Запада по Германии где-то в 1942—1943 годах нельзя было исключать удара России по Германии с тыла — подобно тому, как это произошло осенью 1939 года в Польше.

Для понимания умонастроений Гитлера показательна запись в дневнике генерала Гальдера от 17 марта 1941 года:

«*Требование фюрера*: Оборона Норвегии должна быть обеспечена так, чтобы никакой внезапный налет про-

тивника не был возможен... Если англичане закрепятся в Норвегии, они смогут организовать взаимодействие с Россией...»

Поэтому для Гитлера было очень соблазнительно, да и логично пытаться решить «русскую проблему» в 1941 году до наступления тотального «момента истины» в примерно 1943 году, пока армия отмобилизована, боеготова и исполнена высокого воинского духа после впечатляющих побед весны и лета 1940 года.

Превентивный удар был логичен для Гитлера и был необходим Гитлеру.

Приходится лишь удивляться, как упорно в последние годы нам пытаются доказать обратное — например, Михаил Мельтюхов в своей нашумевшей книге «Упущенный шанс Сталина». Весьма капитальное, «пропитанное» немалой фактической (и почти всегда достаточно точной) информацией исследование, для написания которого автор использовал более тысячи источников, концептуально не стоит и гроша, поскольку построено на следующих тезисах (стр. 412 издания 2002 года):

«...для Советского Союза существовала благоприятная возможность нанести внезапный удар по Германии, скованной войной с Англией (в 1941 году этой войной более-менее был скован лишь ВМФ Рейха. — *С.К.*)... По мере продвижения Красной Армии в глубь Европы... Германия была бы накануне поражения...

...К сожалению, Сталин, опасаясь англо-германского компромисса, как минимум на месяц отложил (н-да. — *С.К.*) нападение на Германию, которое, как мы теперь знаем (? — *С.К.*), было единственным шансом сорвать германское вторжение...»

При этом на странице 304-й М. Мельтюхов утверждает, что основным-де аргументом сторонников «традиционной версии (? — *С.К.*) об оборонительных намерениях СССР» стали «материалы бесед Г.К. Жукова с некоторыми военными историками в 1960-е годы»...

Однако немногого стоят те «сторонники» «традиционной версии», которые все свои аргументы черпают из такого источника. Не «аргументы», а прямые доказательства исключительно оборонительных возможностей СССР в 1941 году, и то при условии своевременного приведения войск в боевую готовность и т.п., отыскиваются в изобилии в статистике тех лет, в реальностях 1941 года — экономических, внешнеполитических, военно-технических и военных, зафиксированных как советскими, так и западными документами.

Вообще-то Резун, Солонин, Мельтюхов могут иметь успех лишь у тех, кто детально не знаком хотя бы с «Военным дневником» генерала Гальдера. Не утомляя читателя обильным цитированием соответствующих его мест, просто скажу, что достаточно вдумчиво прочесть хотя бы его том 2-й (с 1.7.1940 по 21.6.1941) или хотя бы записи Гальдера к докладу у Гитлера от 17 марта 1941 года (стр. 405—406 издания 1969 года) и дневниковую запись от того же 17 марта 1941 года (стр. 409—410), чтобы убедиться в том, что удар Гитлера к лету 1941 года был фактически предрешён без каких-либо опасений превентивного удара со стороны Сталина.

Что же до гипотетического удара Сталина, то в 1941 году Сталин мог взвешивать те или иные варианты лишь вынужденного удара по Гитлеру — в ответ на его прямую агрессию. Сталин не догадывался, насколько плохо были готовы к войне его генералы, но знал достаточно, чтобы понимать всю авантюрность любых инициативных наших военных действий в 1941 году.

И в сказанном выше ничего не меняет тот факт, что на совещании высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 года генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов, начальник Управления боевой подготовки Красной Армии, при обсуждении доклада генерал-инспектора пехоты генерал-лейтенанта А.К. Смирнова о бое стрелковой дивизии в наступлении и обороне заявлял:

«...При наступлении на обороняющуюся немецкую дивизию наш корпус при преодолении всей глубины обороны будет иметь не менее как тройное превос-

ходство в живой силе и огневых средствах и может с большим успехом разгромить немецкую пехотную дивизию...»

Да, военные в конце 1940 года так говорили. Но чего стоят генералы, не готовые к любому варианту боевых действий — как в обороне, так и в наступлении?! Другое дело, что многие высшие советские генералы образца 1941 года оказались умелыми полководцами лишь на совещаниях, а не в реальной ситуации июня 1941 года.

На этом я краткий анализ мифа о «превентивном ударе Сталина» заканчиваю, но хотя бы немного надо остановиться на другом варианте этого мифа: «Сталин и Гитлер договорились о совместном ударе по Англии, однако Гитлер обманул Сталина и ударил по России».

Эту, совсем уж несуразную, «сенсацию» породили на свет не так уж, насколько я понимаю, давно. И она вызвала у «образованной публики» почему-то не смех, а бурный и горячий интерес — как и «Ледокол» Резуна в конце 80-х годов.

Казалось бы, не мне, написавшему не одну книгу о стратегической целесообразности именно советско-германского сотрудничества, в том числе — и исследование с элементами виртуальной истории «Кремлёвский визит фюрера», эту версию так вот, с ходу, опровергать. Но как раз потому, что я не так уж и мало сил отдал изучению той эпохи, я по поводу «новых версий» 22 июня 1941 года, выдержанных в подобном духе, могу лишь пожать плечами.

Да, вариант совместных действий СССР и Германии против англосаксов и конкретно — против Англии, на мой взгляд, был не только геополитически и исторически целесообразен (о чём толковал Егору Лигачёву Жан Тириар), но и реально возможен при рациональной политике как Гитлера, так и прежде всего Сталина. Лично я настолько в этом убеждён, что несколько лет назад написал исследование «Россия и Рейх — вместе вперёд!», которое всё ещё ждёт своего издателя.

Однако одно дело — возможность, и другое — реальность.

Совместный советско-германский удар по Англии был для России разумен и возможен, хотя и не в 1941-м, а в 1942 году. Тем не менее реальности 1940-го и 1941 годов по ряду причин, подробно анализировать которые у меня здесь нет возможности, оказались таковыми, что данная потенция никак не могла трансформироваться в действия.

Автор «новой версии начала войны» А. Осокин утверждает, что Сталин якобы пообещал Гитлеру вести войну против Англии совместно — к чему Гитлер его и так призывал. И якобы убеждённый в соблазнительности этого предложения для Гитлера, Сталин-де был спокоен и уверен в том, что Гитлер по России не ударит. Как утверждает А. Осокин, Сталин знал, что «этот вариант не может осуществиться, пока СССР нужен Гитлеру как союзник для разгрома Англии...».

Концентрация советских войск на границе объясняется А. Осокиным якобы тем, что они вскоре в эшелонах, вместе с дислоцированными в Польше — подальше от ударов английской авиации — германскими войсками, должны были направиться через Европу к Ла-Маншу, чтобы участвовать в совместной десантной операции в Англии.

Но Гитлер в конце концов решил обмануть Сталина и покончить вначале с Россией, а уж потом — самостоятельно — с Англией.

Такова — предельно кратко — схема Александра Осокина...

Забавно то, что в упомянутом выше виртуальном исследовании (это не роман, а именно исследование с элементами частично беллетризованной виртуальной истории) «Россия и Рейх — вместе вперёд!» описана, кроме прочего, и подготовка к совместной десантной операции, и даже сама операция, названная мной «Люфтлёве» — «Воздушный лев».

Однако, повторяю, это было дано как нереализовавшаяся возможность, а не как описание нереализовав-

шихся, но реально замышлявшихся событий! Говоря проще — я описал как чисто виртуальную ту ситуацию, которую Осокин подаёт как реальную.

Знакомство с обстоятельствами, предшествовавшими визиту Молотова в Берлин осенью 1940 года, с ходом самого этого визита и с последовавшими после него реальными и достоверными действиями сторон однозначно убеждает в полной абсурдности гипотезы А. Осокина и прочих подобных гипотез, если они высказываются не как геополитическая возможность, а как якобы реальный совместный план Сталина и Гитлера, сорванный вероломством Гитлера.

В подтверждение своей «новой версии» А. Осокин, кроме прочего, сообщает, что наши новейшие истребители МиГ-3 имели-де «потолок» 7 километров, но на такой высоте летали-де не немецкие, а английские бомбардировщики. Однако такие характеристики МиГ-3 были заложены в правительственном задании ещё в то время, когда будущий главный конструктор Михаил Иосифович Гуревич работал над высотным истребителем в КБ Поликарпова. У Поликарпова работал вначале и Артём Иванович Микоян. Отдельное КБ Микояна и Гуревича было создано 8 декабря 1939 года и сразу приступило к разработке высотного истребителя И-200. Вскоре он получил обозначение МиГ-1, а его развитие — МиГ-3. Высокий же «потолок» (он достигал даже 12 км!) МиГ-3 был обусловлен не планируемым — в представлениях А. Осокина — «боевым содружеством» Гитлера и Сталина, а тогдашними воззрениями на природу воздушного боя «теоретиков» ВВС РККА. К слову, в ходе войны они не оправдались — бои шли на средних и низких высотах, где МиГ-3 уступал и якам, и лаггам, и «Мессершмиттам» как по скорости, так и по маневренности и вооружению, хотя перед войной в войска поступало больше всего именно мигов. Зато миг крепко пригодился в ПВО Москвы и Ленинграда.

Однако якобы готовый сбивать англосаксонские «Ланкастеры» и «Боинги» МиГ-3 — это не единственная

«авиационная» деталь «новой версии» Осокина... В коллективном военно-историческом сборнике «Трагедия 1941 года» (М.: Яуза; Эксмо, 2008) А. Осокин даёт «разгадку» и «тайны» беспрепятственного пролёта немецкого транспортного самолёта «Юнкерс-52» от западных границ СССР до Москвы и его посадки на Тушинском аэродроме 15 мая 1941 года. Мол, так было доставлено Сталину некое срочное личное письмо Гитлера...

Оставим в стороне вопрос — не сошёл ли с ума одновременно со своим заместителем по партии Рудольфом Гессом, улетевшим в Англию 11 мая 1941 года, сам фюрер, избрав для «секретнейшей» доставки «сверхсекретного» письма подобный способ?

Простейший вариант: самолёт терпит аварию на маршруте, лётчик гибнет, самолёт разбит, а письмо сохраняется. И сверхсекрет Гитлера становится секретом Полишинеля.

Впрочем, повременим пока с подробным анализом «открытия» А. Осокина и обратимся для начала к достоверным и точным документам.

10 июня 1941 года нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков издали приказ № 0035, начинавшийся так:

«15 мая 1941 года германский внерейсовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было...

<...>

...Начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет...»

К слову, сообщу, что тогда Володину всего лишь объявили замечание, а вот 27 июня 1941 года арестовали — ведь ситуация 10 июня и 27 июня различалась как небо и земля.

В октябре 1941 года по решению Особого совещания при НКВД СССР, получившему после начала войны право приговаривать в качестве чрезвычайной меры к высшей мере наказания, Володина, а также генерал-полковников А.Д. Локтионова и Г.М. Штерна, генерал-лейтенантов авиации Ф.К. Арженухина, Героев Советского Союза И.И. Проскурова и П.В. Рычагова (бывшего замнаркома обороны СССР), дважды Героя Советского Союза Я.В. Смушкевича, дивинженера И.Ф. Сакриера, генерал-майоров М.М. Каюкова, Г.М. Савченко и бригинженера С.О. Склизкова расстреляли.

Но это — к слову. Возвращаясь же к полёту 15 мая, надо сказать, что случай это был безобразный со всех точек зрения. Сегодня порой утверждают, что того же Володина наказали так мягко потому-де, что перелёт был оговорён заранее между Гитлером и Сталиным, что все наши службы ВНОС (Воздушного наблюдения, оповещения и связи) спокойно наблюдали за Ю-52, а частям ВВС было приказано его не сажать и т.д.

Хорош получается у нас секретный перелёт, о странном характере которого и особом внимании к нему московского начальства осведомлены десятки, если не сотни людей. Гитлер что — не мог переслать пакет из Берлина в Москву абсолютно надёжной фельдсвязью поездом? Сутки с небольшим — и все дела!

К тому же, если Володина и Грендаля наказали тогда «для вида», то за что же Володина позднее расстреляли? И за что ещё до войны арестовали начальника Управления ПВО НКО СССР Героя Советского Союза Штерна? И не его одного...

Я не знаю подоплёки полёта 15 мая, однако некоторые соображения насчёт его имею, но пока их не выскажу.

Что же до Александра Осокина, то он «точно» знает, что стояло за этим полётом, и повествует об этом так:

«...Что означал этот перелет, никогда не объяснялось. Однако в последние годы опубликован текст письма Гитлера Сталину от 14 мая 1941 г. (выделения везде А. Осокина. — *С.К.*). Начинается оно так: «Уважаемый господин Сталин, я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии...

<...>

Примерно **15—20 июня я планирую начать** массированную переброску войск на запад с Вашей границы... **прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации.** (А это как? Поехали себе эшелоны по германской территории к морю, и поехали! Нам-то что? — *С.К.*)... Если же провокации... не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, **не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне** по известному Вам каналу связи...»

Здесь А. Осокин делает глубокомысленное замечание: «Вот и ответ на вопрос: «Что делал Сталин 22 июня 1941 г.?» Да он действовал по инструкции своего «искреннего» коллеги Адольфа, не слушая никого»...

Думаю, сам автор этой «сенсации» хорошо знаком с подлинной «фотографией рабочего дня» Сталина 22 июня 1941 года, однако, запуская в широкий оборот очередную историческую «дурочку», он явно рассчитывает на то, что по сей день со сталинским графиком работы 22 июня 1941 года знакомы из широкой публики не так уж и многие...

Впрочем, продолжим цитирование А. Осокина, цитирующего «письмо фюрера»:

«...Только таким образом мы сможем ***достичь наших общих целей***, которые, как мне кажется, ***мы с Вами четко согласовали***... *Я* благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе (скорее всего имеется в виду согласие на участие в операции «Морской лев». — *Прим. авт.*) и прошу извинить меня за тот

способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам. Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле. Искренне Ваш АДОЛЬФ ГИТЛЕР. 14 мая 1941 года».

Этому «письму» не хватает лишь постскриптума вроде: «Жду ответа, как Гудериан лета»... И любой компетентный эксперт, читая это «письмо», скорее всего получит истинное удовольствие от выявления фактических, логических и исторических несуразиц, которыми «письмо фюрера» наполнено, как филипповская булка изюмом. Увы, эта фальшивка изготовлена в расчёте именно что «на широкую публику», не осведомлённую ни о подлинных масштабах, которые приобрела в Рейхе подготовка удара по СССР к середине мая 1941 года, ни о характере этой подготовки, ни о ситуации с планированием десантной операции «Морской лев», ни о том, чем был занят Сталин в последние предвоенные недели и в день 22 июня 1941 года...

Да и общее представление о том, как обеспечиваются — материально, политически, экономически и в военном отношении — серьёзные государственные (а уж тем более — межгосударственные) мероприятия, надо иметь более чем слабое, чтобы в это «письмо» поверить.

Приведу лишь одну «нестыковку» — логическую... Если — по Осокину — Гитлер и Сталин уже «чётко согласовали» некие «общие цели», то какого рожна Гитлер лишь 14 мая 1941 года сообщает «союзнику», что он «окончательно пришёл к выводу» о необходимости скорейшего «сокрушения Англии»? Ведь всё уже — по Осокину — решено! Уже складируются на западной границе СССР советские боеприпасы, которые скоро повезут через всю Европу к Ла-Маншу... Уже демонтированы — по Осокину в рамках «союза» — старые УРы (укреплённые районы)... И главное — по ту сторону советской границы уже сосредоточены огромные массы германских войск. А Гитлера, оказывается, 14 мая только-только осенило, что Англию надо «сокрушить»...

Н-да.

На этом я краткий обзор «новой версии» Осокина тоже заканчиваю, отметив, что он объясняет появление «письма Гитлера» появлением в Англии Гесса, о чём «письмо» никак не могло умолчать — событие было свежим. Гитлер якобы написал Сталину: «...господин Гесс, я полагаю, в припадке умопомрачения или переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, побудить англичан к здравому смыслу»...

Что ж, о Гессе нам действительно не мешает здесь вспомнить. Видимая канва событий была следующей... 11 мая 1941 года Рудольф Гесс оставил письмо Гитлеру (ох уж эти письма!), на самолёте «Мессершмитт-110» долетел до Шотландии, там выбросился с парашютом недалеко от поместья герцога Гамильтона, приземлился неудачно, сломал лодыжку, был обнаружен фермером, доставлен на военную базу и...

И поскольку факт прилёта Гесса стал достоянием гласности — скажем, газета «Дейли Рикорд» всю первую полосу номера от 14 мая посвятила прилёту Гесса с фотографиями обломков самолёта и т.д., — то скандал получился всесветный. «Наци № 2 — в Лондоне!» Это была действительно суперсенсация...

14 мая Берлинское радио сделало пространное официальное сообщение, где, в частности, говорилось:

«...В свой полет Гесс отправился с намерением проследовать до поместья герцога Гамильтона и Брэндона в Ланкашире... Он полагал, что герцог принадлежит к британской группе, находящейся в оппозиции к Черчиллю, представляющему интересы клики поджигателей войны... Гесс считал, что герцог обладает достаточным влиянием, чтобы развязать эффективную борьбу против клики Черчилля... Германо-британскую войну Рудольф Гесс воспринимал как войну двух нордических народов, которая, если будет продолжена, приведет лишь к одному результату — полной гибели Великобритании...» и т.д.

Гесса объявили сумасшедшим, но что произошло с ним в действительности, скорее всего известно по сей день лишь тем, кто имеет доступ к полностью засекреченным английским архивам по Гессу. А они закрыты по «правилу ста лет» (запрет на публикацию информации, задевающей репутацию живущих людей) до 2041 года. При этом случай Гесса был явно «многослойным», и тайна тут имеется серьёзная...

Какая?

На Нюрнбергском процессе Гесс был приговорён к пожизненному заключению, отсиживал срок в тюрьме Шпандау, где с 1966 года оказался единственным заключённым, охраняемым посменно американцами, русскими, англичанами и французами. И как только горбачёвский СССР в 1987 году выразил готовность 93-летнего Гесса освободить, он тут же, во время охраны английской сменой, «покончил самоубийством». Вне сомнений — при «помощи» английской спецслужбы.

Что же знал Гесс? На эту тему написаны горы литературы, но свет на истину — на мой взгляд — проливает перепечатка в «Военно-историческом журнале» (№ 5, 1991, стр. 37—42) давней статьи бывшего редактора отдела международной жизни парижского антинацистского еженедельника «Das Neue Tagebuch» Леопольда Шварцшильда, опубликованной 4 августа 1941 года в канадской газете «Газетт Монреаль»...

Однако вначале закончим с полётом Ю-52... У него могло быть — как у полёта Гесса — тоже несколько «слоёв». Гитлер мог решать таким образом ряд задач и «убивать» сразу многих «зайцев».

Прикрытие полёта — лётчик потерял ориентировку и «заблудился». Истинная же цель? Их могло быть не менее трёх.

Первая — проверить состояние ПВО СССР, уровень оперативности в принятии решений в неординарной ситуации и реакцию русских на неё. Ведь через месяц с небольшим границу СССР должны были пересечь уже армады самолётов. При этом Гитлер мог особо не

опасаться, что полёт Ю-52 повысит бдительность русских — германские самолёты к 15 мая 1941 года нарушали воздушное пространство СССР, якобы заблудившись или без объяснений, как минимум десятки раз. Хотя до Москвы в мае 1941 года долетел лишь один — если иметь в виду не плановые пассажирские рейсы, а внерейсовый полёт.

Вторая причина — провести под благовидным предлогом окончательную глубокую воздушную разведку СССР на территории до Москвы не на максимальных высотах, а на высоте боевого полёта и по маршруту, отклоняющемуся от пассажирских трасс.

И третья — Гесс. Коль уж полёт Гесса стал известен всему миру и не мог не вызывать подозрений Сталина, то почему бы не предпринять «непонятный» полёт германского самолёта и в Москву, чтобы и Черчилль в Лондоне поломал голову — кто и зачем так неожиданно и «нештатно» прилетел к русским? При этом объективная головоломность ситуации — коль уж её создал Гитлер — устраивала и Сталина! Она работала на его желание показать Британии, что её расчёты на то, что Россия станет «шпагой» бриттов, беспочвенны и что отношения СССР и Рейха прочны и даже конфиденциальны. Поэтому виновников ротозейства вначале и не наказали крепко. И лишь позднее — когда стала выявляться суть такого ротозейства, меры последовали крутые.

А теперь — о Гессе.

Статья в «Газетт Монреаль» от 4 августа 1941 года, перепечатанная «ВИЖ» через полвека, начиналась так:

«Из достоверных источников, которые я могу охарактеризовать как авторитетные и безупречные, но которые пока не имею права называть, я получил информацию, дающую мне возможность впервые представить достоверную историю странного и на редкость сенсационного события текущей войны — полета Рудольфа Гесса в Шотландию...»

И далее Леопольд Шварцшильд сообщал, что предыстория полёта Гесса началась в первые недели Второй мировой войны, когда германское официальное агентство новостей ДНБ сообщило, что немецкая полиция арестовала двух очень опасных английских шпионов, один из которых, *майор* Бест, был представлен как начальник европейского отдела «Интеллидженс сервис», второй — *капитан* Стевенс был его ближайшим сотрудником.

«Немцы утверждали, — писал Шварцшильд, — что двое англичан причастны к взрыву в пивной (мюнхенский пивной зал «Бюргербраукеллер». — *С.К.*) 9 (на деле — 8-го. — *С.К.*) ноября 1939 года, где Гитлер выступал с речью... Напоминалось, что мина взорвалась на балконе (на деле мина была вмонтирована в колонну зала. — *С.К.*) через несколько минут после того, как Гитлер покинул пивную...»

Далее автор статьи в «Газетт Монреаль» описывал — весьма неточно — историю захвата англичан на *датской* территории, констатировал, что инцидент был быстро забыт даже *датской* стороной, а «между тем, — как заключал он, — именно происшествие с Бестом и Стевенсом было отправным пунктом истории с Гессом».

Тогда в Европе шла война, события — да ещё и деликатные — излагались Шварцшильдом почти в реальном масштабе времени, и он немало напутал, начиная с того, что инцидент с захватом произошёл на *голландской* территории в *голландском* приграничном городке Венло.

Вот краткие точные данные об этом инциденте...

54-летний *капитан* Пэйн Сигизмунд Бест действительно руководил Центрально-европейским сектором британской «Сикрет Интеллидженс Сервис» и был также сотрудником отделения «Z» — независимой организации внутри Си-ай-си (МИ6). Кадровый разведчик со времён Первой мировой войны, он после неё переехал в Гаагу, был хорошо известен при дворе королевы Вильгельмины, часто бывал на севере Германии, вращался

в кругах немецкой знати и был известен как «человек с моноклем». По виду типичный англичанин, а на самом деле — наполовину индус, Бест свободно владел четырьмя европейскими языками, любил музыку, играл на скрипке... Жена Беста, дочь голландского генерала Ван Риса, получила известность как хороший портретист.

В 1938 году Бест обеспечил встречу будущего шефа военной разведки МИ6 сэра Стюарта Мензиса с эмиссаром генерала Людвига Бека — тогда начальника Генерального штаба сухопутных сил. Бек уже тогда планировал заговор военно-политического руководства Германии против Гитлера.

Но в 1939 году капитан попался в ловушку начальника группы IVE 4-го управления Главного управления имперской безопасности (РСХА), 29-летнего Вальтера Шелленберга. Бест знал его как «капитана Шеммеля», участника офицерской антигитлеровской группы Сопротивления (так представлял Шеммеля Бесту доверенный агент Беста, а в действительности — тайный агент СД).

21 октября 1939 года «Шеммель» встретился с Бестом в голландском городке Зютфен, а в Арнеме к Бесту и «Шеммелю» присоединились *майор* Стивенс и голландский разведчик капитан Клоп (последний, впрочем, назвался вымышленным английским именем Коппенс, что было для гражданина нейтральной страны вполне разумной предосторожностью).

Ричард Стивенс работал в Гааге под традиционным для МИ6 прикрытием сотрудника британского контрольно-паспортного управления. Он уже имел контакты с представителями генерала Бека (подлинного заговорщика) и, чтобы убедить *этих* немцев в своих высоких полномочиях, МИ-6 даже попросила Би-би-си несколько изменить традиционную заставку радиовыпуска новостей на Германию заранее оговорённым образом.

«Шеммель» сообщил, что цель *его* влиятельной группы — насильственное свержение Гитлера и установле-

ние нового режима, и интересовался отношением английского правительства к такому развитию событий. Стивенс уклончиво отвечал, что правительство Его Величества приветствовало бы устранение Гитлера, однако лично они не уполномочены давать политические обязательства, хотя и находятся в прямом контакте с «Форин оффис» и с Даунинг-стрит.

Контакты продолжались, 7 и 8 ноября состоялись встречи в кафе в городке Венло у германо-голландской границы, предполагалась поездка в Лондон.

Неожиданная развязка произошла сразу после неудачного покушения на Гитлера 36-летнего столяра Георга Эльсера. В ночь с 8 на 9 ноября рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер по телефону сообщил Шелленбергу о покушении и приказал обеспечить немедленный захват англичан и их вывоз на территорию Рейха, что и было Шелленбергом при помощи эсэсовского отряда проделано.

Была стрельба, «Коппенс» был тяжело ранен (уже в Дюссельдорфе он скончался, а из документов стало известно, что он не английский «лейтенант Коппенс», а голландский капитан Клоп)...

Беста и Стивенса же начали допрашивать, и они рассказали многое... Но к покушению, единственным участником которого был Эльсер, они отношения не имели. Что, к слову, не исключало организации покушения извне.

Итак, английская разведка потерпела крупное и чувствительное для её самолюбия поражение, разгневалась и решила — по утверждению информаторов Шварцшильда — взять реванш. Она поставила себе цель захватить какое-либо важное лицо из нацистской верхушки, которое можно было бы обменять на Беста и Стивенса, и при этом... не проинформировала правительство о разработке операции. Никто ведь не думал, что на уже «английский» крючок попадётся сам Гесс! Сутью же операции было создание некой «зеркальной» по отношению к провокации Шелленберга ситуации, а именно — было решено заставить поверить немцев в

то, что существует «шотландское движение за независимость» и что шотландская революция против Англии не за горами.

Выглядело это правдоподобно! В своё время шотландские якобиты спали и видели нечто подобное, но — при поддержке Франции. Поэтому в Берлине (по утверждению Шварцшильда — на уровне вплоть до фюрера, но это — вряд ли) в провокацию англичан поверили. При этом лидером потенциального восстания «Сикрет сервис» представляла — без его ведома — как раз герцога Гамильтона. «Шотландские революционеры» предлагали немцам прислать к ним высокопоставленного эмиссара, который должен был прилететь в Шотландию на самолёте, выпрыгнуть с парашютом, добраться до замка Гамильтона, провести тайные переговоры, после чего заговорщики его должны были переправить обратно при помощи ирландцев, любящих англичан ещё меньше шотландцев.

Итогом этой комбинации и стал прилёт Гесса — он был боевым лётчиком, отлично знал английский, был знаком с Гамильтоном... Но поскольку скрытность акции была нарушена, о прилёте Гесса узнал Черчилль, сгоряча публично заявив, что сам допросит Гесса и доложит палате общин.

И тут «Сикрет сервис» пришлось повиниться во всём. И в самовольной организации несанкционированной комбинации, и в том, что в ходе «переговоров» с Берлином «шотландская революция» связывалась с... началом войны Рейха против СССР.

Так описал подоплёку полёта Гесса журналист Шварцшильд, и мне эта версия представляется очень близкой к истине. Действительно — если ситуация была примерно такой, как её представляли информаторы «Газетт Монреаль», то Черчиллю было над чем задуматься...

Если в Берлине поймут, что никакого «шотландского заговора» на деле не существует, то Гитлер может остеречься нападать на Россию.

Если о комбинации узнает Москва, то она расценит поведение англичан как предельно провокационное и

о каком-либо доверии русских к Лондону можно будет забыть, а оно и так было не очень-то велико.

Наконец, если бы о том, *на какой* «крючок» поймала Гесса английская разведка, стало бы известно в Англии — от того же Гесса, то неизбежно разразился бы грандиозный внутренний скандал, и это в условиях ведущейся войны было бы самым страшным. В Шотландии всегда были сильны сепаратистские антианглийские настроения. А тут вдруг стало бы известно, что именно этими настроениями могущественная британская государственная организация провоцирует иностранную державу! О какой внутренней стабильности на Английском острове можно было бы после этого говорить? А ведь шла война...

Более того, тайна провокации Гесса объективно была перманентной, она была взрывоопасна для внутриполитической стабильности Великобритании и после войны, и в конце 80-х годов XX века... Если бы Гесс заговорил даже в 1987 году, то, смотришь, к Ольстеру мог бы прибавиться Глазго. Вот почему для Лондона было важно заставить Гесса молчать любым способом — вплоть до удавки.

Уинстон Черчилль позднее писал: «Я никогда не придавал слишком серьёзного значения этой эскападе»... Однако лучше бы Черчилль молчал. Хороша «эскапада», к которой применяют «правило ста лет» и ради сохранения её тайны удушают главную фигуру этой «эскапады» через срок шесть лет после события!

Собственно, и сегодня эта «тайна Гесса», если Шварцшильд написал правду, всё так же крайне опасна для внутренней стабильности Великобритании, чем и можно объяснить её засекречивание по «правилу ста лет», хотя все участники тех событий уже ушли в иной мир.

Возвращаясь же в 1941 год, можно сказать, что и в свете коллизии с Гессом версия А. Осокина выглядит смехотворно нелепой.

Далее вот что... Проводя анализ третьего мифа о «превентивном ударе Сталина», надо бы коснуться и темы его выступления перед выпускниками военных

академий 5 мая 1941 года, которое сегодня нередко рассматривают как доказательство наступательных планов Сталина. А. Осокин, например, прямо утверждает, что в своей речи Сталин, «не называя противника, неожиданно объявил, что СССР будет вести не оборонительную войну, а наступательную войну, к которой страна готова»...

Но что в действительности говорил 5 мая 1941 года Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин выпускникам военных академий Рабоче-Крестьянской Красной Армии?

А вот что (цитирую по сборнику «Документы внешней политики», т. XXIII, Кн. 2 (2), М.: Междунар. отношения, 1998, МИД РФ, стр. 648—651):

«...Товарищи! вы покинули армию три-четыре года назад, теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии. Красная Армия уже не та, что была несколько лет тому назад...

...Что представляет из себя наша армия теперь?»

Сталин давал характеристику новой армии, говорил о новых дивизиях, новых танках, самолётах и пушках, о недостатках в академической учёбе, а затем перешёл к Германии:

«Вас спросят, где причины, почему Европа перевернулась, почему Германия побеждает? Почему у Германии оказалась лучше армия? Это факт, что у Германии оказалась лучше армия и по технике, и по организации. Чем это объяснить?

Ленин говорил, что разбитые армии хорошо учатся. Эта мысль Ленина относится и к нациям. Разбитые нации хорошо учатся. Немецкая армия, будучи разбитой в 1918 году, хорошо училась... Военная мысль германской армии двигалась вперед. Армия вооружалась новейшей техникой, обучалась новым приемам ведения войны.

Вообще имеется две стороны в этом вопросе... Мало иметь хорошую технику, организацию, надо иметь боль-

ше союзников. Именно потому, что разбитые армии хорошо учатся, Германия учла опыт прошлого.

В 1870 году немцы разбили французов. Почему? Потому что они дрались на одном фронте.

Немцы потерпели поражение в 1916—1917 годах. Почему? Потому что они дрались на два фронта».

Фактически Сталин прямо проводил мысль о том, что Германия побеждала тогда, когда имела за спиной нейтральную Россию, и проигрывала, сражаясь с ней. И далее он развивал эту мысль:

«Чтобы готовиться хорошо к войне, не только нужно иметь современную армию, но надо готовить войну политически.

Что значит политически готовить войну? Политически подготовить войну — это значит иметь в достаточном количестве надежных союзников из нейтральных стран. Германия, начиная войну, с этой задачей справилась, а Англия и Франция не справились с этой задачей...

Вот в чем политические и военные причины поражения Франции и побед Германии...»

Под «нейтральными странами» Сталин имел в виду, конечно, СССР. И при знакомстве с речью Сталина любой умный немец ей бы обрадовался — она была вполне лояльна к Германии и не была ориентирована против немцев. Сталин лишь вполне резонно констатировал:

«В мире нет и не было непобедимых армий... Германия начала войну... под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия... сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические.

Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической завоевательной войны. Это лозунги опасные...»

Последние же слова речи Сталина были следующими:

«Армию необходимо изо дня в день совершенствовать. Любой политик, любой деятель, допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед неожиданностью, как оказалась Франция перед катастрофой. Еще раз поздравляю вас и желаю успеха».

Слов же о готовности страны к войне, приведённых Осокиным, в речи Сталина ***просто нет***.

Нет!

И уж не знаю, зачем надо было А. Осокину вводить в заблуждение своих читателей.

Я же, заканчивая с третьим мифом, познакомлю читателя с содержанием телеграммы московского посла Германии графа фон дер Шуленбурга в аусамт (министерство иностранных дел) от 24 мая 1941 года. Оценивая ситуацию, он писал:

«...Эти жесты правительства Сталина направлены в первую очередь на то, чтобы, блюдя собственные интересы, разрядить отношения между Советским Союзом и Германией и создать лучшую атмосферу на будущее. В особенности следует исходить из того, что лично Сталин всегда выступал за дружественные отношения между Германией и Советским Союзом... По моему мнению, можно с уверенностью считать, что Сталин поставил перед собой исключительно важную с точки зрения интересов цель, которой он надеется достичь, употребив свой престиж и усилия. Цель эта, как я глубоко убежден, состоит в том, что Сталин желает в серьезной, по его мнению, международной обстановке оградить СССР от конфликта с Германией...»

В качестве же иллюстрации к оценке Шуленбурга сообщу, что у Риббентропа, когда он 22 июня 1941 года вручал в Берлине советскому послу Деканозову ноту об объявлении войны, в глазах стояли слёзы.

Я услышал об этом случайно — в давней беседе в Пекинском аэропорту с отставным офицером ГРУ в ожидании рейса на Москву. И когда я, вскинувшись, спросил:

— Откуда вам это известно? — собеседник ответил:

— Мне об этом говорил отец...

— А ему откуда это известно?

— От самого Деканозова...

Отец моего собеседника в своё время в генеральском звании был аналитиком Генштаба (это я узнал потом не со слов, а по документам). И хотя сказанное выше — всего лишь устная информация, я убеждён, что она точна.

Не гнев обманутого, а горечь испытывал 22 июня 1941 года Риббентроп, заранее *про себя* понимая, что удар Германии по России это нечто большее, чем преступление. Это — фатальная, с неизбежно трагическим для Рейха финалом, ошибка.

ЕСЛИ БЫ В 1941 ГОДУ ВО ГЛАВЕ КРАСНОЙ АРМИИ СТОЯЛИ ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР, УБОРЕВИЧ И РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В 1937—1938 ГОДАХ КОМАНДИРЫ, ТО ХОД ВОЙНЫ БЫЛ БЫ ДЛЯ СССР СРАЗУ ЖЕ УСПЕШНЫМ

Миф этот уже порядком затаскан, как и вообще все «карты» «сталинских репрессий». За последние два десятка лет они засалены уже донельзя, но и сегодня любой «демократ» лучше, чем деревенский дьячок «Отче наш», знает излюбленную «молитву»: «Из первых пяти Маршалов Советского Союза Сталин уничтожил трёх...», «полками командовали капитаны...» и т.д. Этот рефрен, впервые возникший в хрущёвские времена, в эпоху «катастройки» зазвучал вновь и — всё сильнее. А уж в ельцинской «Россиянии» он набрал просто-таки набатную силу!

И накануне возникновения «Ельциянии» некий полковник Н.М. Раманичев в уже приобретающем антисоветский и антикоммунистический характер «Военно-историческом журнале», в номере 12-м за 1991 год, вещал:

«...Накануне войны советские вооруженные силы (последние два слова у «полковника» с маленькой буквы, вместо «Вооруженные Силы». — *С.К.*) были фактически обезглавлены... Всего в Сухопутных войсках, Во-

енно-Морском Флоте и авиации было репрессировано за 1937—1938 гг. 44 тыс. человек... Были сменены все командующие войсками военных округов, 90 % заместителей, начальников родов войск и служб»,

и т.д.

Несостоятельность подобных заявлений была показана не раз до меня, причём на эту тему в своих предыдущих книгах не раз высказывался и я сам. Однако здесь я приведу новые данные, и это будет лишь малая часть того, что можно сказать в опровержение четвёртого мифа...

Причём, что интересно! Если внимательно анализировать книги различных современных обличителей «тирана» Сталина, якобы «обезглавившего» РККА и РККФ, например — Николая Черушева, то обнаруживается удивительная вещь! Этот военный «историк», как и ряд его собратий по «обличениям» (например, полковник Сувениров), приводят много фактической информации, но её вдумчивый анализ полностью опровергает выводы, делаемые «обличителями». Повторяю: выводы «обличителей» опровергаются данными самих «обличителей»! Удивительно, но — факт.

Показательный пример... Вот книга Н.С. Черушева «1937 год. Был ли заговор военных?» (М.: Вече, 2007). На странице 310-й приводится обширный фрагмент известной статьи «Новое лицо Красной Армии», опубликованной в немецком журнале «Верфронт» во второй половине 1937 года. В ней расхваливается расстрелянный Тухачевский и другие «жертвы Сталина», уничижительно оценивается РККА, «обезглавленная репрессиями», и утверждается, например, следующее:

«Весной 1937 года (до репрессий. — *С.К.*) фактически все высшие командные должности Красной Армии (за исключением народного комиссара Обороны [т.е. — Ворошилова. — *С.К.*]) были заняты специалистами и уровень образования офицеров был значительно поднят. Один Ворошилов остался во главе армии в качестве парадного генерала...

После суда, состоявшегося 11 июня, Сталин распорядился на следующий день расстрелять восемь лучших командиров... Военная квалификация была принесена в жертву политике и безопасности большевистской системы...

Особенно катастрофичным оказалось назначение новых командующих военными округами»,

и т.д.

Это была статья «на публику», в том числе и на определённую читательскую аудиторию в СССР. Вывод её очевиден: вот, мол, как избивают бездарные большевики ту высокопрофессиональную армию, которую «умницы» типа Якира и Уборевича только-только реорганизовали по европейскому образцу под руководством «умницы» Тухачевского...

Однако «тревога» одного из наиболее вероятных тогда потенциальных противников СССР по поводу ослабления кадровой мощи РККА выглядела странно! Когда тебя или кого-то рядом с тобой хвалит враг, задумайся — с чего бы это? Впрочем, возможно, орган вермахта таким хитрым способом — «от противного», дополнительно подталкивал Сталина к новым репрессиям?

Возможно... Но вот приводимый самим Черушевым на стр. 313-й фрагмент из подготовленного в штабе вермахта секретного обзора внешнеполитических событий с 23 апреля по 12 мая 1937 года:

«Действительные причины падения маршала Тухачевского пока неясны: следует предполагать, что его большое честолюбие привело к противоречиям между ним и спокойным, ***рассудительным и четко мыслящим*** (выделение моё. — *С.К.*) Ворошиловым, который целиком предан Сталину. Падение Тухачевского имеет решающее значение. Оно показывает со всей определенностью, что Сталин крепко держит в руках Красную Армию»...

То есть во внутреннем, «без дураков» документе немцы вполне понимали, что репрессии в «верхушке» РККА укрепят не только позиции Сталина, но и не ска-

жутся решающим образом на боеспособности армии. И Ворошилов в секретном, *для себя*, обзоре представлен отнюдь не «свадебным» генералом.

А вот и своего рода иллюстрация к статье «Верфронта»... В 1927 году Якир был направлен на учёбу в германскую Академию генерального штаба. И после её окончания Якиром в 1928 году фельдмаршал Гинденбург, тогда — президент Германии, вручил новому «академику» знаменитые «Канны» генерала Шлиффена с надписью «Господину Якиру — одному из талантливых военачальников современности».

Как это понимать? Пауль фон Гинденбург начал Первую мировую войну командующим 8-й армией, продолжил её командующим Восточным фронтом и закончил фактически главнокомандующим вооружёнными силами Германии. А Иона Якир начинал свою «полководческую» карьеру в 1918 году командиром сводного Тираспольского отряда, гражданскую закончил начальником 45-й стрелковой дивизии и потом без особого блеска командовал 14-й армией в советско-польскую войну. То есть лестная «аттестация» Якира Гинденбургом была не столько актом вежливости, сколько, пожалуй, прелюдией к агентурной разработке Якира немцами. Каковая, надо заметить, вскоре и последовала...

Вернёмся к книге Н. Черушева. Там на страницах 315—325 приводится во фрагментах интереснейший доклад бывшего помощника японского военного атташе в Москве капитана пехоты Коотани «Внутреннее положение СССР (Анализ дела Тухачевского)». Доклад со вступительным словом начальника советской секции 2-го отдела японского генштаба полковника кавалерии Касахара был сделан на 199-м заседании японской дипломатической ассоциации в июле 1937 года. 10 декабря 1937 года этот доклад, полученный советской разведкой агентурным путём, был представлен Ежовым Сталину (спецсообщение № 62672).

Полностью спецсообщение Ежова с докладом Коотани опубликовано в сборнике документов «Лубян-

ка: Сталин и ГУГБ 1937—1938» и занимает там более 13 страниц мелкого текста. Я его внимательно изучал, однако приведу лишь несколько оценок Коотани:

«...Не подлежит никакому сомнению, что благодаря нынешнему инциденту (процессу Тухачевского. — *С.К.*) ослабела духовная спаянность Красной Армии, что этот инцидент чреват большими опасностями в будущем... Но если на основании одного этого инцидента делают вывод, что государственная мощь СССР сильно снизилась или что боеспособность Красной Армии в большей степени упала, то я хочу внести коррективы в этот взгляд...

Вам, вероятно, уже неоднократно приходилось слышать о том, насколько за последнее время усилилась Красная Армия... проведены были увеличение кадровых воинских сил... усиление авиации, восстановление казачества и так далее... Сейчас в СССР проводится двухлетний план расширения вооружений...»

Кое в чём Коотани был до забавного наивен, но — не всегда. Вот ещё одна его оценка:

«...Тут возникает вопрос, есть ли люди, которые могут заменить интеллигентных командиров, как Тухачевский, Якир, Уборевич или Корк? Я хочу ответить на это: если вы поищете, найдутся... <...>»

И такие люди нашлись — вопреки заявлениям Черушева и других. Но хватало, увы, и «балласта». Нарком обороны Клим Ворошилов говорил:

«Никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Вы знаете, что представляла собою чистка рядов РККА. Чистка была проведена радикальная и всесторонняя — с самых верхов и кончая низами. Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным».

И каким же оно было?

Ворошилов называл «четыре десятка тысяч» — почему подобной цифрой и оперируют «демократы». Но более точно будет сказать — 35 тысяч (данные здесь и ниже — по «ВИЖ», 1992, № 8, стр. 16). И «вычищенные» — это не обязательно арестованные. Тогда термин «вычистить» имел вполне определённое значение. Бухгалтер Берлага, как, возможно, помнит читатель, был из «Геркулеса» именно «вычищен», что не помешало Остапу Бендеру свободно видеться с ним.

Офицеры старой царской армии, служившие в РККА, к этому времени подошли к критическому возрасту, как и часть тех малообразованных командиров, которые выдвинулись из народной среды в Гражданскую войну или в первые годы строительства РККА, но далеко не пошли. К тому же в этих двух группах хватало и нечистых на руку, и склонных к спиртному. То есть из армии зачастую удалялся именно балласт и одновременно — политически сомнительный, например — по троцкистскому прошлому, комсостав.

Арестовано же (не расстреляно!) за 1937—1938 годы в РККА было 9,5 тысячи человек, и ещё 14,6 тысячи было уволено по мотивам «порочащих связей с врагами народа». При этом более 30 (!) тысяч командиров опротестовали своё увольнение, и специальная комиссия НКО СССР, созданная в августе 1938 года, 1 мая 1939 года приняла решение о возвращении в РККА 12 461 командира. Это вполне объяснимо — после того, как троцкистский и антисоветский элемент в РККА был в основном уничтожен, армейская проблема перешла из разряда политических в разряд кадровых.

Но уже тогда вокруг репрессий в армии, в том числе и усилиями троцкистов, начала накапливаться ложь. Чего стоит одна басня о том, что, мол, в декабре 1940 года из 225 командиров полков лишь 25 окончили военные училища, а остальные были пришедшими из запаса младшими лейтенантами. Я на этой басне ниже остановлюсь особо. На деле уже в 1936 году в училищах шла подготовка более шестидесяти тысяч командиров.

За 1938 год училища закончило полтора десятка тысяч человек. Одиннадцать тысяч в 1936 году училось в военных академиях.

Мне как-то даже неловко перед квалифицированным читателем за эти *азбучные* для честного исследователя данные. Но многие ли сегодня с ними знакомы?

Только за 1939 и 1940 годы четыреста человек высшего и старшего комсостава закончили курсы при Академии Генерального штаба. Это не считая того, что выпуск из самой Академии составлял до ста человек в год. А ведь каждый из них — как минимум готовый командир полка или начальник штаба полка. И «младшим лейтенантам» из запаса в такой компании явно было бы неуютно.

Вспомним слова капитана Коотани: «Если вы поищете, найдутся...» И искать было где и кого! В конце тридцатых годов в Красной Армии на вполне видных должностях служили многие из действительно талантливых военачальников современности: Антонов, Баграмян, Василевский, Ватутин, Воронов, Говоров, Жуков, Захаров, Катуков, Конев, Крылов, Лелюшенко, Москаленко, Петров, Рокоссовский, Ротмистров, Рыбалко, Руссиянов, Толбухин, Черняховский, Чуйков... И только одного из крупных военачальников Великой Отечественной войны на время зацепила несправедливость — Константина Константиновича Рокоссовского...

Возможно, кто-то заметит: «И Мерецкова...» Однако с последним дело не очень-то ясное, и я на этом немного остановлюсь. В своих мемуарах «На службе народу» издания 1988 года Кирилл Афанасьевич Мерецков пишет:

«Незабываем июнь 1937 года, когда я после девятимесячного отсутствия ступил на родную землю (по возвращении из Испании. — *С.К.*). Тогда радость возвращения была омрачена печалью и ужасом известия о том, что Тухачевский, Уборевич, Якир и другие видные военачальники разоблачены как изменники и враги...»

А далее он так повествует о расширенном заседании Военного Совета при наркоме обороны Ворошилове, прошедшем 1—4 июня 1937 года, вскоре после ареста Тухачевского:

«Когда на совещании мне предоставили слово, я... отвечал, что мне непонятны выступления товарищей, говоривших здесь о своих подозрениях и недоверии. Это странно выглядит: если они подозревали, то почему же до сих пор молчали? А я Уборевича ни в чем не подозревал, безоговорочно ему верил и никогда ничего дурного не замечал...»

и т.д.

Скажу сразу: без анализа материалов июньского и ещё одного, ноябрьского, заседания Военного Совета в 1937 году понимание сути репрессий в РККА в 1937 и 1938 годах просто невозможно. Но в своём полном объёме эти материалы стали доступными (хотя и не легкодоступными) для исследования лишь недавно... Не знал, не знал Кирилл Афанасьевич, что в 2008 году издательство «РОССПЭН» тиражом хотя и в одну тысячу экземпляров, однако издаст полную стенограмму заседаний Военного Совета 1—4 июня 1937 года, где есть и текст выступления Мерецкова.

Вот часть стенограммы вечернего заседания от 3 июня 1937 года:

«***Мерецков***. ...Я в течение двух лет был начальником штаба с Уборевичем.

Сталин. Что же?

Мерецков. Я считаю, что был близок к нему, и в этом отношении моя вина была больше всех, потому что я проспал рядом с врагом спокойно. И я должен сказать: не только проспал, а было очень много случаев, когда я слепо работал на его авторитет.

Голос. Занимался политиканством.

Мерецков. Подождите, о вас я тоже скажу в свое время...»

И Мерецков действительно «сказал» о многих уже арестованных или будущих «жертвах Сталина и Ежова» — о Корке (упрекая некого т. Исаенко в том, что он «не разглядел в Корке врага»), о Векличеве, Смирнове, Кутякове и Седякине, о Сангурском и многих других, призывая: «Пусть т. Ежов разберет и выяснит, кто внес это дело...»

Сказал Мерецков и об Уборевиче...

Вот так:

«***Мерецков***. ...Я видел всю личную жизнь Уборевича. Много знаю, многое мог бы рассказать о нем.

Ворошилов. Сволочная жизнь.

Мерецков. Интриган.

Ворошилов. А почему же вы молчали?

Мерецков (игнорируя вопрос наркома. — *С.К.*). Двуличный человек. Грязный человек. По-моему, это все было известно. Трус и барин по отношению к начальствующему составу. Командиров называл дураками, и все это переносили...

...Напрасно думали и думают некоторые, что в Белорусском округе был один Уборевич. Там работали и работают прекрасные красноармейцы, командиры, большевики...»

Достаточно, уважаемый читатель? И спрашивается: не заслуженно ли бывший замнаркома обороны генерал армии Мерецков с начала войны по сентябрь 1941 года сам находился под следствием?

Уборевич, конечно, заговорщик... Его надо было расстреливать! Его и расстреляли... Но зачем же натягивать чистые ризы на грязные дела? Ведь когда сопоставляешь мемуары Мерецкова и стенограмму, то вывод напрашивается сам собой: и Мерецкова «брали» за дело, но в силу обстоятельств *пощадили*.

Пожалуй, я и ещё кое-что прибавлю об Уборевиче... В изданных в 2007 году тиражом в 1 тысячу экземпляров издательством «РОССПЭН» «Стенограммах заседаний Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1928—1938 гг.», в

томе III, на странице 283, в заявлении в ЦК и ЦКК оппозиционера И. Нусинова от 30 октября 1930 года сообщается, что во время XVI съезда в ходе обсуждения кандидатуры Уборевича в состав ЦК на собрании сибирской делегации кто-то бросил Нусинову записку об Уборевиче, «смысл которой, — как писал Нусинов, — был примерно таков»: «*Человек, мол, способный, но в партийном отношении мало проверенный. Того и гляди, возомнит себя Наполеоном*»...

Комментарии здесь вообще-то излишни, но могу сказать, что тогда Сталин вполне доверял Уборевичу (Ворошилов в те бурные времена больше сосредотачивался на политической работе) и в обвинения его в «бонапартизме» и «термидорианстве» не верил. Сталин вообще был склонен верить людям до последнего, до того момента, пока их негативный облик не проявлялся окончательно и бесповоротно. Однако Сталину, как уже не раз до этого, пришлось убедиться в том, что Уборевичу, как и Тухачевскому, он доверял зря.

Если же возвращаться к стенограммам заседаний Военного Совета при народном комиссаре обороны СССР 1—4 июня 1937 года, которые проходили с участием Сталина, и к стенограммам ещё одного Военного Совета в ноябре 1937 года, то достаточно внимательного изучения их одних, чтобы понять: если бы в 1941 году Красной Армией по-прежнему командовали тухачевские, то всё действительно закончилось бы для России и Германии в 1941 году. Но закончилось бы не красным знаменем над Рейхстагом, а парадом победы вермахта, принятым Гитлером на Красной площади в Москве.

Причём я имею в виду даже не предательство Тухачевского и других заговорщиков, а то «качество» подготовки войск, которое обеспечили бы эти «гении» военного дела.

В выступлениях на двух Военных Советах 1937 года выплеснулось столько неприглядной, но, увы, точной информации о положении в РККА, что волосы дыбом встают! Было вскрыто множество застарелых «гнойников»... Кем-то разоблачено с перепугу, чтобы не разо-

блачили его самого, хотя большинству «разоблачителей поневоле» это не помогло... Кто-то — возмущался искренне... Кто-то — неохотно и вынужденно...

Увы, я не могу привести даже сотой части тех «перлов», которые щедро рассыпаны по стенограммам двух Военных Советов НКО СССР в 1937 году и которые позволяют понять в 1937—1938 годах многое... Если — не всё.

Приведу лишь несколько цитат...

Вечером 2 июня 1937 года выступает комкор Николай Криворучко, украинец, из крестьян, окончил школу кавалерийских подпрапорщиков в 1914 году, котовец:

«...Я заявляю Вам, тов. Сталин, и вам, народный комиссар, что по первому вашему приказу, если нужно будет, то я не для Якира славу буду создавать... В корпусе у меня найдутся люди, которые работали не для якировского авторитета. Якир был, Якира сегодня нет — он для нас умер. Якир — это сукин сын, и если нужно, несмотря на то, что я с ним проработал 16 лет, я сам возьму его за горло и придушу как жабу...

Я заявляю, что в корпусе никакого очковтирательства нет и корпус в любой момент готов к войне...»

21 февраля 1938 года Криворучко будет арестован на должности заместителя командующего Киевским военным округом по кавалерии и расстрелян 9 августа 1938 года.

Безвинно? По Хрущёву — да, потому что Криворучко был реабилитирован 11 апреля 1956 года.

Но вот фрагмент выступления командарма 2-го (с 1938 года — 1-го) ранга Ивана Фёдоровича Федько, украинца, из крестьян, окончил Киевскую школу прапорщиков в 1917 году. С мая 1937 года — командующий войсками и член Военного совета Киевского военного округа, с января 1938 года — 1-й заместитель наркома обороны СССР.

Выступая на заседании 21 ноября 1937 года, через четыре месяца после выступления Криворучко, Федько докладывал:

«...Перейду к состоянию боевой и политической подготовки войск округа (Киевского. — *С.К.*) Состояние боевой и политической подготовки войск округа... характеризовалось наличием в работе начальствующего состава элементов очковтирательства, которое приняло в округе очень широкий масштаб. Надо прямо сказать, что привычка врать, привычка говорить неправду, стремление втереть очки, докатилась до звена младших командиров...»

Но ведь и Криворучко «втирал очки...».

Федько приводил поразительные примеры — явно не высосанные из пальца, а в конце — верит читатель или не верит, сообщал:

«Для подготовки к новому учебному году в конце октября (1937 г. — *С.К.*) проведен десятидневный сбор командиров и комиссаров корпусов и дивизий, на котором были поставлены две учебные задачи..»

Тут я, впрочем, прерву цитирование и предложу читателю угадать — в чём состояла первая задача? Для командиров корпусов и дивизий? А вот в чём:

«Первая задача — овладение командирами корпусов и комиссарами винтовкой, ручным и станковым пулеметами, гранатометами.

Почему была поставлена эта задача? — вопрошал Федько и отвечал: — Потому что было обнаружено в частях, что командиры отделений, взводов и рот не умеют заряжать винтовки. Когда был проверен старший командный состав, то получили такую же картину. Отсюда, как правильно отметил Маршал Советского Союза Буденный, комсостав учит не показом, а рассказом...»

Вот такие «тухачевские стрелки» командовали крупными соединениями РККА в 1937 году.Это — положение в октябре 1937 года, а с мая 1935 года до мая 1937 года Киевским округом командовал «один из та-

лантливых военачальников современности» Иона Якир. Так что, командиры Киевского военного округа уже при Федько, через четыре месяца после Якира, забыли — с какого конца за винтовку надо браться? Или всё же при «интеллигентном» Якире?

Федько сообщил и об истоках «успехов» Якира:

«Бывший начальник штаба Киевского военного округа... Подчуфаров в своих показаниях говорит: «...Для того, чтобы показать прекрасную подготовку округа, было введено соревнование батальонов. Таким образом, в дивизиях из 9 учится один батальон... и по нему оценивается состояние дивизий и округа».

Так и было. Мы вместе с Щаденко обследовали части и были свидетелями такого положения, когда батальоны, которые включились во Всеармейское соревнование, были укомплектованы лучшим командным и красноармейским составом, обеспечены всеми необходимыми пособиями даже лучше, чем полковые школы. Эти подтасованные батальоны нам пришлось раскассировать...»

Увы, и Федько был вскоре арестован — 7 июля 1938 года. Расстрелян 26 февраля 1939 года. Это что — Сталин и Ворошилов забавлялись так: в январе назначают человека первым заместителем наркома обороны СССР Ворошилова, присваивают ему звание командарма 1-го ранга, а через полгода арестовывают?

Увы, и за Федько обнаруживались вполне реальные грехи, «отпустили» которые ему лишь хрущёвцы, реабилитировав Федько 26 мая 1956 года.

А вот выступает вечером 3 июня 1937 года армейский комиссар 2-го ранга, 37-летний Григорий Окунев с Тихоокеанского флота, член РСДРП(б) с 1917 года, и рассказывает о несомненном вредительстве на ТОФе и в Управлении Морских сил — там, мол, «сидят зубры по этой части, которых нам надо расковырять»... Возмущается Окунев и тем, что бесплодно писал врагу народа Гамарнику о «подлейшем прорыве» с подготовкой

пилотов на И-16 (налёт вместо 240 часов в год — 50—55 часов) и т.д. Окунев считает, что «нужно кого-то за это дело вешать, чтобы скорее это дело исправить».

Вот уж какой энергичный разоблачитель врагов народа! Вот уж кто, казалось бы, годится в «сталинские сатрапы»... Однако 1 декабря 1937 года Окунева тоже арестовывают, а 28 июля 1938 года — после восьмимесячного следствия, заметим, — расстреливают. И лишь 19 мая 1956 года его реабилитируют — хрущёвцы.

А теперь — о полках, которыми «командовали капитаны»... Подобные измышления можно встретить часто, например, в книге бывшего генерал-майора погранвойск Георгия Сечкина «Граница и война», изданной в 1993 году (рецензент доктор исторических наук, профессор генерал-майор В.Н. Андрианов).

Там на странице 26-й Сечкин со ссылкой на «демократического» «историка» В. Анфилова утверждал, что «начальник управления боевой подготовки генерал-лейтенант В. Курдюмов» «на совещании в декабре сорокового года» якобы говорил следующее:

«Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища. Остальные 200 человек — это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса».

Комментарии к такому сенсационному факту не требовались, вывод напрашивался сам собой: вот они, итоги «разгрома РККА» Сталиным, Ежовым и Берией. Однако я предлагаю не спешить с выводами, потому что ниже я дам читателю дополнительную «информацию к размышлению».

Анфилов опубликовал свою «сенсацию» в газете «Красная звезда» 22 июня 1988 года.

Сечкин дал ей второе дыхание в 1993 году в книге, подписанной в печать 20 октября 1992 года.

И поэтому ни тот, ни другой не могли предполагать, что 14 апреля 1993 года в издательстве «ТЕРРА» в печать будет подписан том 12(1) «Русского архива», открывающий многотомное издание документов Великой Отечественной войны. Том полностью посвящён материалам Совещания высшего руководящего состава РККА 21—23 декабря 1940 года и содержит как выступления начальника Управления боевой подготовки РККА генерал-лейтенанта Владимира Николаевича Курдюмова, так и генерал-инспектора пехоты РККА Андрея Кирилловича Смирнова.

Курдюмов воевал, скончался в 1970 году. Смирнов, командуя после начала войны 18-й армией Южного фронта, погиб в бою у села Поповка (позднее — село Смирново) Запорожской области.

Вначале — о докладе генерала Смирнова... Там вообще нет ни одной цифры, относительно же сборов было сказано следующее (стр. 30):

«Мы сейчас проводим сборы командного состава пехоты. Надо отметить, что к сборам командного состава пехоты почти все округа отнеслись достаточно серьезно. Если первый сбор еще был плохо организован, то сейчас основное звено, которое должно разрешить все вопросы боевой учебы, — звено командного состава, заняло соответствующее место в понимании руководителей округов, корпусов и дивизий».

Генерал Курдюмов подготовке начальствующего состава посвятил четвёртый раздел своего выступления, и в его выступлении цифры есть. В частности, сообщая о том, что развёртывание новых частей обуславливает некомплект старшего и среднего начальствующего состава, особенно во внутренних военных округах, он сказал:

«Так, в ПриВО 70 процентов среднего командного состава и командиров батальонов имеют практический командный стаж от 5 месяцев до 1 года (слушателям

Курдюмова это было ясно и так, а читателю я напомню, что имеется в виду не командный стаж вообще, а стаж на занимаемых в настоящий момент должностях. — *С.К.*). В этом же округе все командиры стрелковых полков, кроме одного, командуют частями первый год».

Генерал Курдюмов привёл этот пример как наиболее тревожный, но надо учитывать, что ПриВО — это не ПрибОВО... Второй — это приграничный *Прибалтийский* Особый военный округ, а первый, где было не лучшее положение с командирами полков, это глубоко внутренний *Приволжский* военный округ, боеспособность которого решающего значения не имела.

Но откуда брал свои данные военный историк Анфилов? Выступление генерала Курдюмова в совместной публикации издательства «ТЕРРА» и Института военной истории МО РФ приводится по данным Российского Государственного военного архива (фонд 4, опись 18, дело 55, листы 54—63). Стенограмма выступления генерала Смирнова хранится в том же месте и в том же деле (листы 46—53).

Впрочем, те же подложные «данные», что и у Анфилова в 1988 году, воспроизведены кандидатом исторических наук полковником Н.М. Раманичевым (это тот, который слова «советские Вооружённые Силы» с маленькой буквы пишет) в статье «Красная Армия всех сильней?» (ВИЖ, 1991, № 12, стр. 4). И приведены они со ссылкой на Центральный архив Министерства обороны (фонд 4, опись 14, дело 2742, лист 62). При этом, если в томе документов, изданных издательством «ТЕРРА», приведены полные тексты выступлений Курдюмова и Смирнова, то у Раманичева в «ВИЖ» дана лишь подобная анфиловской «цитата» — думаю, что кавычки здесь вполне уместны.

Как это понимать? Не в том ли дело, что подлинные стенограммы Совещания высшего комсостава РККА были опубликованы в 1993 году тиражом в 10 тысяч экземпляров и найти их не всегда просто даже для специалиста? А «откровения» Анфилова распространялись

по стране в 1988 году в объёме огромного тогдашнего тиража главного печатного органа МО СССР. И даже якобы архивные данные полковника Раманичева были опубликованы в «Военно-историческом журнале» в декабре 1991 года немалым тиражом в 115 273 экземпляра.

Тогда эти жареные якобы факты могли очень серьёзно сдвигать набекрень мозги у значительной части читательской аудитории в погонах. А эти мозги в декабре 1991 года и так плавились у очень многих, и не только у военных... Подчинённым же «перестроечного» начальника Института военной истории МО СССР «генерала от фальсификации» Волкогонова важно было подбросить в эту «топку» *в то время* ещё и такое «полешко».

Говорят, Волкогонов архивы уничтожал вагонами, так что изготовить взамен «маленькую тележку» фальсификата было для него — пара пустяков. Особенно — при наличии таких выдающихся сотрудников тогдашнего Института военной истории МО СССР, как *полковник армии США* Виллаэрмоза (я кое-что скажу о нём в самом конце книги).

Но никакие капитаны и «младшие лейтенанаты из запаса» в 1940 году никакими полками не командовали! Несмотря на постоянный командный некомплект из-за формирования новых соединений, в Главном управлении кадров РККА на полки находились и более опытные кандидаты.

Между прочим, о «маршалах» и «лейтенантах» с несколько неожиданной стороны. Издавна в военных кругах бытует горькая шутка, что удачный бомбовый удар противника по высшему штабу резко повышает боеспособность армии. Как известно, в каждой шутке есть доля шутки, и эта армейская байка убедительно иллюстрируется тем, как изменилась ситуация в предвоенной советской авиации после ареста главной идеологической фигуры в тогдашнем советском самолетостроении, конструкторского «маршала», «легендарного» Андрея Николаевича Туполева.

Вот его должности с 1930 по 1937 год...

Главный конструктор Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), начальник Отдела авиации, гидроавиации, опытного строительства (АГОС) ЦАГИ...

Заместитель начальника Центрального конструкторского бюро (ЦКБ) ЦАГИ...

Заместитель начальника ЦАГИ, начальник Конструкторского отдела сектора опытного строительства (КОСОС) ЦАГИ...

И, наконец, последняя должность перед арестом — главный инженер и заместитель начальника Главного управления авиационной промышленности Наркомтяжпрома СССР.

А какими были результаты его деятельности на этих «маршальских» должностях?

Осенью 1937 года Туполева и группу его сотрудников арестовали, и он несколько лет работал в «особых условиях», то есть в изоляции под контролем НКВД. Но арестовывали ведь не на пустом месте, потому что деятельность Туполева была однозначно вредительской уже потому, что он фактически душил новые идеи даже в наиболее близком ему деле — разработке тяжёлых самолётов. Немцы уже в 1935 году имели проекты «Юнкерса-88», «Хейнкеля-111», англичане — «Ланкастера»... Американцы в эти же годы разработали первую «летающую крепость» «Боинг-17». А Туполев преступно тормозил новые работы и всё «совершенствовал» свой тихоходный ТБ-3, который к началу Великой Отечественной войны не просто устарел, а *преступно* устарел. Благодаря Туполеву мы имели массу рекордов, установленных на его самолётах в 30-е годы, но к 1941 году — лишь дальний бомбардировщик — ДБ-3ф Ильюшина (Ил-4) и менее удачный, но неплохой бомбардировщик Ер-2 Ермолаева. Они-то и бомбили Берлин в августе 1941 года.

А вот оценка авиаконструктора Александра Яковлева:

«Если провести сравнение основных типов советских самолетов, находившихся в серийном производстве... в 1939 году, с такими же немецкими, то это сравнение будет не в нашу пользу.

Истребители МиГ, ЯК, ЛаГГ... появились в опытных образцах лишь в 1940 году.

Сравнение бомбардировщиков СБ (туполевских. — *С.К.*) с Ю-88 также не в нашу пользу...

Советский пикирующий бомбардировщик Пе-2 появился у нас... только в 1940 году.

Самолета взаимодействия с сухопутными войсками, подобного немецкому пикирующему бомбардировщику «Юнкерс-87»... вовсе не было...»

Это всё — результаты не только многолетней монополии Туполева, но и, между прочим, преступной военно-технической политики начальников вооружений РККА Тухачевского и Уборевича. Зато они благосклонно относились к туполевскому несусветному прожекту многоместного (!?) истребителя, вооружённого 7 (семью) авиационными 20-мм пушками ШВАК... Идея была настолько несуразной, что отражения в истории авиации не нашла, зато я отыскал «тухачевские» похвалы ей в материалах Военного совета при наркоме обороны СССР, проходившего в декабре 1935 года.

Что же до самого Туполева, то он был ярко выраженным эгоцентристом и подминал под себя целые самобытные конструкторские коллективы, хотя выглядело это благопристойно: патриарх-де воспитывает плеяду преемников.

Но не успели «мэтра» арестовать, как появились самостоятельные КБ его «птенцов», и новые самолёты «валом» пошли! В 1938 году организуется отдельное конструкторское бюро Павла Осиповича Сухого. И тут же даёт отличный ближний бомбардировщик «Иванов», штурмовики Су-2 и Су-6. За последний самолет Сухой в 1943 году получил Сталинскую премию I степени.

Владимир Михайлович Петляков лишь в «заключении» получил возможность самостоятельной работы

и тоже возглавил новое КБ. И сразу дал выдающийся бомбардировщик Пе-2, который в конце 1940 года уже начал выпускаться серийно.

Полный тёзка Петлякова — Владимир Михайлович Мясищев в 1938 году тоже стал главным конструктором самостоятельного КБ и дал проект первого в мире дальнего высотного бомбардировщика ДВБ-102 с герметичной кабиной и дистанционно управляемым вооружением, за создание которого в 1942 году получил благодарность Верховного Главнокомандующего Сталина, а КБ — Сталинскую премию.

Чтобы преодолеть последствия «деятельности» в авиации Туполева, Тухачевского, Уборевича и прочих им подобных «маршалов», понадобились срочные организационные усилия многих, и прежде всего — Сталина. В 1940 году по авиационным вопросам было принято более 300 решений и постановлений. В 1941 году — 488.

Однако бурный подъём советской авиации начался уже с 1938 года. Показательно, что первая книга классика истории авиации Шаврова называется «История конструкций самолетов в СССР **до 1938 г.**», а вторая — «История конструкций самолётов в СССР. **1938**—1950 гг.». Для «демократов» 1938 год — это год репрессий. Для советской авиации — год начала её обновления. Так же, как для РККА и РККФ.

Фактически репрессии в РККА давали шанс на ускоренный рост целому слою достаточно молодых, но опытных, с большим военным стажем командиров. Недаром Гитлер после заговора генералов в 1944 году восхищался Сталиным за то, что он решительно избавился от закостенелого «маршалитета» и воспитал когорту молодых полководцев. Здесь надо лишь уточнить, что сутью репрессий была всё же не кровавая «ротация» кадров, а ликвидация многослойной и многофакторной военной оппозиции бонапартистского, правого и левотроцкистского толка.

Иногда, впрочем, даже такие серьёзные эксперты, как, например, Сергей Переслегин, считают, что репрессии 1937 года резко снизили интеллектуальный

уровень руководства РККА. Что ж, если иметь в виду выдвижение после 1937 года такого «интеллектуала», как маршал Кулик, то с подобным утверждением согласиться можно было бы... Однако достаточно сравнить стенограммы выступлений Тухачевского, Якира, Уборевича и т.д. на заседании Военного совета при наркоме обороны СССР в 1935 году и стенограммы помянутого выше декабрьского совещания высшего комсостава РККА в 1940 году, чтобы понять, что репрессии 1937 года повысили интеллектуальный уровень руководства РККА — не на уровне маршалов, к сожалению, но на уровне высшего генералитета — вне сомнения.

Как ни странно, в оценке «полководческих» «талантов» репрессированных Блюхера, Егорова, Тухачевского, Федько и других я нашёл, казалось бы, «союзника» в лице Марка Солонина. В своей книге о 1941 годе он напоминает о том, что расстрелянные в 1937 году — это «люди того же поколения, той же политической и жизненной «школы», что и провалившиеся-де в Великую Отечественную войну маршалы Тимошенко, Будённый и Кулик, генерал армии Тюленев, главком кавалерии Городовиков, которых-де через полгода-год Сталину пришлось отправить от греха подальше в глубокий тыл. Мол, «на завершающем этапе войны этих горе-командиров в действующей армии уже мало кто и помнил...».

«Почему же, зная о том, как проявили себя уцелевшие, мы продолжаем строить иллюзии по поводу расстрелянных?» — вопрошает Солонин.

Однако я не возьму Марка Солонина в союзники даже тут! Очень уж он клевещет на командиров РККА, взятых как профессиональный корпус в целом, заявляя, например, что «в Военную академию им. Фрунзе принимали командиров с двумя классами церковно-приходской школы» и облыжно зачисляя в число выпускников «ЦПШ» маршалов Ворошилова, Тимошенко, Жукова, генерала армии Кирпоноса. Последний, к слову, благодаря способностям получил неплохое для сына бедняка начальное образование в земской школе, где большинство учеников было детьми сельских бога-

теев и служащих из помещичьей экономии. Кирпонос не смог продолжать учёбу лишь из-за бедности.

Но более того, Солонин утверждает также, что «привлечение полуграмотных, зато «социально близких» кадров было основой кадровой политики (имеется вся кадровая политика, не только в РККА. — *С.К.*) и в 20-х, и в 30-х, и в 40-х годах». А отсюда вывод Солонина — уровень командного состава РККА вообще был крайне низок.

Ну что тут сказать?

Ставить на одну доску кадровую политику в какой бы то ни было сфере жизни советского общества в 20-е и даже в 30-е годы (не говоря уже о 40-х!) может лишь человек, злобно истекающий самой чёрной слюной по отношению к прошлому Родины! Да и плохо это прошлое знающий. На деле нельзя ровнять под одну гребёнку даже кадры, характерные для 1935 года и для 1941 года, — рост профессионального уровня всего за шесть лет был качественным, разительным — в промышленности, в науке, в оборонной сфере! Бездарей и «балласта» хватало, но его хватает всегда и везде, во всех обществах, иначе не были бы разработаны на «просвещённом Западе» лишь внешне шутливые законы Паркинсона и Мэрфи и знаменитая «иерархология» с её «принципом Питера».

Вопрос в том, что доминирует!

В Советском же Союзе Сталина доминанта была такова, что прежде всего кадровая политика обеспечила успехи РККА, советской экономики и культуры в Великой Отечественной войне! Много позднее я приведу свидетельства немецкого танкового генерала фон Меллентина на сей счёт.

И даже в отношении оплёванных Солониным старых командных кадров можно сказать добрые, а точнее — справедливые слова.

Так, 62-летний генерал-полковник Ока Иванович Городовиков, герой Гражданской войны, к началу новой войны, конечно, устарел. Однако его никто и не ставил в «первую линию». С июня 1941 года он был ге-

нерал-инспектором и командующим кавалерией РККА, но последний пост был, по сути, номинальным в любом роде войск. Во время войны Городовиков руководил формированием кавалерийских частей, являлся представителем Ставки ВГК по использованию кавалерии. И со своими обязанностями справлялся неплохо. Да и не был он таким уж конником-ретроградом. Например, его речь на совещании высшего начальствующего состава в декабре 1940 года хотя и не выдавала в старом кавалеристе нового Шлиффена, была вполне неглупа, реалистична, содержала здравые мысли при здравой же констатации, что в современной войне, да ещё при наличии воздушного превосходства противника, «крупные силы конницы при всем своем желании, хоть семь звезд во лбу, ничего не смогут сделать».

А вот маршал Ворошилов... Константин Залесский в своём биографическом справочнике «Империя Сталина» утверждает, что он «показал полную неприспособленность к руководству войсками в современной войне» и «лично попытался вести войска в атаку», что и стало одной из причин немедленного отзыва Ворошилова из Ленинграда и замены его Жуковым.

Справочник К. Залесского, при всех его недостатках, — ценное издание... Однако очевидный антикоммунизм и антисоветизм явно подводят автора этого справочника, возможно не знающего, что Томас Манн давно назвал антикоммунизм величайшей глупостью XX века... Но если К. Залесский желает при составлении своих справочных изданий пользоваться высосанными из пальца «подробностями» биографий ряда деятелей сталинской эпохи, то я могу порекомендовать ему обратиться, например, к книге американского «историка» Гаррисона Солсбери (1908—1993) «900 дней. Блокада Ленинграда». Там можно найти такой пассаж: «...Сталин не шутил. Через три дня он прислал особую комиссию в штаб Мерецкова. Ее возглавил ужаснейший бандит из НКВД, помощник Берия Г.И. Кулик».

Далее следует сноска: «Кулик служил в Испании, его там звали генерал «нет-нет», потому что он знал толь-

ко одно испанское слово «нет» и по каждому случаю его употреблял. Про возвращении в Москву он получил звание, равное (? — *С.К.*) маршальскому».

Григорий Иванович Кулик, соратник Сталина по обороне Царицына, за свою бурную и далеко не всегда достойную жизнь имел немало грехов и в 1950 году, «вдрызг» «обиженный» на Сталина, был расстрелян по «заслугам». Последнее обстоятельство лишний раз косвенно подтвердили Хрущёв и хрущёвцы, полностью оправдав и реабилитировав Кулика в 1957 году, посмертно восстановив его даже в воинском звании Маршала Советского Союза и звании Героя Советского Союза.

Однако Григорий Иванович ни одного дня не служил в советских спецслужбах и никогда, соответственно, не был помощником Л.П. Берии. А будучи советником при республиканском правительстве во время гражданской войны в Испании, вряд ли мог бы долго пребывать на этом посту, если бы то и дело говорил «нет». Звание же в 1940 году он получил не равное маршальскому (в СССР было лишь два звания, равных маршальскому — Генерального комиссара госбезопасности и адмирала флота Советского Союза), а «просто» маршальское.

А ведь издание книги Солсбери было предпринято в «Россиянии» в 1996 году под «научной (?! — *С.К.*) редакцией» профессора О.А. Ржешевского! Но как тут не рискнуть даже профессорской репутацией, если «видный американский историк» почём зря пинает «бериевского бандита» Кулика. Ведь лягнуть мёртвых львов для нынешних «демократических» «российских» ослов — дело всегда соблазнительное...

Говоря о «львах», я имею в виду, конечно, Лаврентия Павловича Берию, а не Григория Ивановича... Последний в истории эпохи Сталина оказался в итоге не более чем — если учесть его фамилию — «куликом», который хвалил лишь то «болото», которое хвалило его.

Вот Кулик-то своей фанаберией, нежеланием прислушиваться к мнению профессионалов, нежеланием и неумением учиться на собственных и чужих ошибках несёт немалую часть вины за провалы Западного фрон-

та. Основной виновник здесь — генерал армии Павлов, но и Кулик, направленный на Западный фронт для изучения обстановки и координации действий советских войск как представитель Ставки Главного Командования, не проявил должных организаторских способностей и не смог положительно повлиять на ситуацию.

Кулик оказался единственным из четырёх Маршалов Советского Союза, имевшихся в СССР к началу войны, который действительно провалился полностью, провалился бездарно и, с учётом его натуры, — логично... Очевидно, поэтому его и реабилитировал Хрущёв — он ведь и сам был бездарен, зато амбициозен сверх меры. Но даже Кулика нельзя мазать только чёрной краской, и уж тем более нельзя лишь чернить генерала армии Ивана Владимировича Тюленева.

49-летний Тюленев не был неучем в военном деле. Придя в армию в 1913 году, храбро воевал, получил полный «бант» Георгиевских крестов, в 1917 году окончил школу прапорщиков, а после Гражданской войны — Военную академию РККА в 1922 году и Курсы усовершенствования высшего начсостава в 1929 году. Начав войну в должности командующего Южным фронтом (его основу составил Московский военный округ, которым Тюленев командовал с 1940 года), он воевал действительно неудачно и в 1941 году был назначен командующим войсками «невоюющего» Закавказского военного округа. Однако округ с мая 1942 года стал очень даже воюющим и был преобразован в Закавказский фронт, которым Тюленев худо ли, бедно, но командовал до конца войны.

Вернёмся, однако, к Ворошилову, в представлении «демократов» с шашкой наперевес противостоящему гренадёрам Риттера фон Лееба... В 1982 году в серии «Военные мемуары» Воениздат выпустил в свет воспоминания Михаила Ивановича Петрова. Работая с 1937 года в Комитете Обороны при Совнаркоме СССР, автор занимал должность адъютанта и офицера связи при главнокомандующем Северо-Западным направлением К.Е. Ворошилове.

М.И. Петров-то и разъяснил — что и к чему, начав с опровержения лжи о Ворошилове в романе А. Чаковского «Блокада» (бездарном, как это сегодня хорошо видно) и в одноимённом фильме. И поскольку эта ложь давно укоренилась, я приведу ниже две обширные цитаты из воспоминаний фронтового помощника маршала:

«...В кинокартине «Блокада»... К.Е. Ворошилов показан в маршальской форме мирного времени (которой, по свидетельству М.И. Петрова, как и пистолета, и сабли, на фронте никогда не имел. — *С.К.)* и с пистолетом в руке, держащим пространную речь перед шеренгой моряков. Ну, а затем... затем, подав команду «Пошли», он якобы идёт в атаку впереди цепи. Утверждаю со всей ответственностью: это голый вымысел, ничего подобного не было и быть не могло!

К великому сожалению, этот надуманный факт упоминается и в некоторых других изданиях...»

В качестве примеров М.И. Петров упоминает небылицу англичанина Верта о Ворошилове, «ищущем смерти на передовой» «приблизительно 10 сентября» 1941 года; описание «молодо шагающего в сторону грохотавшего боя» командующего фронтом уже не с пистолетом, а с фуражкой в руке в книге «Город-фронт»; сцену из романа «Крещение», где маршал штурмует Красное Село во главе бригады морской пехоты «с саблей наголо»... И далее М.И. Петров пишет:

«А теперь о том, как все было на самом деле. С утра 11 сентября 1941 года противник силами до четырех дивизий, поддержанных более чем двумя сотнями танков, продолжил наступление в полосе обороны 42-й армии в общем направлении на Красное Село. В 14 часов К.Е. Ворошилов и я с Л.А. Щербаковым, тогда ещё полковником, выехали из Смольного в Пулково на КП этой армии. Там пробыли недолго, отправились осматривать Красногвардейский УР. И наконец прибыли в район

деревни Кемпелево. Здесь командующий 42-й армией генерал Ф.С. Иванов доложил маршалу, что морская бригада с шестью танками КВ уже перешла в атаку с задачей перерезать шоссе Ропша — Красное Село.

К.Е. Ворошилов с небольшой возвышенности стал наблюдать за действиями этой бригады. Обратил внимание командарма на скученность боевых порядков моряков, а также на то, что второй эшелон бригады расположен слишком близко, в зоне досягаемости артогня противника.

Эти замечания маршала были тут же учтены, что сыграло положительную роль. Бригада выполнила боевую задачу без неоправданных потерь.

Вот как все было на самом деле...»

Что же до общей оценки действий Ворошилова, то на него было вылито после его смерти столько грязи, что оскорбился даже Маршал Советского Союза К.С. Москаленко и в одном из номеров «Правды» за 1981 год написал:

«Климент Ефремович... был одним из организаторов обороны Ленинграда, Мурманска, Карелии, Прибалтики. Как главнокомандующий направлением, а затем командующий Ленинградским фронтом, он вместе с А.А. Ждановым возглавлял оборону Ленинграда. И мне представляется несправедливой оценка, которая дается в некоторых литературных произведениях этому периоду его деятельности...»

Ворошилов действительно был неплох там, где был неплох. Он был прежде всего политиком, но и в военном деле разбирался, хотя яркого полководческого таланта не имел. Так или иначе, в первый период войны он упорно сдерживал фон Лееба, командуя войсками Северо-Западного направления, а потом — Ленинградским фронтом, и, вопреки возводимой на него напраслине, в августе—сентябре 1941 года сделал для обороны Ленинграда немало.

Впрочем, уже с 10 июля 1941 года для дневника генерала Гальдера характерны такие вот записи по группе армий «Север»: «Сопротивление противника... усилилось» (10 июля); «...сильные арьергарды противника при поддержке танков и авиации оказывают упорное сопротивление танковой группе Гёпнера» (11 июля) и т.д.

И как раз 10 июля были созданы три Главных направления, в том числе — Северо-Западное (Северный и Северо-Западный фронты, Северный и Балтийский флоты). Причём Ворошилову досталось нелёгкое направление (хотя какое тогда было лёгким?) после первых неудач Северо-Западного фронта...

В целом замена Ворошилова Жуковым была тем не менее оправданна. Однако надо знать, что Жукову крупно повезло, хотя о том тогда не знали ни он, ни Сталин, ни Ворошилов... Повезло в том, что назначение Жукова совпало с решением Гитлера в начале октября 1941 года прекратить штурм русской северной столицы и перейти к её блокаде. То есть войска истощили немцев под руководством — как ни крути — Ворошилова. А Жуков во многом лишь пожал плоды коллективных усилий двух месяцев.

На это обстоятельство указывает в своей книге «Беру свои слова обратно (ага, как же! — *С.К.)*» даже «Суворов»-Резун. Он, правда, при этом очень уж мажет грязью Г.К. Жукова, но даже Резун не смог умолчать о том, что Жуков тоже оскорбился за Ворошилова.

Да, такое было. И в сборнике документов «Георгий Жуков» издания 2001 года приведено письмо Георгия Константиновича секретарю ЦК КПСС Демичеву от 27 июля 1971 года, где маршал писал:

«...В романе Чаковского, посвященной (так в тексте. — *С.К.)* Ленинградской блокаде, имеется ряд прямых нарушений в описании действительности, искажений фактов и передержек, которые могут создать у читателя ложные представления об этом важнейшем этапе Великой Отечественной войны. Небрежно оперируя фактологическим материалом, А. Чаковский, напри-

мер, рисует картину заседания Военного совета фронта. Только в угоду дешевой сенсации, желанием произвести внешний эффект я могу объяснить это вымышленное, несоответствующее действительности описание сцены отстранения от должности Маршала К.Е. Ворошилова и мое вступление в должность командующего Ленинградским фронтом. В действительности не было ничего похожего и подобного! Передача эта происходила лично с глазу на глаз. На заседании Военного совета секретари райкомов не присутствовали. Маршал К.Е. Ворошилов уехал из Ленинграда через двое суток, подробно введя меня в курс дел. Никаких переговоров со Ставкой не велось, т.к. не было проводной связи. Все, что пишет по этому поводу А. Чаковский, является его вредной выдумкой...»

Увы, и это авторитетное заявление не смогло исключить уже кинематографическую клевету на Ворошилова в «киноэпопее» «Блокада», из которой, возможно, Марк Солонин и почерпнул «своё» понимание роли маршала Ворошилова в Великой Отечественной войне.

Но ведь и это не всё! Основная причина отзыва Ворошилова крылась отнюдь не в такой уж его полководческой бездарности, а, напротив, — в его несомненном дипломатическом таланте, превосходившем более скромные таланты военные. Известный уже нам М.И. Петров свидетельствует: «По возвращении (из Ленинграда. — *С.К.)* Климент Ефремович принял участие в работе конференции представителей СССР, Англии и США, обсуждавшей вопрос о взаимной военно-экономической помощи в системе антифашистской коалиции».

Тогда это было важнейшее для СССР событие! Советскую делегацию возглавляли Сталин и Ворошилов, английскую — лорд Бивербрук, американскую — Аверелл Гарриман. Ворошилов здесь был более чем нужен и полезен — он бывал в Англии, имел опыт переговоров с западными переговорщиками. Например, в августе 1939 года он блестяще вёл военные ан-

гло-франко-советские переговоры в Москве, весело и точно вскрывая несостоятельность позиции западных «коллег».

Так что основная причина отзыва Ворошилова из Ленинграда — не мифическое махание шашкой на передовой и не полная его несостоятельность как полководца! Напротив, для сдерживания натиска группы армий «Север» маршал сделал, повторяю, немало. Основная причина — потребность в Ворошилове на другом, дипломатическом, «фронте». Но поскольку смена Ворошилова Жуковым происходила в драматических обстоятельствах, да и объективно она была целесообразна в силу действительно лучшей подготовленности Жукова к современной войне и его качественно большей жёсткости и жестокости, чем у Ворошилова, все главные «действующие лица», включая Ворошилова, понимали, что этой смене в интересах дела лучше придать характер снятия Ворошилова. В этом случае у Жукова полностью развязывались руки для максимально жёстких действий.

Однако в народе о Ворошилове в Ленинграде осталось хорошее мнение. Подтверждение этому я неожиданно нашёл, знакомясь с докладной запиской заместителя начальника Особого Отдела НКВД Юго-Западного фронта старшего майора госбезопасности В.М. Косолапова от 6 августа 1942 года «Об антисоветских и пораженческих высказываниях отдельных военнослужащих 21-й армии» на имя заместителя народного комиссара внутренних дел Абакумова. Кроме прочего, там имелось и такое место:

«Среди личного состава частей 21 армии отмечено несколько фактов высказываний с оценкой деятельности командования армий и фронта следующего содержания.

Лейтенант 278 СД Легкодымов, 27.7.42 г., среди красноармейцев говорил:

«...Когда командовал Юго-Западным фронтом Буденный, мы воевали возле Одессы, фронт был по Днес-

тру и Бугу, когда же стал командовать Тимошенко, начали отступать и отступать...

Тов. Ворошилов спас и отстоял Ленинград, который был в тягчайшем положении. Весь народ говорит о Ворошилове, и если бы ему поручили командовать Южным фронтом, то он разбил бы южную группировку противника и отбросил бы противника назад»...

Командир 855 СП, 278 СД майор Федоров среди командного состава полка высказался о том, что Тимошенко плохой вояка и он гробит армию...»

и т.д.

В упомянутой выше записке старшего майора ГБ Косолапова на имя замнаркома Абакумова приведена и такая оценка действий командования Сталинградского фронта начальником штаба артиллерии 76-й стрелковой дивизии капитаном Свечкором 26 июля 1942 года:

«Нас предали. Пять армий бросили немцу на съедение. Кто-то выслуживается перед Гитлером. Фронт открыт, и положение безнадёжное, а нас здесь с 6 июля маринуют и никак не определят. Разбросали дивизию и умышленно сделали ее небоеспособной, тогда как можно было ее укомплектовать и бросить в бой...»

Лейтенант Легкодымов, капитан Свечкор, да и майор Фёдоров стратегами, конечно, не были, но их мнения интересны уже тем, что это были мнения рядовых советских людей, к тому же — людей военных, фронтовиков.

Что же до оценки ими роли маршала Тимошенко (он в то время был командующим войсками Сталинградского фронта), то, скажем, генерал Гальдер оценивал Тимошенко и его коллег не так уж и низко. Так, 11 июля 1941 года генерал Гальдер записал в дневнике:

«...Русское командование поставило во главе фронтов (в действительности — стратегических направле-

ний. — *С.К.)* своих лучших людей: Северо-Западный фронт возглавляет Ворошилов, Западный фронт — Тимошенко, Юго-Западный фронт — Буденный».

А через два дня, 13 июля 1941 года, прибавил:

«...Теперь, после того как командование перешло в руки новых людей, противник наверняка не думает об отступлении...»

В марте 1964 года Г.К. Жуков, явно в духе подыгрывания антисталинской политике Хрущёва, в письме писателю В.Д. Соколову высказался о создании стратегических направлений отрицательно, но в реальном масштабе времени они, судя по всему, сыграли положительную — для того периода войны — роль, и управляли войной три Главкома направлений не так уж бездарно. А их провалы тогда были почти неизбежны при любом уровне полководческого таланта. Слишком многочисленными были предыдущие провалы на более низких уровнях войны — при всей многочисленности обратных ситуаций на тех же низших уровнях.

Заканчивая разговор о Тимошенко, я, не расшифровывая здесь ничего конкретно, скажу, что именно в деятельности Семёна Константиновича для меня есть несколько тёмных моментов. Однако и у него в Великую Отечественную войну был ряд успехов — тот же разгром немцев под Ростовом-на-Дону в ноябре 1941 года.

Теперь же — несколько слов о тёзке Тимошенко — знаменитом командарме Первой конной армии в гражданскую войну Семёне Михайловиче Будённом.

Уже давно стандартным «клише» его облика стала следующая оценка: «противник танков и апологет конницы». Но вот что говорил Будённый в декабре 1940 года на совещании высшего руководящего состава РККА:

«Дебаты с точки зрения применения подвижных родов войск как в тактике, так и в оперативном искусст-

ве новых и уже массированных родов войск — танков, авиации и мотопехоты — всегда упирались в однобокость. Рассуждали абстрактно»...

Маршал Буденный был, конечно, прав... «Великие» «военные теоретики» типа Тухачевского в 30-е годы выдвигали самые различные «блестящие» общие доктрины во всех областях военного дела, «разбираясь» даже в авиации, — я позднее приведу на сей счёт любопытные примеры. А Будённый танки, напротив, весьма последовательно и весьма конкретно защищал, заявляя:

«Оперативная мысль о применении танков гнездилась в армии в свое время таким образом, что танки могут действовать в оперативном масштабе без всякой поддержки конницы, мотопехоты и вообще пехоты.

Потом пришли опять к другому заключению, что танки не могут действовать самостоятельно... И вот последовал Хасан (неудачные бои у дальневосточного озера Хасан с японцами. — *С.К.*). Мы в танках там понесли лишние потери, и поэтому некоторые сделали выводы, что танки сейчас отжили свой век. Танки, конечно, в горах действовать успешно не могут.

На финском театре (там, к слову, «ловил» не столько финских снайперов-«кукушек», сколько «ворон» будущий начальник Генштаба Мерецков. — *С.К.)* так же, не зная условий театра, применяли танки неудачно.

После этого вновь раздаются голоса, что танки не оправдали надежд. Так огульно подходить к оценке родов войск и к их использованию было бы неправильно....

Решение сейчас вопросов, связанных с организацией наступательной операции... использование танковых соединений играет исключительно огромную роль для нашей армии»...

Вот как оценивал значение танков маршал-«конник» накануне Большой войны. А «теоретики» шарахались то к ним, то, как видим, от них, чтобы потом — после

смерти Сталина — всё свалить на него да ещё на «тормозившего» развитие танкового дела Будённого.

И вот ещё что... Те же Будённый и Кирпонос на Украине оказались в тяжелейшей ситуации вследствие провалов в Белоруссии командующего Западным Особым военным округом, а с началом войны — командующего Западным фронтом Павлова. Попробуй удержи фронт, когда у тебя на западном фланге образовался прорыв противника в сотни километров, и в эту стратегическую «дыру» потоком вливаются механизированные соединения вермахта...

Однако правомерен вопрос: «Не был ли «провал» Павлова некой «отрыжкой» заговора Тухачевского?» Думаю, это очень не исключено, и даже — скорее всего так и было... Но какой же тогда была бы ситуация в 1941 году, если бы Красной Армией командовал сам Тухачевский и его прямые подельники?

Но даже если бы они не «сдали» Россию своим коллегам — германским генералам сознательно, они «сдали» бы её в силу очевидного военного прожектёрства (Тухачевский одно время требовал для РККА сто тысяч лёгких танков!), а также — в силу склонности к доктринальным «играм в солдатики» вместо серьёзной практической работы.

Скажем, по уставам, которые разрабатывали «военные гении» Тухачевский, Уборевич и Якир, из дивизии в 17 (семнадцать) тысяч человек в атаку на передний край должны были выходить в первом эшелоне 640 (шестьсот сорок) бойцов, и ещё 2740 (две тысячи семьсот сорок) бойцов ждали прорыва обороны, чтобы «развить успех».

Я тут ничего не придумываю — это данные из основного доклада начальника Генерального штаба РККА генерала армии Мерецкова на всё том же знаменитом декабрьском совещании высшего начальствующего состава в конце 1940 года.

Вот почему выступавший уже в конце совещания начальник штаба Ленинградского военного округа генерал-лейтенант П.Г. Понеделин (в начале войны, командуя 12-й армией, он попал в плен) сетовал, что

«в дивизии штыков 3000 с небольшим» при общем составе «около 17 тыс. человек» и что «достаточно потерять 1500—2000 штыков, как всякая наступательная способность дивизии пропадает, иссякает... дивизия может только обороняться...».

Есть русская пословица «Один с сошкой, семеро — с ложкой». В РККА образца Тухачевского—Якира был реализован, надо признать, менее впечатляющий вариант — в «тухачевской» пехоте на один штык приходилось «всего» 5,666(6) «ложки».

А вот образцы «авиационного» «мышления» «уничтоженных» «гениев», зафиксированные в стенограммах заседаний Военного Совета при наркоме обороны СССР в декабре 1935 года.

Начальник Управления Воздушных Сил РККА Я.И. Алкснис (Астров):

«Я убежден, что в действиях в воздухе будет много похожего на действия на воде морского флота и на суше земных (так в стенограмме, — *С.К.)* войск, только с той разницей, что воздушные силы имеют третье измерение, в котором можно также маневрировать, и это несколько усложняет дело...».

23 ноября 1937 года Алкснис-Астров был арестован, 28 июля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу, а в 1956 году реабилитирован — хрущёвцами.

Заместитель Алксниса В.В. Хрипин (тоже через три года репрессированный):

«Оказалось, что истребители должны атаковать не сверху, а вести атаку в горизонтальной плоскости или находясь ниже её».

Жаль, что этого не слышал автор знаменитой формулы времён войны «Высота — скорость — манёвр — огонь!» трижды Герой Советского Союза Покрышкин... Вот уж он посмеялся бы, слушая, как Хрипин вещает:

«... Я считаю, что в последнее время... значение воздушного боя несколько падает, и оно будет падать еще больше, поскольку встреча с воздушным противником будет ещё больше затруднена (из-за роста скоростей полёта. — *С.К.)*...»

Хрипин же намеревался требовать от бомбардировщиков, чтобы они маневрировали «зигзагообразно», а «если нужно» — разворачивались по команде «все вдруг», как в морской, мол, тактике.

Не менее смехотворно и самоуверенно, зато пространно рассуждали о тактике, приёмах и дистанциях воздушного боя «всезнайки» Тухачевский и Якир.

Но что же массовый командный состав?

Тот, кто обвиняет Сталина в «обезглавливании» РККА перед войной, утверждает, что в результате репрессий резко упали профессиональный уровень и опытность не только высших, но и старших, и средних, и чуть ли не младших офицеров! А катастрофическое снижение их квалификации и обусловило-де бездарное начало войны.

Вариант этой «теории» — утверждения типа солонинского: мол, независимо от репрессий уровень командиров РККА во всех командных звеньях был изначально невысок. И бездарное начало войны объясняется этим фактом.

При анализе мифов шестого и седьмого я этих моментов ещё коснусь, но уже сейчас, заканчивая анализ мифа четвёртого, надо на сей счёт высказаться.

Сегодня благодаря усилиям внушительного авторского коллектива под эгидой Института военной истории МО РФ необозначенным (но, догадываюсь, мизерным) тиражом издательством «Кучково поле» изданы два капитальных биографических справочника — «Командармы» и «Комкоры» (последний — в двух томах).

В первом справочнике помещены служебные биографии командующих всеми советскими армиями — общевойсковыми, танковыми, сапёрными, воздушными — периода войны, а также командующих Ленинградской

армией народного ополчения, Отдельной гвардейской воздушно-десантной армией, армиями Войска Польского, армиями ПВО, воздушной истребительной армией ПВО и зонами ПВО — около трёхсот тридцати имён...

Во втором справочнике приведено около восьмисот биографий командиров корпусов и равных им по должности, командовавших стрелковыми, горнострелковыми, воздушно-десантными, кавалерийскими, танковыми, механизированными, артиллерийскими, авиационными корпусами, а также корпусами ПВО, истребительными авиационными корпусами ПВО, корпусными районами ПВО и Сталинградским корпусом народного ополчения.

Замечу, что для полноты картины было бы полезно создать и издать также справочник «Комдивы», но это уже тысячи биографий, и не менее двух-трёх тысяч рублей за несколько томов подобного гипотетического справочника.

Не знаю, знакомы ли с этими изданиями «исследователи» типа Марка Солонина и лично он. Но, думаю, — вряд ли... Потому что даже у самых бессовестных вралей вряд ли повернётся язык болтать о некомпетентности офицерского корпуса РККА перед войной и в начале войны ***в целом*** после изучения лишь этих трёх строго изданных книг, где на чёрном фоне алеет Красная Звезда и серебром вытиснено заглавие...

Вначале я хотел привести для примера десять биографий «общевойсковых» комкоров — четырёх первых на букву «А», четырёх первых на излюбленную русскими букву «покой», «П», и двух — на букву «Я». Но это слишком уж утяжелило бы текст, и я просто сообщу читателю, что уже в начале войны страна располагала тысячами генералов и полковников, большинство из которых могли воевать достаточно умело.

И они воевали с первых дней войны достаточно умело.

Многие из них, к 22 июня 1941 года прожившие кто тридцать пять, а кто и пятьдесят лет, начинали ещё в Первую мировую войну как рядовые, унтер-офицеры,

прапорщики, а то и поручики... Затем, в Гражданскую, были взводными, ротными, батальонными командирами, а то и командирами полков... Затем — училища и военные школы, курсы усовершенствования командного состава, в том числе знаменитые курсы «Выстрел», служба на всё возрастающих средних должностях помощников начальника штаба полка, дивизии, командиров батальонов, полков, начальников оперативных отделов корпусов и армий, учёба — для многих — в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе или в других академиях... Кое для кого — до войны — последующее преподавание в академиях или училищах...

Не все начали войну достойно, часть начала её бездарно или даже преступно. Но в целом они с первых же дней взвалили её — эту невиданную по масштабам войну на свои плечи и приняли на себя груз реального командования своими подчинёнными в реальных боевых действиях. И из, скажем, комкоров, командовавших 481 корпусом, входившим в состав Вооружённых Сил СССР, 208 стали Героями Советского Союза, а 21 человек — дважды Героями.

Я приведу — в кратком извлечении — биографию лишь одного комкора. Приведу её и потому, что его судьба всегда интересовала меня особо, и потому, что он носил самое русское имя Иван и звучную русскую фамилию, и потому, что он с первого дня войны воевал просто блестяще и стал первым командиром 1-й гвардейской стрелковой дивизии, преобразованной из той 100-й стрелковой дивизии, с которой Иван Никитич Руссиянов начал войну 22 июня 1941 года в Белоруссии.

А приведу я сведения о генерал-лейтенанте Руссиянове не по справочнику «Комкоры», а по его автобиографии от 18 августа 1947 года, опубликованной в № 12 «Военно-исторического журнала» за 1991 год (стр. 28—30):

«Родился 28 августа по старому стилю 1890 года в деревне Щуплы Кощинской волости Смоленского уезда, ныне колхоз «Победа» Смоленского района Смоленской области.

Самостоятельно начал жить и работать с 1916 года. С 1916 года работал поденным рабочим на Смоленском железнодорожном узле и Смоленском городском трамвае. <...>

До 1916 года проживал и работал вместе с отцом в деревне. Зимой учился, летом, кроме помощи отцу, нанимался поденщиком и подпаском скота на селе. Учился в Хленовском земском училище с 7—11 лет и с 11—16 лет в Кощинском 2-классном училище, успешно окончил их.

Кандидатом в члены ВКП(б) поступил в 1921 году, принят парторганизацией 3-й пехотной Западной школы комсостава и Смоленским городским Комитетом ВКП(б)... <...>

В Советскую Армию вступил по призыву в ноябре 1919 года... Участвовал в гражданской войне. <...> В ноябре 1921 года по окончании гражданской войны... добровольно поступил курсантом 3-й пехотной школы комсостава... В 1924 году по окончании школы был назначен командиром взвода 9-й стрелковой роты 81-го стрелкового полка 27-й Омской стрелковой дивизии...»

И началась у Ивана Руссиянова долгая армейская судьба: командир и политрук роты, замкомбат, комбат, слушатель Стрелково-тактических курсов усовершенствования комсостава «Выстрел» им. Коминтерна в 1931—1932 годах, командир полка, и так далее — до августа 1940 года, когда он с должности командира 52-й стрелковой дивизии был переведён на ту же должность в 100-ю ордена Ленина стрелковую дивизию, которой командовал до сентября 1941 года как 100-й, а с сентября 1941 по ноябрь 1942 года — как 1-й гвардейской.

Причём в 1940 году командир 100-й СД Руссиянов был временно откомандирован на учёбу на КУВНАС (Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава) при Академии Генштаба, а с мая 1941 года вернулся в родную дивизию.

С ноября 1942 года по июнь 1946 года Руссиянов непрерывно командовал 1-м гвардейским механизированным Венским орденов Ленина и Кутузова корпусом.

«Всех операций я перечислить не могу, — писал в автобиографии И.Н. Руссиянов, — так как 100-я стрелковая дивизия, а затем 1-я гвардейская и 1 ГМК — были соединениями Резерва Ставки Верховного Главнокомандования и в зависимости от положения на фронтах они применялись. Наиболее характерными [были]:

1. Минская оборонительная операция первых дней войны 1941 года.

СД действовала самостоятельно в составе БВО.

Опыт:

а) упорство в обороне стрелковых частей с крупными танкомеханизированными войсками немецко-гитлеровской армии;

б) маневр на флангах;

в) принятие для борьбы с вражескими танками фляжек-бутылок с ГСМ, благодаря чему было уничтожено около 300 танков и бронеединиц противника;

г) планомерность отхода, бой в окружении и борьба с авиадесантами противника.

2. Ельнинская оборонительно-наступательная операция 1941 года в составе Западного фронта — 24-я армия.

Опыт:

а) упорство в обороне;

б) взаимодействие как внутри, так и с соседями;

в) использование гвардейских минометов — РС;

г) организация контрнаступления и преследование противника.

3. Елецко-Ливенская операция 1942 года на Брянском фронте...»

И так — до последней Венской операции 1945 года с её опытом стремительности, боёв в городе, форсирования реки и канала Дунай, ночными боями и маневром мехкорпуса в ограниченное время...

С 1953 года — Руссиянов, награждённый за войну тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного

Знамени, орденами Кутузова 1-й степени и Суворова 2-й степени, ушёл в отставку.

21 февраля 1978 года ему — за личное мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны — было присвоено звание Героя Советского Союза. Умер он 21 марта 1984 года и похоронен в Москве.

Маршал Жуков в своих мемуарах написал о Руссиянове так:

«100-й ордена Ленина дивизией командовал генерал-майор И.Н. Руссиянов. В бытность мою командиром 4-й кавалерийской дивизии в городе Слуцке он блестяще командовал стрелковым полком 4-й стрелковой дивизии имени Германского пролетариата. На всех полевых учениях и маневрах полк И.Н. Руссиянова был образцовым по тактике, дисциплине и порядку. Теперь эти соединения героически сражались на подступах к Минску с частями 3-й танковой группы противника, нанося ей большие потери».

Судьба Ивана Никитича Руссиянова при всём её несомненном блеске, талантливости и самобытности всё же для его времени и для высших командиров РККА образца 1941 года достаточно типична. Это было поколение, ставшее плотью от плоти Советской власти, ею воспитанное, образованное и поднятое на командные высоты.

Не импульсивный Тухачевский, не самоуверенные Уборевич и Якир, а советская эпоха воспитала Руссиянова и его боевых товарищей как личностей и военачальников.

Они эту эпоху и созданную ею Россию и отстояли.

Тогда — в Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

СТАЛИН БЫЛ ВО ВСЁМ МУДР И ПРОЗОРЛИВ, ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВЫСТРОИЛ ПЛАН ВОЙНЫ, ЗАРАНЕЕ СОЗДАЛ ЗАВЕДОМО ПРОИГРЫШНУЮ ДЛЯ ГИТЛЕРА СИТУАЦИЮ И СПОКОЙНО РУКОВОДИЛ ВОЙНОЙ

Этот миф, как и следующий за ним миф шестой, можно аттестовать не как злобные, а как наивно-«дубовые», пытающиеся изобразить Сталина чуть ли не ангелом без крыльев, а то и кем-то вроде всеведущего Господа Бога.

Сталкиваясь с подобной «защитой» Сталина, я невольно вспоминаю знаменитую ещё со времён Древнего Рима крылатую фразу: «Избавьте меня, боги, от друзей, а от врагов я и сам избавлюсь»...

Да, если не считать Ленина, Сталин оказал почти уникальное по глубине и созидательной силе воздействие на ход мировой истории. Одна из современных книг о Сталине удачно названа «Самый человечный человек»... Это было сказано о Ленине, но без натяжек применимо и к Сталину, которого по итогам его деятельности можно оценивать как величайшего ***практического*** гуманиста в мировой истории.

Сталин также — один из наиболее самобытных и, так сказать, «результативных» политиков всех времён и всех народов. Однако Сталин был человеком, а не богом, и поэтому он не так уж редко ошибался, вплоть до совер-

шения им своей главной и фатальной ошибки — отказа от личной встречи с Гитлером и попытки образования устойчивого антианглосаксонского блока.

Я знаю, что в известных «Застольных беседах Гитлера» — изданных впервые в 1951 году записях Генри Пикером интимных бесед Гитлера с ближайшим служебным окружением в своей ставке — в записи от 18 мая 1942 года можно прочесть:

«Он (Гитлер. — *С.К.)* рад, что удалось вплоть до самого начала войны водить Советы за нос и постоянно договариваться с ними о разделе сфер интересов...»

Но дело даже не в том, что записи Пикера не всегда аутентичны — в данном конкретном случае я Пикеру верю, Гитлер нечто подобное наверняка говорил. Но это было сказано в эйфории побед, уже отравленных горечью первых поражений, к тому же тут явно не обошлось без синдрома «а виноград-то зелен». В реальном же масштабе времени, в 1939—1940 годах, Гитлер вполне мог пойти на искреннее партнёрство Рейха и России, и то, что он говорил Молотову в Берлине, отнюдь не было лишь блефом и игрой. Сталин, увы, в искренность позиции фюрера не поверил.

Впрочем, на сей счёт высказывались и иные мнения, упрекавшие Сталина, напротив, в излишнем легковерии.

Например:

«Заключив с гитлеровским правительством пакт о ненападении, СТАЛИН, МОЛОТОВ и другие члены Политбюро не сумели глубоко разобраться в классовой сущности германского фашизма, его иезуитской политике для достижения своих целей, ради которых ГИТЛЕР шел на коварство, ложь и любую подлость, лишь бы пробить себе дорогу к мировому господству».

Какому же гениальному политику, социальному мыслителю и знатоку классового анализа принадлежит

такая нелицеприятная оценка «недальновидности» Сталина? Ведь чтобы так жёстко судить выдающегося марксиста Сталина, надо быть по крайней мере Фридрихом Энгельсом, если не самим Карлом Марксом!

Однако выше я процитировал письмо, написанное 2 марта 1964 года (ещё при Хрущёве) писателю В.Д. Соколову... Маршалом Советского Союза Георгием Константиновичем Жуковым.

Так что, выходит, прав маршал? Вот и Генри Пикер подтверждает, что Гитлер всего лишь водил Сталина за нос, а Сталин, следовательно, этот нос Гитлеру охотно подставлял?

Но так ли это?

Конечно, нет! Скорее, Сталина можно упрекнуть, как я уже не раз говорил, в обратном — в фатально излишней подозрительности по отношению к Гитлеру. Причём не забудем — «ловкач» Гитлер к началу мая 1945 года превратился в чёрный, обгоревший труп, а «простофиля» Сталин к тому времени примерял новый белоснежный мундир Генералиссимуса Советского Союза, в котором он появился летом 1945 года на Потсдамской конференции.

Но перед войной Сталин не предполагал, да и не мог предполагать многого из того, с чем ему пришлось столкнуться после 22 июня 1941 года. Он ведь был человеком, а не богом. Да, к тому же ещё и — каждый ведь судит по себе — человеком, предполагавшим во всех своих ближайших сотрудниках не только работников, проникнутых чувством высочайшей ответственности за порученное дело, но и соратников по духу. Однако было ли так на деле — если иметь в виду очень и очень многих из тех, кто находился в предвоенннom СССР на командных высотах?

В том же выше цитированном письме, в котором маршал Жуков отвечал на ряд вопросов Соколова, он писал:

«Ставка Главного командования была создана 23 июня 1941 г...

10 июля по решению ГОКО (образованного 30 июня) были созданы главные командования северо-западного, западного и юго-западного направлений.

10 июля (тем же решением) Ставка ГК была преобразована в Ставку ВГК. Верховным Главнокомандующим, Наркомом обороны, Председателем ГОКО (Государственного Комитета Обороны. — *С.К.)* стал СТАЛИН».

И далее:

«Вы, видимо, уже обратили внимание на неодновременное образование всех высших государственных и стратегических органов по руководству войной и жизнедеятельностью страны во время войны.

Это произошло потому, что в предвоенный период эти вопросы не были решены Правительством и Политбюро.

Перед войной Нарком Обороны (то есть Тимошенко. — *С.К.)* и Генштаб (то есть Жуков. — *С.К.)* неоднократно просили СТАЛИНА, МОЛОТОВА и ВОРОШИЛОВА рассмотреть проекты документов по организации Верховного командования, а также вопросы строительства командных пунктов Верховного командования и организации управления фронтами и внутренними округами, но нам каждый раз говорили: «подождать с этими вопросами», а К.Е. ВОРОШИЛОВ был вообще противник каких-бы (так в тексте. — *С.К.)* то ни было планов войны, опасаясь того, что они могут стать известными разведке противника, и в этой нелепости его нельзя было переубедить...»

Вначале — относительно «нелепости»...

Нас уверяют, что множество-де советских разведчиков заблаговременно предупреждало «тупицу» Сталина о предстоящей войне. Однако это автоматически означает, что о германских и японских планах войны Сталин узнавал именно благодаря той «нелепости», которой опасался «глупец» Ворошилов, но которую напрочь

исключал «предусмотрительный» Жуков. Мы, знающие о планах потенциального противника — это, по Жукову, норма. А противник, знающий о наших планах, это, по Жукову, нелепость. Н-ну...

И не против «планов войны» выступал, конечно, Ворошилов, а против сомнительного бумаготворчества насчёт новых схем управления и прочего, включая строительство командных пунктов и т.п. Эта возня действительно могла дать толчок такой утечке информации, которую Гитлер с надеждой ждал всю первую половину 1941 года, и злился, что русские не дают убедительного повода к превентивной войне.

Далее...

Если бы нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, начальники управлений видов и родов войск наркомата обороны, руководство приграничных военных округов с весны 1941 года действительно жили близостью войны — как в этом уверяет Георгий Константинович, — то начало войны было бы совершенно иным!

Мы знаем достаточно, чтобы согласиться с такой констатацией. Можно было и полевые аэродромы замаскировать, и технику рассредоточить, и вопросы связи и снабжения заранее решить, и формирование новых соединений проводить ответственней, и дислокацию войск по плану прикрытия выстроить умнее...

А при этом надо было постоянно контролировать ситуацию на местах в реальном масштабе времени. И не только по донесениям, а ***обязательно*** — в режиме оперативной активной обратной связи и лично.

Вот чем надо было заниматься военному ведомству, а не надоедать высшему политическому руководству прожектами перестройки государственного управления на случай войны. Ведь если бы война началась «штатно», то ничего особо перестраивать не пришлось бы! Имелись устоявшиеся органы политического управления: Политбюро, аппарат ЦК, аппарат Верховного Совета; органы хозяйственного управления — Совнарком

и Госплан СССР, а также и органы военного управления — НКО, НК ВМФ и Генштаб.

Если бы всё шло «штатно», то и бомбоубежища для столичных штабов не потребовались бы... Думал ли Сталин, что Павлов сдаст Минск через неделю после начала войны!

Создавать *чрезвычайные* органы управления можно и нужно лишь в *чрезвычайных* обстоятельствах! И поскольку безответственность, нераспорядительность — при всей внешней загрузке перед войной — аппарата Тимошенко и Жукова и их самих с началом войны создала эти самые чрезвычайные обстоятельства, пришлось создать чрезвычайный орган управления — Государственный Комитет Обороны, который сосредоточил в себе всю полноту управления страной.

Предусмотреть же заранее, что его вроде бы соратники и сотрудники, а также подчинённые этих сотрудников доведут до чрезвычайных мер, Сталин не мог. Он сам был воплощённым долгом и предполагал это в других. Когда в декабре 1944 года генерал де Голль спросил у Сталина — почему он так много работает, Сталин, в соответствии с официальной записью беседы, ответил, что «это, во-первых, дурная русская привычка, а во-вторых, объясняется большим размахом работы и той ответственностью, которая возлагается на него таким размахом работы...».

Увы, у многих сотрудников Сталина по военному и прочим «ведомствам» размах был, а вот ответственность... Что было делать Сталину? Отыскивать новых? Где? Есть то ли апокриф, то ли быль о том, как Сталин в ответ на некое замечание сказал: «Нет у меня других членов Союза советских писателей». Вот так и с военными кадрами — надо было начаться войне с её жёсткими «квалификационными» требованиями, чтобы неизвестные лично Сталину генерал-майоры начали восхождение к маршальским звёздам и местам на проводимых лично Сталиным совещаниях.

Да, перед войной многие работали много — в том числе и Тимошенко с Жуковым. Но в чём же сказались

результаты этой работы сразу после 22 июня 1941 года? Результаты работы Сталина к 22 июня 1941 года были налицо: мощный промышленный и оборонный потенциал России, обеспечивающий перспективы своего развития, а также мощная — в принципе — и неплохо оснащённая, с отличными перспективами развития Красная Армия...

Наконец, результатом деятельности большевика Сталина стали не менее тридцати-сорока миллионов новых, преданных России и Советской власти граждан, которые с началом войны быстро и сознательно перешли на военный режим жизни.

А каковы результаты работы НКО и Генштаба? Стоящие крыло к крылу — как на параде — сотни боевых самолётов, разбомблённые на земле в первые же часы войны? Лишённые боевого управления соединения? Отсутствие устойчивой радиосвязи даже в звене «фронт—армия», не говоря уже о звене «корпус—дивизия» и тем более «дивизия—полк»?

Неужели армейское руководство не смогло бы в последние предвоенные годы — если бы сознавало всю важность задачи — обеспечить войска парой тысяч надёжных радиостанций с достаточным радиусом действия? Но это Сталин мог ещё в 1934 году беспокоиться об установке раций на боевые самолёты, а, скажем, Тухачевский даже в 1937 году видел перспективный вариант связи на поле боя в... посыльных собаках.

Подобной, оторванной от реальных нужд дня, «тухачевской отрыжкой» часть руководства РККА страдала не только в 1941-м, но даже в 1942 году. И с началом войны Сталин неожиданно столкнулся с необходимостью всё более переводить линии и чисто военного управления *на себя...*

И тут, конечно, не обошлось без накладок... Но была ли в том вина Сталина? В начале «хрущёвского» марта 1964 года маршал Жуков утверждал именно это, написав в письме В.Д. Соколову:

«До 10 июля Главкомом и Председателем Ставки был ТИМОШЕНКО, но это был юридический Главком. А фактический ГК был СТАЛИН. Без утверждения СТАЛИНА ТИМОШЕНКО не имел возможности отдать войскам какое-либо принципиальное распоряжение. СТАЛИН ***ежечасно*** (выделение везде моё. — *С.К.*) вмешивался в ход событий, в работу Главкома, ***по несколько раз на день*** вызывал Главкома ТИМОШЕНКО и меня ***в Кремль***, страшно нервничал, бранился и всем этим только дезорганизовал и без того недостаточно организованную работу Главного командования в осложнившейся обстановке...»

Уважаемый Георгий Константинович не мог знать в 1964 году, что в 2008 году издательство «Новый хронограф» тиражом в 350 (триста пятьдесят) экземпляров издаст «Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (в Кремле. — *С.К.*)» в 1924—1953 годах», извлечения из которых в 1995 году обнародовал генерал Горьков.

В «кремлёвском журнале» фиксировались даже пятиминутные визиты, и вот сводка данных по пребыванию Тимошенко и (или) Жукова в Кремле у Сталина с 22 июня по 10 июля 1941 года:

22 июня: Тимошенко, Жуков — вход в 5.45, выход в 8.30.

23 июня: Тимошенко — вход в 3.30, выход в 6.10; вход в 18.59, выход в 20.45; вход в 23.55, выход в 0.55.

24 июня: Тимошенко — вход в 17.30, выход в 20.55

25 июня: Тимошенко — вход в 1.40, выход в 5.50; вход в 20.20, выход в 24.00

26 июня: Тимошенко — вход в 13.00, выход в 16.10 и вход в 21.00, выход в 22.00; Жуков — вход в 15.00, выход в 16.10 и вход в 21.00, выход в 22.00.

27 июня: Тимошенко, Жуков — вход в 21.30, выход в 23.00.

28 июня: Тимошенко, Жуков — вход в 21.30, выход в 23.10.

29 июня и 30 июня приёма не было.

01 июля: Тимошенко, Жуков — вход в 16.50, выход в 19.00.

02 июля: Тимошенко, Жуков — не были.

03 июля: Тимошенко, Жуков — не были

04 июля: Жуков — вход в 18.55, выход в 20.10.

05 июля: Жуков — вход в 14.30, выход в 15.30.

06 июля: Жуков — вход в 22.35, выход в 01.40.

07 июля: Тимошенко, Жуков — не были.

08 июля: Тимошенко, Жуков — не были.

9 июля приёма не было

10 июля: Тимошенко, Жуков — не были.

И снова в кремлёвском кабинете Сталина Жуков появляется лишь 17 июля, а Тимошенко (вместе с Жуковым) — 18 июля, что, конечно, не означает, что новый Верховный Главнокомандующий целую неделю не встречался со своими заместителями — просто Сталин в эти дни сам много времени проводил в Ставке.

Эта внешне скупая хронология на самом деле очень красноречива и драматична. В самые первые дни Сталин вместе с рядом членов политического руководства (Молотовым, Берией, Маленковым и другими) принимает доклады двух своих ближайших тогда военных сотрудников — Тимошенко и Жукова и порой подолгу обсуждает с ними ситуацию. При этом Сталин «дёргает» сразу двоих, Тимошенко и Жукова, *более раза в день* лишь 26 июня, что и понятно — к тому дню стал ясен масштаб катастрофы, но ещё было неясно, как ей противодействовать. Тут и сам задёргаешься, и других «дёрнешь»...

К началу июля 1941 года управление начинает налаживаться, и Сталин — временно оставив войну в основном на Тимошенко и Жукова, как-то «расшивает» внешнеполитические проблемы, принимая 8-го и 10-го июля английского посла Криппса (Сталин примет его ещё и 12 июля, а затем наступит перерыв до 21 июля)...

Однако никаких «...по несколько раз на день», не говоря уже о «ежечасно...», на самом деле, как мы видим, не было. Так *несколько строчек* из письменного свидетельства такого, казалось бы, авторитетного участника событий, как маршал Жуков, ***полностью*** искажают картину сути и характера деятельности Сталина в начальный период войны.

Причём с вечера 22 июня 1941 года по вторую половину дня 26 июня 1941 года Жуков вообще не имел возможности непосредственно наблюдать работу Сталина, потому что не позднее 16.00 22 июня он получил указание Сталина вылететь в Киев и оттуда с Хрущёвым выехать в штаб Юго-Западного фронта для выяснения обстановки, оставив в Генштабе за себя Ватутина. В своих мемуарах Георгий Константинович этот момент излагает тоже искажённо — мол, Сталин дал ему указание по телефону «приблизительно» в 13 часов, а «минут через 40» Жуков был уже в воздухе. На деле Жуков в 14.00 22 июня 1941 года вошёл вместе с Тимошенко в кабинет Сталина и вышел оттуда лишь в 16.00 — надо полагать, для того, чтобы сразу же ехать на аэродром.

К тем дням относится показательный разговор Г.К. Жукова по телеграфу «Бодо» с командующим 5-й армией М.И. Потаповым, состоявшийся в 17 часов 24 июня 1941 года, из которого я приведу лишь один фрагмент:

«**Жуков.** <...>

В отношении авиации меры будут приняты.

По радио от вас ничего не получено и не расшифровано.

Надо будет выслать на самолете специалиста для выяснения технических разногласий в радиопередаче и в расшифровке. (Надо-то надо, но это надо было отрабатывать ***до*** 22 июня. — *С.К.)*.

<...>

Как действуют ваши КВ и другие? Пробивают ли броню немецких танков и сколько примерно танков потерял противник на вашем фронте?

Потапов. Мне подчинена 14-я авиадивизия, которая к утру сегодняшнего дня имела 41 самолет. В приказе фронта указано, что нас прикрывают 62-я и 18-я бомбардировочные дивизии. Где они — мне неизвестно, связи с ними у меня нет.

Танков КВ больших имеется 30 штук. Все они без снарядов к 152-миллиметровым орудиям.

У меня имеются танки Т-26 и БТ, главным образом старых марок, в том числе и двухбашенные (безнадёжное старьё. — *С.К.)*.

Танков противника уничтожено примерно до сотни.

Жуков. 152-миллиметровые орудия КВ стреляют снарядами 09—30 гг., поэтому прикажите выдать немедля бетонобойные снаряды 09—30 гг. и пустить их в ход. Будете лупить танки противника вовсю...»

Порой утверждают, что Сталин заранее-де выстроил дислокацию войск так, чтобы заманить вермахт на русские просторы. Но я не думаю, что Сталин сознательно «завлекал» Гитлера вглубь России, как Барклай де Толли и Кутузов — Наполеона... В действительности в начале войны то и дело приходилось, увы, импровизировать. И не только Сталину, но и Жукову, как видим...

Не всегда «импровизиции» Сталина были удачными, особенно — его указание о необходимости при отходе поджигать леса... Над этим сталинским промахом «исследователи» типа «Суворова» сегодня издеваются, но реально отрицательного значения этот промах не имел — леса не жгли.

26 июня 1941 года Жуков был уже в Москве, но об этом тоже вспоминал позднее неточно, утверждая в мемуарах, что прилетел в Москву якобы «поздно вечером» и прямо с аэродрома направился к Сталину, в кабинете которого уже «стояли навытяжку» Тимошенко и Ватутин.

Жуков, как я понимаю, действительно по прилёте в Москву сразу уехал в Кремль, однако первый раз был у Сталина не «поздно вечером», а в три часа дня. Ти-

мошенко и Ватутин были там с 13.00, причём в кабинете находились также Берия, Каганович, Маленков, Будённый, Жигарев, Ворошилов, Молотов, Федоренко, нарком ВМФ Кузнецов... Так что вряд ли Тимошенко и Ватутин стояли навытяжку перед Сталиным и прочими с 13.00 до 15.00.

И мои уточнения — не придирки. Ведь из таких мелких, пусть и невольных, искажений *участниками* событий тех или иных фактов потом *уже другими* составляются крупные сознательные и злонамеренные подтасовки исторических событий и пасквили на Сталина и его эпоху. Тот же писатель Соколов описывал ведь события со слов «самого Жукова!»... Однако описывал то, чего ***не бы-ло***!

В некоторое оправдание Георгия Константиновича Жукова скажу, впрочем, что в своих мемуарах 1971 («брежневского») года он написал о Сталине в основном впечатляюще и убедительно, особенно — на страницах 278—284. И это при том, что в письме, например, писателю Соколову в марте 1964 («хрущёвского») года Жуков — как это ни прискорбно — фактически оклеветал Сталина, написав так:

«...Ставка мыслилась как коллективный орган Верховного главнокомандования, фактически же СТАЛИН почти никогда не собирал Ставку в полном составе...

В начале войны со СТАЛИНЫМ было очень и очень трудно работать. Он, прежде всего, тогда плохо разбирался в способах, методах и формах ведения современной войны...

Все его познания были сугубо дилетантские, и нам нужна была большая выдержка и способность коротко и наглядно доложить обстановку и свои предложения (непонятно, зачем для этого требовалась какая-то особая выдержка? — *С.К.)*. Надо отдать должное СТАЛИНУ, он упорно работал над собой, чтобы освоить военное дело...

..СТАЛИН недооценивал значение и роль Генерального штаба в современной войне, этого единственного

и важнейшего рабочего органа Наркомата обороны и Ставки Верховного ГК...

Особо отрицательной стороной СТАЛИНА на протяжении всей войны было то, что, плохо зная практическую сторону подготовки операции фронта, армии, войск, он ставил совершенно нереальные сроки начала операции...

Мне и ВАСИЛЕВСКОМУ часто приходилось... выслушивать оскорбительные слова от СТАЛИНА...»

и т.д.

Предлагаю читателю сравнить вышеприведённые строки, относящиеся к очернившей Сталина хрущёвской эпохе, со строками, приводимыми ниже и взятыми из прижизненного издания «Воспоминаний и размышлений» Г.К. Жукова в 1971 году:

«Здесь мне кажется уместным несколько слов сказать о работе самой Ставки и И.В. Сталине...

<...>

У Ставки другого аппарата управления, кроме Генерального штаба, не было. Приказы и распоряжения Верховного Главнокомандования, как правило, шли через Генеральный штаб. Разрабатывались и принимались они обычно в Кремле, в рабочем кабинете И.В. Сталина...

Обсуждение в Ставке важных стратегических решений проходило, как правило, при участии членов Государственного Комитета Обороны. Обычно приглашались руководители Генерального штаба, командующие военно-воздушными силами, артиллерией, начальник Главного автобронетанкового управления, начальник тыла Красной Армии, руководители других главных и центральных управлений Наркомата обороны. Командующие фронтами вызывались в Ставку при рассмотрении вопросов, относящихся к их компетенции... Иногда бывали конструкторы самолетов, танков, артиллерии...»

Разве это свидетельство отсутствия коллегиальности в работе Ставки и недооценки Сталиным роли Генштаба?

Продолжаю цитирование мемуаров Г.К. Жукова образца 1971 года:

«Стиль работы Ставки был... деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И.В. Сталин ко всем обращался одинаково строго и довольно официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела.

Кстати сказать, как я убедился за долгие годы войны, И.В. Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-нибудь утверждает обратное, прямо скажу: их утверждения неправильны.

Рабочим органом Ставки был Генштаб...

Идти на доклад в Ставку, к И.В. Сталину... с картами, на которых были хоть какие-то «белые пятна», сообщать ему... преувеличенные данные было невозможно. И.В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности.

У И.В. Сталина было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, он тут же обнаруживал и строго взыскивал с виновных за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное, не упускал случая довольно резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью...

Однако при всей тяжести положения на фронтах... в целом в Генштабе сразу же установилась деловая и творческая обстановка...»

Но простите, а кто же, как не Верховный Главнокомандующий был исходным импульсом для такой работы? И документы, в которых он обнаруживал малейшую неточность, разве не относились к чисто военным, стратегическим и оперативным вопросам?

А вот объективный портрет Сталина, данный Георгием Константиновичем уже на излёте жизни, в тех же «Воспоминаниях и размышлениях»:

«...Невысокого роста (вообще-то Г.К. Жуков сам был не из гигантов, а Сталин имел рост примерно 170 см. — *С.К.)* и непримечательный с виду, И.В. Сталин производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время беседы с И.В. Сталиным внутренне собраться и быть начеку...

И.В. Сталин смеялся редко... но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку... Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях. Его поразительная работоспособность, умение быстро схватить материал позволяли ему рассматривать и усваивать за день такое количество самого различного фактологического материала, которое было под силу только незаурядному человеку...»

И, наконец, данная Жуковым в «момент истины», за три года до смерти, оценка Сталина с позиций полководца:

«...И.В. Сталин всегда много занимался вопросами вооружения и боевой техники... Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качествах основных вооружений...

<...>

Как военного деятеля И.В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну.

И.В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах. Эти способности И.В. Сталина как Главнокомандующего особенно проявились, начиная со Сталинграда.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция (качество, для полководца одно, между прочим, из главных. — *С.К.*). Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Современный читатель может, впрочем, сказать: «А судьи кто?» Ведь Резун, Солонин, да и Юрий Мухин открыли нам глаза на самого Жукова — бездарного, жестокого, грубого... Вот этот кровавый «солдафон» и хвалил «кровавого тирана», при котором нахватал три Геройских Звезды...

Что ж, попробуем с этим немного разобраться...

Каков подлинный масштаб человека, можно хорошо понять, если изучить публичные оценки, данные ему тогда, когда этот человек попадает в опалу... Посмотрим, что говорили о только что снятом министре обороны СССР маршале Жукове его военные коллеги на октябрьском (1957) Пленуме ЦК КПСС. Я приведу их высказывания по изданному Фондом «Демократия» в 2001 году сборнику «Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957) Пленума ЦК КПСС и другие документы», заметив, что маршалы, выступавшие тогда, сказали много жёстких слов в адрес Жукова (типично высказывание начальника Генштаба Соколовского: «необычайно тщеславная личность») и бывшего министра не жалели...

Тем не менее никто не поставил под сомнение масштаб Жукова как полководца и не отвергал его заслуг военного времени.

Скажем, тот же маршал В.Д. Соколовский заявил: «...Вы помните, когда в 1946 году Жуков попал в опалу (не вдаваясь здесь в суть, замечу лишь — за дело. — *С.К.*), то по существу в защиту Жукова выступили только два человека — Конев и я (Рокоссовский тоже, вообще-то, выступал тогда объективно. — *С.К.*)...»

А вот сам маршал И.С. Конев: «...Я давно знаю тов. Жукова и должен заявить, что всегда... видел в нем крепкого и способного военачальника...»

Маршал М.И. Казаков: «В годы Великой Отечественной войны мы высоко ценили полководческий талант товарища Жукова и даже личные обиды, когда приходилось очень крепко от него получать, мы не принимали в расчет ради дела...»

Маршал Р.И. Малиновский: «Жуков, конечно, очень сильный человек, очень одаренный человек... Это сильный характер... Большое дело сделал на войне, и я его уважаю за это и буду уважать за то, что он сделал для Родины...»

И это при том, что Малиновский начал свою речь с признания: «...Я всегда шел на работу с ним, откровенно вам скажу, с очень агрессивными намерениями. Зная его... я шел с намерениями: будет мне хамить, я буду хамить... если не дай бог, *вдарит*, так я сдачи дам...»

Маршал А.И. Ерёменко бурно (и вообще-то не без оснований) оскорблялся за преувеличение Жуковым собственных заслуг в деле Сталинградской битвы, но и Ерёменко признавал, что «товарищ Жуков — уважаемый товарищ...».

А вот вечно лавирующий Микоян: «Товарищи, заслуги у тов. Жукова, конечно, есть, и никто не хочет их оспаривать...»

И даже сам Хрущёв сказал так: «...Не надо умалять его роль... Он, как солдат, хорошо вмешивался и помогал, а то получается, что мы Жукова будем принижать как военного, а он как военный показал себя хорошо...»

Как видим, воинские достоинства Жукова признавали даже тогда, когда он (опять-таки — за дело) был снят с поста министра обороны. И уже вышеприведённые цитаты снимают, на мой взгляд, все инсинуации в адрес Жукова, тем более что грехов у Георгия Константиновича и реальных всегда хватало — ещё со времён командования полком, о чём вспоминал маршал Тимошенко.

Но если Жуков был состоятелен как полководец и военачальник, то, значит, его суждения о военном про-

фессионализме Сталина никак нельзя назвать некомпетентными.

Приведу ещё один фрагмент стенограммы октябрьского (1957) пленума ЦК... Вернувшийся из Польши, где он был министром обороны, маршал Рокоссовский, выступая на пленуме, тоже говорил о положительных качествах Жукова, однако отметил, что «основным недостатком тов. Жукова во время войны... была грубость... он мог оскорбить человека, унизить...». Самый человечески привлекательный и наиболее талантливый и блестящий из советских полководцев, Константин Константинович вспоминал:

«Такой эпизод был под Москвой, когда я находился непосредственно на фронте, где свистели пули и рвались снаряды. В это время вызвал меня к ВЧ Жуков и начал ругать меня самой отборной бранью, почему войска отошли на один километр, угрожал мне расстрелом...»

И сразу же — что было тогда актом высокого гражданского мужества — Рокоссовский вспомнил о своём Верховном Главнокомандующем:

«...Совершенно иной разговор у меня был с товарищем Сталиным. Тяжелый момент под Москвой, меня вызвали к ВЧ для разговора со Сталиным. Я предполагал, что меня, как командующего 16 армией, будут ругать, и считал, что со стороны Сталина будет такая же брань, немедленно снимут с работы и расстреляют. Но до сих пор у меня сохранилось теплое, хорошее воспоминание об этом разговоре. Товарищ Сталин спокойно, не торопясь, просил доложить обстановку. Я начал рассказывать детально, но он меня оборвал и сказал — не нужно, вы командующий... и я вам верю. Тяжело вам, мы поможем. Это был разговор полководца, человека, который сам учитывает обстановку, в которой мы находились»...

Кроме воспоминаний, могу привести фрагмент документа — записи переговоров по прямому проводу И.В. Сталина с командующим Калининским фронтом И.С. Коневым 12 декабря 1941 года. Это был период успешного развития нашего контрнаступления под Москвой, самые тяжёлые дни войны были как-никак позади, и Сталин мог позволить себе бóльший психологический нажим на военачальника, чем во времена немецкого наступления в октябре 1941 года. Но вот как он это делал:

«*Калининский фронт.* У аппарата Конев.

Москва. У аппарата СТАЛИН, ШАПОШНИКОВ, ВАСИЛЕВСКИЙ. Действия вашей левой группы нас не удовлетворяют. Вместо того чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, Вы, как крохобор и кустарь, вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их. Требуем от Вас, чтобы крохоборскую тактику заменили Вы тактикой действительного наступления.

КОНЕВ. Докладываю, все, что у меня было собрано, брошено в бой... ***Дело осложнила оттепель, через р. Волгу тяжелых танков переправить не удается*** (выделение моё. — *С.К.*). Лично не удовлетворен командармом 31 Юшкевичем, приходится все время толкать и нажимать, в ряде случаев принуждать под угрозой командиров дивизий...»

Комментируя эту запись, надо, пожалуй, заметить вот что... По своей маневренности и динамичности, по территориальному размаху и размаху боевых действий Великая Отечественная война, то есть та часть Второй мировой войны, которая велась на Восточном фронте, была беспрецедентной. И порой военачальники в ходе этой войны по отношению к вышестоящим невольно вели себя в некотором смысле как дети, потому что им часто приходилось оправдываться. А оправдываться так часто им приходилось потому, что ***объективно*** они нередко не успевали за обстановкой. И они порой как дети пытались свалить вину на других — как вот Конев

на Юшкевича. Но и Сталин вёл себя как полководец, с пониманием этого непростого психологического обстоятельства. Поэтому он, сознательно задев самолюбие командующего фронтом обидной оценкой того как «крохобора», затем, не перебивая, спокойно выслушал доклад Конева и закончил разговор тоже спокойно:

«СТАЛИН. Больше вопросов нет. Я думаю, что Вы поняли данные Вам установки. Действуйте смело и энергично. Все. До свидания.

КОНЕВ. Понял, все ясно, принято к исполнению, нажимаю вовсю.

СТАЛИН. Все. До свидания»...

И ведь кроме полководческих забот на Сталина каждый день наваливались проблемы экономические, внутри- и внешнеполитические, кадровые и даже — культурные.

К слову, о кадровых проблемах, а точнее — о кадрах Сталина, и ещё конкретнее — о помянутом Коневым командарме-31 Юшкевиче. 44-летний — в 1941 году — командующий 31-й армией Калининского фронта Василий Александрович Юшкевич был культурным, умелым и отважным военачальником. Окончив в 1915 году Виленское военное училище, он успел покомандовать в Первую мировую войну взводом и ротой, в Гражданскую командовал ротой, батальоном, полком на врангелевском фронте, потом дважды учился на академических курсах... С 1930 года — командир славной 100-й стрелковой дивизии (перед войной ею командовал Руссиянов), с 1936 года — командир 13-го стрелкового корпуса. Воевал в Испании, а Великую Отечественную войну начал командиром 44-го стрелкового корпуса ЗапОВО, с боями отступал, в августе 1941 года был назначен командующим 22-й армией Западного фронта, с октября 1941 года — командующий 31-й армией Калининского фронта, которая освобождала Калинин...

Юшкевич вполне успешно воевал до августа 1944 года, когда был освобождён от должности команду-

ющего 3-й ударной армией и принял Одесский военный округ. Умер в 1951 году, пятидесяти четырёх лет от роду. Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды. Типичный генерал из второго круга военных сотрудников Сталина времён войны.

Но как Сталин управлял непосредственно войной? Где здесь истина? Кем он был как полководец — дилетантом, более-менее освоившим ремесло к середине войны при помощи Жукова и Василевского, или сразу являлся самобытным полководцем, точно видевшим ситуацию уже с первых дней своего главнокомандования?

Думаю, для объективного исследователя эпохи ответ очевиден — Сталин перед войной не предполагал, что с началом войны ему придётся, кроме общего управления государством, заниматься и непосредственно полководческой деятельностью. И когда профессионалы провалились и не оправдали его расчётов, он стал феноменально быстро образовывать себя как полководца. Образовывать как самостоятельно, так и при помощи аппарата Ставки (то есть генштабистов) и своих военных помощников.

И в силу своей несомненной комплексной гениальности Сталин в кратчайшие сроки стал выдающимся полководцем в чисто профессиональном отношении, хотя в первый период войны он не избежал, естественно, ошибок. Однако Сталин умел быстро учиться, потому что учился и образовывал себя всю жизнь. Поэтому он, пусть и не сразу, выработал-таки и победный план войны, и *постепенно* создал проигрышную для Гитлера ситуацию.

Но перед этим он, похоже, испытал минуту слабости...

С первых минут войны Сталин знал, что он как глава государства всё делал правильно: и вовремя осторожничал, и вовремя отбросил в сторону колебания, вовремя разрешив армейцам и флотским приведение войск в боевую готовность.

Но армейцы его подвели...

И как подвели! Прошла неделя войны, а 28 июня уже пал Минск, немецкие танковые клинья рвали и рвали нашу и без этого не очень-то прочную оборону.

28 июня 1941 года первыми в кабинет Сталина вошли в 19 часов 35 минут Молотов, Маленков и Будённый, который, впрочем, через пятнадцать минут вышел.

В кабинете вскоре стало людно — появились Тимошенко, Жуков, Булганин, главком ВВС Жигарев и другие. В 21.30 был вызван начальник Разведупра Генштаба Голиков. Сталин слушал, говорил, утверждал приказы и распоряжения, датированные уже 29 июня. Два раза — с 19.45 до 20.05 и с 24.00 до 00.15 — в кабинете был нарком госбезопасности Меркулов. Вряд ли его информация радовала Сталина.

В 22.00 на десять минут появились лётчики-испытатели Супрун и Стефановский — командиры формируемых по инициативе Супруна полков испытателей.

Время же пребывания в сталинском кабинете наиболее интересных для нас посетителей распределялось 28 июня так:

Молотов	19.35—00.50
Маленков	19.35—23.10
Берия	22.40—00.50
Микоян	23.30—00.50

Как видим, всё время — с 19 часов 35 минут 28 июня 1941 года до почти часа ночи 29 июня 1941 года — у Сталина просидел один Молотов, но за полчаса до полуночи в кабинет, где тогда находился и Берия, зашёл Микоян и оставался там вместе с Молотовым и Берией до конца. Маленков ушёл в ту ночь на полтора часа (если точно — на сто минут) раньше последних посетителей кабинета Сталина...

Что происходило там в эти последние сто минут?

Из всех, кто прошёл 28 июня 1941 года через кабинет Сталина, лишь Молотов и Микоян были профессиональными революционерами и были знакомы с хозяином кабинета ещё до революции. И не просто были

знакомы, а вместе с ним эту революцию готовили... Так что разговор на излёте рабочей ночи был наверняка *всяким* — не только деловым.

Но то, что молодого — по сравнению со Сталиным, Молотовым и Микояном — большевика Берию из кабинета не попросили, говорит об особом доверии Сталина к Берии. Да и земляками они были...

Что было потом?

Потом Сталин уехал на ближнюю дачу. Возможно, он уехал туда с Молотовым, Микояном и Берией, но, так или иначе, с какого-то момента Сталин остался на даче один. Во-первых, он за первую неделю войны дико устал, всё время был на людях, и ему, надо полагать, хотелось побыть наедине с собой.

Во-вторых же...

Во-вторых, на него вполне могла навалиться депрессия.

И, похоже, навалилась.

В Журнале посещений кремлёвского кабинета Сталина, как мы уже знаем, имеется двухдневный перерыв — нет записей за 29 и 30 июня. Зато в письме Берии, написанном в 1953 году после ареста на имя Маленкова, но обращённом ко всем членам Президиума ЦК, есть следующее место, где Лаврентий Павлович обращался к Молотову:

«...Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче, Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова... После... мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его [о] немедленной организации Комитета Обороны Страны...»

Есть подобные упоминания и в записях бесед с Молотовым поэта Феликса Чуева, и в других мемуарах,

включая «мемуары» Хрущёва, которые в ряде ключевых моментов лживы, но позволяют выносить верные суждения даже тогда, кода мы имеем дело с явной ложью. Хрущёв был фигурой первого ряда, и, хотя его в те дни в Москве не было, он явно слышал рассказы о тех днях от других фигур первого ряда — Молотова, Маленкова, Берии, Микояна, Кагановича.

То есть некая инициативная поездка Молотова и Берии к Сталину на дачу была. И она, скорее всего, не могла произойти раньше вечера 29 июня. При этом, надо полагать, они прихватили с собой не только Маленкова, но и Кагановича, Микояна... И были, надо полагать, невесёлые разговоры со Сталиным...

И резкие слова Сталина наверняка были, и Сталин мог быть в тот момент даже растерян, потому что как раз примерно через неделю после начала войны, после сдачи Минска, он почти неизбежно должен был испытать глубокий душевный кризис.

Временный...

Однако он его быстро, в считаные два десятка часов, преодолел, и этот кризис на общей ситуации не сказался. Уже 30 июня 1941 года Сталин был на своём посту и назначил генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина начальником штаба Северо-Западного фронта. Главным же событием дня 30 июня стало образование Государственного Комитета Обороны. И решение об этом, весьма вероятно, было принято на даче Сталина, а не в Кремле.

В части непосредственного ведения войны власть с 23 июня 1941 года получила Ставка Главного Командования (10 июля 1941 года она была преобразована в Ставку Верховного Командования во главе со Сталиным).

В части же остального по Конституции власть принадлежала Верховному Совету СССР и Совету Народных Комиссаров СССР. Но теперь надо было свести всё в один кулак, и 30 июня 1941 года совместным решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР был образован Го-

сударственный Комитет Обороны, принявший на себя всю полноту власти в СССР.

Итак, с 1 июля 1941 года Сталин опять был в своем кремлёвском кабинете и до конца войны впрягся в ежедневную военную лямку. Уже 1 июля он, начиная с 16 часов 40 минут, принял до половины второго 2 июля восемнадцать человек.

С самого начала приёма в кабинете, кроме Сталина, находились лишь три человека — Молотов, Берия и Маленков. Через десять минут вошли Щербаков, Тимошенко и Жуков, и в таком составе разговор шёл до 17.10, когда к присутствующим присоединился Каганович.

В 19.00 Тимошенко и Жуков вышли, и я не исключаю, что в первые минуты их разговора со Сталиным тот высказал им всё, что думает и о них, и о высшем генералитете РККА в целом.

А возможно, он, при всей жёсткости тона, говорил только о деле, вначале подробно ознакомившись с текущим положением. Ведь он уже понял, что вскоре ему самому придётся взяться за руководство не только тылом, но и фронтом.

А ведь ещё в конце 1940 года Сталин не принимал прямого участия в играх военных. Я вкладываю в последнее сообщение буквальный смысл, имея в виду те две оперативно-стратегические игры, которые нарком обороны С.К. Тимошенко провёл 2—6 и 8—11 января 1941 года после завершения декабрьского (1940) совещания высшего командного состава РККА.

Содержание и обстоятельства этих игр сами по себе давно стали предметом злонамеренного мифотворчества в «исследованиях» «историков», в художественной литературе и кинематографе.

При этом Сталина делают участником как декабрьского совещания, так и этих игр, а генерала армии Жукова (в кино — в исполнении актёра Ульянова) — непонятым пророком, который-де предугадал в начале января 1941 года верные направления немецких ударов...

Что ж, на этих играх нам надо остановиться отдельно.

Повторяю: Сталина ни на играх, ни на совещании не было. В действительности из высшего руководства в совещании приняли участие Жданов и Маленков, а Сталин и другие члены Политбюро присутствовали лишь на разборе игр в Кремле 12 января 1941 года.

На октябрьском (1957) пленуме ЦК КПСС маршал Ерёменко, кое-что за давностью лет перевирая, вспоминал:

«Потом было совещание в декабре 1940 года у Сталина. Тут присутствуют многие товарищи, которые там были. Как мы выглядели на этом совещании? Сталин дал указания, толковые указания; какими должны быть дивизии с точки зрения подвижности, какое соотношение родов войск. Целый ряд указаний был, но ничего не было выполнено. Все присутствовали, знают, в истории эти указания записаны. Так что сейчас обелять себя неправильно...»

Указания-то Сталин давал, но не в декабре 1940 года, а 12 января 1941 года. Однако не в том даже соль вопроса!

Сегодня эти игры начала 1941 года подают как некий выдающийся пример якобы стратегического предвидения Жукова, игравшего за немцев. Мол, Жуков полностью предвосхитил планы вермахта и разгромил Павлова на картах в той же манере, в какой Павлова через полгода реально разгромил командующий войсками группы армий «Центр» фон Бок при помощи танковых групп Гудериана и Гота.

Но, во-первых, Жуков играл за немцев («Синюю» сторону) против «Красной» стороны, за которую играл Павлов, лишь в первой игре. Во второй игре за бывших «Синих», теперь — «Западных», играл уже Павлов, а за бывших «Красных», теперь — «Восточных», играл Жуков.

Во-вторых, вот что сказано в «Справке об оперативно-стратегических играх, проведенных с участника-

ми декабрьского (1940) совещания высшего командного состава РККА» (см. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). — М.: ТЕРРА, 1993.», стр. 388—390):

«По условиям игр «Западные» осуществили нападение на «Восточных». Естественно бы выглядело рассмотрение в играх вариантов отражения такого нападения, но самым существенным недостатком игр явилось то, что ***из розыгрыша полностью исключались операции начального периода войны*** (выделения везде мои. — *С.К.*). Из заданий для сторон на первую игру видно, что «Западные», осуществив 15 июля 1941 года нападение на «Восточных», к 23—25 июля достигли рубежа Шауляй, Каунас, Лида, Скидель, Осовец (70—120 км от государственной границы), но затем под ударами «Восточных» к 1 августа были отброшены с указанного рубежа в исходное положение... и ***уже с этого положения разыгрывались дальнейшие действия сторон***. По такому же сценарию начиналась война и во второй игре... Ни на совещании, ни на играх их участники ***даже не пытались рассмотреть ситуацию, которая может сложиться в первых операциях в случае нападения противника***...»

Итак, одна эта «Справка...» в сочетании с исторической конкретикой тех игр, о которых она сообщает, для измышлений типа «сенсаций» Резуна, Солонина и т.д. просто убийственна! Как, скажем, они объяснят тот факт, что Сталин, планируя — по их утверждениям — к лету 1941 года превентивный удар по немцам, не удосужился санкционировать проведение хотя бы одной оперативно-стратегической игры в формате наступления РККА, зато санкционировал целых две штабных игры в формате отражения удара немцев?

В «Справке...» справедливо констатируется, что утверждения маршала М.В. Захарова о том, что игры проводились якобы «для отработки некоторых вопросов, связанных с действиями войск в начальный период войны», лишены основания. Эти вопросы не значи-

лись в учебных целях игр и поэтому не рассматривались. При этом в обеих играх действия сторон в направлениях на Брест, Барановичи не разыгрывались, хотя именно такие удары гитлеровцев в начале войны привели к окружению советских войск в «белостокском выступе».

Не сомневаюсь, что именно по указанной причине маршал Жуков в своих мемуарах написал об этой игре скупо и невнятно.

«Справка...» же бесстрастным языком документа свидетельствует:

«...в январе 1941 года оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыгрывало на картах такой вариант военных действий, который реальными «Западными», т.е. Германией, ***не намечался***».

То есть генерал армии Улья..., пардон, Жуков никаких триумфальных бумажных побед над генералом армии Павловым не одерживал! И в первой игре «Красные»-«Восточные» (Павлов) всего лишь не выполнили поставленных им задач по окружению и разгрому «Синих»-«Западных» (Жукова) в Восточной Пруссии.

Вообще-то это весьма странно. Говоря языком современным, «формат» штабных игр в начале января 1941 года просто обязан был предусматривать такую учебную задачу, которая в своей исходной точке имела бы именно начальный период войны. Само наличие «белостокского выступа» рождало у немцев соблазн сходящимися танковыми ударами создать здесь «котёл». Но этот вариант организаторами игр почему-то не рассматривался. К слову, вины Жукова тут нет — в период подготовки замысла январских штабных игр он ещё пребывал в должности командующего войсками Киевского Особого военного округа, передав свои обязанности Кирпоносу и сменив Мерецкова на посту начальника Генштаба лишь в январе 1941 года, после игр. Так что странный замысел игр — это на наркоме Тимо-

шенко, начальнике Генштаба Мерецкове и заместителе Мерецкова Ватутине...

Надо указать и на ещё одно, более чем странное обстоятельство, отмеченное в «Справке...». Почему-то подавляющее большинство участников игр руководило в них объединениями безотносительно к тому, какие объединения они реально возглавляли в начале 1941 года. И почти никому из них с началом войны не пришлось действовать там, где они действовали в играх.

Так, во второй игре из семи армий Юго-Западного фронта «Восточных» только одной командовал (на карте) реальный командарм 6-й армии И.Н. Музыченко и — на том направлении, где реально дислоцировалась подчинённая ему армия к началу войны. В основном же за реальных, стоящих на западной границе командармов, которым через полгода пришлось отражать реальную агрессию, в январе 1941 года играли командующие войсками Архангельского, Забайкальского, Закавказского, Ленинградского, Московского, Одесского, Приволжского, Северо-Кавказского, Средне-Азиатского и Уральского военных округов.

Этот «кадровый» подход можно, пожалуй, сравнить с заменой лыжников, готовящихся к серьёзным зимним соревнованиям, тоже лыжниками, но приученными кататься на... водных лыжах. Такой вот состав участников «войны» на картах подготовил за полгода до реальной войны тогдашний начальник Генерального Штаба РККА генерал армии Мерецков, а нарком Тимошенко его утвердил.

И я думаю, а что, если бы «непрофессионал» Сталин раньше всерьёз вмешался в подобные «игры» профессиональных военных — не после 22 июня 1941 года, а хотя бы за год до этого дня? Началась бы война так, как она началась?

Думаю, вряд ли...

Однако Сталин был, увы, не всеведущ. И стать полководцем ему пришлось по необходимости — после провалов ряда «профессионалов».

С ПЕРВОГО ДНЯ ВОЙНЫ НАВСТРЕЧУ ГЕРМАНСКОМУ НАШЕСТВИЮ ВСТАЛА ГРУДЬЮ ВСЯ СТРАНА — КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК, А РККА С САМОГО НАЧАЛА СРАЖАЛАСЬ УМЕЛО И МУЖЕСТВЕННО ПОД РУКОВОДСТВОМ ИСПЫТАННЫХ КОМАНДИРОВ, И ЛИШЬ ВНЕЗАПНОСТЬ НАПАДЕНИЯ НЕ ДАЛА ВОЗМОЖНОСТИ ДОСТОЙНО ОТРАЗИТЬ АГРЕССИЮ

16 октября 1952 года на пленуме ЦК КПСС, состоявшемся сразу после XIX съезда, начавшегося как съезд ВКП(б), а закончившегося как съезд КПСС, Сталин говорил:

— Мы, старики, все перемрём, но нужно подумать, кому, в какие руки вручим эстафету нашего великого дела. Кто её понесёт вперёд? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять лет, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля...

Возможно, обдумывая то, что он скажет участникам этого последнего пленума ЦК, который прошёл при жизни Сталина, Сталин вспоминал бывшего своего заместителя по Совнаркому и Совмину, бывшего председателя Госплана СССР Вознесенского и бывшего секретаря ЦК Кузнецова, расстрелянных в 1950 году

по «ленинградскому» делу. Вознесенскому тогда было сорок семь лет, а Кузнецову и вовсе сорок пять.

Сталин очень рассчитывал на них как на смену, однако оказалось, что они, вместо того чтобы готовиться к приёму эстафеты великого дела, всего лишь тайно прикидывали — как будут тешить свою гордыню, удовлетворять амбиции и *править*, а не руководить державой после смерти Сталина. Смерти естественной, а то и...

А то и — сознательно ускоренной.

Да, кадры действительно решали всё, если это были здоровые кадры политических деятелей. Но кадры могли и ничего не решать, если это были гнилые «кадры» деляг, обывателей или просто бездарей, возомнивших о себе. И уже первая неделя войны резко разграничила довоенные кадры Сталина на две неравные части.

Одна — преобладающая, хотя и не подавляюще преобладающая, с началом войны не отвернула взгляда от опасности, посмотрела ей прямо в лицо и двинулась на неё, чтобы преградить ей путь. Даже находясь в глубоком тылу, она рвалась на фронт.

Другая, меньшая, хотя и нельзя сказать, что незначительная, после первых серьёзных неудач, после сдачи Минска, впала в панику и ринулась спасаться от опасности в глубь страны — если эти «кадры» находились в прифронтовой зоне, или — если они уже находились в глубоком тылу — затаилась, как суслик, боясь одного — фронта.

Первая часть, жившая заботами дела, смотрела в те дни на запад, потому что там был враг.

Вторая часть, жившая заботами о собственной шкуре и шкурном благополучии, смотрела на восток — потому что там был как-никак не фронт, а тыл.

То, что страна встретила «грозу 1941 года» героически, было правдой. Но и то, что немалая часть страны встретила войну трусливо и подло, тоже было правдой.

В 1992 году московское издательство «Русская книга» издало сборник архивных документов, который так и назывался: «Скрытая правда войны: 1941 год».

В предисловии к нему составители уместно цитировали Цицерона: «Первый закон истории — не отваживаться ни на какую ложь, затем — не страшиться никакой правды»...

Правда опубликованных тогда документов была горькой, но это были документы. Да, комментарии к ним составителей были нередко выдержаны в духе 1992 года, то есть в антисоветском и антикоммунистическом духе, и объективно подача документального материала была рассчитана — вопреки уверениям составителей — на то, чтобы взбудоражить умы людей в расчёте на нездоровую сенсацию. Однако сами документальные свидетельства о неприглядной, антигероической стороне войны были вполне достоверными.

Вот, например, извлечение из обширной докладной записки от 5 июля 1941 года военного прокурора Витебского гарнизона военного юриста 3 ранга Глинки военному прокурору Западного фронта диввоенюристу Румянцеву. Эта записка не только содержательна, но и хороша в чисто профессиональном отношении, в чём читатель может убедиться сам:

«Работой начальника гарнизона полковника Редченкова недовольны местные облорганы, заявляя, что он работу не обеспечивает и может провалить. Мое мнение, он просто не в состоянии охватить всей огромной массы вопросов и нуждается в конкретной деловой помощи. Я предложил секретарям обкома и его первому секретарю тов. СТУЛОВУ послать ему на помощь партработников, которых в Витебске скопилось очень много, но все они ходят без дела. Это секретари обкомов и райкомов других областей, члены ЦК, аппарата ЦК Компартии Белоруссии. Однако обком мое предложение не принял, заявив, что он, начальник гарнизона, может сам найти себе людей...

<...>

Областные органы, в том числе обком и облисполком (тов. СТУЛОВ, тов. РЯБЦЕВ)... запоздали со многими мероприятиями, в результате чего в городе

появилось среди населения тревожное настроение, паника, бегство, бестолковщина и дезорганизация, т.е. появилось то, от чего предостерегал тов. СТАЛИН в своей речи».

Картина безобразная, и хотя немцы заняли Минск на шестой день войны, белорусский ЦК оправдать сложно. Началась огромная война, а многие профессиональные представители политического *авангарда* общества не могут найти себе дела...

В Белоруссии, впрочем, всё осложнил военный цейтнот.

А на Украине? 6 июля 1941 года начальник Управления политпропаганды Юго-Западного фронта бригадный комиссар Михайлов докладывал начальнику Главного Управления политпропаганды Красной Армии армейскому комиссару 1 ранга Мехлису:

«В отдельных районах партийные и советские организации проявляют исключительную рассеянность и панику. Отдельные руководители районов уехали вместе со своими семьями задолго до эвакуации районов.

Руководящие работники... Новоград-Волынского, Коростенского, Тарнопольского районов в панике бежали задолго до отхода наших частей, причем вместо того, чтобы вывезти государственные материальные ценности, вывозили имеющимся в их распоряжении транспортом личные вещи...»

Это ведь не западная часть Белоруссии, стремительно занятая немцами и преступно проигранная Павловым. Это — Украина, где продвижение вермахта с самого начала затормозилось, где нашествие было по времени более растянутым, и поэтому политическому авангарду общества было проще организовать народное противодействие этому нашествию.

11 июля 1941 года тот же Михайлов докладывал о бегстве секретарей райкомов КП(б)У Хмельницкого,

Янушпольского, Улановского районов... Это — Винничина, это уже близко в Киеву. И это всё — кадры Хрущёва. Но он их к стенке не ставил. Да и зачем? Они ему ещё пригодятся после убийства Сталина и Берии, после 1953 года...

Пожалуй, и потому Хрущёв так подло лгал после 1953 года о Сталине, что, свалив всё на Сталина, проще было «замотать» вопрос о мере собственной вины. Ведь Хрущёв на Украине имел достаточно времени для того, чтобы превратить республику в крепость. К тому же только Хрущёв на Украине входил в состав высшего руководства страны, был членом Политбюро.

Но вот началась война, и Хрущёв, вместо того чтобы оперативно «расшивать» возникающие проблемы гражданской и хозяйственной жизни, начал изображать из себя стратега, дезинформируя Сталина и осложняя положение Кирпоноса.

Вернёмся, впрочем, к теме...

В упомянутом выше сборнике 1992 года более чем достаточно очень неприглядных фактов. Собственно, сборник из них одних и состоит, и для общей концепции сборника — показать ранее скрытую правду — это вполне оправданно. Однако при осмыслении этой правды необходимо не упускать из виду одно тонкое обстоятельство, на которое справедливо обращал внимание читателей Михаил Мельтюхов в своём очерке «Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня — 9 июля 1941 г.)», опубликованном в коллективном военно-историческом сборнике 2008 года «Трагедия 1941-го. Причины катастрофы» издательства «Яуза».

Замечание М. Мельтюхова так хорошо, что я его приведу прямо. Предваряя знакомство читателя с не менее ошеломляющими, чем в сборнике 1992 года, примерами поразительных, рационально необъяснимых (если не предполагать прямое предательство!) разгильдяйства, безответственности и нераспорядительности, М. Мельтюхов пишет:

«Конечно, материалы военной контрразведки как исторический источник имеют ряд особенностей... Нацеленные на выявление и обобщение негативных фактов и явлений, органы военной контрразведки выполняли в действующей армии функцию контрольно-надзирательного аппарата. Естественно, что в этих документах в наибольшей степени отразились именно негативные явления...»

Абсолютно точная и системно необходимая констатация, делающая честь её автору! Всё еще «демократизированная» часть нашего общества всё ещё взахлёб воспринимает любой «негатив» о сталинской эпохе, хотя весь тогдашний «негатив» был не сутью эпохи, а её издержками, многие из которых к тому же надо относить не на счёт СССР Сталина, а на счёт бывшей «Расеи», «возглавлявшейся» целой чередой якобы «русских» царей начиная с Александра I...

Но «негатива» хватало. Вот, например, данные по обеспеченности западных приграничных округов средствами заправки и транспортировки горючего на 1 мая 1941 года (в процентах к штатному количеству):

Военные округа	**Бензозаправщики и автоцистерны**	**Водомаслозаправщики**
Ленинградский ВО	30,7	8,8
Прибалтийский ОВО	26,8	7,8
Западный ОВО	18.5	6,0
Киевский ОВО	16,1	13,0
Одесский ВО	14,4	4,5

К слову — похожа эта картина на подготовку Сталина к превентивному удару в 1941 году?

А вот фрагмент докладной записки № 03 от 28 июня 1941 года начальника 3-го (т.е. Особого, контрразведывательного) отдела Северо-Западного фронта дивизионного комиссара Бабича:

«...Командир 54-го СБАП (скоростного бомбардировочного авиационного полка. — *С.К.*) майор Скиба боевыми вылетами руководит плохо, на аэродромах не бывает, приказания отдает из блиндажа, без всяких данных: «Идите бомбить — цель найдете сами».

На замечание, что без данных о противнике можно разбомбить и своих, Скиба отвечал: «Я ничего не знаю». В первый день войны отдал приказание поднять 3-ю эскадрилью и ждать дальнейших распоряжений в воздухе. Эскадрилья, вооруженная самолетами «Ар-2» и «СБ», ожидала распоряжения в воздухе 1,5 часа, в результате чего выполнить боевое задание (отсутствующее. — *С.К.*) не могла... <...>

Сам Скиба на боевое задание не вылетал и прикрепленный к нему самолет передал другому летчику, так же поступил его помощник майор Леонтьев...»

Так было. Было и так, как описывал те дни в своих мемуарах Маршал Советского Союза К.С. Москаленко, который перед войной командовал 1-й артиллерийской противотанковой бригадой резерва Главного Командования (РГК) в Киевском Особом военном округе.

Но тут надо кое-что предварительно пояснить...

Приступая к работе над этой весьма краткой книгой о начале войны, я сознательно решил широко не обращаться к мемуарной литературе, ограничившись, как правило, документами. И воспоминания Москаленко «На Юго-Западном направлении» попались мне под руку совершенно случайно... Однако когда я познакомился с его описанием начала войны, оно показалось мне настолько интересным и даже интригующим, что я счёл своим долгом познакомить с ним и читателя..

Находясь в резерве РГК, бригада Москаленко до 22 июня 1941 года была в оперативном подчинении у командующего 5-й армией генерал-майора танковых войск М.И. Потапова, штаб армии которого находился в Луцке.

Бригада же Москаленко дислоцировалась в районе станции Киверцы, километрах в пятнадцати севернее

Луцка. Рано утром 22 июня Москаленко поднял бригаду по тревоге, и далее события разворачивались так:

«Мы быстро прошли в штаб. Здесь я вскрыл мобилизационный пакет и узнал, что с началом военных действий бригада должна форсированным маршем направиться по маршруту Луцк, Радехов, Рава-Русская, Немиров на львовское направление в район развертывания нашей 6-й армии (генерала И.Н. Музыченко. — *С.К.*). Немедленно доложил об этом по телефону генералу Потапову. Выслушав, он сказал:

— Обстановка на фронте 5-й армии резко обострилась: немецкие войска форсировали реку Западный Буг... и продвигаются на Владимир-Волынский. Поэтому прошу вас, наконец, требую выступить на Владимир-Волынский и совместно с 22-м механизированным корпусом генерала Кондрусева... восстановить положение...»

Моторизованная бригада РГК была мощной силой — её командир носил на петлицах две звезды генерал-майора и накануне своего назначения в мае 1941 года «на бригаду» был аттестован на должность командира танковой дивизии. И командарм-5 КОВО Потапов *просил*, а не приказывал Москаленко выступить на Владимир-Волынский потому, что с началом войны бригада подчинялась уже командарму-6 КОВО Музыченко. Поэтому комбриг ответил Потапову: «Бригада является резервом Главнокомандования. Выполнить ваше требование, противоречащее мобилизационному плану, не могу».

Потапов попросил подождать у телефона, пока он свяжется с Москвой или Киевом. Бригада готовилась к маршу, комбриг ждал...

«Минут через 15—20 командарм, — вспоминал Москаленко, — позвонил снова.

Связь с Москвой и Киевом прервана... Противник ведет наступление по всему фронту армии. 41-я тан-

ковая дивизия подверглась удару с воздуха... и почти вся погибла. Город Владимир-Волынский с минуты на минуту будет захвачен врагом. — Голос Потапова стал тверже, требовательнее. — Учитывая сложившуюся обстановку, приказываю: бригаде следовать, как я уже сказал... Всю ответственность за нарушение бригадой задачи, предусмотренной мобилизационным планом, беру на себя...

Я счел решение генерала Потапова в создавшейся обстановке правильным...»

Для того чтобы полностью понять то, что описано выше, надо посмотреть на карту Украины.

Вот — Киверцы, вот — Владимир-Волынский километрах в семидесяти от Киверец по направлению почти перпендикулярно к границе.

А вот — Радехов, тоже километрах в семидесяти от Киверец, но почти параллельно границе. А от Радехова надо ещё добираться до Равы-Русской, а от неё ещё и до Немирова. Итого — километров сто пятьдесят, не менее...

И по мобилизационному плану, составленному кем-то в Москве в преддверии безусловно маневренной, с быстро меняющейся обстановкой войны (что само по себе делает систему строго засургученных пакетов полуидиотской, если не вовсе идиотской), мощная и высокомобильная воинская часть должна была сто пятьдесят вёрст киселя хлебать, расходуя моторесурс, горючее, силы и нервы, под неизбежными бомбовыми ударами противника, только для того, чтобы войти в подчинение новому командарму, которого не знает комбриг и который не знает комбрига.

И такие марш-броски планировались в Генеральном штабе РККА генералом Мерецковым, а с января 1941 года — генералом Жуковым не в силу вынужденной импровизации, а ***заранее*** — до войны!

При этом наркомат обороны и Генштаб не обеспечили надёжной кодированной радиосвязью во всё более накаляющейся обстановке даже звено «штаб армии —

штаб фронта»! Зато заранее связывали мобилизационным планом руки и комбригу Москаленко, и командарму Потапову.

Дивны дела Твои, Господи! Но дела человеческие подчас ещё удивительнее...

Но это не всё! Когда Москаленко на полпути между Луцком и Владимиром-Волынским догнал штабную колонну командира 22-го мехкорпуса генерал-майора С.М. Кондрусева, то оказалось, что две из трёх дивизий корпуса — 19-я танковая и 215-я моторизованная — по плану прикрытия начали выдвигаться из района Ровно в район Ковеля и быстро на Владимир-Волынский повернуть не смогут.

Третья дивизия Кондрусева — злополучная 41-я была расквартирована как раз на западной окраине Владимир-Волынского. Однако по плану прикрытия, вместо того чтобы двинуться вперёд к границе — на рвущегося к Владимир-Волынскому врага, в зону завязавшихся ожесточённых боёв, дивизия была вынуждена уйти в «район сосредоточения» к Ковелю — параллельно границе.

«В пути, — писал Москаленко, — дивизия попала в болотистую местность, часть танков застряла там, и поставленная задача не была выполнена».

Если подобные «планы прикрытия» не вредительство, то что тогда надо считать вредительством? Впрочем, я не подозреваю в измене ни Тимошенко, ни Жукова, а лишь повторю вслед за Талейраном: «Это — хуже, чем преступление. Это — ошибка»...

И 22 июня 1941 года генерал Гальдер записал в дневнике:

«Наступление германских войск застало противника врасплох... Его войска в приграничной зоне были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования... <...>

Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке [штаб 10-й армии], полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти

полностью отсутствовало руководство действиями со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая состояние «столбняка», едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению...»

Для глупо кастрированной советской военной историографии характерно примечание русской редакции в 1971 году к этой записи Гальдера: «Здесь Гальдер... совершенно безосновательно и грубо принижает организаторские способности советского командования. Общеизвестно, что первыми приняли на себя удар противника части пограничных войск и укрепленных районов, которые в боях с превосходящими силами противника показали чудеса героизма и самоотверженности и во многом предопределили поражение гитлеровской военной машины».

Так-то оно так! Советские погранвойска действительно сражались геройски, а их выучка и самоотверженность мощно повлияли на ситуацию. Но пограничники — это гвардия Берии, а не Тимошенко и Жукова! К тому же противостоять армии противника, а не отдельным нарушителям государственной границы — не задача погранвойск.

Однако и многие армейские части и соединения с первого дня войны тоже воевали геройски, и хотя многие высшие штабы впали — по оценке Гальдера — в «столбняк», в тот же день 22 июня Гальдер писал уже и так:

«После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям»...

А 23 июня 1941 года начальник Генерального штаба вермахта сделал запись, которая лучше любых высоких слов показывает ту высокую жертвенность, которую продемонстрировали лучшие советские люди с первых же дней войны:

«Общая обстановка лучше всего охарактеризована в донесении штаба 4-й армии: противник в белостокском мешке борется не за свою жизнь, а за выигрыш времени».

Когда я прочёл это впервые, у меня перехватило горло. Может ли быть более высокой оценка исполнения солдатского долга и более убедительное свидетельство солдатской стойкости, чем это вынужденное признание врага?

Не думая о собственном спасении, выиграть время, сдержать напор...

Кому-то это удавалось на час.

Кому-то — на сутки...

Кому-то — на неделю...

В итоге к подступам к Москве вермахт глубокой осенью 1941 года не доехал, не дошёл, а *дополз.*

24 июня 1941 года Гальдер сквозь зубы признаёт:

«В общем, теперь ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам»,

но оговаривается:

«При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями...»

В своём заблуждении Гальдер убеждается уже через сутки и 25 июня записывает:

«Оценка обстановки на утро в общем подтверждает вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск.

Это, например, подтверждается действиями противника на фронте *группы армий «Север»*... <...>

Противник организованно отходит, прикрывая отход танковыми соединениями, и одновременно перебрасывает большие массы войск с севера к Западной Двине...

На фронте *группы армий «Центр»* возникли неизбежные (угу! — *С.К.*) затруднения...

На фронте *группы армий «Юг»* противник подтягивает свежие силы с востока... и перебрасывает моторизованные части по шоссе на Ровно... Создается впечатление, что противник подтягивает свежие силы с запада и юга против продвигающегося с тяжелыми боями на восток 4-го армейского корпуса и против корпуса фон Бризена...»

Запись же за 5-й день войны, 26 июня 1941 года, начинается в дневнике Гальдера так:

«Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное (вот даже как! — *С.К.*) руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина...»

Да, тогда мы лишь сдерживали врага. Но вермахт снижал темпы наступления, а кое-где даже выдыхался, не по щучьему ведь велению, а за счёт мужества бойцов и командиров, действия которых всё чаще не так уж и плохо направлялись командованием.

Вот три судьбы...

Уже известный читателю командующий 6-й армией Юго-Западного фронта Иван Николаевич Музыченко

начал войну мужественно, но в ходе Киевской оборонительной операции в августе в районе Умани был раненым взят в плен. Вначале содержался в ровенской тюрьме, потом — в лагерях в Новограде-Волынском, Хаммельсбурге, Гогельштейне, Мосбурге.

Освобождён он был из плена американцами и 29 апреля 1945 года направлен в Париж, в Советскую комиссию по делам репатриации. С мая по декабрь 1945 года Музыченко проходил спецпроверку НКВД в Москве. 31 декабря 1945 года был возвращён на действительную службу в ряды Красной Армии.

Примерно то же произошло и с вернувшимся из плена через Париж генерал-майором Потаповым — бывшим командующим 5-й армии КОВО, тоже известным читателю.

А 30 декабря 1945 года на Лубянку был доставлен из опять-таки Парижа бывший командующий 12-й армией генерал Понеделин. Сейчас пишут, что он был пленён в августе 1941 года контуженным, после рукопашной схватки. Однако на немецком фото в изданной в 2006 году издательством «Эксмо» книге Франсуа де Ланнуа «Немецкие танки на Украине. 1941 год» Понеделин ни контуженным, ни растерзанным не выглядит. Зато ордена Ленина и двух орденов Красного Знамени у него на груди нет, как нет и медали «XX лет РККА». Причём на чётком фото не видны и дырочки от них на полевом кителе, не носящем следов «схватки». Да немцы и не стали бы ордена снимать, тем более — перед пропагандистским фотографированием. Скорее всего, Понеделин сам избавился от них, надев перед сдачей в плен новый генеральский китель.

Не лучшая для него аттестация.

В плену он вёл себя ниже среднего, настроен был умеренно антисоветски, хотя с немцами не сотрудничал. Послевоенное следствие по делу Понеделина длилось пять лет, и лишь в 1950 году его расстреляли. В 1956 году в общем потоке хрущёвских реабилитаций реабилитировали и его.

Разными были они — генералы РККА образца 1941 года. Кто-то, оказавшись в окружении, выходил из него со всеми боевыми наградами и генеральскими регалиями... Кто-то сдавался в плен в новеньких кителях, сняв награды... Кто-то — как первый взятый в плен советский генерал Потатурчев — переодевался в гражданскую одежду или красноармейскую форму, но пытался выйти из окружения... Кто-то — стрелялся... Однако большинство советских военачальников командовало вверенными им войсками, хотя и не все и не всегда — умело.

И не один генерал РККА в те начальные дни войны пал смертью храбрых. Семён Михайлович Кондрусев, которого генерал Москаленко встретил на военной дороге 22 июня 1941 года, уже через два дня, 24 июня 1941 года, погиб в бою в районе деревни Александровка Владимир-Волынского района Волынской области Украинской ССР. Уроженцу Смоленщины, ему в 1941 году было всего сорок четыре года, из которых двадцать четыре было отдано армейской службе.

В гражданскую войну Кондрусев — командир взвода в 65-м стрелковом полку 8-й стрелковой дивизии.

После советско-польской войны — командир роты в 391-м стрелковом полку 44-й стрелковой дивизии.

С мая 1931 года, после окончания Стрелково-тактических курсов «Выстрел», — командир 132-го Донецкого полка 44-й стрелковой дивизии.

В «финскую» войну — командир 62-й стрелковой дивизии, а с марта 1941 года кавалер двух орденов Ленина Кондрусев — командир 22-го механизированного корпуса КОВО.

Всё — весьма типично...

Тема командиров РККА по сей день не относится к полно и объективно освещённым, хотя она и достаточно замусолена грязными пальцами «историков». Я уже писал, что знакомство со служебными биографиями тысяч советских генералов времён войны полностью опровергает разного рода инсинуации на их счёт. Но вот ещё одна иллюстрация недобросовестного подхода к теме...

На странице 467-й своей книги «22 июня...» Марк Солонин приводит извлечение из письма командарма И.П. Белова наркому обороны К.Е. Ворошилову от 7 октября 1930 года, которое Белов направил в Москву из Германии, где он был в служебной командировке.

Вот фрагмент Солонина:

«...когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры от подпоручика (лейтенанта? — *С.К.*) до генерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от сознания нашей слабости. Хочется кричать благим матом о необходимости самой напряженной учебы — решительной переделке всех слабых командиров... [71, с. 272]».

Номер 71 в библиографии Солонина — это сборник документов «Фашистский меч ковался в СССР» издания 1992 года (составители Д.Л. Дьяков и Т.С. Бушуева). Название этого сборника провокационно и лживо, однако это — интересный источник, поскольку он содержит документы. И, знакомясь там с письмом Белова, обнаруживаешь, что М. Солонин его при цитировании недобросовестно усёк, заменив отточием конец приведённого в сборнике 1992 года фрагмента письма Белова.

Вот он:

«Хочется кричать благим матом о необходимости самой напряженной учебы — решительной переделки всех слабых командиров в возможно короткие сроки <...>

Мы имеем прекрасный человеческий материал в лице нашего красноармейца; у нас неплохие перспективы с оснащением армии техникой. Нужны грамотные в военно-техническом отношении командиры, мы должны их сделать — в этом одна из задач сегодняшнего дня. <...>

В немецком рейхсвере неисполнения приказа нет».

Как видим, Белов, крайне высоко оценивая рвение офицерского корпуса рейхсвера, не так уж и низко оценивает потенциал самой РККА на всех её уровнях — от красноармейца до высших командиров.

К тому же надо помнить о том, чем была в 1930 году РККА и чем был рейхсвер.

Рейхсвер на рубеже 20—30-х годов был высокопрофессиональной структурой со строго ограниченной условиями Версальского договора численностью — сто тысяч человек. Это было нечто вроде огромной «кадрированной» воинской части, костяк которой составляет командный состав и которая при необходимости развёртывается в полноценную часть (в случае рейхсвера — в массовую армию).

Унтер-офицер рейхсвера готовился как будущий офицер этой массовой армии, рядовой — как унтер-офицер или тоже офицер. При этом личный состав рейхсвера комплектовался за счёт не всеобщей воинской обязанности, а за счёт строгого отбора.

Офицерский же корпус рейхсвера в 1930 году состоял практически полностью из лучших профессиональных, кадровых, специально и тщательно отобранных боевых офицеров с огромным опытом Первой мировой войны. Причём офицеров относительно молодых (то есть честолюбивых), способных руководить в перспективе массовой армией. Ведь рейхсвер с самого начала мыслился немцами как своего рода «концентрат» будущего вермахта, задачей которого должно было стать не просто возрождение военной мощи Рейха, но и решение масштабных задач решительного реванша за поражение в Первой мировой войне.

Стоит ли удивляться тому, что *такой* офицерский корпус в 1930 году землю носом рыл и «зверски» работал над собой, готовясь к «великим свершениям»?

А что такое была РККА образца 1930 года? Полумилиционные формирования в стране, которая к тому времени даже не определилась с ближайшими задачами развития, где одна часть руководства, как Бухарин, призывала: «Обогащайтесь!», а другая, как Сталин, предуп-

реждала: «Нам надо за десять лет пробежать дистанцию длиной в век, иначе нас сомнут»...

Рыхлость, разболтанность тогдашнего общества, отсутствие его единства *в тот* момент, наличие серьёзных внутренних сил, враждебных новой власти, обуславливали и рыхлость армии, лишь начинающей формироваться по-настоящему и не имеющей ещё полноценного профессионального офицерского корпуса. Недаром Белов подчёркивал, что в рейхсвере неисполнение приказа невозможно — в отличие от тогдашней РККА.

Но это было в 1930 году. И хотя настоящая кадровая армия — по свидетельству, например, маршала Жукова — начала создаваться лишь в 1939 году, к 1941 году в стране имелся неплохой командный потенциал как в войсках, так и в запасе.

Солонин же, шулерски «цитируя» Белова, пытается создать у нас впечатление, что и перед войной «зверски» работавшим над собой блестящим офицерам вермахта противостояли «совковые» вахлаки, «насмерть запуганные Сталиным» и не способные ни на какую инициативу и компетентные действия.

Вахлаков хватало — мы это уже видели из документов, да ещё и увидим. Но если бы РККА состояла из них одних, то...

Впрочем, стоит ли продолжать?

А в заключение этого раздела я ещё раз обращусь к теме «Сталин и генералитет»...

Все бездарные провалы начала войны — на счету маршалов и генералов. Ведь Сталин, сам будучи высоким профессионалом в своём государственном «государевом» деле, настолько уважал накануне войны их профессионализм, в который он тогда верил, что даже на декабрьском совещании 1940 года не присутствовал, как и на январских штабных играх 1941 года — чтобы излишне не нервировать участников.

Однажды Сталин был, правда, инициатором и активно участвовал в совещании при ЦК ВКП(б) начальству-

ющего состава РККА по сбору опыта боевых действий против Финляндии, которое проходило 14—17 апреля 1940 года, после окончания советско-финской войны. К слову, полная стенограмма этого совещания была издана очень ограниченным тиражом издательством «Наука» лишь в 1999 году.

В конце 1939 года, в начальный период «финской» войны, Красная Армия тоже провалилась — не катастрофически, как летом 1941 года, однако весьма постыдно. Сталин был этим, естественно, обеспокоен и, как я понимаю, решил сам для себя кое-что понять и другим дать возможность разобраться. Так было решено апрельское совещание 1940 года.

Обсуждение получилось полезным и живым. Просто ради собственного удовольствия, хотя и в интересах читателя — тоже, я несколько отвлекусь от темы (возможно, впрочем, и нет!) и приведу следующий фрагмент стенограммы выступления полковника Младенцева, командира 387-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии:

«МЛАДЕНЦЕВ. Надо также отметить, что бойцы не боялись финнов и ходили в штыковые атаки.

Что еще нужно отметить? Нужно отметить то, что наши бойцы боялись финнов тогда, когда их не видели, финны стреляют, а бойцы не видят их (финские снайперы и впрямь были способны воздействовать на самые крепкие нервы. — *С.К.*). Это на бойцов действовало морально, когда же бойцы видели живых финнов, они рвались в бой и их нельзя было удержать. Бойцы всегда стремились вперед, а не назад. Эту особенную черту нужно отметить.

Другую картину показали бойцы, прибывшие в пополнение из Гуляй-поля (*смех*).

ГОЛОС. Махновцы бывшие (Гуляй-поле — родина и «столица» Махно. — *С.К.*)

МЛАДЕНЦЕВ. Этот народ плохо дерется, бывшие махновцы, очевидно, потому что им по 37, 38 лет, очевидно, махновщину захватили.

Челябинское пополнение было хорошее, народ дрался хорошо и крепко дрался.

СТАЛИН. Эти мужики серьезные.

МЛАДЕНЦЕВ. Хорошо дрались...»

На апрельском совещании 1940 года в ЦК были подробно изучены провалы и обобщён положительный опыт финской войны. Атмосфера совещания была деловой и, одновременно, — раскованной, товарищеской. Выступило почти пятьдесят человек, в том числе сам Сталин с заключительной речью.

И после этого, как я понимаю, Сталин решил, что военные из «финских» провалов необходимые уроки извлекли и в возможной войне с немцами прежних ошибок не повторят.

Увы, начало Большой войны показало обратное...

Внимательный читатель может, впрочем, спросить: «Но где же последовательность автора? То он хвалит генералов РККА, то их осуждает... Но разве маршал Тимошенко или генерал армии Жуков, или генерал-лейтенант танковых войск Федоренко, начальник Главного автобронетанкового управления РККА, чем-то принципиально отличались от того же генерал-майора Кондрусева? Сложись иначе, тот же Кондрусев мог бы сидеть в ГАБТУ, а Федоренко — лежать в поле под Александровкой... Виноваты не столько конкретные люди, сколько система...»

И читатель, как ни странно, будет во многом прав. Вот только «системе», которая программировала будущие провалы, было к июню 1941 года не двадцать четыре неполных года (считая от ноября 1917 года), а добрых шестьсот с большим гаком лет, считая со времён развитого монголо-татарского ига. Это тогда в русском народе — широком и вольном, как русская природа, — наряду с народом Иванов, копившим силы для Куликова поля, начал складываться также народишко Ванек и Манек, всегда готовых целовать тогда — иноземный, а позднее — просто *барский* сапог.

Народ Иванов жил по правилу: «Служить, так не картавить, а картавить — так не служить!»

Народишко Ва́нек существовал по правилу: «Не сметь своё суждение иметь»...

Причём этот второй, мелкий и слабодушный, народишко Ванько́в и «митьков» получил своё развитие во всех слоях населения России. И в высших слоях его процентное отношение к народу Иванов было намного большим, чем в народной толще.

В СССР Сталина, в России Сталина, ценили Иванов, но старая «Расея» оставила в наследство новой России — кроме прочего — и массовую «ваньковую» психологию. Иваны жили делом, Ваньки́ — шкурой. Генерал Иван Руссиянов готовил дивизию к войне и был к ней всегда готов. А «ванёк» с генеральскими петлицами готовился по преимуществу к отчётам, смотрам, проверкам, парадам и банкетам.

«Ваньки́» всех уровней и провалили ту войну, выигрывать которую пришлось Иванам. И это — не «лирика», это — и есть правда истории и правда эпохи.

Конечно, выше изложена схема, а схема не может отразить всю полноту жизни. Реально и немалое число Иванов носило в себе черты «ваньков», а в душе немалого числа «ваньков» теплился огонёк Ивановой души. С началом войны Иваны окончательно выжгли в себе «ваньков», а часть «ваньков» возвысилась до уровня Иванов.

Неисправимые же «ваньки», как с генеральскими, так и с красноармейскими петлицами, не приняв боя или после первых разрывов снарядов отступали, поднимали руки, а то и, как генерал Власов, служили врагу.

Впрочем, даже война не изжила в стране окончательно ни «ваньковую» психологию, ни носителей этой психологии на всех «этажах» общества. Более того, кое-кто из «ваньков» за время войны даже «вырос» — не все ведь попадали в плен. А кое-кто даже удостоился высоких наград, а то и Золотых Звёзд, в глубине души оставаясь при этом всё тем же «ваньком». К тому же в победившей стране для удачно мимикрировавших сановных «ваньков», в том числе в погонах, складывалась объективно

благоприятная обстановка — всегда выгоднее делить сладкий пирог победы, чем горький сухарь поражения.

И, как я уже говорил, после смерти Сталина всё начали валить на него. Благо это всемерно поощрял Никита Хрущёв, а многие из представителей послевоенного «маршалитета» и высшего генералитета были тут ему естественными союзниками, потому что им тоже не нужна была правда о том, как начиналась война.

Сталин после войны великодушно не обнародовал тот факт, что войну преступно проморгал не один Павлов, а чуть ли не всё военное руководство. Ведь готовность к войне определяется не тем даже, встретили её те или иные части в окопах, а тем, как эти части обучены, как снабжены, как была организована армейская жизнь до войны.

В принципе, здесь всё наладить было намного проще, чем в народном хозяйстве, потому что армия ничего не производит, она только потребляет. И генералам надо было лишь запрашивать, получать, распределять и учить подчинённых всех уровней пользоваться распределённым.

Некоторые высшие генералы не смогли перед войной сделать толком даже этого. А кто-то и явно предал.

Что оставалось Сталину? Он ведь непосредственно перед 22 июня 1941 года оказался в очень сложном положении. Он надеялся на генералитет, а тот проваливал дело войны ещё до её начала.

Причём вот ведь что... Допустим, Сталин даже заподозрил бы Павлова в прямом предательстве. Ведь даже в этом случае Сталин не мог распорядиться об аресте Павлова до начала войны, потому что арест в такой момент всего лишь **предполагаемого** предателя на таком посту не менее опасен для общего тонуса армии, чем оставление его на месте.

Но вот война началась. Предполагаемый провал стал фактом. Что делать? Не наказать после провалов вообще никого было нельзя — надо было показать генералам, что терпение Сталина и Родины кончилось. Однако наказывать многих тоже было нельзя — с кем-то же надо было теперь воевать!

При этом, даже точно зная о том, что кто-то предал, открыто судить и расстрелять его как прямого изменника было опять-таки опасно, потому что официальная информация о прямой измене части генералитета сделала бы невозможной никакое управление войсками по вполне понятным причинам.

Но и тыкать чересчур пальцем не то что в предателей, но даже в просто нераспорядительных сотрудников Сталин тоже не мог. Такие — не такие, других не было. Воевать надо было с теми, кто есть.

Поэтому Сталин и не ткнул пальцем в очевидное, и смолчал.

И объяснил военный провал внезапностью и вероломностью нападения.

То, что он покрыл этим грехи, а то и измену кого-то из военного руководства, знал очень ограниченный круг лиц, часть из которых к тому же погибла или была расстреляна.

Потом надо было опять-таки воевать...

А уж когда пришла Победа — стоило ли ворошить прошлое?

Так считал Сталин — он же не знал, что после его смерти почти все его маршалы (кроме Рокоссовского) поведут себя в меньшей или большей степени подло и позволят Хрущёву оболгать своего верховного вождя, да ещё и сами грязи на его могилу нанесут.

Так и остались по сей день виновными в провале первых дней войны не они, а «тиран Сталин» — совместно с «палачом» Берией, конечно.

Берия ведь «преступно отмахивался» от мифических предупреждений мифических «секретных сотрудников» Алмаза и Кармен. А советский народ, «запуганный» — по Марку Солонину — «деспотом Сталиным» насмерть, вначале не хотел воевать, и только зверства гитлеровцев ситуацию для Сталина изменили...

Ну что же, уважаемый читатель! Мы подошли теперь к анализу и этого мифа, уже не «дубового», а подлого и для русского народа оскорбительного.

ВСЁ В СССР ПЕРЕД ВОЙНОЙ ДЕРЖАЛОСЬ НА СТРАХЕ ПЕРЕД НКВД, И ПОЭТОМУ НЕМЦЕВ В РОССИИ НАРОД ВСТРЕЧАЛ ХЛЕБОМ-СОЛЬЮ. КРАСНОАРМЕЙЦЫ И ИХ КОМАНДИРЫ НЕ ХОТЕЛИ И НЕ УМЕЛИ СРАЖАТЬСЯ, РККА БЫЛА ФАКТИЧЕСКИ ПОЛНОСТЬЮ РАЗГРОМЛЕНА И РАЗБЕЖАЛАСЬ, И ЛИШЬ ОГРОМНЫЕ ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И ПЛОХАЯ ПОГОДА ОСЛАБИЛИ ПРОДВИЖЕНИЕ НЕМЦЕВ И НЕ ДАЛИ ИМ ВОЙТИ В МОСКВУ

Должен признаться, что я не лучшим образом знаком со всем тем массивом сенсационных «отечественных» «исследований», которые в последние полтора десятка лет с мазохистским сладострастием упоённо «обосновывают» этот миф. Причина же моего равнодушия проста: для того, чтобы понять «ароматические» данные некоторых специфических субстанций, совсем не обязательно долго и тщательно их обнюхивать.

Однако, как я понимаю, «классиком» этого мифа можно считать всё того же Марка Солонина с его книгой «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война»... Там соответствующих примеров, подкрепляющих седьмой миф, вполне документальных и достоверных, приведено в избытке, и желающих их тщательно обнюхать я отсылаю к книге Солонина.

Сам же приведу лишь один пассаж из этой книги. На странице 364-й Солонин, ссылаясь на страницу 367 статистического сборника «Гриф секретности снят», изданного в 1993 году под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, сообщает о наших огромных безвозвратных потерях основных видов вооружения в 1941 году и иронизирует:

«Потерю **20,5 тысячи танков и 17,9 тысячи боевых самолетов** (выделение Солонина. — *С.К.*) советские историки объяснили давно и просто: старые, ненадежные, слабо бронированные «гробы», работали на взрывоопасном бензине... О чем тут еще спорить?»

Что ж, спорить здесь не о чем... Бензин действительно взрывоопасен... Но вот сообщить кое-что для сведения читателя, пожалуй, надо...

Во-первых, на странице 367-й даны сводные потери основных видов вооружения по всем пяти годам войны. И цифра в 20,5 тысячи единиц потерянной за 1941 год техники приведена не только по танкам, а по танкам и САУ (самоходным артиллерийским установкам). Да, к 22 июня 1941 года в РККА не было значительного количества самоходных орудий — после 1937 года их разработка, начатая в 1931 году, была свёрнута. Но, во-первых, сам принцип подсчёта показывает, что в потери этого вида вооружений включены все валовые потери — включая бронемашины, лёгкие танки, танкетки и т.д., а в РККА образца июня 1941 года этого старья — благодаря технической «политике» двух последовательных начальников вооружения РККА Уборевича и Тухачевского — было очень много. Сергей Переслегин, исследователь основательный, как-то в одной из своих статей заметил, что армия перед войной была перенасыщена лёгкими танками. Думаю, и без войны — за счёт списания и перевооружения немалая часть их этих 20,5 тысячи единиц техники и так безвозвратно «убыла» бы из РККА — на переплавку. Кроме того, вскоре после 22 июня 1941 года в РККА появились «наспех — как со-

общает «Энциклопедия танков», — построенные» САУ на базе пушки ЗИС-30. Эти САУ создавались именно что наспех и были быстро выбиты, однако какую-то прибавку в общую цифру потерь дали.

Конечно, потери 1941 года были огромны. Но в той войне они вообще были огромны. Даже в победном для РККА 1944 году потери танков и САУ составили 23,7 тысячи единиц, а ведь это были уже грозные современные машины, конструкция которых была «обкатана» войной! Резуны и солонины могут, конечно, ехидно замечать на это, что у немцев потери были меньшими.

Ну, это, во-первых, как сказать, — если комплексно анализировать как ход военных действий, так и сами данные по потерям и «победам» немцев. При анализе мифа восьмого я приведу на сей счёт любопытные данные. Главное же — немцы ведь при меньших потерях войну и ***проиграли***. В серьёзной, «без дураков» войне более высокие потери победителя — это и есть цена ***победы***.

Далее... Особенно недобросовестно Марк Солонин приводит цифру потерь по самолётам. Он подаёт дело так, как будто все эти почти 18 тысяч самолётов были сбиты в боях. Но это — не так! И даже очень не так, потому что на стр. 367-й упомянутого статистического справочника 1993 года сказано:

«В авиации большая доля потерь — ***свыше половины*** (выделение везде моё. — *С.К.*) — составляют ***небоевые*** потери. Они связаны с обучением летчиков, с сокращением сроков их подготовки, особенно с освоением новой техники, а также недисциплинированностью летного состава, руководителей полетов при выполнении летно-учебных задач. Количество небоевых потерь зависело и от конструктивных, производственных недостатков машин»...

Для 1941 года процентное соотношение боевых и небоевых потерь было, скорее всего, меньшим, чем свыше пятидесяти процентов, хотя — как сказать. Фронтовые

потери лётного и технического состава ВВС, общая нервозная обстановка первых месяцев войны никак не могли способствовать ни сохранению (не говоря уже о повышении) качества подготовки молодых лётчиков, ни высокому качеству производства самолётов и их тылового обслуживания.

То есть Солонин цифру-то потерь из справочника под редакцией генерала Кривошеева дал, а об оценках *структуры* этих потерь умолчал, хотя сам с этими оценками знаком был. И это для его «анализа» — норма.

Между прочим, не знаю, осведомлён ли об этом Марк Солонин, но в его иронической констатации о «взрывоопасном» бензине в бензобаках советских «гробов» есть доля правды. Бензин на советских самолётах начала войны был в некотором отношении действительно более «взрывоопасным», чем на немецких самолётах — и по своему октановому числу, и в силу отсутствия протектированных (то есть защищённых, изнутри обрезиненных) бензобаков, которые резко снижали пожароопасность в случае повреждения бака пулями или осколками снарядов. У немцев же такие баки с бензостойкой резиной к началу войны имелись (германская химия всегда была в мире самой передовой), и в первых боях наши лётчики глазам своим не верили: всадил очередь точно в бензобак, а немец летит себе и даже не дымит.

Так обстоит дело с «демократическим» антисталинским «анализом» потерь боевой техники РККА... Что же до «массовой сдачи в плен», сладострастно описываемой Солониным, то мне просто противно приводить, а затем опровергать те или иные — действительно имевшие место быть — факты измен, сдач, растерянности и т.д., которыми М. Солонин пытается доказать, что РККА с первых дней войны как организованная сила распалась.

Но это не значит, что я на этом заканчиваю анализ и опровержение седьмого мифа как такового. Нет, я свой анализ только начинаю, не закрывая глаза как на то, что в 1941 году РККА хотя и покрыла себя славой,

однако крупных побед не обеспечила, так и на то, что приход немцев далеко не для всех на оккупированной территории оказался трагедией, побуждающей к отпору захватчикам или хотя бы к моральному их неприятию.

Как известно, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Применительно к письменным источникам я бы этот коэффициент уменьшил на порядок и сказал: «Лучше раз увидеть, чем десять раз прочитать». Ведь фотодокумент нередко вмещает в себя и, в буквальном смысле слова, *зримо* выявляет то, что или очень сложно, или даже невозможно описать словами.

Так вот, в уже упоминавшейся мной книге-фотоальбоме Франсуа де Ланнуа «Немецкие танки на Украине. 1941 год» имеются, кроме прочего, и выразительные фотографии украинских деревень, украшенных арками из зелени; с жителями, радостно встречающими колонну германских бронемашин. Есть там и фото украинских крестьянок, преподносящих солдатам Рейха букеты цветов и потчующих фотогеничного германского мотоциклиста из роты пропаганды молоком из крынок. Есть в книге де Ланнуа и фото наших пленных, с самодельным флажком из свастики идущих в плен без какой-либо охраны.

Всё это было, но, повторяю, я не буду приводить те или иные воспоминания, подтверждающие правдивость подобных фотографий. Тексты такого характера в изобилии имеются в книгах Резуна, Солонина, Солженицына и прочих изготовителей «золотых кирпичей» (выражение Резуна) для закладки в «будущую подлинную, — по Резуну же, — историю войны». Читатель при желании может сам познакомиться с такими текстами в их лживо «правдивых» опусах.

К тому же...

К тому же как быть с заявлениями Владимира-«Виктора» Резуна-«Суворова», Марка Солонина и прочих о том, что почти сразу после 22 июня 1941 года РККА поголовно превратилась в толпу, бросавшую ружья и «пачками» сдающуюся в плен, на фоне вот такой цитаты:

«*Сведения с фронта* подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п... в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют...»

Это записал в своём личном служебном дневнике генерал Гальдер 29 июня 1941 года, и, оставив на совести его фронтовых информаторов слова о «монгольских народностях», примем заявление генерала к сведению.

Да, далее Гальдер продолжает: «...другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование...» То есть было и такое, и кто-то при этом просто пытался отсидеться, но кто-то — я продолжаю цитирование записи Гальдера от 29 июня 1941 года — пытался «выйти из окружения под видом крестьян».

Выйти из окружения к *своим*, а не с ружьём под мышкой или без оного бодро шагать к *германским* полевым кухням!

Вот что было действительно массовым в 1941 году! Хотя немало бывших советских граждан тогда к немецким кухням, да, — шагало. Скажем, часть тех молодых «красноармейцев», которых призвали на действительную службу в Западной Украине и Западной Белоруссии до войны или сразу после начала войны. Среди них тоже были герои или просто надёжные бойцы, однако немало «западенцев», воспитанных в традициях мелкотравчатого «индивидуализма», привыкших бессловесно гнуть спину перед хозяевами-«панами», быстро поднимало руки и потом картинно позировало перед фотообъективами германских военных корреспондентов.

Или, если вспомнить времена чуть более поздние — осени 1941 года, можно увидеть около 60 тысяч молодых крымских татар, почти поголовно дезертировавших из рядов РККА, чтобы вскоре добровольно вступить во вспомогательные войска вермахта и в крымских лагерях

для военнопленных вырезáть звёзды на груди у пленных краснофлотцев.

Вернёмся, впрочем, к тем, чей героизм документально зафиксировал враг... Уже в первые дни войны начальник Генерального штаба Сухопутных войск записал:

«*Генерал-инспектор пехоты Отт* доложил о своих впечатлениях о бое в районе Гродно. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо».

Простите, но ведь одна эта фраза сразу торпедирует все «Ледоколы» и бьёт все «концепции» Солонина наповал! Это — залп на накрытие! Это ведь не мемуары «насмерть перепуганного» сталинского «быдла в лампасах», не унылая монография «застойного» Главполитуправления МО СССР, а внутренняя оценка качества нашего сопротивления и организации этого сопротивления, данная высшими офицерами вермахта! Причём оценка в реальном масштабе времени!

И она показывает, что с самого начала немцы убедились: тут им противостоят не задиристые — правда, лишь в изображении Генрика Сенкевича — «гоноровые» паны и не бравые — в изображении Дюма-отца — воинственные шевалье, а те самые русские солдаты, о которых прусский король Фридрих сказал, что их мало убить, их надо ещё и повалить! То есть уже с первых дней войны немцы убедились, что *тут* надо воевать всерьёз, потому что *этот* противник воевать умеет!

В дневниковой записи 22 июня 1941 года, в первый день войны, Гальдер высокомерно и снисходительно заметил:

«Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению...»

И вот ровно через неделю он констатирует, что русские вольностей с собой не позволяют. Каково, а?

Впрочем, такая вынужденно высокая оценка не будет выглядеть неожиданной, если мы внимательно и подробно изучим воинские биографии тех командиров и генералов РККА, которые начали войну на тех или иных, но достаточно высоких командных должностях и которые в ходе войны успешно продвинулись на более высокие должности в Действующей Армии. И я не могу лишний раз не заметить, что в этом отношении захватывающе интересны и информативны упоминавшиеся мной ранее биографические справочники «Командармы» и «Комкоры». А в качестве эпиграфа к ним можно было бы взять слова генерала Гальдера из его дневниковой записи от 23 июня 1941 года. Рассуждая об опасности раздельного наступления танковых групп Гота и Гудериана, генерал пишет:

«Эту опасность следует учитывать тем более, что именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений (Буденный)...»

Вспомнить о приоритете врага на второй день триумфальной войны против него — это, знаете ли... Это — более чем лестная оценка воинского таланта как самого Будённого, так и тех советских командиров, которые ещё мальчишками восхищались им... Не академические «штудии» напомнили Гальдеру о русском маршале, а уровень русского сопротивления с первых дней войны!

Зато «россиянские» «демократы» без ухмылки и произнести не могут имени «невежественного конника» Будённого.

Н-да...

С другой стороны, например, Никита Хрущёв мог опуститься до прямой клеветы на того, с кем до войны делил в Киеве хлеб, соль и мужскую чарку, кого до войны нахваливал и на кого потом. когда этот военачальник пал смертью храбрых, списывал в 1941 году и

позднее собственные прегрешения и просчёты времён борьбы за Киев.

Я имею в виду генерала армии Кирпоноса, о котором на октябрьском (1957) пленуме ЦК, где снимали Жукова, Хрущёв сказал так:

«Командующий Кирпонос был неприспособленный человек, никогда дивизией не командовал. Он был начальником школ...»

Навсегда 49-летний (он погиб в 1941 году) генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос в Гражданскую войну командовал батальоном, полком, после окончания в 1927 году академии имени Фрунзе был начальником штаба дивизии, а в 1934 году действительно был назначен начальником и военным комиссаром Татаро-Башкирской военной школы, вскоре переименованной в Казанское пехотное училище имени Верховного Совета Татарской АССР. Но дивизией Кирпонос всё же командовал — во время советско-финской войны, за которую получил звание Героя Советского Союза. С апреля 1940 года он командовал корпусом, с каковой должности и ушёл вначале на Ленинградский военный, а потом — на Киевский Особый военный округ, с началом войны преобразованный в Юго-Западный фронт.

В коллективном сборнике «The Fatal Decisions» («Роковые решения»), написанном группой германских генералов в конце сороковых годов по заказу янки и изданном впервые в Нью-Йорке в 1956 году (через два года уже имелся русский перевод Воениздата), бывший начальник штаба 4-й армии вермахта генерал Гюнтер Блюментрит писал:

«...на фронте группы армий «Центр» русские были застигнуты врасплох... Зато группа армий «Юг» сразу же натолкнулась на упорное сопротивление, и там развернулись тяжелые бои.

А у нас все шло по плану...»

Группа армий «Центр» — это противник генерала армии Павлова, расстрелянного 22 июля 1941 года и реабилитированного Хрущёвым в 1957 году.

А группа армий «Юг» — это противник генерал-полковника Кирпоноса, погибшего при выходе из окружения в бою 20 сентября 1941 года и оклеветанного Хрущёвым в том же 1957 году.

Зато генерал Гальдер, как читатель это знает, в конце июня 1941 года весьма высоко оценивал действия русского командования именно против группы армий «Юг», то есть — действия Кирпоноса. Высоко оценил их после войны и немецкий генерал фон Бутлар, написав:

«...Ведя тяжелые кровопролитные бои, войска группы армий «Юг» могли наносить противнику лишь фронтальные удары и теснить его на восток. Моторизованным немецким соединениям ни разу не удалось выйти на оперативный простор или обойти противника, не говоря уже об окружении сколько-нибудь значительных сил русских...»

Тем не менее война началась тяжело, и самым очевидным и наглядным доказательством этого стали длинные колонны пленных, тянущиеся в немецкий тыл.

Это было?

Да!

Но сколько было наших пленных?

«Демократы» твердят то о четырёх, то даже о семи миллионах... Отечественная военная история ныне признаёт цифру более чем в два миллиона советских военнопленных в 1941 году. Однако мне даже эта цифра представляется серьёзно завышенной. И хотя я пишу краткие очерки начала войны, а тема советских военнопленных заслуживает капитального исследования, на этой стороне начального периода войны нам придётся тоже немного остановиться.

Цифру в 2,4 миллиона обнародовал в октябре 1941 года Гитлер. Официальные же документы генш-

таба вермахта фиксируют на 10 октября 1941 года около 1,8 миллиона пленных советских солдат (см. ВИЖ, 1992, № 2, стр. 51).

В статистическом справочнике «Гриф секретности снят...», на странице 336-й со ссылкой на сводки германского верховного командования приводится цифра в 2 561 тысячу военнопленных (из них по германским данным в районе Киева — 665 тысяч человек).

В упомянутом выше справочнике суммарная германская цифра деликатно названа «не совсем точной», но уже данные этого справочника позволяют определить её как *совсем не точную*!

И вот почему...

1. Немцы включали в число военнопленных всех мужчин, отходивших с войсками, в том числе работников партийных и советских органов, а также вольнонаёмных рабочих, занятых до войны на строительстве оборонных объектов.

2. Как сообщается в том же справочнике «Гриф секретности снят...», нередко число пленных в той или иной операции — по немецким данным — превышало общую численность советских войск, занятых в этой операции. Так, под Киевом немцы якобы «взяли в плен» 665 (шестьсот шестьдесят пять) тысяч человек (и эту цифру охотно воспроизводят «демократы» резуновского пошиба). Между тем вся численность войск Юго-Западного фронта к началу Киевской оборонительной операции составила 627 (шестьсот двадцать семь) тысяч человек.

В Севастополе насчитали 100 (сто) тысяч пленных, хотя к концу обороны Севастополя в городе вряд ли насчитывалось такое количество всех вообще жителей, включая детей.

Могу привести и такой документальный пример. В «Описании хода боевых действий 4-й танковой группы с 14 октября по 5 декабря 1941 г.» (см. «Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4—1), М.: ТЕРРА, 1997, документ № 19) хвастливо утверждается, что в «Вяземском котле» войска генерал-полковника Гёпнера

якобы «захватили сотни тысяч пленных и колоссальные трофеи». «Сотни тысяч» не могут означать цифры менее двухсот тысяч пленных. И это — якобы одна танковая группа якобы на одном только участке фронта под Москвой. Но в том же томе «Русского архива» приводятся данные по сводным потерям без вести пропавшими и пленными за октябрь—ноябрь 1941 года трёх противостоявших всей группе армий «Центр» фронтов — Западного, Калининского и Брянского. И эта цифра, куда пленные никак не могут входить более чем половинной долей, составляет примерно 110 тысяч человек. Причём в донесении командования 4-й немецкой армии, которой была подчинена 4-я танковая группа, о пленных и трофеях за период с 9 по 21 октября 1941 года указана цифра пленных — 40 360 человек. Однако и эта цифра очень завышена, о чём сообщаю без аргументов, дабы не утомлять читателя промежуточными подсчётами.

Такие примеры можно множить и множить...

3. В своём не всегда объективном, но написанном по горячим, можно считать, следам (в 1948 году) стратегическом и тактическом обзоре «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.» английский военный историк Джон Фредерик Чарлз Фуллер заметил (стр. 164 советского издания 1956 года): «До сих пор невозможно проверить германские заявления, потому что в германских, так же как и в русских, коммюнике о победах зачастую приводились астрономические цифры».

Следует, впрочем, уточнить, что Фуллер в данном случае имеет в виду астрономические цифры в германских коммюнике, касающиеся русских потерь. В оценке собственных потерь немцы были намного более скромны. Пример такой «скромности» я приведу при анализе следующего мифа со ссылкой на известный справочник Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг.».

4. Справочник «Гриф секретности снят...» на стр. 337-й даёт суммарную цифру пропавших без вести и взятых в плен советских военнослужащих в 4 миллиона 559 тысяч человек. Это — за всю войну. При этом из них фак-

тически погибло в боях, хотя числятся пропавшими без вести, около 500 тысяч человек. То есть официальное число непосредственно пленных — 4059 тысяч человек. Умерло (погибло) в плену, по немецким данным, 673 тысячи человек, а по нашим уточнённым данным — около 1,3 миллиона человек. Почти 940 тысяч человек из числа ранее пропавших без вести и оставшихся на оккупированной территории были призваны вторично после освобождения оккупированных территорий. Вернулось из плена 1836 тысяч человек.

Для сравнения сообщу, что (см. ВИЖ, 1992, № 2, стр. 51), по официальным немецким данным времён войны, всего было пленено 5,27 миллиона военнослужащих, а также гражданских лиц из районов Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, перешедших к немцам в первые часы войны. Американская же комиссия генерала Вуда, располагавшая документами Управления по делам военнопленных Рейха, пришла к выводу, что в плен попало 4 миллиона наших солдат и офицеров, из которых в плену погибло более 2 миллионов человек. По данным американцев, в плену в конце войны оставалось в живых 800—900 тысяч человек. Но мы знаем, что только в СССР вернулось бывших пленных на миллион больше (1 млн 836 тыс. человек).

Как видим, даже серьёзные вроде бы оценки дают большой «разнобой». Но цифру в 4 миллиона советских военнопленных за всю войну можно считать, казалось бы, относительно достоверной — с учётом того, что она приведена в официозном справочнике. Тем не менее лично мне представляется более верной суммарная цифра в примерно 3 миллиона человек пленных из числа непосредственно военнослужащих Действующей Армии, то есть из числа ***сражавшихся*** советских воинов. Привожу эту цифру опять-таки как интегральную, без промежуточных подсчётов.

Для сравнения — за сорок месяцев перманентно неудачной для неё Первой мировой войны русская армия потеряла пленными и без вести пропавшими 3 638 271 человек.

Если суммарная цифра в примерно 3 миллиона близка к истинной, то на 1941 год может приходиться до полутора и менее миллиона пленных. При этом где-то 200—300 тысяч из них фактически не воевало и было готово сдаться в плен сразу после 22 июня 1941 года. Я имею в виду упомянутых выше призывников из западноукраинских и западнобелорусских областей, крымских татар, антисоветски настроенных граждан и т.п.

Стоит учитывать и некоторые качественные оценки типа послевоенного признания генерала фон Бутлара о том, что войскам группы армий «Юг» ни разу не удалось окружить «сколько-нибудь значительные силы русских...». Одно это неосторожное признание способно уменьшить мифическую цифру в 665 тысяч пленных, якобы взятых под Киевом, чуть ли не на порядок — до значения, скажем, примерно в 100 тысяч. И эта последняя цифра выглядит вполне близкой к истинной, если учесть, что генерал Гудериан, явно преувеличивая, пишет в своих «Воспоминаниях солдата» о количестве пленных, «захваченных в районе Киева», «свыше 290 000 человек».

Генерал же Гальдер на 38-й день войны, 29 июля 1941 года, то есть тогда, когда почти все наиболее свои сокрушительные успехи вермахт уже одержал, пометил:

«д. Рабочая сила для сельского хозяйства: иностранных рабочих — 210 тыс., военнопленных — 1500 тыс., русских военнопленных — 300 тыс. человек. Всего — свыше 2 млн человек».

В июле 1941 года война ещё носила вполне динамичный и успешный для немцев характер, в связи с чем массовое использование русских военнопленных на сооружении военных объектов на территории СССР немцами тогда не планировалось. И можно предполагать, что цифра в триста тысяч пленных, указанная Гальдером, ***близка к суммарной по состоянию на конец июля 1941 года***!

Правда, 27 июля 1941 года Гальдер отметил, что «украинцы и уроженцы Прибалтийских государств будут отпущены из плена», но это увеличивает общую цифру тысяч на двести-триста — по состоянию на конец июля 1941 года.

Окончательно же, по моей собственной, конечно, очень примерной, оценке, можно говорить о цифре 1941 года в миллион, ***а то и менее***, действительно ***военнопленных***, то есть советских граждан, находившихся на действительной военной службе, честно сражавшихся, пока у них к тому была возможность, и попавших в плен в 1941 году не по своей воле, а силой обстоятельств.

Надеюсь, выше приведённая «арифметика» если не убедит читателя, то — по крайней мере — заставит его задуматься при знакомстве с такими, например, заявлениями:

«Наполеон не смог... навязать нам генеральное сражение у границы...

Почему? Да потому, что русские полководцы того времени знали противника... и соответственно могли предвидеть развитие событий... И вот на той же, фактически, территории в первые дни Великой Отечественной войны у нас были окружены и взяты в плен около ***четырех миллионов человек*** (выделение моё. — *С.К.*), организованных людей, объединенных в полки, дивизии, корпуса... ...Почему они не смогли оказать эффективное сопротивление...? В чем вообще причина происшедшего в 1941-м?»

Не буду томить читателя — эта цитата взята мной из книги «Виктора» «Суворова» «Беру свои слова обратно», где вышеприведённые слова предваряют главу 18-ю, а сам «Суворов» взял её из... номера газеты «Красная Звезда» за 16 июня 2001 года.

Как это понимать? Честно говоря, прочтя это, я был ошарашен. До такой астрономически лживой цифры, как четыре миллиона советских военнопленных в 1941 году, и даже — «в первые дни войны», не дотянул

сам Гитлер! Поэтому я не буду как-либо комментировать это удивительное по своей исторической слепоте и по уровню измышлений заявление, а просто знакомлю с ним читателя — для полноты информации, так сказать. А точнее — для информации о том, насколько высоким в нынешней «Россиянии» может быть уровень дезинформации.

Я же, заканчивая здесь с темой пленных, хочу хотя бы обозначить ещё один момент, связанный с феноменом пленения войск в ходе боевых действий. Боевая устойчивость войск — понятие многофакторное, и одним из важнейших факторов является боевая подготовленность и, как говорят военные, «сколоченность» части.

Так вот, я, со ссылкой на маршала Жукова, уже говорил о том, что РККА начала преобразовываться в сильную кадровую армию лишь в 1939 году. И это хорошо подтверждается объективными данными, приводимыми, например, в книге М. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» издания 2002 года, где на страницах 495—510 приведён перечень дивизий РККА в 1939—1941 годах. И из этого перечня следует, что подавляющее число даже стрелковых дивизий РККА было сформировано в период с сентября 1939 года до сентября 1940 года, а стрелковые дивизии со 188-й по 238-ю были сформированы даже в марте 1941 года.

Что же до моторизованных дивизий, то из тридцати одной дивизии, имевшейся в РККА на 22 июня 1941 года, лишь одна была сформирована в декабре 1939 года, и три — в августе 1940 года. Время начала формирования всех остальных — март 1941 года.

Из шестидесяти одной танковой дивизии восемнадцать были сформированы в июле 1940 года, две — в октябре 1940 года, а остальные сорок одна — в марте 1941 года.

Это что — свидетельство готовности к превентивному удару РККА по вермахту в 1941 году?

И о какой серьёзной «сколоченности» дивизий, о какой боевой слаженности к июню 1941 года может идти речь при таких сроках формирования частей? Так что

одна из причин действительно неприлично огромного числа пленных в 1941 году кроется и в том обстоятельстве, что многие бойцы РККА к 22 июня ещё просто не научились воевать! А одной храбрости и самоотвержения в современной войне для победы мало.

Впрочем, уже во времена Суворова победы нередко обеспечивались не числом, а умением.

Нам же — при формально многочисленной РККА, — воинского умения в 1941 году как раз и не хватало. Хотя массовую базу для быстрого обретения такого умения в моторизованной войне Советская власть заложила. Я при анализе мифа десятого приведу на сей счёт такие неожиданные данные, относящиеся к советским лётчикам, которые поразили меня самого — после того, как я их собрал.

Пока же приведу одно из неожиданных свидетельств времён войны, касающееся массового облика не советских военнослужащих, а советских военнопленных. На 110-й день войны, 9 октября 1941 года, генерал Гальдер пометил в своём дневнике:

«...ж. Вопрос об охране военнопленных. Исходя из опыта в районе Киева, для охраны и эвакуации 20 000 пленных требуется целая дивизия...»

Каково!

Вот — если вдуматься — подлинный коллективный портрет советских людей, попавших в плен. На охрану двадцати тысяч ***безоружных*** русских пленных вермахт был вынужден выделять ***вооружённую*** примерно двадцатитысячную же дивизию! Ну, пусть речь — об охранной дивизии меньшей численности, но всё же о ***дивизии***! Кто не верит, пусть откроет страницу 27-ю книги 2-й тома 3-го «Военного дневника» генерала Гальдера, изданного в 1971 году Воениздатом, и убедится в точности цитаты сам.

То есть советские люди самим характером своего поведения в плену оттягивали от фронта значительные силы противника.

При этом пора бы выбросить на свалку истории и россказни о том, что в СССР Сталина пленный автоматически становился изгоем. Факт пленения действительно расценивался как позорный, и многим бывшим пленным и их семьям пришлось несладко. Однако уже без малого миллион повторно призванных в РККА бывших пленных и пропавших без вести после освобождения оккупированной территории говорит сам за себя. А пленные, бежавшие из плена и влившиеся в партизанские отряды или перешедшие линию фронта и после фильтрации вернувшиеся на фронт? Их счёт надо ведь тоже вести по крайней мере не на один десяток тысяч человек.

Поведение же основной части советского народа во время войны официально определяли как период массового героизма. Но так ведь и было — и не только в 1942-м, 1943-м, 1944-м и 1945-м годах. Так было и в 1941 году! И в этот первый год войны миллионы русских и вообще советских людей вели себя как герои, причём многие из них так и остались безвестными героями и заранее знали об этом.

Да, 1941 год отмечен и букетами от русских, украинских и белорусских девчат для солдат вермахта, и изменой, и предательством, и просто шкурничеством. Это было. Но в конечном счёте всё определялось тем, что преобладало!

А преобладал героизм.

Сегодня это утверждение у немалой части моих сограждан вызовет лишь скептическую улыбку, и поэтому я обращусь за подтверждением своего тезиса не к советским источникам, а к германским, в том числе — к служебным записям генерала Гальдера. Но вначале напомню, что в народное ополчение в первые месяцы войны было подано более 4 миллионов заявлений.

Никого из потенциальных бойцов народного ополчения ни один военкомат официально призвать, мобилизовать не мог — это был не приписной контингент, не военнообязанный. Тем не менее только в рядах ополченческих формирований сражалось почти три

миллиона человек. Три, а не четыре потому, что не все заявления были удовлетворены.

Четыре миллиона только нестроевых добровольцев — это ведь тоже народная статистика 1941 года.

А как воевала строевая Действующая Армия в 1941 году?.. Приведу оценку генерал-майора фон Бутлара, данную в его очерке «Война в России», помещённом в коллективном труде группы немецких генералов «Мировая война 1939—1945 годов». Этот труд, подготовленный после войны по заказу военно-исторической службы США, был издан Издательством иностранной литературы в 1957 году. Фон Бутлар пишет:

«...После некоторых начальных успехов войска группы армий «Центр» натолкнулись на значительные силы противника, оборонявшегося на подготовленных заранее позициях, которые кое-где имели даже бетонированные огневые точки. В борьбе за эти позиции противник ввел в бой крупные танковые силы и нанес ряд контрударов по наступавшим немецким войскам.

После ожесточенных боев, длившихся несколько дней, немцам удалось прорвать сильно укрепленную оборону противника западнее линии Львов—Рава—Русская и, форсировав реку Стырь, оттеснить оказывавшие упорное сопротивление и постоянно переходившие в контратаки войска противника на восток...»

и далее, говоря об итогах пограничных сражений:

«В ходе боевых действий немецкие офицеры и солдаты полностью оправдали те надежды, которые на них возлагались (здесь фон Бутлар делает хорошую мину при плохой игре, потому что надежды возлагались на блицкриг, а он провалился. — *С.К.*)... Однако в результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения бо-

евых действий и боевой дух противника, равно как и географические условия данной страны (а что, германские генералы со всем своим образованием не знали географии России? — *С.К.*), были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих «молниеносных войнах», приведших к успехам, изумившим весь мир...»

Сам опровергая своё заявление о том, что в ходе боевых действий немецкие офицеры и солдаты полностью оправдали те надежды, которые на них возлагались, фон Бутлар констатирует:

«Критически оценивая сегодня пограничные сражения в России, можно прийти к выводу, что только группа армий «Центр» смогла добиться таких успехов, которые даже с оперативной точки зрения представляются большими».

Итак, успехи вермахта в начальный период войны были не более чем оперативными, то есть всего на ступень выше, чем тактические. А ведь надежды-то возлагались на немецких офицеров и солдат *стратегические*. И крах этих надежд уже в 1941 году косвенно признавали, как видим, сами германские генералы образца 1941 года.

Выше приведена немецкая оценка. Причём, уважаемый мой читатель, это вообще-то военная классика, ныне нами подзабытая, а «демократами» усиленно замалчиваемая. Так что далее я приведу без каких-либо купюр текст, взятый со страниц 161—162 уже упоминавшейся мной и тоже классической книги англосакса Джона Фуллера, изданной в 1956 году Издательством иностранной литературы. Этот текст настолько убедителен, что ни в каких комментариях не нуждается:

«...события в России развивались не так, как в Польше и Франции. Внешне «молниеносная война» была

успешна сверх всяких ожиданий, однако, как ни странно, на русском фронте и за ним не было или почти не было паники. Уже 29 июня в «Фелькишер беобахтер» (германский официоз. — *С.К.*) появилась статья, в которой указывалось: «Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фатализм (ну-ну. — *С.К.*) заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падет мертвым в рукопашной схватке». 6 июля в подобной же статье в «Франкфуртер цайтунг» указывалось, что «психологический паралич, который обычно следовал за молниеносными германскими прорывами на Западе, не наблюдается в такой степени на Востоке, что в большинстве случаев противник не только не теряет способности к действию, но, в свою очередь, пытается охватить германские клещи»...»

Приведя эти германские публичные оценки, данные в реальном масштабе времени, Фуллер продолжал:

«Это было до некоторой степени новым в тактике войны, а для немцев — неожиданным сюрпризом. «Фелькишер беобахтер» в этой связи писала в начале сентября: «Во время форсирования германскими войсками Буга первые волны атакующих в некоторых местах могли продвигаться вперед совершенно беспрепятственно, затем неожиданно смертоносный огонь открывался по следующим волнам наступавших, а первые волны подвергались обстрелу с тыла. Нельзя не отозваться с похвалой об отличной дисциплине обороняющихся, которая дает возможность удержать уже почти потерянную позицию».

Короче говоря, — заключает Фуллер, — по словам Арвида Фредборга, «германский солдат встретил противника, который с фанатическим упорством держался за *свое* политическое кредо и *блиц-наступлению* немцев противопоставил тотальное сопротивление»...»

Важна для нас и такая констатация Фуллера (стр. 162):

«...До начала войны с Россией германская разведывательная служба в значительной степени полагалась на «пятую колонну». Но в России, хотя и были недовольные, «пятая колонна» отсутствовала...»

Фуллер здесь был не совсем точен — элементы «пятой колонны» имелись и в России. Но, в отличие от европейских стран, это были лишь разобщённые элементы, неспособные сколько-нибудь решающим образом повлиять на ситуацию даже в тактическом отношении, не говоря уже о стратегическом. Причём даже на оккупированной территории России влиятельная «пятая колонна» так и не сформировалась — РОА Власова воспринималась как организация отщепенцев даже многими власовцами, хотя они это тщательно скрывали даже от себя.

Начиная с номера 2-го «Военно-исторического журнала» за 1992 год на страницах журнала публиковались немецкие протоколы допросов ряда советских генералов, попавших в плен в 1941 году. В самом № 2, 1992 г., на страницах 53—58, приведены данные допроса от 28 сентября 1941 года взятого в плен командующего 5-й армией генерал-майора М.И. Потапова (читатель должен помнить его по моему предыдущему рассказу).

1902 года рождения, уроженец села Мочалово Юхновского района Смоленской области, Потапов на допросе выдал себя за уроженца Подмосковья, что вполне объяснимо — Смоленщина тогда уже была оккупирована немцами. Биография Потапова была вполне типичной для молодого советского генерала образца 1941 года: в РККА с 1920 года, потом — учёба, служба, вновь учёба, рост в должностях и званиях вплоть до командира 4-го мехкорпуса с июля 1940 года и с января 1941 года — командующего 5-й армией КОВО.

До освобождения советскими войсками 29 апреля 1945 года Потапов содержался в лагерях Хаммельсбур-

га, Годельштейна, Вайсенбурга и Моозбура. В своём поведении в немецком плену генерал оказался тоже достаточно типичным. Не пойдя на какое-либо сотрудничество с немцами в плену и ведя себя всё время плена, скажем так, сносно, он тем не менее в лицо врагу не плюнул и отвечал в сентябре 1941 года даже на такие вопросы, в ответ на которые стоило бы и промолчать.

Но именно поэтому протокол допроса Потапова с точностью документа зафиксировал ряд фактов, убийственных для нынешней «демократической» концепции истории России. Например, то, что отношение офицеров и красноармейцев к комиссарам — «вполне хорошее и товарищеское», что «комиссар — друг солдата, делящегося с ним своими заботами», что доля комиссаров-евреев в армии вряд ли превышает один процент от общего числа комиссаров.

На вопрос о том, готов ли русский народ в глубине души вести войну и в том случае, если обнаружит, что армия отступила до Урала, Потапов ответил: «Да, он будет оставаться в состоянии моральной обороны».

Потапов так сказал в плену, в состоянии несомненной подавленности от *собственных* неудачных оборонительных действий. Однако наиболее деятельная часть советского народа, сформированная Советской властью, уже в 1941 году находилась в состоянии морального ***наступления!***

Только один пример из множества, способного составить строго документальную, без единой строчки вымысла, толстенную книгу, а точнее — многотомное издание. В 1968 году тиражом 25 000 экземпляров (для тех времён тираж почти ограниченный) была издана прекрасная книга десантника-политработника генерала Ивана Ивановича Лисова «Десантники (воздушные десанты)».

Генерал Иван Лисов был сподвижником знаменитого генерала Ивана Маргелова, одного из создателей послевоенных советских Воздушно-десантных войск (ВДВ) и многолетнего командующего этими «войсками дяди Вани», как называли ВДВ сами десантники.

В книге генерала Лисова среди описания боевых действий советских десантников в первые дни войны приведены дневниковые записи старшего политрука А.Ф. Полякова о действиях оказавшейся во вражеском тылу 214-й воздушно-десантной бригады 4-го воздушно-десантного корпуса под командованием полковника Левашова.

Алексей Федорович Левашов — в 1941 году ему исполнился 41 год — был ярким представителем молодого поколения новых русских людей, воспитанных новой Россией. Уроженец деревни Большой Двор Бабушкинского района Вологодской губернии, он был призван в Красную Армию в сентябре 1919 года по мобилизации, воевал с Колчаком, бил банды Тютюника и Струка на Украине... В августе 1921 года был направлен на учёбу в пехотную школу, служил, снова учился, снова служил, с 1936 года стал одним из первых советских десантных командиров. И затем всю свою жизнь — до гибели 23 февраля 1942 года во время боевых действий возглавляемого им 4-го воздушно-десантного корпуса — был десантником.

И сам Левашов, и его подчинённые никакой растерянности с началом войны не испытали. Оказались во вражеском тылу? Ну, это для десантников ситуация «штатная». И три месяца бойцы Левашова громили немецкие гарнизоны, штабы, тыловые коммуникации, а в августе 1941 года вышли к своим.

В декабре 1941 года корпус полковника Левашова, вскоре ставшего генерал-майором, принял участие в Вяземской воздушно-десантной операции, в ходе которой Левашов и погиб.

Я смотрю на его фотографии — на одной, довоенной, он с двумя майорскими «шпалами» и со значком парашютиста с подвеской, на которой обозначено число прыжков. Вторая фотография сделана уже после выхода из немецких тылов: четыре полковничьи «шпалы», медаль «XX лет РККА» и новенький орден Ленина... Крупное, волевое, с подбородком «ямкой», русское лицо.

Алексей, сын Фёдора, солдат армии Сталина...

А вот теперь о стойкости таких, как генерал Левашов, устами генерала Гальдера.

23 июня, 2-й день войны:

«...противник в белостокском мешке борется не за свою жизнь, а за выигрыш времени».

24 июня, 3-й день войны:

«Признаков оперативного отхода противника нет... Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен».

25 июня, 4-й день войны:

«...русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их к этому вынуждает сильный натиск наших наступающих войск...»

28 июня, 7-й день войны:

«Создается впечатление, что противник предпринял лишь частичный отход с упорными боями за каждый рубеж, а не крупный отход оперативного или стратегического масштаба... <...>

Генерал Бранд: ...сопротивление... фанатически сражающихся войск противника было очень сильным, что вызвало большие потери в составе 31-й пехотной дивизии... <...>

В тылу группы армий «Север» серьезное беспокойство доставляют многочисленные остатки разбитых частей противника, часть которых имеет даже танки...

На всех участках фронта характерно небольшое число пленных наряду с очень большим количеством трофейного имущества (в том числе горючего)...»

29 июня, 8-й день войны:

«В тылу 1-й танковой группы также действуют отдельные группы противника с танками, которые даже продвигаются на значительные расстояния... <...>

Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен... Бросается в глаза, что при захвате ар-

тиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются лишь немногие... <...>

В районе Львова противник медленно отходит на восток, ведя упорные бои. Здесь впервые наблюдается массовое разрушение противником мостов.

В центре полосы группы армий «Центр» наши совершенно перемешавшиеся дивизии прилагают все усилия, чтобы не выпустить из внутреннего кольца окружения противника, отчаянно пробивающегося на всех направлениях...»

Друг мой читатель! Это ведь наши с тобой отцы, деды и прадеды отчаянно пробиваются к ***своим***, чтобы отстоять для потомков будущее... То, увы, будущее, которое мы сегодня, когда совсем не надо жертвовать своей жизнью, чтобы выигрывать время и страну, бездарно, бесславно, без боя проигрываем...

А они ведут свой бой, и германский генерал записывает:

1 июля, 10-й день войны:

«...Противник врывает танки в землю и таким образом ведет оборону...

Противник отходит с исключительно упорными боями, цепляясь за каждый рубеж...

Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... Одних охранных дивизий совершенно недостаточно... Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии».

4 июля, 13-й день войны:

«Бои с русскими носят исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных...»

5 июля, 14-й день войны:

«Во время боев с «ордами монголов» (очевидно, личная охрана Сталина) (без комментариев. — *С.К.*), вклинившимися в тыл 6-й армии, 168-я пехотная дивизия проявила полную несостоятельность...»

6 июля, 15-й день войны:

«...Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины,

но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами...»

Наконец, 11 июля, на 20-й день войны, в дневнике начальника Генерального штаба вермахта появляется знаменательная запись:

«Командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически...

Танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали...»

От побед не устают — победы окрыляют. И уже на двадцатый день Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков эти захватчики устали от первых поражений и от всё более навязчиво гложущей мысли: «А что же будет дальше?»

Я ещё вернусь к записям генерала Гальдера, невольно зафиксировавшего стойкость и доблесть советских воинов в 1941 году. Вернусь к теме «плохой погоды» и «ошибок Гитлера». Но даже из того, что уже читатель прочёл, можно понять — российские ли расстояния и плохая ли погода в середине русского лета сорвали планы блицкрига и все надежды — даже тактические, которые немцы возлагали на «молниеносную» войну с Россией.

НЕМЦЫ УСТРОИЛИ КРАСНОЙ АРМИИ «ТАНКОВЫЙ» И «АВИАЦИОННЫЙ» ПОГРОМ. СОВЕТСКИЕ ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА И ВВС ОКАЗАЛИСЬ НЕЭФФЕКТИВНЫМИ, ВОЕВАЛИ БЕЗДАРНО И ПОГИБЛИ ЗРЯ

В 1988 году в сентябрьском номере журнала МИД СССР «Международная жизнь» была опубликована статья В. Шлыкова «И танки наши быстры», за которой вскоре последовала вторая его статья «Броня крепка...».

Мидовский журнал был тогда на подъёме, имел тираж более 60 тысяч экземпляров, и публикация статей стала в определённом смысле событием — как же, автор обнародовал ошеломляющие данные о том, что в 1941 году у вермахта не было никакого преимущества над РККА в танках, ни качественного, ни тем более количественного. Напротив — подавляющее преимущество имели советские танковые войска, и только «совковая»-де бездарность стала причиной разгрома этих войск в 1941 году.

Со временем появился ещё более жёсткий термин «Танковый погром 1941 года». Именно так назвал свою известную книгу В. Бешанов. При этом он утверждал, что крушение-де «системы тоталитарного единомыслия, освобождение историков от жестокого партийного диктата» и т.п. позволило-де «переосмыслить политические

события, происшедшие в России после 1917 года, ликвидировать немало «белых пятен»...».

Замечу, что многим «историкам», сменившим «жестокий» партийный диктат на жирный долларовый диктат, не мешало бы осмыслить для начала события, происшедшие в России после 1991 года. Что же до «белых пятен», то подобные «историки» действительно их «ликвидируют» весьма своеобразным способом — замазывая чёрной краской, а то и просто грязью.

Я не буду здесь анализировать книгу В. Бешанова... За меня это сделал, на мой взгляд — отлично, Андрей Морозов в своей, к сожалению, краткой, но убедительной статье «Танковый погром и много желтых штанов», опубликованной в коллективном военно-историческом сборнике «Трагедия 1941 года» (М.: Яуза, Эксмо, 2008).

На саму же тему «танкового», а заодно и «авиационного» «погромов» мне высказаться надо... И в качестве своего рода «эпиграфа» к анализу этого мифа я приведу цитату из «Полной энциклопедии танков мира 1915—2000 гг.» (составитель Г.Л. Холявский):

«Созданный в 1935 году колёсно-гусеничный танк БТ-7, вне всякого сомнения, был для своего времени выдающейся машиной, не имевшей себе равных в мире по маневренным качествам. Однако в отечественной печати при освещении событий начального периода Великой Отечественной войны уже давно стало традицией причислять БТ-7 к числу устаревших, ограниченно боеспособных танков. Именно этой причиной обосновываются их высокие потери в июне—августе 1941 года...»

Авторы «Энциклопедии...» считают, что подобное обоснование неверно уже потому, что к устаревшим приписывают машину, производство которой прекратилось лишь в 1940 году. Но это не так уж и парадоксально — скажем, безнадёжно устаревший уже за четыре года до войны туполевский «мастодонт» ТБ-3 выпускался с двигателями М-34ФРН до 1937 года, а второй, тоже

устаревший к началу войны, туполевский бомбардировщик СБ строился серийно даже до 1940 года.

Зато ценной является констатация «Энциклопедии...» относительно того, что большие потери БТ-7 объясняются неверной тактикой их боевого применения. Недостаточное бронирование танка обуславливало рациональность его применения из засад, с использованием естественных и искусственных укрытий, а БТ-7 бросали в открытые атаки, да ещё и без артиллерийского и авиационного прикрытия, потому что, как отмечает «Энциклопедия...», «наш боевой устав предусматривал для танковых частей лишь один вид боя — атаку. Стрельба с места в обороне допускалась в исключительно редких случаях». Поэтому «к тактике танковых засад у нас перешли только осенью 1941 года — после того, как было выбито более 90 % наших танков»...

Существенное замечание... Тактика танковых засад в начальный период войны могла быть и реально была — когда её умело применяли — очень успешной и эффективной именно для советских танкистов. Будущий маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза Михаил Ефимович Катуков, осенью 1941 года полковник, командир 4-й танковой бригады, вскоре ставшей 1-й гвардейской танковой бригадой, блестяще использовал засадную тактику (с использованием заранее подготовленных запасных позиций) против Гудериана на московском направлении. У Катукова не было и сотни танков, а немцы думали, что их раз в пять больше. И так было при минимальных потерях у Катукова! И хотя Катуков имел в бригаде больше средних танков Т-34, он же успешно использовал в засадах и лёгкие танки.

М.Е. Катуков в начале войны командовал 20-й танковой дивизией в 9-м мехкорпусе К.К. Рокоссовского и пришёл к своей тактике, надо полагать, в итоге осмысления очень горького опыта приграничных сражений.

Возвращаясь же к БТ-7 и его оценке в «Энциклопедии танков», могу сообщить, что подбитые в боях эти танки не было возможности восстанавливать из-за от-

сутствия запасных частей, и они выбывали из строя безвозвратно. Снижало их боевые качества также отсутствие необходимого количества подготовленных экипажей. Например, переключить передачу в движении мог только хорошо подготовленный механик-водитель. Это объяснялось и тем, что, как пишет «Энциклопедия...», «идя навстречу требованиям завода-изготовителя, АБТУ (Автобронетанковое управление РККА. — *С.К.*) соглашалось на изменения, облегчавшие жизнь производственникам, нисколько не задумываясь о танкистах».

Тем не менее БТ-7 за пять лет серийного производства был достаточно хорошо отработан и с точки зрения теории надёжности как тип серийной техники имел вполне удовлетворительную техническую надёжность. С 1935 по 1940 год был изготовлен 4881 танк БТ-7 и БТ-7А.

Вот почему я и начал с БТ-7 — к 1941 году эти лёгкие танки составляли немалую часть тех формально огромных советских танковых войск, которые сегодня кое-кто пытается выставлять подавляюще превосходящими немецкие танковые войска. На деле же избыток лёгких БТ-7 усиливал нас не очень-то и скорее играл негативную роль.

Самый же массовый предвоенный танк непосредственной поддержки пехоты Т-26 выпускался более чем десяти модификаций. И по состоянию на 1 января 1941 года их в РККА имелось 9665 единиц, а всего промышленностью с 1931 года было выпущено 11 218 танков. При этом модификация Т-26РТ с цилиндрической башней и радиостанцией была выпущена в 1933—1940 годах в количестве 2127 единиц, а Т-26-1 с конической башней — в количестве 1975 машин в 1939—1940 годах. Увы, со времён Тухачевского в РККА увлекались количеством танков, поступаясь качеством и не успевая готовить опытных танкистов. При этом наиболее надёжными к началу войны оказались в РККА наиболее устаревшие танки.

С темы надёжности бронетанковой техники, которая уже нами затрагивалась, я и начну анализ восьмого

мифа. И поскольку, по мнению «Виктора» «Суворова», именно Марк Солонин «совершил научный подвиг» и положил «золотой кирпич в фундамент той истории войны, которая когда-то будет написана», я коснусь именно солонинских некоторых «открытий», предварительно напомнив читателю, что не всё то золото, что блестит.

На страницах 292—296 книги «22 июня...» Солонин уделяет внимание и этой стороне дела и заявляет, что «не находят подтверждения в подлинных документах и байки о чрезвычайном износе нашей боевой техники на пороге войны...».

Но вот как и чем он опровергает эти «байки»... Ссылаясь на «доклад о боевой деятельности 10-й танковой дивизии на фронте борьбы с германским фашизмом», Солонин цитирует: «...танки КВ и Т-34 все без исключения были новыми машинами и к моменту боевых действий проработали до 10 часов (прошли в основном обкатку)...».

Что это значит?

В представлении Солонина абсолютно новая машина — это очень надёжная машина. Но с точки зрения теории надёжности это как раз очень ненадёжная машина. Надёжная машина — это машина ***приработанная***, в которой уже выявлены и устранены все скрытые дефекты. А чтобы дефекты были выявлены, требуется не только определённый срок эксплуатации. Нужны и вполне определённые условия эксплуатации — максимально приближенные к боевым. А тут — всего лишь обкатка!

До 22 июня новые танки успели только обкатать — не по горам и долам, а по относительно спокойным трассам. А после 22 июня эту, ещё не приработанную технику бросили в реальный бой. Вот тут она и начала отказывать!

Да, для новых советских танков в 1941 году проблемы износа не было, тут Солонин прав. Но для них имелась иная проблема — малых сроков эксплуатации, недостаточных для надёжной ***приработки*** техники, а не только

её обкатки. Результат же был тот же, что и в случае износа, — выход техники из строя не в результате боевых потерь, а из-за технических неисправностей.

К слову... Солонин, цитируя доклад 10-й танковой дивизии, похоже, сам не понял, что сам себя высек уже постольку, поскольку сам привёл данные о том, что личный состав дивизии с новыми танками КВ и Т-34 был практически незнаком и к 22 июня 1941 года хорошо освоить их не мог — что можно успеть за 10 часов обкатки?

Для многочисленных же Т-26, БТ-7 и их модификаций (не говоря уже о совсем старых БТ-5 и так далее) критической была проблема износа — что бы и кто ни утверждал обратного.

Солонин ссылается на «Ведомость наличия и технического состояния боевых машин по состоянию на 1 июня 1941 г.» по Киевскому Особому военному округу, из которой следует, что из 5465 танков округа 1124 единицы были совершенно новыми, ещё не эксплуатировавшимися (мы уже знаем, что это не достоинство боевой машины, а недостаток); 3664 единицы (67 %) считались «вполне исправными и годными к использованию», и только 677 единиц (12 %) нуждались в среднем и капитальном ремонте.

Но не будет ли разумным допустить, что эта ведомость, мягко говоря, приукрашивала действительное положение вещей или, говоря проще, была призвана *втереть очки* вышестоящему начальству? Тем более что в Киевском округе эти традиции были давними — ещё со времён Якира... Интересно — приходило ли в голову Марку Солонину это соображение?

Во всяком случае, если это допускаю я, относящийся к РККА образца 1941 года с уважением, то подобное допущение было бы тем более естественным для Марка Солонина, который РККА образца 1941 года ни в грош не ценит. Он ведь то и дело заявляет, что все тогда «боялись». Так спрашивается: что, «боящиеся» помпотехи так вот и будут докладывать о массовых поломках, об угрожающем положении с ресурсом? Лично я не счи-

таю, что они «боялись». Но вот желания этих помпотехов выглядеть *прилично* я исключить не могу. А воевать в 1941 году мало кто собирался — вопреки позднейшим мемуарам.

Поэтому нельзя категорически утверждать, что цитируемая Солониным ведомость — не пример приукрашивания ситуации. Увы, желание выглядеть «покрасивше», как и самоуспокоенность, не раз подводили русских людей ещё со времен Киевской Руси.

Но и это — полбеды...

В действительности же, по моему глубокому убеждению, сформировавшемуся в ходе работы над этой книгой, танкисты РККА сразу после 22 июня 1941 года, то есть с началом реальных боевых действий, оказались в исключительно неблагоприятных условиях, будучи в том ***абсолютно не виноваты***.

Нет, на неудачи наших танковых войск повлиял ряд вполне субъективных (то есть таких, которые надо поставить в вину танкистам и командованию) негативных факторов...

Преступные промахи, бездарность, бездеятельность, некомпетентность или растерянность немалой части командования всех уровней...

Плохая разработка стратегии и тактики действий подвижных соединений — хотя, как мы знаем, имеется авторитетное доказательство и обратного, исходящее от такого серьёзного эксперта, как генерал Гальдер. Я имею в виду его признание приоритета Будённого в разработке оперативных приёмов использования подвижных соединений.

Недостаточная боевая подготовка, плохая обученность личного состава и связанное с этим недостаточное владение техникой (генерал Гальдер 12 июля 1941 года отмечал в дневнике: «Степень обученности русских водителей танков, по-видимому, низкая»)...

Нарушение коммуникаций для подвоза горюче-смазочных материалов и боеприпасов...

Неоптимальная предвоенная дислокация частей, вынуждавшая их после начала боевых действий не сразу

вступать в бой, а предварительно совершать марши в сотни километров...

Это и много другое действительно имело место быть и сыграло свою роковую роль в немалой мере.

Но — как я сейчас понимаю — основная причина была в том, что неудачи наших танковых войск были запрограммированы ***объективными*** обстоятельствами, которые становятся понятными, видными и очевидными лишь при привлечении к системному анализу ситуации понятий теории надёжности. Собственно, я об этом уже писал в начале книги...

Специалистам хорошо известны понятия «жизненный цикл изделия» и «плато надёжности»... Жизненный цикл — это вся совокупность стадий существования изделия от его производства до снятия с вооружения. При этом имеется «железная» зависимость количества отказов (поломок) техники от времени эксплуатации для различных стадий жизненного цикла. Графически это выражается кривой, где идёт вначале нисходящая по вертикальной оси ординат ветвь — с течением времени эксплуатации количество отказов прогрессивно снижается; затем идёт это самое, параллельное горизонтальной оси абсцисс, «плато надёжности», когда отработка и приработка закончились и на протяжении большей части ресурса отказы отсутствуют или минимальны. А затем идёт восходящая по оси ординат ветвь, когда в связи со всё большим исчерпанием ресурса количество отказов с течением времени эксплуатации прогрессивно возрастает.

Немцы начали войну посредине ресурса, на «плато надёжности». А мы — на левой и правой ветвях кривой отказов. В начале левой ветви — для новых танков и в конце правой ветви — для старых. Не только специалисты по теории надёжности, но и опытные автомобилисты-любители без особых разъяснений могут понять, что это означает. Ведь чаще всего ломаются как раз или совсем новые, или совсем старые машины. Новые — потому что они ещё не приработаны, а старые — потому что износились. Но в обоих случаях машины ***ломаются***,

что и происходило с советской бронетанковой техникой в начале войны. Опять-таки сошлюсь на дневник генерала Гальдера, где в записях за 12 июля 1941 года есть и такая строка, касающаяся русских танков: «Наблюдаются частые порывы гусениц».

И у немцев танки выходили из строя, но — принципиально реже! Реже не в силу их качественно лучшего технического обслуживания, а в силу их нахождения на оптимальной, с точки зрения технической надёжности, стадии жизненного цикла. Немецкие мемуаристы иногда отмечают, что до 800 немецких танков нуждались в ремонте после Балканской кампании. Однако надо помнить, что кампании в Югославии и Греции были скоротечными и за период с конца апреля до начала июня 1941 года все дефекты были, конечно же, устранены. В некотором отношении участие немецких танков в операциях на Балканах лишь повысило уровень их текущей технической надёжности!

Конечно, среди многих тысяч наших танков была та значительная часть их, которая тоже с точки зрения теории надёжности находилась в зоне «плато стабильности». Думаю, что их количество было меньшим, чем у немцев, но вполне сопоставимым, если брать в расчёт прежде всего Т-26 и БТ-7 производства 1939—1940 годов.

Вот эти-то наши танки прежде всего и дали первый отпор танкам Гота, Гудериана и Клейста. Но, скажем, «приработанных» КВ и Т-34 у нас к началу войны было просто мало.

Так, КВ на 1 января 1941 года имелось в РККА 196 единиц, и на 1 апреля 1941 года — 504 единицы. Т-34 соответственно — 97 и 441 единица.

Хочу, впрочем, оговориться, что в полную достоверность этих и других цифровых данных, приводимых в различных источниках с точностью до единиц, я сам верю мало. Вряд ли через много лет, даже при использовании архивных данных, возможна подобная точность учёта. Однако расхождение данных на 3...5 и даже на 8...10 % не может иметь для целей нашего анализа ре-

шающего значения. «Порядок явления» сохраняется в любом случае.

БТ-7 за 1939 и 1940 годы было поставлено в войска чуть более двух тысяч единиц (1341 + 706), а Т-26 двух последних модификаций — более двух с половиной тысяч (1293 + 1324) единиц. Причём это данные по поставкам в РККА в целом, включая внутренние округа и Дальний Восток. Поставки в приграничные округа составляли от общих поставок примерно 50 %.

Ну, а ко всему этому — провалы командования, недостаточная выучка, утрата баз горючего и прочее, и прочее... Но всё это наблюдалось, повторяю, на ***объективно*** неблагоприятной военно-технической базе.

Поэтому все утверждения о подавляющем танковом превосходстве СССР над Германией перед войной — не более чем невежественный, опровергаемый не статистикой или мемуарами, а теорией надёжности миф.

Формально имея на вооружении к началу войны до пятнадцати и более тысяч танков, в том числе полтысячи КВ и полторы тысячи Т-34, мы начали войну в условиях фактического резкого — хотя и временного — превосходства немцев в количестве действительно надёжных и боеспособных танков.

Я выделил этот тезис потому, что он является вполне нетривиальным и сам по себе полностью меняет все устоявшиеся представления о характере противостояния танковых войск СССР и Германии в начальный период войны!

Между прочим, эксперты отмечают, что из всех КВ, которые были потеряны летом 1941 года, лишь около четверти было уничтожено в ходе боевых действий, а около 60 процентов было брошено из-за поломок ходовой части.

Причём в том, что так сложилось, не было ни особой мудрости немцев, ни особой глупости русских. Просто стечение исторических реальностей, реальностей развития танковой конструкторской мысли и танкостроения в обеих странах и реальностей поставок техники в войска оказались для двух сторон таковыми, как

оказались. **В начальный период войны немцы воевали на технике хотя и не лучшей, чем наша, а нередко по ТТХ и заведомо худшей, но они воевали в начале войны на технике, принципиально более надёжной** в силу её «приработанности»!

В первый период войны наша техника выявила все свои недостатки, и после их устранения и стабилизации массового производства началось постепенное наращивание нашего танкового превосходства, которое стало одним из важных факторов нашей окончательной победы.

Марк Солонин упоминает успешный испытательный 3000-километровый пробег двух опытных танков Т-34 по маршруту Харьков—Москва—Минск—Киев—Харьков в марте 1940 года. Но он что, не понимает, что это такое? К таким пробегам готовятся заранее, их обеспечивают опытнейшие специалисты, в том числе сами создатели танка, которые знают его как свои пять пальцев, как собственное дитя! А техническое сопровождение, включающее передвижную мастерскую!

Нельзя же, право, держать читателей за — используя выражение Штирлица — болванов в польском преферансе!

Солонин рассуждает о высоких достоинствах среднего танка Т-34, ссылаясь и на оценки специалистов Абердинского испытательного полигона США, изучавших эти танки в конце 1942 года! Ещё бы! Несмотря на дефицит качественных сталей (отсюда — плохая сталь пальцев гусеничных траков и т.д.), на дефицит оборудования (отсюда — плохая термическая обработка шестерен и прочего), на низкую квалификацию части рабочей силы на танковых заводах, в целом военные «тридцатьчетвёрки» были надёжнее, чем предвоенные! Их «детские болезни» 1941 года, неизбежные для любой сложной конструкции, к концу 1942 года остались позади, а массовость производства теперь уже работала на повышение надёжности в полном соответствии с той теорией надёжности, научная разработка которой была ещё впереди.

Потому-то, как пишет Солонин, в январскую стужу 1943 года в ходе наступательной операции «Дон» советские танковые бригады и прошли по заснеженной степи более 300 километров, а в мае 1945 года прошли за пять дней 400 километров от Берлина до Праги по горно-лесистой местности без существенных технических потерь.

Ещё бы — в сорок пятом-то году!

Но не было бы героического 1941 года — не было бы и победного 1945 года. И как же воевали советские танкисты на частично изношенной, частично не приработанной технике в 1941 году? Ниже я приведу свидетельства генерала Гальдера, а пока ещё раз вернусь к «открытиям» Марка Солонина в его книге «22 июня...».

На странице 286-й он пишет о 4-м механизированном корпусе РККА:

«Как сон, как утренний туман растаял ***так и не вступивший в бой*** (выделение моё. — *С.К.*) с главными силами противника мощнейший 4-й МК (механизированный корпус. — *С.К.*). Когда к 12 июля остатки корпуса добежали (это сын якобы фронтовика так пишет о воинах 1941 года. — *С.К.*) до восточного берега Днепра, то выяснилось, что из 101 танка КВ в строю осталось 6, из 313 «тридцатьчетверок» осталось только 39, из 565 легких танков в Прилуки пришло 23 танка БТ».

Так пишет о русских воинах якобы русский М. Солонин. Но если мы откроем на страницах 19-й и 21-й книгу француза де Ланнуа «Немецкие танки на Украине», то можем прочесть:

«4-й механизированный корпус представлял собой страшную ударную силу, которая доставила немало хлопот немецким войскам с первых же дней наступательных действий. <...>

4-й мехкорпус направлялся (после начала боевых действий. — *С.К.*) к Сокалю и Радехову. К северо-запа-

ду от последнего и состоялось его мощное столкновение с 11-й танковой дивизией 48-го моторизованного корпуса (вермахта. — *С.К.*)».

Как видим, даже иностранный автор книги о немецких танках не отказывает в боевых заслугах советским танкистам. Что же до Марка Солонина, то он гнусно над ними издевается.

Н-да...

Советский 4-й мехкорпус был действительно *потенциально* страшной силой. Он включал в себя 8-ю и 32-ю танковые дивизии, моторизованную 81-ю дивизию и мотоциклетный полк.

8-я танковая дивизия имела в своём составе 50 КВ, 140 Т-34; 68 старых трёхбашенных Т-28, 31 БТ-7 и 36 Т-26.

32-я танковая дивизия — 49 КВ, 173 Т-34 и некоторое количество лёгких танков Т-26 и БТ-2.

81-я моторизованная дивизия имела 65 танков Т-26.

Не знаю, к слову, откуда М. Солонин взял в 4-м мехкорпусе 565 лёгких танков (де Ланнуа числит за 4-м механизированным корпусом 892 танка, то есть лёгких — не более 412 единиц), но пусть так. Однако М. Солонин забыл упомянуть некоторые обстоятельства, которые тот же де Ланнуа отметить не забыл, справедливо указывая, что 8-я ТД была сформирована в июле 1940 года, а 32-я ТД — даже в марте—апреле 1941 года. Де Ланнуа сообщает, что последняя дивизия в связи со сжатыми сроками формирования испытывала перед войной недостаток кадров, ей не хватало тягачей, средств связи и т.д. К тому же полки 32-й дивизии получили новую технику только в апреле—мае 1941 года, и дивизия не успела обучить личный состав.

Показательно, что уже в ходе войны, 8 июля 1941 года, генерал Гальдер, размышляя о трудностях для нас формирования новых соединений, подчеркнул, что «это особенно касается танковых соединений, в которых еще в мирное время ощущался значительный недостаток командиров, водителей и радистов, а также имущества связи»...

Могу от себя прибавить, что наличие разнотипной техники отнюдь не упрощало её техническое обслуживание.

Вернёмся ещё раз к оболганному М. Солониным 4-му механизированному корпусу. Реально он крепко воевал с первых дней войны, участвовал во фронтовом контрударе под Дубно. История войны зафиксировала следующее:

«...Напряженные боевые действия развернулись на юго-западном направлении. Для нанесения контрударов Юго-Западный фронт выделил 5-ю и 6-ю армии и войска своего второго эшелона — всего шесть механизированных (4, 8, 9, 15, 19 и 22) и три стрелковых... корпуса. <...>

22-й и 4-й мехкорпуса 5-й и 6-й армий, а также 15-й мехкорпус с 22 июня вели напряженные бои в полосах своих армий.

С 23 по 29 июня в районе Луцк, Радехов, Броды, Ровно развернулось встречное танковое сражение...»

А в боевой биографии тогдашнего командира корпуса, опубликованной в биографическом справочнике «Командармы», сказано, в частности:

«В Великой Отечественной войне корпус... в составе 6-й армии Юго-Западного фронта участвовал в приграничном сражении с превосходящими силами противника в районе г. Перемышль. Соединения корпуса участвовали во встречном танковом сражении под Дубно, Ровно, в Киевской оборонительной операции».

Могу прибавить, что командовал тогда корпусом (и неплохо, надо сказать) генерал-майор Андрей Андреевич Власов — тот самый, позднее навечно замаравший себя предательством.

Как реально приходилось воевать танкистам, можно представить себе из мемуаров маршала Москаленко, ко-

торый приводит данные по неудачному контрудару на Владимир-Волынский 22-го мехкорпуса и 135-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса. 19-я танковая дивизия потеряла тогда почти все свои 45 танков Т-26 и 12 бронемашин БА-10, в её артиллерийском полку осталось 14 орудий. Командир дивизии генерал-майор К.А. Семенченко был ранен, оба командира танковых полков убиты, начальник артиллерии дивизии пропал без вести, а командир мотострелкового полка скончался от ран.

Вот как таяли люди и таяла боевая техника летом 1941 года. Но у Солонина есть своё объяснение её убыли — он на страницах 296—298 сравнивает проценты потерь вооружения с потерями колёсных автомашин и делает «сенсационный» вывод:

«...для деморализованной, охваченной паникой толпы танки и пушки, пулеметы-минометы являются обузой. Мало того, что танки ползут медленно, они самим фактом своего наличия заставляют воевать. Вот поэтому от них и поспешили избавиться. А грузовичок — даже самый малосильный — сберегли. Он лучше подходит для того, чтобы на нем «перебазироваться» в глубокий тыл, да еще и фикус с собой прихватить...»

М. Солонин делает свой вывод на основании следующих суммарных цифр убыли техники за второе полугодие 1941 года: всего 33,3 % потерянных автомобилей на фоне потери 73 % танков, 70 % противотанковых пушек, 60 % гаубиц, 65 % ручных пулемётов; 61 % минометов... По поводу последних он безграмотно замечает: «Хотя, казалось бы, что может сломаться в миномете? Труба — она и есть труба...»

Угу! В булках тоже ничего особенного нет — они ведь на деревьях растут! Срывай себе и жуй...

Что тут можно сказать?

Относительно потерь танков, например, можно привести данные по убыли танков у немцев к осени 1941 года. Чуть позднее читатель с ними познакомится

и тогда сможет убедиться сам, что во 2-й танковой группе процент потерь достигал 75 %. Но главный шулерский приём Солонина заключается в том, что он ставит на одну доску потери боевой и ***не*** боевой техники. Да, автомобили, так же, как и танки, участвуют в войне. Однако автомобили — в отличие от танков — не идут в бой. К тому же советские «полуторки» к 1941 году тоже были достаточно надёжны в силу массового их производства на протяжении немалого времени.

Подобной «статистикой»-«эквилибристикой» солонины и бешановы отвлекают внимание читателя от сути дела. А для опровержения их измышлений я обращусь опять к авторитету генерала Гальдера. 12 сентября 1941 года, на 83-й день войны, он записал в дневнике:

«Русский танк Т-34 (25 тонн) весьма хорош и быстроходен. К сожалению, ***не захвачено ни одного пригодного образца этого танка*** (выделение моё. — *С.К.*)».

По Солонину, запуганные Сталиным советские танкисты, не желая за него сражаться, целёхонькими бросали свои танки и на попутных автомобилях мчались — кто в свой тыл, кто — сдаваться немцам...

А начальник Генерального штаба сухопутных войск Рейха генерал-полковник Гальдер после доклада генерал-инспектора моторизованных войск Брейта на 83-й (восемьдесят третий) день войны сетует, что немцы не имеют в своём распоряжении ни одной целой «тридцатьчетвёрки»!

Нет, эти слова Гальдера стоило бы, пожалуй, написать у всякого рода солониных прямо *на лбу* — как и сведения, приведённые Гальдером в своём дневнике 9 октября 1941 года об использовании трофейных танков на фронте по состоянию на 9.10.1941 года:

«...в России: группа армий «Юг» — 16 танков (в октябре туда будет передано еще 5 танков); группа армий «Центр» — 42 танка (в октябре и ноябре будет направлено на фронт еще 20 танков); группа армий «Север» —

23 танка (в октябре будет направлено на фронт еще 5 танков). Когда закончится перевооружение 100-й и 101-й бригад, для использования в тыловых районах будет выделено еще 548 танков».

Итого, получается, что к октябрю 1941 года вермахт смог использовать на фронте всего 81 (восемьдесят один) трофейный советский танк с перспективой использования к ноябрю ещё 30 (тридцати) танков. Кроме того, удалось приспособить к делу чуть более полутысячи откровенно устаревших советских танков для тыловых карательных частей против партизан.

Не густо...

По немецким данным, за первые два месяца войны немецкие войска подбили и захватили свыше 14 тысяч танков. Эта цифра, конечно, преувеличена, но вряд ли преувеличена астрономически. И, безусловно, правы те эксперты, которые основной причиной того, что немцы не смогли массово использовать наши трофейные танки, называют неустранимые поломки ходовой части и двигателя. Пожалуй, надо бы к этому лишь прибавить: «...зачастую — вследствие исчерпания ресурса».

Я же сейчас немного коснусь вопроса о точности данных по потерям на советско-германском фронте, приведя пример «разнобоя» в оценке потерь не техники, а людей.

Насколько суммарные оценки «вещь в себе», можно увидеть, сопоставив некоторые цифры, взятые в считающемся чуть ли не нормативным справочнике Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг.», и цифры генерала Гальдера.

В справочнике, в издании 2002 года (М.: Изграфус, Эксмо), на странице 714-й приведены данные по потерям сухопутных войск по годам войны в период до 30.11.1944 года.

По Мюллеру-Гиллебранду эти потери за 1940—1941 годы составили: убитыми 140 378 человек; пропавшими без вести — 8769 человек; демобилизованными (?) — 38 894 человека; дезертирами — 3 (три) человека.

Итого — 188 044 человека за весь 1941 год, всю вторую половину которого Германия уже воевала с СССР.

Это — по Мюллеру-Гиллебранду.

Но как понимать тогда приводившуюся мной в начале этой книги запись от 5 января 1942 года в «Военном дневнике» генерала Гальдера: «Потери с 22.6 по 31.12.1941 года: Ранено — 19 016 офицеров, 602 292 унтер-офицера и рядовых; убито — 7120 офицеров, 166 602 унтер-офицера и рядовых; пропало без вести — 619 офицеров, 35 254 унтер-офицера и рядовых. Итого потеряно 26 755 офицеров и 804 148 унтер-офицеров и рядовых. Общие потери сухопутных войск на Восточном фронте составляют 830 903 человека...»

Так сколько же потерял вермахт — 188 044 человека за весь 1941 год или всё же 830 903 человека только с 22 июня 1941 года и только на Восточном фронте?

Конечно, верны данные Гальдера, но странная статистика *вроде бы* основательного Мюллера-Гиллебранда по людским потерям позволяет предположить, что и данные по потерям техники у него в какой-то мере занижены. При этом приводимые Мюллером-Гиллебрандом данные — уж никак, во всяком случае, не завышенные — по потерям немцами танков в 1941 году отнюдь не свидетельствуют о неком победном и ничем не сдерживаемом движении по просторам СССР немецкой танковой лавины.

Вот что пишет Мюллер-Гиллебранд (на стр. 285):

«После завершения крупных операций по окружению в летней кампании танковые группы располагали к началу сентября 1941 года следующим количеством боеспособных танков (в процентах): 1-я танковая группа — 53, 2-я — 25, 3-я — 41, 4-я — 70».

И далее он сообщает, что 22 июня 1941 года на Востоке, включая резерв ОКВ (2-я и 5-я танковые дивизии) имелось около 3680 танков, а безвозвратные потери на всех фронтах за период с июня по ноябрь 1941 года составили 2251 танк.

Если учесть, что, по данным того же источника, в Северной Африке имелось всего 350 танков — менее 10 % от наличия на Востоке, то потери — как минимум не преувеличенные, а то и заниженные — немцами танков на советско-германском фронте к концу осени 1941 года составили не менее 2000 единиц, то есть не менее 54 % от количества на 22 июня 1941 года.

Это же подтверждает — в реальном масштабе времени — и дневник генерала Гальдера, в котором уже 13 июля 1941 года было зафиксировано (выделение моё. — *С.К.*): **«Потери в танках составляют в среднем 50 %».**

К 28 августа 1941 года ситуация не улучшилась, и Гальдер записал:

«3. Положение с танками. Части 1-й танковой группы в среднем потеряли 50 % танков. Наихудшее положение в 16-й моторизованной дивизии. Части 2-й танковой группы имеют: 10-я танковая дивизия — 83 % танков; 18-я танковая дивизия — 57 % танков. Остальные дивизии 2-й танковой группы в среднем имеют 45 % танков. В 3-й танковой группе: 7-я танковая дивизия — 24 % танков, в остальных двух танковых дивизиях по 45 % танков...»

Это ведь тоже можно расценивать как танковый *погром*! Особенно если учесть, что германские танковые части ещё до начала боевых действий находились в состоянии максимальной боевой готовности и не испытывали — в отличие от советских танковых соединений — трудностей организационного периода.

И вот теперь, я думаю, пора познакомить читателя с некоторыми из тех записей 1941 года в служебном дневнике генерала Гальдера, которые относятся к боевым действиям советских танков в первые месяцы войны.

Уже **24 июня 1941 года** Гальдер, имея в виду группу армий «Юг», отметил: «У противника появился новый тип тяжёлого танка», а позднее в тот же день записал:

«На фронте групп армий «Юг» и «Север» появился русский тяжелый танк нового типа, который имеет орудие калибра 80 мм (согласно донесению штаба группы армий «Север» — даже 150 мм, что, впрочем, маловероятно)».

Замечу, что реально КВ имел тогда 76-мм пушку ЗИС-5, но отдельные экземпляры действительно были вооружены 152-мм орудием.

25 июня 1941 года Гальдер записал уточнённые данные о новом танке — имелся в виду всё тот же КВ, а также внёс в дневник первые сообщения с фронта о появлении «еще одного нового танка», то есть Т-34.

И 25-го же июня 1941 года он отметил: «Противник организованно отходит, прикрывая отход танковыми соединениями».

Но тогда наши танковые соединения играли роль пожарных команд, часто использовались раздёрганными или без учёта обстановки. Характерна запись Гальдера от **28 июня 1941 года**:

«В полосе группы армий «Юг» 8-й русский танковый корпус (реально — 8-й механизированный корпус, танковых корпусов у нас тогда не было. — *С.К.*) наступает от Броды на Дубно в тыл нашим 11-й и 16-й танковым дивизиям. Надо надеяться, что тем самым он идет навстречу своей гибели».

Танковое сражение под Дубно было для нас действительно очень неудачным, но и эти бои замедляли темп немецкого наступления. Утром **27 июня 1941 года** Гальдер пренебрежительно записал: «Русские соединения, атаковавшие южный фланг группы армий «Юг», видимо были собраны наскоро»... А уже к середине дня 27 июня он озабочен: «11, 13 и 14-я танковые дивизии ведут бои с танками противника между рекою Стырь и Ровно»...

Реально танкам Клейста противодействовали кадровые, а не «наскоро» сформированные соединения советских механизированных войск, но тот же 8-й мехкорпус перед тем, как атаковать ударную танковую группировку

Клейста, совершил 400-километровый марш и вступил в бой с ходу, по частям. Такой вынужденный способ ввода корпуса в бой и натолкнул Гальдера на догадку об импровизации русских.

29 июня 1941 года он с утра уже просто встревожен:

«На фронте группы армий «Юг» все еще продолжаются сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение и зашел в тыл 11-й танковой дивизии. Это вклинение противника, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу между Бродами и Дубно. Противник угрожает Дубно с юго-запада...

В тылу 1-й танковой группы также действуют отдельные группы противника с танками, которые даже продвигаются на значительные расстояния...»

Как видим, даже неудачный, наспех организованный по указанию Ставки контрудар советских механизированных корпусов имел своё значение. И хотя Гальдер **30 июня 1941 года** записал, что напряжённая обстановка в районе Дубно разрядилась, он тут же прибавил:

«Вклинение противника довольно серьезно помешало продвижению 16-й танковой и 16-й моторизованной дивизий, а также ***на несколько дней задержало*** (выделение моё. — *С.К.*) 44, 111 и 229-ю пехотные дивизии, следовавшие во втором эшелоне за 3-м танковым корпусом».

Потом, через десятилетия после войны, глядя на карты с теперь точно известной расстановкой сил сторон, новоявленным «стратегам» можно будет рассуждать о том, что нашей-де Ставке не стоило отдавать нашим мехкорпусам невыполнимые приказы о контрударах, а стоило использовать их более рационально и осмотрительно. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», — это сказал не я, а Шота Руставели. Однако в ***общем*** отсчёте военного времени те несколько дней, на которые в июне 1941 года задержал Клейста 8-й мехкорпус на территории Украины, к весне 1945 года обернулись ударами советских танковых армий на территории Рейха.

А тогда приходилось отходить, вводя — как отметил Гальдер **2 июля 1941 года** — «крупные силы танков в качестве прикрытия»...

8 июля 1941 года генерал гордо констатировал, что из 29 выявленных танковых дивизий 20 целиком или большей частью уничтожены и лишь 9 дивизий ещё полностью боеспособны. Но как бы отреагировал начальник Генштаба Сухопутных сил Рейха, если бы ему тогда сказали, что к 22 июня 1941 года в РККА была сформирована шестьдесят одна танковая дивизия?

Да, мало какие из этих дивизий к началу войны были полностью боеготовыми, но они существовали, они не только несли потери, но и воевали, набирали боевой опыт. И уже **11 июля 1941 года** Гальдер сделал знаменательную, уже знакомую читателю, запись:

«Танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали...»

Последней же записью за 11 июля 1941 года была следующая:

«На фронте группы армий «Север» сильные арьергарды противника ***при поддержке танков и авиации*** (выделение моё. — *С.К.*) оказывают упорное сопротивление танковой группе Гепнера».

И это было только начало!

16 июля 1941 года:

«...Севернее Умани обнаружено скопление 38 эшелонов. Из эшелонов выгружаются танки, которые сразу же движутся на восток...

Подполковник Бюркер сделал доклад о своей поездке на фронт в 10-ю танковую дивизию. Трудности, возникающие в ходе операций... и упорное сопротивление отдельных групп противника приводят в ряде случаев к критическому обострению обстановки... Несмотря

на это, войска чувствуют себя уверенно и проникнуты чувством превосходства над противником. Боеспособность (указанной) танковой дивизии тем не менее постепенно уменьшается...»

Однако постепенно уменьшалась боеспособность не только указанной танковой дивизии, но и танковых соединений вермахта вообще.

21 июля 1941 года Гальдер, имея в виду группу армий «Север», пишет: «Возможно, окажется целесообразным направить часть танковых соединений, которые все время слабеют, в район Бологого...» и т.д.

А вот запись от **22 июля 1941 года** о группе армий «Юг»:

«...В районе Умани 16-я и 11-я танковые дивизии ведут упорные бои с крупными силами танков противника... Это, конечно, может поставить наши танковые соединения, действующие в районе Умани, в тяжелое положение, тем более что характер боев с 26-й русской армией не дает оснований надеяться на быстрое достижение успеха».

23 июля 1941 года Гальдер в тезисах к докладу Гитлеру пишет, кроме прочего:

«I. Противник:

Боеспособность: Несмотря на большое количество израсходованных сил, у противника все еще имеются свежие соединения. <...>

г. *Оперативно-тактические приемы ведения боя*. Наступление на фланги с применением танков, как уже нами подчеркивалось ранее...»

Это после якобы танкового-то погрома РККА!

А во время доклада у фюрера **26 июля 1941 года** Гальдер со слов Паулюса записывает: «Отмечено усиление активности авиации («уничтоженной» немцами. — *С.К.*) и танков противника, в особенности на левом фланге танковой группы Гота».

5 августа 1941 года Гальдер, подобно лисице, заявлявшей, что виноград-то зелен, обманывает сам себя, отмечая:

«Главком (Браухич. — *С.К.*) возвратился с совещания у фюрера. Фюрер заявил (это ему внушили мы, но закулисным образом), что нынешнее развитие обстановки приведет, как и в прошлую мировую войну, к стабилизации фронтов»...

Простите, но ведь в первые дни войны руководство вермахта твёрдо было уверено в скором окончании войны. Или это не Гальдер 3 июля 1941 года писал (выделение везде моё. — *С.К.*):

«...не будет преувеличением сказать, ***что кампания против России выиграна в течение 14 дней***. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение ***многих недель***»?

Прошёл ровно месяц, и тот же Гальдер радуется, что фюрер согласен с идеей стабилизации фронта и перехода — как в Первую мировую войну — к позиционной войне. То есть уже в начале августа 1941 года — задолго до русской осенней распутицы — Гитлер, Браухич и Гальдер психологически похоронили надежды на «блицкриг».

И тогда же, 4 августа 1941 года, на совещании в штабе группы армий «Центр», которое Гитлер провёл в Борисове, у Гитлера — по свидетельству Гудериана — невольно вырвалась фраза:

«*Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков, которое приводилось в вашей книге* (в книге 1937 года «Внимание, танки!» Гудериан называл цифру 10 000 танков. — *С.К.*), *я бы, пожалуй, не начинал эту войну*»...

Вот слова, которые тоже стоило бы написать разного рода бешановым *на лбу!* Умри, но лучше не докажешь всё значение действий советских танковых соединений

в 1941 году для обеспечения будущей Победы 1945 года. В свете этих слов фюрера можно утверждать, что ***в 1941 году советские танковые войска свою стратегическую задачу выполнили полностью*** — если учесть их общее состояние к началу войны!

Эти слова Гитлера можно расценивать и как признание факта ***непрерывного наличия*** у России в 1941 году стратегически значимых танковых сил. Да, потери их были очень велики. Но и война ведь шла Великая.

Обратимся к воспоминаниям «первого танкиста Рейха» Гудериана... Вот несколько цитат:

«17-я танковая дивизия под Сенно (к 7 июля 1941 года. — *С.К.*) вела ожесточенные бои с сильным противником, который ввел в бой чрезвычайно большое количество танков. Упорные бои вела также и 18-я танковая дивизия»...

«18 июля (1941 года. — *С.К.*) я находился в 47-м танковом корпусе. 17-я танковая дивизия была переброшена с фланга, который она прикрывала восточнее Орши, в район южнее Смоленска, чтобы отразить атаки русских, двигавшихся на город с юга. В боях, которые здесь происходили, был смертельно ранен храбрый командир этой дивизии генерал Риттер фон Вебер...

К 20 июля (1941 года. — *С.К.*)... русские продолжали наносить атаки 24-му танковому корпусу и на Смоленск...

21 июля (1941 года. — *С.К.*)... все силы 46-го танкового корпуса вели упорные бои с противником»...

Тогда Гудериан ещё воевал на московском направлении и, как видим, воевал в тяжких трудах, нередко уже утрачивая инициативу и темпы. А это был только конец июля 1941 года...

28 августа 1941 года Гальдер после разговора с генералом Паулюсом по телефону, оставшись наедине со своим дневником, уже откровенно брюзжал:

«...Я понимаю трудность и напряженность обстановки. Но ведь вся война состоит из трудностей (вот как?! — *С.К.*). Гудериан не согласен с таким положением, при котором он вынужден подчиняться тому или

иному командующему армией... К сожалению, и Паулюс подпал под его влияние. Я ни в коем случае с этим не согласен. Гудериан сам планировал эту операцию. Пусть он сам теперь и увидит, насколько она выполнима»...

Как видим, к концу августа 1941 года у генералов Рейха дело дошло до взаимных претензий и внутренних «разборок». И не за горами были разборки с ними фюрера. В связи с провалом наступления на Москву и прочими провалами Гитлер в течение 1942 года — с февраля по октябрь, уволил 185 генералов, в том числе 66 — из действующей армии. Кроме того, 8 генералов получили предупреждение об увольнении, Паулюса фюрер собирался заменить Зейдлицем, да и самого Гальдера в конце сентября 1942 года с поста начальника генштаба снял.

Английский военный историк Фуллер прокомментировал сей факт следующим образом: «Такого разгрома генералов не видывали со времен битвы на Марне».

А бешановы всё толкуют нам о «танковом погроме»! Я же, заключая «танковый» раздел, приведу ещё одну цитату из Гудериана, воюющего уже на Украине:

«Рано утром 15 сентября (1941 года. — *С.К.*) я посетил передовой отряд 3-й танковой дивизии... и беседовал с командиром 6-го танкового полка подполковником Мюнцелем. В тот день Мюнцель имел в своем распоряжении только один танк T-IV, три танка T-III и шесть танков T-II; таким образом, полк имел всего десять танков».

Десять танков, из которых шесть — это, собственно, лёгкие танкетки, уступающие даже нашим БТ и Т-26 и три — лёгкие танки, с которыми БТ и Т-26 могли достаточно успешно конкурировать.

Погром это или не погром?

В октябре 1941 года Гудериан вновь наступает на Москву. Но как! А вот как:

«6 октября... южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить»...

Однако Тулу «первый танкист Рейха» так и не взял...

* * *

На «танковую» тему применительно к начальному периоду войны можно говорить ещё много. Причём используя только западные источники, например, такие классические для этой темы книги, как «Танки, вперёд!» или цитировавшиеся выше «Воспоминания солдата» Гудериана. Однако нам пора перейти к теме войны в небе, которая, впрочем, для советских ВВС началась с войны на земле.

Да, увы, для определения того, что произошло с нашими Военно-Воздушными Силами 22 июня 1941 года, слово «погром» подходит вполне. Однако и тут не всё так очевидно, как сегодня уверяют многие, начиная с того, что основной личный состав ВВС РККА, то есть строевые лётчики, с первых дней войны воевал не так уж и плохо, а нередко — блестяще!

Начну, впрочем, с «негатива», воспользовавшись, в частности, архивными документальными данными, сообщаемыми М. Мельтюховым в его статье, опубликованной в коллективном военно-историческом сборнике «Трагедия 1941-го. Причины катастрофы» (М.: Яуза, Эксмо, 2008).

Даже поверхностное изучение объективных донесений первых дней боевых действий нашей авиации показывает, что в отношении определённой её части более точно говорить о *без*действии.

Так, на Северо-Западном фронте основные потери в 7-й авиадивизии пришлись на 46-й скоростной бомбардировочный авиаполк и, как было сказано в спец-

собщении 3-го Управления НКО № 2/35552 от 28 июня 1941 года, объяснялись «неорганизованностью и растерянностью со стороны командира полка майора Сенько и начальника штаба подполковника Канунова, приведшим при первом налёте противника весь личный состав в паническое состояние».

За 22 июня 1941 года 46-й СБАП потерял 20 самолётов, из которых только половина была сбита в воздухе, а остальные были уничтожены на Шауляйском аэродроме на земле при налёте авиации немцев.

Самолёты выбывали из строя, не взлетев, — из-за нераспорядительности, нервозности командования, из-за скученности техники на аэродромах, из-за демаскирования аэродромов... Если читатель вспомнит цитировавшиеся мной приказы наркомов Ворошилова и Тимошенко о необходимости маскировки, рассредоточения и т.п., то можно понять, что вина за уничтожение значительной части нашей авиации в огромной мере лежит на её командовании, в том числе — высшем. Недаром из всех «видовых» военных руководителей только авиационные высшие генералы после начала войны были арестованы, как Смушкевич и Рычагов, и осенью 1941 года расстреляны. Думаю, они это заслужили.

Читать донесения Особых отделов фронтов, помеченные концом июня 1941 года, тяжело и нервно. Командир 124-го истребительного авиаполка майор Полунин 22 июня прибыл в полк из отпуска после того, как противник совершил два налёта на аэродром. После третьего налёта комполка улетел на учебно-тренировочном УТИ-4 в неизвестном направлении.

Командир 41-го истребительного полка Западного фронта майор Ершов высылал на перехват не боеспособные группы, а 1—2 самолёта, которые становились лёгкой добычей лётчиков люфтваффе.

В Киевском Особом военном округе, отмечало 3-е управление НКО в спецсообщении от 1 июля 1941 года, «несмотря на сигналы о реальной возможности нападения противника, отдельные командиры частей Юго-Западного фронта не сумели быстро отразить нападение

противника...». В Черновцах 21 июня 1941 года лётный состав был отпущен в город, в ресторане города Бучач всю ночь 22 июня пьянствовали командир 87-го ИАП, командир 16-й авиадивизии майор Слыгин и его замполит батальонный комиссар Чёрный...

Таких примеров можно привести много, но я думаю, достаточно и этого.

Но!!!

Но в пределах не то что одного и того же фронта (округа), а одной и той же авиадивизии ситуация уже с первых часов войны могла отличаться принципиально. Так, 33-й истребительный авиационный полк 10-й авиационной дивизии Западного ОВО, дислоцировавшийся в городе Пружаны, не имел даже боеприпасов на самолётах. А 123-й ИАП той же дивизии, хотя и был в значительной мере уничтожен на земле, первый день войны провёл просто геройски. В 123-м полку вскоре осталось всего 6 самолётов, однако, как было сказано в донесении уполномоченного 3-го (Особого) отдела 10-й смешанной авиадивизии Леонова, «наши летчики по 2—3 самолета 123-го авиаполка вылетали навстречу, принимали лобовой бой, сбивая по 3—4 самолета, обращали в бегство противника...».

В правдивости этого документа можно было бы усомниться, если бы это было политдонесение, но это было спецсообщение особиста, в целом отражающее негативные факты, так что верить ему можно.

К тому же это был не единичный пример, зафиксированный в истории той войны. Лётчик 127-го ИАП Андрей Данилов в первый же день войны сбил 4 самолёта. 9 июля 1941 года он был сбит, имея уже 9 побед, но остался жив, хотя тогда его сочли погибшим. Его боевые товарищи по полку С.Ю. Жуковский и Николай Бояршинов 22 июня 1941 года тоже сбили по 4 самолёта, совершив соответственно 9 и 6 боевых вылетов за день.

Лётчик 123-го ИАП истребительной авиации ПВО Иван Калабушкин в первый день войны, пилотируя биплан И-153, сбил даже 5 немецких самолётов — один

«Мессершмитт-109», два Ю-88 и 2 «Хейнкель-111». В 1942 году Калабушкин стал Героем Советского Союза.

Тоже будущий Герой Советского Союза (с 1943 года) младший лейтенант Дмитрий Ковтюлев из 91-го ИАП, летая тоже на И-153, за первые две недели войны сбил 4 самолёта.

Командир 55-го ИАП подполковник В.П. Попов, вовремя получив сообщение о приближении 20 немецких бомбардировщиков в сопровождении 18 истребителей, поднял в воздух дежурную эскадрилью МиГ-3 и приказал атаковать группу, в то время как полк, поднятый по тревоге, взлетал, чтобы добить врага.

Так же действовал командир 67-го ИАП майор Б.А. Рудаков.

Лётчики И.И. Иванов, Л.Г. Бутелин, С.М. Гудимов, А.С. Данилов (тот самый), Д.В. Кокорев, А.И. Мокляк, Е.М. Панфилов, П.С. Рябцев в первый же день войны совершили тараны, причём в большинстве своём остались при этом живы.

То есть лётчики воевали неплохо... Да и командование кое-где было на высоте. Так, в Одесском военном округе за несколько дней до войны была проведена проверка боевой готовности войск округа, в том числе и авиации. Авиационные части были перебазированы на полевые аэродромы, где самолёты были рассредоточены и замаскированы. Штаб ВВС округа его начальником А.З. Устиновым был переведён из Одессы в Тирасполь. В итоге за первый день войны авиация округа потеряла шесть самолётов, выведя из строя 30 вражеских.

А в Прибалтийском, например, ОВО из 880 самолётов к концу первого дня войны осталось не более 500.

Всего советские ВВС в первый день войны потеряли около 1200 самолётов, из них 800 — на аэродромах. Это были потери огромные, но можно ли их назвать катастрофическими? Уже 22 июня 1941 года советские ВВС совершили около 6 тысяч боевых самолёто-вылетов и уничтожили более 200 немецких самолётов.

То есть на два наших сбитых самолёта уже в первый день войны пришёлся один немецкий сбитый самолёт! Не так уж и плохо — если учесть все обстоятельства, предшествовавшие 22 июня, и то, как этот день для многих наших лётчиков начался.

Впрочем, и предшествовавшие обстоятельства были разными. Так, в апреле 1941 года комиссия во главе с начальником Управления формирования и комплектования ВВС генералом А.В. Никитиным проверяла 12-ю бомбардировочную авиационную дивизию ВВС Западного Особого военного округа. Дивизия серьёзно отставала от нормативных сроков освоения самолётов СБ. Замечу, что если в апреле 1941 года часть получала такие «новые» самолёты, как стремительно устаревающий туполевский СБ, то до этого на вооружении она не могла иметь ничего иного, кроме туполевского ТБ-3, устаревшего к 1941 году просто удручающе.

При проверке выяснилось, что 104 экипажа дивизии находятся всё ещё в стадии переучивания — из-за боязни командования части иметь лётные происшествия. Энергичный Никитин быстро добился перелома, а результат его инспекции окончательно проявился после начала войны, когда 12-я дивизия сразу отличилась в боях и за высокое лётное мастерство и отвагу личного состава была отмечена в приказе Военного совета Западного фронта.

Но в целом советские ВВС встретили войну не в лучшей форме во всех своих звеньях — от командно-штабного до звена аэродромного обслуживания. Плюс всё та же проблема перехода на новую технику, переучивание, малый налёт...

Да и проблемы не только качества, но и — как ни странно — количества авиационной техники.

Вначале — о качестве. Я уже писал, что благодаря таким военным «гениям», как Тухачевский и Уборевич, — но отнюдь не только им, — к 1939 году советское авиастроение не дало по-настоящему современных самолётов. Качественно плохо обстояли дела и с самолётным оборудованием, начиная с радиосвязи (её часто просто

не было) и заканчивая аэронавигационным оборудованием, которое было далеко от совершенства. Свой негативный вклад внесли и «гении» типа авиаконструктора Туполева, о чём я тоже писал.

И, несмотря на самые высокие в мире (!) предвоенные цифры производства боевых самолётов, хорошие самолёты, способные выиграть войну, начали появляться у нас почти перед самой войной.

Вот некоторые цифры по мировому производству самолётов. Это суммарные данные, включая гражданские самолёты, но, прежде всего для СССР и Германии, а также для США в 1941 году, они были близки к чисто «военно-воздушной» цифре...

	1939 год	1940 год	1941 год
США	5856	12 813	26 289
Германия	8295	9869	10 940
СССР	10 362	10 565	15 735

Проанализируем эти данные с учётом того, что за общими для современной цивилизации арабскими цифрами к 22 июня 1941 года скрывались очень различающиеся национальные цифры, отражающие структуру и состояние национальных военно-воздушных сил России и Германии.

Германия, как видим, только в два последних предвоенных года (если иметь в виду Великую Отечественную войну) выпустила 18 164 самолёта (не считая планеров).

СССР за эти два года выпустил 20 927 самолётов, то есть всего на 15 % больше.

То есть о подавляющем численном превосходстве ВВС РККА над люфтваффе говорить не приходится.

При этом на 1 июня 1940 года в ВВС РККА имелось всего (включая исправные и неисправные самолёты) 15 693 единицы боевых самолётов.

Но из них...

Прошу и предупреждаю читателя: здесь надо быть внимательным! В общее число 15 693 единицы входят, например, 3334 разведчика и корректировщика Р-5, Р-6, Р-Зет, Р-10, ССС... Думаю, что вскоре после 22 июня 1941 года за десяток, а то ***и сотню*** подобных «корректировщиков» советское наземное командование согласилось бы получить от люфтваффе ***один*** настоящий корректировщик «Фокке-Вульф-189» — знаменитую двухфюзеляжную мощно вооружённую «раму», сбить которую во время войны считалось особой честью в советских ВВС.

Итак, из 15 693 единиц мы объективно можем вычесть 3343 единицы очевидного старья. Итог: 12 350 самолётов.

Далее... 1285 устаревших штурмовиков, которые не могли конкурировать с теми пикирующими бомбардировщиками Ю-87 (знаменитыми «штуками» польской войны), которые к 1941 году были всё ещё грозным оружием поля боя.

12 350 – 1285 = 11 065 боевых самолётов.

Далее... Вычтем из этого количества 5826 единиц бипланов И-15бис, И-153 и устаревающих монопланов И-16, которые представляли собой грозную силу лишь тогда, когда в их кабинах сидели такие лихие ребята, как Андрей Данилов (И-153), или такие мощные асы, как легенда Северного флота, дважды Герой Советского Союза Борис Сафонов и будущий трижды Герой Покрышкин (И-16), но — не рядовой строевой лётчик.

11 065 – 5826 = 6239 единиц боевых самолётов.

Вычтем 527 «монстров» ТБ-3 и получим уже 5712 боевых самолётов, в число которых за год до войны входило 3703 морально устаревших бомбардировщика СБ.

Всего две тысячи относительно современных и действительно современных самолётов — бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков... Вот что мы имели «благодаря» Тухачевскому, Уборевичу, Туполеву и т.д. ***за год*** до войны.

К 22 июня 1941 года благодаря авиаконструкторам Яковлеву, Микояну, Гуревичу, Лавочкину, Горбунову,

Гудкову, Петлякову и Ильюшину, стоявшим во главе армии советских авиастроителей, мы имели:

— 399 истребителей Як-1;

— 1309 истребителей МиГ-3;

— 322 истребителя ЛаГГ-3;

— 460 пикирующих бомбардировщиков Пе-2;

— 249 штурмовиков Ил-2 (пока что, «благодаря» кретинам из Управления ВВС РККА, одноместным, без кормового стрелка-радиста).

Итого: 2739 действительно современных и способных к развитию боевых советских самолётов к 22 июня 1941 года.

Впрочем, я забыл ещё одну выдающуюся фигуру, усилиями которой советские ВВС перед войной стремительно преображались, а во второй половине войны завоевали превосходство в воздухе, — самого Иосифа Сталина.

2739 современных самолётов... Вот что мы имели к началу войны против 4980 самолётов антисоветского блока (Германия + Италия + Финляндия + Румыния + + Венгрия), 4000 из которых приходилось на долю Рейха.

Самолёты союзников Германии я в расчёт не беру — чаще всего они были слабее И-153 или СБ. Но вот самолёты самой Германии к 22 июня 1941 года как минимум не уступали лучшим советским самолётам.

Собственно, для специалистов и историков авиации давно ясно, что немцы начали войну с уже массовыми современными ВВС, а мы такие ВВС обрели лишь к концу 1942 года.

Я не буду здесь приводить сравнительные данные боевых самолётов ВВС РККА и люфтваффе к началу войны — они общеизвестны — и не буду воспарять в высоты обобщённого количественного анализа, а опущусь в конкретную осень 1968 года, когда я впервые оказался в зале конструкций Харьковского (ещё не ордена Ленина и не имени Н.Е. Жуковского) авиационного института. Тогда для меня, первокурсника ХАИ, как и для моих товарищей, было полной неожиданностью знакомство

с конструкцией нашего Ла-5 и немецкого Ме-109 со снятой обшивкой.

«Лавочкин-5» без обшивки выглядел то ли горизонтально уложенным решетчатым забором, то ли кроватью... А «Мессершмитт-109» выглядел по-прежнему самолётом, потому что его фюзеляж относился к солидному типу «монокок», то есть цельнометаллическому, а фюзеляж Ла-5 был ферменным, сваренным из трубок.

«Немец» смотрелся явно солиднее, хотя в целом ТТХ (тактико-технические характеристики) Ла-5 обеспечивали ему превосходство над Ме-109 и равенство в бою с новейшим германским истребителем «Фокке-Вульф-190».

Но это — в 1943 (третьем) году!

А в 1941 (первом) году суммарное превосходство люфтваффе над ВВС РККА было несомненным как в качественном, так и в количественном отношении.

Повторяю — и в количественном!

Качественное превосходство люфтваффе к 1941 году не оспаривают даже «записные» «демократы». Они же взахлёб твердят об огромном (более чем тройном или четверном!) нашем количественном авиационном превосходстве в 1941 году, оперируя цифрой в полтора десятка тысяч самолётов ВВС РККА.

Однако на деле, как видим, даже количественного особого превосходства мы в 1941 году не имели, потому что наши менее чем три тысячи современных самолётов должны были противостоять с 22 июня 1941 года четырём тысячам германских самолётов, которые ***все были современными*** и превосходили в 1941 году по ТТХ новые советские самолёты, за исключением разве что Ил-2, которых в начале войны было немного.

Я понимаю, что такой вывод никак нельзя расценивать как сенсационный — он вполне укладывается в ту основную схему, которая установилась в советской военной историографии где-то в 70-е годы. Но тут уж ничем автор читателю помочь не в силах — дважды два равно четырём в любую историческую эпоху, и цифра

в четыре тысячи самолётов всегда будет с точки зрения боевой эффективности больше цифры в три тысячи самолётов, если все эти самолёты примерно равны по своим боевым характеристикам.

Но даже потери тысяч боевых самолётов — и устаревших, и новых, в первые дни войны не списали советские ВВС образца 1941 года «в тираж»... Да, немецкие пикирующие «Shtuka» Ю-87 безнаказанно «утюжили» отступающие или контрнаступающие колонны наших войск. Тем не менее наши авиационные полки и дивизии выполняли важные, в том числе не только тактические, но и оперативные, задачи уже в 1941 году.

Тысячи самолётов были быстро уничтожены. Но ведь тысячи и остались.

И они воевали.

Я могу приводить немало цифр, показывающих, что советские ВВС даже в 1941 году отнюдь не исчезли с театров военных действий на германском Восточном фронте. Скажем, в монографии 1985 года М.Н. Кожевникова «Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945» на странице 62-й приводятся сведения о воздушной операции по уничтожению немецкой авиации на аэродромах с 5 по 8 ноября 1941 года. Тогда 5 ноября ударам подверглись 13 вражеских аэродромов, 6 и 7 ноября — 15, а 12 и 15 ноября были повторно нанесены удары по 19 аэродромам. В результате были уничтожены и повреждены более 100 и сбит в воздушных боях 61 самолёт.

Или вот приведённая в монографии 1975 года «Авиация в битве под Москвой» (автор — А.Г. Фёдоров) история с лётчиком 11-го ИАП лейтенантом С.С. Гошко... Её хоть в приключенческий боевик вставляй! 2 июля 1941 года Гошко на самолёте Як-1 атаковал разведчика Хе-111, на борту которого находился подчинённый генерала Гальдера — полковник генерального штаба. Полковник был так уверен в воздушном господстве люфтваффе и в погроме советской авиации, что взял с собой в полёт важные документы — оперативные карты, шифры и т.п. Во время атаки вооружение истребителя

отказало, и тогда Гошко пошёл на таран. Хе-111 произвёл вынужденную посадку на советской территории, а Гошко с повреждённым винтом тоже благополучно сел.

Это был первый таран в системе ПВО Москвы.

Но противовоздушная оборона столицы была сильна не только готовностью её летчиков к таким крайним мерам. Скажем, в самом начале войны на вооружение ПВО Москвы поступили — на замену *уже имевшимся* отечественным радиолокационным станциям обнаружения типа РУС-1 («Ревень») — достаточно совершенные станции РУС-2 («Редут»), способные фиксировать групповые воздушные цели в радиусе 120 км, а также определять азимут, дальность, курс, скорость и даже приблизительное количество самолётов в группе.

И уже со второй половины июля 1941 года силам московской ПВО пришлось вступить в бои. **13 июля 1941 года** генерал Гальдер после очередного доклада в ставке фюрера отметил:

«...г. Необходимо организовать терроризирующий воздушный налет на Москву, чтобы нарушить организованную эвакуацию предприятий и опровергнуть пропаганду противника, которая говорит об истощении наступательной мощи Германии...»

А в директиве № 33 от 19 июля 1941 года Гитлер прямо потребовал немедленно развернуть воздушное наступление на Москву. 22 июля 1941 года на Москву был произведён первый налёт, и уже тот факт, что налёт этот был ночным, доказывает, что советская авиация, как мощная боевая сила, разгромлена не была. К моменту первого налёта в Московской зоне ПВО насчитывалось 585 самолётов: 170 МиГ-3, 75 ЛаГГ-3, 95 Як-1, 200 И-16, 45 И-153... Последние две цифры показывают, что в ПВО столицы отнюдь не были собраны все оставшиеся новейшие самолёты советских ВВС. Напротив, в ней было, как видим, даже почти полсотни бипланов И-153!

К слову, ПВО Москвы насчитывала и 1044 зенитных орудия, почти все из которых были новыми 85-мм пушками, оснащёнными современными приборами управления огнём. Для сравнения: Лондон прикрывало 452 орудия крупного, среднего *и малого* калибра, Берлин — 724.

Обо всём этом сказано в монографии А.Г. Фёдорова «Авиация в битве под Москвой». Однако «демократически» продвинутая часть общества «совковую» информацию ныне игнорирует, и поэтому далее в этом кратком очерке я обращусь ко всё тому же служебному дневнику генерала Гальдера, приведя ниже ***некоторые*** из его записей 1941 года, касающихся советских ВВС...

22 июня 1941 года, 1-й день войны:

«Командование сообщило, что за сегодняшний день уничтожено 850 самолетов противника, в том числе целые эскадрильи бомбардировщиков, которые, поднявшись с воздух без прикрытия истребителей, были атакованы нашими истребителями и уничтожены».

26 июня 1941 года, 5-й день войны:

«Численность авиации противника: перед группой армий «Юг» — 1200 самолетов, перед группой армий «Центр» — 400 самолетов, перед группой армий «Север» — 300 самолетов».

30 июня 1941 года, 9-й день войны:

«Отмечено усиление активности авиации противника перед фронтом группы армий «Юг» и перед румынским фронтом».

1 июля 1941 года, 10-й день войны:

«Наше командование серьезно недооценивало силы авиации противника в отношении численности. Русские, очевидно, имели в своем распоряжении значительно больше, чем 8000 самолетов. Правда, теперь из этого числа, видимо, сбита и уничтожена почти половина, в результате чего сейчас наши силы примерно уравнялись с русскими в численном отношении. Но боеспособность русской авиации значительно уступает нашей (эта оценка проникнута излишней эйфорией от

успехов первой недели войны. — *С.К.*) вследствие плохой обученности их летного состава...

В настоящее время командование группы армий «Юг» считает, что перед фронтом группы армий «Юг» противник располагает 800—1000 первоклассных самолетов, перед фронтом группы армий «Центр» действуют 400—500 первоклассных самолетов противника, перед фронтом группы армий «Север» также 400—500 первоклассных самолетов».

Как видим, на пятый день войны германский генштаб оценивал силы советских ВВС в 1900 единиц всех самолётов, а на десятый день войны — в 2000 единиц максимально и в 1600 минимально только «первоклассных» самолётов. И это отнюдь не подтверждает «демократический» тезис о якобы «авиационном погроме» советских ВВС в 1941 году.

10 июля 1941 года, на 19-й день войны, в дневнике Гальдера появляется запись, которая будет впоследствии не раз варьироваться в количественном отношении при сохранении сути:

«...Разведывательные эскадрильи дальнего действия... крайне ослаблены, лишь в одной эскадрилье имеется три боеспособных самолета, в остальных эскадрильях — ни одного».

В тот же день Гальдер прибавил:

«Численность авиации противника: всего на фронте действует, предположительно, около 1500 самолетов...»

Вот как! Война идёт, марки солонины давно разгромили советские ВВС и сдали в плен их пилотов, а оценки их численного состава германским генштабом практически не меняются. Более того, **12 июля 1941 года**, на 21-й день войны, Гальдер озабочен:

«Авиация противника проявляет бóльшую активность, чем до сих пор, в полосах групп армий «Юг» и «Север»...»

При этом он, по состоянию на 12 июля 1941 года, оценивает количественный состав советских ВВС в 1743 самолета только против групп армий «Центр» и

«Юг», поскольку перед фронтом группы армий «Север» авиаразведка не велась «из-за неблагоприятных условий погоды».

Обращаю внимание читателя на то, что погодные условия, мешавшие немцам вести разведку перед фронтом группы армий «Север», не помешали усилению активности советской авиации в полосе этой группы войск.

При этом безвозвратные потери войсковой разведывательной авиации на **13 июля 1941 года** составили: по «Хеншель-126» — 24 %, по «Фокке-Вульф-189» — 15 %, по «Юнкерс-88» — 33,3 %, по «Мессершмитт-110» — 39 %.

Эскадрильи ночной разведки потеряли «Дорнье-17» — 20 %, «Физелер-156» — 13 %.

Немало...

И их ведь кто-то сбивал!

Зато численность нашей авиации, действующей против трёх немецких групп армий, Гальдер, по состоянию на 13 июля 1941 года, определяет уже в «примерно 2500 самолетов».

Похоже это на «погром»?

15 июля 1941 года Гальдер подсчитывает:

«Сегодня действовало на фронтах: группы армий «Север» — 208 самолетов, группы армий «Центр» — 855 и группы армий «Юг» — 626 самолетов противника. Эти цифры все время резко колеблются. Они не отражают переноса главного направления действий авиации...»

Итого, по оценкам Гальдера, — 1689 самолётов только непосредственно на фронте к 24-му дню войны.

17 июля 1941 года Гальдер после разговора с главкомом Браухичем, вернувшимся из штаба группы армий «Север», записывает:

«Превосходство в авиации на стороне противника. Боевой состав наших соединений, действующих на фронте, резко сократился».

Для сравнения приведу воспоминания Гудериана:

«23 июля я... отправился в дивизию СС «Рейх», находившуюся севернее Ельни... Сильные бомбардиро-

вочные удары русских с воздуха задержали дальнейшее продвижение дивизии...»

А с начала войны не прошло и месяца...

И пошло-поехало!

26 июля 1941 года Гальдер записывает:

«Отмечено усиление активности авиации и танков (и танков! — *С.К.*) противника, в особенности на левом фланге танковой группы Гота».

27 июля 1941 года:

«На фронте *группы армий «Центр»*... активность авиации противника возрастает, что на ряде участков вызывает серьезные затруднения».

30 июля 1941 года:

«Численность боеспособных самолетов в разведывательных эскадрильях резко снизилась».

31 июля 1941 года:

«...тактическая разведка страдает от уменьшения истребительного прикрытия...»

5 августа 1941 года Гальдер сквозь зубы признаёт:

«...нельзя добиться всего и всюду одновременно, причем не столько из-за сухопутных войск, сколько из-за авиации».

Это записано почти в тот же день, когда Гитлер признался Гудериану, что если бы он знал, сколько у русских танков, он войны бы не затевал.

Начиналось отрезвление, хотя до похмелья было ещё далеко.

26 августа 1941 года Гальдер помечает, что на 21 августа по разведывательным данным «противник... имеет в наличии 750 истребителей, 650 бомбардировщиков, 300 самолетов прочих типов и 700 самолетов (из состава дальневосточной авиации)». «Всего противник, следовательно, — подытоживает генерал, — имеет 2400 самолетов... Из этого количества боеспособными следует считать 225 истребителей и 195 бомбардировщиков».

К слову, по последним двум цифрам читатель может судить, насколько широкими могут быть возможности «жонглировать» теми или иными статистическими данными, если использовать их недобросовестно. Ведь из

формальных пятнадцати тысяч советских самолётов, на которые ссылаются солонины и резуны, боеспособными была не такая уж большая часть — такой уж оказалась специфическая конкретика состояния советских ВВС на 22 июня 1941 года. В то время как в люфтваффе на 22 июня 1941 года боеспособными были почти все самолёты — иначе их на образующийся Восточный фронт просто не послали бы!

Впрочем, на фронте многие, даже не сбитые самолёты быстро перестают быть боеспособными в ВВС всех стран мира. Ведь ресурс боевой машины невелик, поскольку её среднестатистическая боевая жизнь значительно короче ресурса, и машины надо часто ремонтировать.

6 сентября 1941 года Гальдер приводит соотношение сил авиации — по разведывательным данным — с раскладкой по всем типам самолётов и итогом: 1919 немецких самолётов против 1175 советских.

Превосходство велико, особенно если знать, что у нас заявлено немцами до 400 транспортных самолётов против ноля у немцев. Но это — очень неточные данные, и **12 сентября 1941 года** Гальдер засчитывает нам уже 2940 самолётов, из них 670 истребителей и 600 бомбардировщиков, а **8 октября 1941 года** — примерно 1300 истребителей и бомбардировщиков суммарно.

Причём надо учесть, что в этот период многие наши авиационные заводы уже эвакуировались на восток и производство самолётов и авиадвигателей временно резко снизилось.

Резко спал, впрочем, и германский напор... **19 ноября 1941 года** Гальдер, готовясь к докладу у Гитлера, записывает:

«Обстановка в воздухе. Авиация, по-видимому, сможет осуществлять только операции с ограниченными целями и не сразу, а последовательно. Отсюда просьба (Гитлеру от ОКХ. — *С.К.*) — там, где возможно, предусмотреть, когда и какие потребуются авиационные соединения».

Эту запись немецкий послевоенный издатель дневника Гальдера сопроводил показательным примечани-

ем: «Авиация вследствие ее слабости не могла одновременно участвовать в нескольких крупных операциях. Она могла использоваться лишь последовательно».

Собственно, здесь мы фактически имеем признание: 1) факта погрома люфтваффе на Восточном фронте к концу осени 1941 года; 2) факта утраты превосходства в воздухе немцами к тому же времени.

Невероятно, но ведь — факт! Засвидетельствованный не каким-то там Сергеем Кремлёвым, а самим Францем Гальдером и его германскими коллегами. Собственно, и «первый танкист рейха» Гейнц Гудериан после войны вспоминал, например, что 18 сентября 1941 года под Ромнами для его 24-го танкового корпуса сложилась критическая обстановка, а воздушная разведка танковой группы «находилась в тяжелом состоянии... из-за превосходства авиации противника».

28 ноября 1941 года Гальдер отмечает активность нашей авиации под Москвой и Ростовом, **7 декабря 1941 года** опять пишет об «активных действиях авиации противника», что, впрочем, неудивительно — с 5 декабря 1941 года началось наше мощное контрнаступление под Москвой.

И в нём тоже принимала участие авиация, имевшая к началу контрнаступления даже численное превосходство в воздухе на московском направлении: 762 наших самолёта (в том числе 590 новых) против 615 немецких. Три четверти истребителей составили Як-1, МиГ-3 и ЛаГГ-3, треть бомбардировщиков — Пе-2.

Так что советская авиация, начав воевать 22 июня 1941 года, не без успехов воевала и вообще весь 1941 год.

Не буду настаивать на ниже приводимой версии, но сегодня мне думается, что представление о 1941 годе как времени безраздельного господства люфтваффе сложилось за многие послевоенные годы не без влияния книг различных фронтовых литераторов, начиная с Константина Симонова, а также кинематографистов. Художественное слово — а тот же Симонов был достаточно талантлив — обладает большой силой внуше-

ния, и наиболее запомнившейся воздушной коллизией 1941 года для многих советских людей оказалась описанная Симоновым как очевидцем трагедия нескольких устаревших туполевских бомбардировщиков ТБ-3, безнаказанно расстрелянных в воздухе «мессершмиттами». При этом литераторы чаще всего намекали на «просчёты Сталина», хотя немалую долю ответственности за подобные трагедии не мешало бы отнести на счёт, например, авиаконструктора Туполева, не обеспечившего советской авиационной мысли должного уровня динамичности даже к 1938-му году.

На этом краткий анализ мифов о танковом и авиационном «погромах» РККА в 1941 году можно было бы и закончить, но в качестве своего рода постскриптума я приведу некоторые интересные — надеюсь — сведения о люфтваффе, её асах, их победах и ещё кое о чём.

Так, в книге опытного авиационного генерала люфтваффе Вальтера Швабедиссена «Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941—1945 годах», не свободной от передержек, конечно, — она писалась тогда, когда ещё была свежа горечь поражения Рейха, — о советских ВВС образца 1941 года говорится отнюдь не пренебрежительно. Швабедиссен справедливо отмечает, что в начале войны советские ВВС значительно уступали люфтваффе в части тактики, технического состояния, боевой практики и подготовки лётного состава, но он же пишет:

«В воздушных боях советские летчики показали себя агрессивными, храбрыми, однако часто действовали опрометчиво и прямолинейно, им не хватало гибкости. Как индивидуальный боец средний советский летчик (в 1941 году. — *С.К.*) испытывал недостаток личной инициативы; однако в групповых боях его высокая дисциплинированность была как нельзя кстати...»

Не только в целом лестная, но и вдумчивая оценка, хотя кое в чём с ней можно и поспорить.

А вот капитальная энциклопедия «Асы Сталина», созданная англосаксами Томасом Поллаком и Кристофе-

ром Шоурзом в 1999 году и изданная на русском языке в 2003 году. Сам факт этого издания — укор в адрес Института военной истории МО РФ и вообще МО РФ, ничего подобного не создавших. Два англоязычных автора тоже не всегда точны, но достаточно объективны. На их данные я далее в своих рассуждениях и буду опираться прежде всего.

Поллак и Шоурз сообщают, что за время войны советские ВВС потеряли 46 800 самолётов, в том числе во время боевых действий — 20 700 самолётов. При этом советские лётчики одержали около 40 000 побед, в том числе 4900 — лётчики морской авиации и 3900 — лётчики авиации ПВО. В эту статистику не вошли победы лётчиков штурмовой и бомбардировочной авиации, а их счёт — замечу уже я — тоже идёт на тысячи. Некоторые штурмовики, боевые заслуги которых определялись количеством боевых вылетов, выполняли также «истребительную» норму на звание Героя Советского Союза, лично сбив 15 и более самолётов противника.

По современным официальным данным, потери офицерского (не только лётного) состава за годы войны составили в советских ВВС 18 420 человек погибшими и умершими и 20 684 человека пропавшими без вести и попавшими в плен. Эти цифры хорошо согласуются с цифрой боевых потерь самолётов у Поллака и Шоурза. При этом надо помнить, что не всякий сбитый истребитель означал гибель лётчика, но зато сбитый бомбардировщик мог означать гибель сразу двух-трёх, а то и более офицеров. И ещё: часть погибших лётчиков, особенно в первые два года войны, имели не офицерские, а сержантские звания (как, впрочем, и в люфтваффе, где имелись кавалеры Рыцарского креста — унтер-офицеры).

Итак, современные иностранные авторы признают за советскими лётчиками до сорока тысяч побед, что явно не преувеличено, а скорее преуменьшено. Простой подсчёт: только в истребительных частях наших ВВС воевало 895 Героев Советского Союза, 27 дважды Героев Советского Союза и два трижды Героя Советского Союза. Минимальный «геройский» счёт побед — десять

и более (в среднем 15 и более). То есть только истребители — Герои Советского Союза сбили до 10 тысяч немецких самолётов.

Но было же немало лётчиков-орденоносцев, сбивших по 5—7 и более самолётов. На их счёт надо записать не менее пятнадцати, а то и более тысяч побед.

Наконец, массовый средний лётчик-истребитель имел один-два лично сбитых самолёта, и они, безусловно, дополняют общий счёт побед до как минимум 40 (сорока) тысяч, признаваемых на Западе.

В качестве документальной иллюстрации сообщу дополнительно, что в соответствии с приказом наркома обороны И. Сталина № 0298 от 19.08.41 года о порядке награждения личного состава ВВС Красной Армии за хорошую боевую работу, лётчик, сбивший 3 самолёта противника, представлялся к правительственной награде, ещё 3 — ко второй награде. Сбивший 10 самолётов истребитель представлялся к званию Героя Советского Союза, а штурмовик мог по этому приказу получить Героя за 8 сбитых самолётов. Впрочем, реально «средний» Герой-истребитель имел на счету, как я уже сказал, 15 и более сбитых самолётов, к тому же в ходе войны и официальная «геройская» норма была повышена.

Но вот передо мной книга Михаила Зефирова «Асы люфтваффе. Дневная истребительная авиация» (Н. Новгород: Покровка, 2000).

Автор, издавший ряд компилятивных книг об авиации Рейха, относится к той же злобной «когорте» антисоветчиков, что и Резун, Солонин, Бешанов, Бунич, Солженицын и т.п. И он утверждает, что за всё время боевых действий на Восточном фронте немцы потеряли около 4 (четырёх) тысяч самолётов, зато потери на Западном фронте составили 13 тысяч; что соотношение побед в воздушных боях в 1941 году на советско-германском фронте было 5000 к 600 в пользу немцев, что в 1944 году немцы сбили 7000 наших самолётов, а мы — лишь 1100 немецких и т.д.

Зефиров «развенчивает» шесть «расхожих», как он определяет, мифов о люфтваффе (ох уж эти мне «мифы»!)

и вступается за честь германских асов, которых якобы порочат инсинуациями типа того, что эти асы занимались массовыми приписками воздушных побед.

И на странице 6-й своей капитально изданной книги М. Зефиров уверяет читателя, что официальная-де система зачёта побед, принятая в люфтваффе, с её непревзойдённой-де немецкой пунктуальностью учитывала всё до последнего самолёта и исключала любые приписки.

Это — на странице 6-й...

Но вот на странице 212-й в статье о самом результативном немецком асе на Западном фронте Хансе-Иоахиме Марселле, в примечании к хронике его побед, безмятежно сообщается, что послевоенные-де исследования подтвердили лишь 120 его побед, или... 76 (семьдесят шесть) процентов. И далее сказано, что это ещё — очень высокий процент «действительности» побед...

Как это понимать? Выходит, при хвалёной немецкой системе зачёта побед, якобы учитывающей всё до последнего самолёта, по крайней мере каждая четвёртая «победа» Марселля не была одержана в воздухе, а была буквально создана из воздуха!

А может быть — каждая вторая? Ведь Зефиров упоминает как одну из конкретных цифр 46 процентов «действительности» «побед».

Странно получается...

Знаменитого Гюнтера Ралля с его якобы 275 «победами» (273 — на Восточном фронте) наши лётчики сбивали восемь раз.

Герхард Баркхорн — второй после Хартмана ас Рейха — свою первую победу одержал на якобы 120-м боевом вылете, а потом якобы сбил на Восточном фронте 301 самолёт. При этом даже его официальная биография признаёт, что он был подбит восемь раз — как и «сам» Харман с его якобы 352 победами.

А сбивший «всего» 59 (официально) немецких самолётов Александр Покрышкин был сбит всего четыре раза (три раза выпрыгивал с парашютом), но он ведь воевал с первого дня войны и начинал на старом И-16.

Зато ***абсолютный лидер по числу побед среди лётчиков союзников*** — Иван Кожедуб с его «всего» 62 победами не был сбит ни разу за свои три с лишним сотни боевых вылетов, начиная с лета 1943 года.

Как так?

Ни один блестящий английский или американский лётчик, воюя на отличных самолётах (сам Покрышкин вторую половину войны летал на американской «Аэрокобре»!), ни один блестящий русский лётчик не смог преодолеть планку официальных побед выше цифры 62, а в люфтваффе не один десяток лихо «запрыгивал» за сотню и более «побед», а кое-кто — и за две сотни, а Хартман с Баркхорном — даже за три!

По Михаилу Зефирову асам люфтваффе было сшибать русских лётчиков проще, чем царю Николаю Второму — царскосельских ворон влёт. Но вот ас Герман-Фридрих Йоппин с его 42 победами на Западном фронте начинает воевать против русских и уже 25 августа 1941 года погибает в районе Брянска, успев записать за собой ещё 28 «побед».

А опытнейший (1914 года рождения) ас майор Герхард Хомут, пока воевал на Западном фронте, одержал 61 «победу», но уже на втором боевом вылете на Восточном фронте — 2 августа 1943 года — был сбит и погиб.

При этом типичным для официальных биографий объяснением гибели немецких асов на Восточном фронте может быть пример аса Хафнера. 14 октября 1944 года он вступил в бой с одиночным Як-9, но, как утверждают западные источники, «на одном из виражей, вероятно, был ослеплён солнцем, потерял управление и врезался в землю»...

Итак, если на земле германским генералам мешала воевать в России погода плохая, пасмурная, то асам люфтваффе наоборот — успешно воевать с русскими лётчиками мешала погода хорошая, солнечная.

Причём подобные объяснения были в ходу не только для 1944-го, но и для 1941 года! Скажем, Гейнц Гудериан писал, что днём 10 сентября 1941 года он на окраине

города Ромны натолкнулся на группу старших офицеров, и далее — по тексту: «Группа понесла тяжелые потери при налете авиации противника, против которой нельзя было организовать необходимое прикрытие, так как русская авиация действовала с аэродромов, расположенных в зоне хорошей погоды, а наши аэродромы находились в зоне неблагоприятной погоды и в этот дождливый день не имели возможности подняться в воздух...»

Читаешь и диву даёшься! Ну, допустим, это было и так, хотя для первой трети золотого украинского сентября особое, а тем более затяжное ненастье не характерно. Скажем, накануне, вечером 9 сентября, Гудериан возвращался на свой командный пункт в Кролевец именно самолётом, а вечером 10 сентября запросил по радио для Моделя, вышедшего к Ромнам, «сильное прикрытие истребителями». Если бы немецкие аэродромы безнадёжно раскисли 10 сентября, то вряд ли они просохли бы за ночь, тем более что, по утверждению Гудериана, в ночь с 10 на 11 сентября «лил проливной дождь». Так откуда взялось бы на следующий день воздушное прикрытие?

Далее, я не задаюсь и вопросом о том, откуда Гудериану или его информаторам было известно о состоянии погоды за минимум десятки километров от линии фронта в советском тылу — ведь немецкая авиация, по уверению Гудериана, была прикована к земле, и воздушная разведка становилась невозможной. При этом Гудериан вспоминал, что якобы до 14 сентября «погода продолжала стоять плохая» и авиационная разведка «совершенно не действовала»...

И это при том, что в тот же день 14 сентября Гудериан, проезжая по Ромнам, видел гуляющие «празднично одетые толпы местных жителей» — под ливнем, что ли? В день 14 сентября он совершил переезд по маршруту Кролевец—Батурин—Конотоп—Ромны—Лохвица. Неплохой вояж для одного фронтового дня... Конечно, по имперскому автобану Гудериан проскочил бы эти полторы сотни километров за какой-то час, но это

ведь была война, к тому же командующий 2-й танковой группой не просто ехал по маршруту, а инспектировал войска...

Впрочем, оставим в стороне подобные вопросы и обратим внимание на то обстоятельство, что группу старших офицеров вермахта, как и самого Гудериана (он при переезде по мосту через Сейм тоже попал под налёт), русская авиация бомбила 10 сентября 1941 года в Ромнах в дождливую погоду! И если уж погода была лётной для советских бомбардировщиков с якобы «неумелыми» пилотами, то для немецких истребителей, ведомых кавалерами Рыцарского креста, она должна была быть тем более лётной.

И не кроется ли причина безнаказанных советских бомбовых ударов по танковой группе Гудериана не в «хорошей» для русских и «плохой» для немцев погоде, а в ином? Вспомним, что немецкие издатели дневника Гальдера, имея в виду, правда, ноябрь 1941 года, отмечали, что к тому времени германская авиация «не могла одновременно участвовать в нескольких крупных операциях» и могла «использоваться лишь последовательно»... Так не было ли это справедливо для оценки возможностей германской авиации уже *к сентябрю* 1941 года?

И не уподоблялся ли Гудериан, ссылаясь на благосклонность русской погоды лишь к русским лётчикам, тому «*пад-паруччику*» из фильма «Белое солнце пустыни», который, будучи вышвырнутым таможенником Верещагиным в окошко, заявил, что у последнего «гранаты не той системы»?

Вот, собственно, на этом я с темой «танкового» и «авационного» «погромов» и закончу, чтобы перейти к анализу предпоследнего, девятого мифа — как раз о «плохой погоде» и «ошибках Гитлера»...

Миф девятый

ЕСЛИ БЫ НЕ ОШИБКИ ГИТЛЕРА И, ОПЯТЬ-ТАКИ, ПЛОХАЯ ПОГОДА И ПЛОХИЕ ДОРОГИ, ТО К ОСЕНИ 1941 ГОДА ГЕРМАНИЯ МОГЛА БЫ ВЫИГРАТЬ ВОЙНУ, А ГИТЛЕР — ПРИНЯТЬ ПАРАД ВЕРМАХТА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Заканчивая анализ мифа седьмого, где, кроме прочего, имелись и ссылки немцев на плохую погоду и плохие дороги, я обещал вернуться к этой теме ещё раз, когда речь пойдёт об оправдании провала «блицкрига» ошибками фюрера. И эти три фактора: «ошибки», «погода», «дороги» — так плотно соседствуют в западной литературе о войне, что далее я буду говорить о них, не разделяя анализ и переходя время от времени от «ошибок» к «погоде и дорогам» и — наоборот.

Миф о якобы ошибках Гитлера, не слушавшего своих высокомудрых генералов и выбравшего неверные направления ударов по России, а также мифы о «плохих дорогах» и «плохой погоде», которые якобы замедлили темпы германского вторжения, а затем и вовсе свели их «на нет», стали возникать буквально с началом Великой Отечественной войны. Причём на первых порах «погодно-дорожный» миф начал создаваться даже не в недрах ведомства министра пропаганды Геббельса, а в умах германских генералов — как некое оправдание перед самими собой того неприятного факта, что всё в России сразу пошло не так, как задумывалось и желалось.

И уже **27 июня 1941 года**, на 6-й день войны, генерал Гальдер записал в дневнике:

«На фронте под влиянием изменений обстановки, состояния дорог (вот когда впервые появляются «плохие дороги». — *С.К.*) и других (?! — *С.К.*) обстоятельств события развиваются совсем не так, как намечается в высших штабах, что создает впечатление, будто приказы, отданные ОКХ (Верховное командование сухопутных войск. — *С.К.*), не выполняются»...

По поводу этих сетований вспоминается классическое: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... А по ним — ходить!»

Ну, в самом-то деле! Менее двух лет назад, в Польше, где дороги были, как правило, ничуть не лучше, если не хуже, чем в России, всё шло без сучка, без задоринки, как по маслу. А ведь тогда военные действия начались на два месяца позже, и осенняя непогода сразу затрудняла немцам боевые действия. Тем не менее с поляками проблем не было, и приказы, отданные ОКХ, вполне выполнялись.

Впрочем, дела для вермахта вскоре вроде бы наладились, тема «плохих дорог» временно была закрыта. Зато достаточно быстро возникла тема «плохой погоды». Например, **21 июля 1941 года**, на 30-й день войны, Гальдер записал:

«На Умань наступают лишь части 16-й и 11-й танковых дивизий (из 1-й танковой группы группы войск «Юг». — *С.К.*). Остальные войска группы армий из-за плохой погоды продвигаются вперед крайне медленно...»

Однако непосредственно перед этим следует запись:

«*Группа армий «Юг»:* Главные силы 1-й танковой группы все еще скованы контратаками 26-й армии противника, чего, впрочем, и следовало ожидать. На Умань...» и т.д.

То есть продвижению пехоты фон Рундштедта и танков фон Клейста не так мешала украинская распутица (да и какая в благодатном украинском июле может быть распутица?!), как сдерживала их советская 26-я армия! К тому же сразу после записи о «плохой погоде» Гальдер был вынужден отметить:

«*Группа армий «Центр»:* На северном фланге группы армий нашим войскам, к сожалению, пришлось оставить Великие Луки.

Это очень невыгодно. Значительные силы противника смогут (перед 16-й армией) выйти из-под угрозы окружения...»

Итак, невыгодное положение для вермахта создают русские угрозы, а не русские гро́зы... И лишь **27 июля 1941 года** Гальдер записывает:

«На фронте группы армий «Юг» разразились сильные грозовые ливни. Всякое движение замерло. Можно лишь попытаться продвинуть танковый клин, направленный на Умань, дальше на юг с целью перехвата железной дороги и ***шоссе*** (выделение моё. — *С.К.*), идущих через Умань на восток...»

Однако июльские грозы в знаменитые «воробьиные ночи» характерны не только мощными ливнями, но и скоротечностью. Сразу после них устанавливается, как правило, отличная погода. И обратим внимание на то обстоятельство, что не всегда, выходит, были плохи дороги в России, если в районе Умани требовалось перехватывать ***шоссе***.

Пройдёт не так уж много лет, и в 1956 году на страницах коллективного немецкого (однако написанного за доллары) сборника трудов гитлеровских генералов «Роковые решения» генерал Гюнтер Блюментрит вздохнёт:

«На бескрайних просторах Востока нельзя было рассчитывать на легкие победы...

Некоторые наши военачальники в течение всей Первой мировой войны находились на Западном фронте и никогда не воевали на Востоке, поэтому они не имели ни малейшего представления о географических условиях России...»

Но, во-первых, многие германские военачальники в Первую мировую войну всё же воевали на Восточном фронте или воевали против Советской России в Гражданскую войну. Во-вторых, в германском Генштабе что — не знали о рельефе и климате России и о том, что её дорожная сеть, несмотря на все усилия большевиков за две с лишним пятилетки, скорее плоха, чем хороша? А в-третьих, и Блюментрит признавал после войны:

«Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. Это произошло отчасти (ну-ну. — *С.К.*) потому, что они не знали ни русского народа, ни тем более русского солдата»...

Итак, кроме состояния русских дорог не учли ещё и русского солдата... Промах и впрямь немалый!

Но как же дороги? Они-то действительно были нередко плохими! Так-то так, однако и советским войскам тоже ведь приходилось пользоваться ими при манёврах, переброске войск и т.д. Это соображение может показаться банальным, однако оно от этого не перестаёт быть верным. **И это ещё надо посмотреть — кому в начале войны «плохие» русские дороги мешали больше — вермахту или РККА? Ведь именно на этих дорогах и выходила быстро из строя не полностью отработанная ходовая часть наших новых танков и уже сработанная длительной эксплуатацией ходовая часть наших старых танков!**

А пыль? Да, **2 августа 1941 года** Гальдер пометил: *«Состояние дорог.* Пыль портит моторы». Но пыль портит любые моторы, а качество немецкой техники было более высоким, значит, и пыль ей вредить должна была меньше, чем советской. Причём Роммелю в Северной Африке пыль не мешала наступать даже в пустыне. До поры, до времени, конечно, а точнее — до Эль-Аламейна.

Английский военный историк Фуллер, отдавая дань тезису о плохих дорогах, делает тем не менее ценное признание: «Обширные равнины России облегчали проведение охватывающих операций». То есть «бескрайние просторы Востока» были для вермахта на первых порах скорее благом. Ведь и Гитлер, и его генералы были согласны в том, что главная текущая цель войны — «разгромить живую силу русских», — как это отметил главком Браухич 25 июля 1941 года (см. «Дневник» генерала Гальдера, т. 3, кн. 1, стр. 189). А уничтожить Красную Армию было проще всего в ряде «котлов», образованных серией фланговых, охватывающих операций!

А далее я скажу вот что...

Уж не знаю почему, но от внимания западных историков той войны ускользнули, похоже, предварительные записи генерал-полковника Гальдера на совещании начальников штабов группы армий 25 июля 1941 года (они приведены в «Военном дневнике» издания 1971 года на страницах 182—193 книги 1-й тома 3-го).

Разговор на совещании шёл исключительно деловой, пропагандировать друг друга было незачем, но и оценить ситуацию надо было всеобъемлюще. Тем не менее в записях Гальдера о необходимости учёта фактора плохих дорог и плохой погоды ничего не сказано. Зато там можно прочесть вот что:

«Автострады!

Не годится, когда нам докладывают, что местность для нас непроходима, а противник оттуда постоянно ведет контратаки».

Собственно, Гальдер одной этой записью высек и себя, и своих коллег, после войны ссылавшихся, как и сам Гальдер, на «плохие дороги». Но в реальном масштабе военного времени Гальдера постоянные разговоры о «плохих дорогах», оказывается, раздражали. Ещё бы! Для Красной Армии и бездорожье становится подходящим театром военных действий, а вермахт не может воевать без имперских автострад!

Да, с автострадами в тогдашней России было неважно... И в «Воспоминаниях солдата» Гудериан писал:

«Плохое состояние дорог не давало возможности передвигаться с большой скоростью... Только тот, кто сам проезжал по этим топким и грязным дорогам до передовых позиций, мог представить себе то напряжение, которое испытывали войска и материальная часть...»

Но помилуйте! Грязь не способствовала высокому моральному состоянию войск и материальной сохранности боевой техники и у русских. Однако не это даже суть важно. Существенно то, что Гудериан проехал за 10 часов 165 километров ***10 сентября***, а 130 километров за 10,5 часа ***11 сентября 1941 года***. То есть в тот период 1941 года, когда по расчётам «блицкрига» в России всё должно было быть закончено, а вопрос темпов передвижения по России с повестки дня снят! Почему же вышло иначе?

А потому, что первичным фактором срыва «блицкрига» стало упорное русское сопротивление, а уж оно обусловило со временем, к осени 1941 года, появление и вторичного фактора — плохого состояния русских дорог. При этом даже в якобы русскую распутицу немцы — когда русские им это позволяли — продвигались более чем быстро. Описывая немецкое наступление на Севск ***1 октября*** 1941 года, Гудериан сообщает:

«...я отправился к передовым подразделениям наших танковых частей и объявил благодарность личному составу подразделения, которым командовал майор Юнгенфельдт. На обратном пути я сообщил командиру корпуса о своем приказе продолжать наступление. Передовые части корпуса продвинулись за этот день на 130 км!»

Требуются комментарии?

Говоря о состоянии войск на 9 сентября 1941 года, Гудериан пишет:

«Малочисленный состав всех частей и соединений настоятельно показывал, что войска {...} нуждаются в отдыхе и доукомплектовании...»

Но в чём причина? В плохих дорогах и погоде? Или — в ошибках Гитлера? Нет, выпущенный мной в фигурных скобках текст таков: «...после напряженных и кровопролитных боев, длившихся беспрерывно 2,5 месяца...».

Да ведь и сам Гальдер в помянутых выше записях на совещании 25 июля 1941 года отмечает вот что:

«Фактор внезапности миновал — появились новые факторы...

Опыт: Совсем другой противник, поэтому — совсем другой опыт... <...>

Общая оценка противника:

Численность танковых войск у противника оказалась больше, чем предполагалось. Особенно отмечается упорство сопротивления противника. Перед группой армий «Юг» противник оказался на высоте в вопросах общего руководства (это ведь о маршале Будённом и генерале Кирпоносе. — *С.К.*) и ведения наступательных действий оперативного масштаба. Перед группами армий «Центр» и «Север» противник показал себя с плохой стороны (сказываются прежде всего катастрофические последствия провала Павлова. — *С.К.*)...»

Сразу же за этим Гальдер, правда, пишет: «Управление войсками в тактическом звене и уровень боевой подготовки войск — посредственные», но ведь эти — пусть и не лучшим образом подготовленные — войска проявляют особенное упорство. Это они своим упорством срывают все планы немцев, и Гальдер, не сумев совладать с чувствами, пишет 25 июля 1941 года:

«*Вопросы психологии*: Непрекращающаяся война действует людям на нервы (угу! Это не «странная вой-

на» на Западе. — *С.К.*). Поэтому понятна повышенная чувствительность. Но она должна иметь свои границы! Общее дело выше личного. Если это не получается, то какой бы ни был заслуженный начальник, он должен уйти на отдых (осенью 1942 года это произойдёт с самим Гальдером. — *С.К.*). После нынешних сражений встанет вопрос: какие начальники требуются для выполнения новых задач? Не каждый способен на все. Поэтому выбирать и заменять...»

Что ж, это ещё не кризис руководства, но это его предвестие... Уже 5 августа 1941 года Гальдер со слов офицера связи майора Писториуса о боевых действиях на участках 251-й и 253-й дивизий записывает:

«Здесь были допущены, по-видимому, тактические ошибки. Кроме того, имели место и панические настроения. Как ни странно, эти настроения наблюдались гораздо сильнее у командования 50-го армейского корпуса, чем у войск».

Впрочем, подробнее на эти темы мы поговорим позднее, а сейчас я ещё раз обращусь к теме упорства нашего сопротивления через призму «Служебного дневника» генерала Гальдера.

Вот ряд очередных записей из него...

15 июля 1941 года, 24-й день войны:

«*Группа армий «Юг»:* ...Противник предпринимает ожесточенные контратаки... <...>

Группа армий «Центр»: На территории, пройденной 2-й и 3-й танковыми группами, остались многочисленные мелкие группы противника, которые продолжают оказывать сопротивление...<...>

Группа армий «Север»: Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением...»

18 июля 1941 года, 27-й день войны:

«Операция *группы армий «Юг»* все больше теряет свою форму. Участок фронта против Коростеня по-прежнему требует значительных сил для его удержания. <...>

Группа армий «Центр»: Пехотные дивизии... вынуждены постоянно частью своих сил прикрываться от мелких групп противника, оставшихся у нас в тылу. Из-за того войска все время находятся в напряженном состоянии...<...>

Группа армий «Север»: ... В районе Опочки противник пытается араками пробить путь к своим изолированным частям и вывести их из окружения...»

20 июля 1941 года (воскресенье), 29-й день войны:

«...Отдельные группы противника, продолжающие оставаться в нашем тылу, являются для нас настоящим бедствием (напоминаю, что это запись в дневнике одного из высших командиров вермахта, а не командира тактического или хотя бы оперативного звена. — *С.К.*). У нас в тылу нет никаких войск, чтобы ликвидировать эти группы...»

20 же июля 1941 года:

«Ожесточенность боев, которые ведут наши подвижные соединения... не говоря уже о большой усталости войск, с самого начала войны непрерывно совершающих длительные марши и ведущих упорные кровопролитные бои, — все это вызвало известный упадок духа у наших руководящих инстанций. Особенно ярко это выразилось в совершенно подавленном состоянии главкома (Браухича. — *С.К.*)».

Гальдер тогда же приписал: «Между тем никаких оснований для такого пессимизма в действительности нет. Чтобы сделать какие-то выводы, необходимо сначала дождаться окончания крупных операций... Только тогда можно будет дать этому сражению правильную оценку».

Окончательную оценку «этому сражению» дал май 1945 года, однако, как мы знаем, уже через пять дней, 25 июля 1941 года, в записях Гальдера появляются первые раздраженные и чуть ли не пессимистические нотки. Удивляться не приходится — в его дневнике постоянно, как, например, сразу же за 20 июля, — в день 21 июля 1941 года присутствуют слова: «тяжёлые бои» и «ожесточённое сопротивление»...

Гальдер, похоже, уже так психологически измотан, что сам не замечает порой абсурдности своих записей. Так, записи **24 июля 1941 года** он начинает со следующих слов:

«Обстановка на фронте:

Группа армий «Юг»: Положение на фронте 11-й и 16-й танковых дивизий обостряется. Эти дивизии слишком слабы, чтобы сдерживать ***натиск*** крупных сил противника, ***отходящих*** (выделение везде моё. — *С.К.*) перед фронтом группы Шведлера и 17-й армии...»

«Натиск» — это нечто направленное вперёд. «Отход» — напротив, нечто направленное назад. Однако у Гальдера *отходящие* советские войска *теснят* наступающие немецкие... Не знаю, как с грамматикой, но с логикой тут явно не всё в порядке!

И уже не приходится удивляться тому, что **28 июля 1941 года** Гальдер отмечает, что немецкие войска ведут *оборонительные* бои в районе Луги... В конце июля 1941 года!

Да, нам ещё предстояли тяжелейшие август и сентябрь с их хорошей погодой и вполне пригодными для продвижения германских колонн просёлками, грейдерами и шоссе... Нам предстоял тяжелейший октябрь с введением осадного положения в Москве.

Но в том же тяжелейшем августе 1941 года была вначале задумана, а потом и осуществлена 24-й армией Резервного фронта Ельнинская операция 1941 года — одна из первых в этой войне наступательных операций Красной Армии, в ходе которой удалось прорвать сильную оборону противника, разгромить его группировку и освободить значительную по размерам территорию.

Во второй половине июля 1941 года немцы прорвали фронт южнее Смоленска и 19 июля захватили город Ельню, рассчитывая с этого плацдарма возобновить наступление на Москву. 24-я армия генерала К.И. Ракутина получила приказ ликвидировать «ельнинский выступ» и в течение августа несколько раз переходила в наступление, но выполнить задачу не смогла.

5 августа 1941 года Гальдер записал:

«*Обстановка у Ельни.* Войска смеются над тем, как наступают танковые и пехотные части. Огонь артиллерии противника невыносим, так как наша артиллерия из-за недостатка боеприпасов не оказывает противодействия».

6 августа 1941 года он прибавил в дневник очередную «ельнинскую» запись:

«...Артиллерия противника применяет метод огневого вала. Предстоит большое наступление. Противник, видимо, считает, что полк «Великая Германия» и дивизия СС «Рейх» являются отборными войсками фюрера (но так ведь оно и было! — *С.К.*). Если эти войска будут разбиты, получится большой политический резонанс. Такая катастрофа не может быть с гарантией предотвращена силами одной лишь танковой группы»...

Итак, войска Рейха на фронте ещё «смеются», а один из их высших командиров, сидя в Рейхе, уже опасается катастрофы. Однако до неё в августе было не так уж и близко... **16 августа 1941 года** Гальдер писал, что «несмотря на понесенные потери, войска исполнены чувства превосходства над противником». Тем не менее во второй половине августа немцы вынуждены были отвести из «ельнинского выступа» сильно потрёпанные две танковые, одну моторизованную дивизию и тот самый моторизованный полк «Великая Германия», заменив их пятью пехотными дивизиями.

28 августа генералы Гальдер и фон Бок обсуждали уже вопрос об общем отводе войск. Однако решительный перелом был обеспечен лишь нашим наступлением 5 сентября 1941 года.

Ельня была освобождена к утру 6 сентября, и только недостаток танков и авиации (что было, то было) спас немцев от полного разгрома в этой полосе фронта — выйдя на рубеж рек Устром и Стряна, наши войска остановились перед укреплённым рубежом немецкой обороны. Тогда, в боях за Ельню, родилась советская гвардия. 100-я, 127-я, 153-я и 161-я стрелковые дивизии были преобразованы в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии.

Тремя последними дивизиями командовали армейские полковники А.З. Акименко, Н.А. Гаген и П.Ф. Москвитин... Сотой дивизией командовал известный нам армейский генерал Руссиянов. Сам командующий армией генерал Ракутин был пограничником.

5 сентября 1941 года Гальдер сухо пометил в дневнике: «Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни...».

А к 8 сентября Ельнинский выступ был окончательно ликвидирован. Однако планы наступления вермахта на Москву похоронены не были. 5 сентября 1941 года Гитлер на совещании у главкома сухопутных войск Браухича дал директивные указания о подготовке и проведении «решающей операции против группы армий Тимошенко», то есть о наступлении на московском направлении...

Это решение Гитлера впоследствии его генералы тоже определили как «роковое», но единственным роковым решением фюрера, которое в первые дни русской кампании ***не осуждал никто из его генералов***, было решение начать войну с Россией. После этого решения любое развитие событий неизбежно программировало для Германии лишь один конечный результат — поражение.

Одно из стандартных объяснений неудачи Гитлера в России — «югославская» задержка с вторжением, обусловленная необходимостью ликвидировать опасность румынской нефти и южному флангу Рейха со стороны проанглийски настроенных Югославии и Греции.

Думаю, что в этой весьма краткой книге я смогу ограничиться послевоенным свидетельством на сей счет бывшего начальника штаба 4-й армии генерала Блюментрита, который в 1956 году написал следующее:

«Начало операции «Барбаросса» намечалось предварительно на 15 мая. Это была самая ранняя дата, так как приходилось ждать, пока высохнут дороги после весенней распутицы (то есть германские генералы о русской распутице были всё же осведомлены. — *С.К.*).

Механизированные части застряли бы в апреле, когда вздуваются реки и ручьи и огромные просторы западной России покрываются вешними водами. Балканская кампания задержала начало войны с Россией на пять — пять с половиной недель.

Но (sic! — *С.К.*) если бы даже не было Балканской кампании, все равно начало войны с Россией, очевидно, пришлось бы отсрочить, так как в 1941 г. оттепель наступила поздно и река Буг на участке 4-й армии вошла в свои берега только в начале июня...»

Странно, что на последний факт никто из «историков» не обращал внимания! Но кроме того, ни Гитлер, ни тот же Гальдер в любом случае не рассчитывали вожжаться с Россией до осенней распутицы. Гитлер заявлял, что Балканы отсрочили его поход на Россию «на пять минут», а Гальдер **30 июня 1941 года**, на 9-й день войны, писал в своём дневнике:

«Фюрер считает, что в случае достижения Смоленска в середине июля пехотные соединения смогут занять Москву только в августе».

На рубеж Смоленска вермахт в июле вышел, но занять Москву не смог даже к декабрю 1941 года. При этом перед Гитлером уже в середине лета 1941 года возникла та дилемма, которая не возникнуть вообще-то и не могла: «Москва или Киев?» Именно так назвал генерал Гудериан один из разделов главы пятой своих «Воспоминаний солдата».

Гудериан винит Гитлера в том, что он повернул его танки на юг, на Украину, вместо того, чтобы продолжать наступление на Москву. Но Гудериан мыслил как генерал, а Гитлер — как стратег.

Да, в июле 1941 года Смоленск был взят, но русское сопротивление оказалось таковым, что крупные массы советских войск оказались неразгромленными, Смоленское сражение продолжалось. А с южного фланга немецких войск, наступающих на Москву, нависали

войска Будённого и Кирпоноса. Теперь Гитлер начинал понимать, что «блицкрига» не получилось и не получится. И надо что-то решать с Украиной.

Уже в конце июля 1941 года возникает директива Кейтеля Браухичу на овладение промышленным районом Харькова, но что было тогда Браухичу и Гальдеру до мало что значащего Кейтеля! Тем не менее вскоре последовали грозные распоряжения самого Гитлера. 4 августа 1941 года Гальдер записал, что фюрер «придает особое значение Ленинграду, а также захвату южных районов — уголь, железо, уничтожение воздушной базы противника в Крыму (против румынской нефти. — *С.К.*)».

Далее Гальдер констатировал:

«Овладению Москвой фюрер не придает никакого значения».

Итак, одновременное наступление по расходящимся направлениям на Ленинград, Москву и на Украину оказывалось для немцев далее невозможным, и Гитлер вполне разумно решил повернуть танковый «клин» Гудериана на Украину.

По сути, август 1941 года оказался для высшего руководства войной в Германии месяцем препирательств между Гитлером, ОКВ во главе с Кейтелем, ОКХ во главе с Браухичем и Гальдером, а также ввязавшимися в эту свару командующими группами армий и даже генералами более низкого уровня (я имею в виду прежде всего рвавшегося к Москве Гудериана).

Характерны в этом отношении августовские записи в дневнике Гальдера...

11 августа 1941 года, на 51-й день войны, генерал пишет:

«...В сражение брошены наши последние силы. Каждая новая перегруппировка внутри групп армий требует от нас крайнего напряжения и непроизводительного расхода человеческих сил и технических ресурсов (а к перегруппировкам вынуждают русские. — *С.К.*). Все это вызывает нервозность и недовольство у командования (главком) и все возрастающую склонность вмешиваться во все детали...»

15 августа 1941 года:

«...Дивизии растеряли свою материальную часть. Они только частично способны к совершению марша. До сих пор фон Бок играл ва-банк с превосходящими силами противника и мог вести эту игру только потому, что собирался переходить в наступление. Теперь же группа армий должна перейти к обороне...»

28 августа 1941 года:

«10.30. — Телефонный звонок от фон Бока: он взволнованно сообщил мне, что возможности сопротивления войск группы подходят к концу. Если русские будут продолжать наступательные действия, то удержать восточный участок фронта группы армий не будет возможности...»

30 августа 1941 года:

«Совешание с главкомом. Он имел продолжительный разговор с фюрером с глазу на глаз... Фюрер высказал ряд мыслей, в серьезности и последовательности которых я сомневаюсь. По существу, он отказывается от своих прежних слов. Он заявил: «Я не так думал»...

Было дано только деловое указание...»

И далее Гальдер вздыхает:

«...части, уже введенные где-либо в бой, непременно сковываются противником. И поэтому вопрос о том, когда и как можно будет вывести эти войска для использования их на другом участке фронта, тоже будет зависеть от противника».

Это, напоминаю, — 30 августа 1941 года, 70-й день войны...

Впрочем, к 23 и 24 августа препирательства почти закончились. В штабе группы армий «Центр» состоялось совещание главкома Браухича с генералами, в том числе и Гудерианом. Браухич сообщил о решении Гитлера наступать в первую очередь не на Ленинград и Москву, а на Украину и Крым. При этом Браухич заявил Гудериану:

— Я запрещаю вам поднимать перед фюрером вопрос о наступлении на Москву. Имеется приказ наступать в южном направлении, и речь может идти только о том,

как его выполнить. Дальнейшее обсуждение вопроса является бесполезным...

Гудериан — вся выше и ниже приводимая прямая речь взята, естественно, непосредственно из его мемуаров, — оказался упрямцем, и при последовавшем затем разговоре уже с Гитлером на вопрос:

— Считаете ли вы свои войска способными сделать еще одно крупное усилие при их настоящей боеспособности? — ответил:

— Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату, то да!

Гитлер уточнил:

— Вы, конечно, подразумеваете Москву?

— Да, — подтвердил Гудериан и попросил позволения объясниться, почему он так считает.

Далее Гудериан подробно излагает свою беседу с фюрером, выставляя последнего мало что понимающим в стратегии и полководческом искусстве. Это чисто генеральское высокомерие Гудериана производит забавное в общем-то впечатление, зато можно лишь удивляться терпению Гитлера, который дал Гудериану высказться, не прервав его ни разу, а потом начал втолковывать Гудериану азы Большой Стратегии, без которой современной войной руководить нельзя.

Гудериан был упрям, и тогда Гитлер, посетовав по поводу того, что его генералы «ничего не понимают в военной экономике», закончил строгим приказом немедленно перейти в наступление на Киев, «который является его ближайшей стратегической целью».

Гитлер был прав, как был, впрочем, прав и Гудериан — с чисто военной точки зрения. Не прав был лишь тот ***чёрт***, который дёрнул Гитлера начать войну с Советским Союзом.

Неразрешимую дилемму, стоявшую перед Рейхом, отважившимся на войну с Россией, хорошо обрисовал всё тот же генерал Блюментрит:

«Гитлер подходил к войне с чисто экономических позиций. Он хотел завладеть богатой хлебом Украиной, индустриальным Донецким бассейном (показательно,

что даже после войны генерал в отличие от Гитлера так и не понял экономического значения районов Харькова, Днепропетровска, Запорожья. — *С.К.*), а затем и кавказской нефтью.

Браухич и Гальдер (как и Гудериан. — *С.К.*) смотрели на войну с совершенно иной точки зрения (узколобо-генеральской. — *С.К.*). Они хотели сначала уничтожить Красную Армию, а потом уже бороться за достижение экономических целей...»

Но генералы не понимали, что в современной войне моторов нельзя уничтожить живую силу, если она не лишена источников своего оснащения моторами.

Гитлер же — понимал. 17 марта 1941 года на совещании с высшим генералитетом по плану «Барбаросса» он высказал ряд соображений, которые Гальдер занёс в свой дневник. Гитлер считал, что группа армий «Север» «должна продвинуться до р. Днепр, а затем под прикрытием Днепра развернуть свои силы на север. Захват Москвы не имеет никакого значения...».

К этой записи советская редакция дала следующее примечание:

«После выхода наступающих немецких войск к Днепру Гитлер намеревался повернуть главные силы группы армий «Центр» на север для быстрейшего захвата Петербурга. По другому его варианту предполагалось повернуть силы от Днепра на юг для захвата Украины, Донбасса и Кавказа. ОКХ (Oberkommandos der Heeres, то есть Браухич и Гальдер. — *С.К.*), однако, считало, что всех целей, в том числе и тех, о которых говорил Гитлер, можно будет достигнуть, если удастся занять Москву. Поэтому ОКХ настаивало на том, чтобы после выхода к Днепру (в районе Смоленска. — *С.К.*) продолжать наступление на Москву».

Но тут получалось так...

Попытаешься взять Москву — не сможешь лишить СССР важнейшей доли его оборонного потенциала на Украине и вскоре получишь удар в бок с юга.

Попытаешься перед тем, как взять Москву, захватить Украину — не сможешь выбить ударную силу России на московском направлении и вскоре получишь удар в лоб, как оно в реальности и произошло!

То есть в любом случае выходило: «Хоть верть — круть, хоть круть — верть, а «блицкригу» рейха — смерть».

К завоеванию России вооружённой силой вели два пути — через Смоленск на Москву или через Украину на Москву. И оба были в конечном счёте для любого агрессора проигрышными.

Что такое Белоруссия и Западная Россия? С одной стороны, это кратчайший путь на Москву, но путь через болота и леса. С другой стороны, для Белоруссии и Западной России образца 1941 года, это — путь по регионам с относительно слабо развитой промышленностью, кроме Тулы уже на подступах к Москве.

А что такое Украина образца 1941 года?

Это, с точки зрения военной экономики, — прежде всего мощная индустрия, мощная ещё с царских времён и неизмеримо выросшая за годы пятилеток. Украина — это и богатая сырьевая база! И эта база во второй половине лета 1941 года работала всё ещё на оборону России, а не на агрессию Рейха. Мог ли Гитлер, с его комплексным пониманием проблем современной войны, терпеть такое положение вещей и далее?

Совещание у Гитлера состоялось 24 августа 1941 года, и вскоре Гудериан повернул на юг. Оборона непосредственно Киева началась раньше — с 11 июля, но в результате перемещения основных боевых действий на Украину 19 сентября 1941 года столица Украины пала. Тем не менее лишь 20 октября наши войска оставили Харьков. Бои в районе Запорожья шли в августе и сентябре, как и бои в районе Днепропетровска.

Если бы не августовское решение Гитлера, этих боёв не было бы, а большая часть Украинского промышленного района работала бы на оборону Родины.

Киев, Харьков, Запорожье, Днепропетровск — это специальные стали и марганец, танки и орудия, самолёты и авиадвигатели, приборы и электромоторы...

А Донбасс!

А Крым, который Гитлер в разговоре с Гудерианом назвал «авианосцем Советского Союза в его борьбе против румынской нефти»!

Гитлер это понимал, а его генералы — нет.

Между прочим, тут, пожалуй, будет уместным немного остановиться на той предвоенной концентрации советских войск в районе «белостокского» выступа, которую резуны-«суворовы» подают как доказательство наступательного характера дислокации соединений РККА. На деле же эта дислокация является, напротив, доказательством оборонительного характера намерений Сталина!

И вот почему...

Гитлер упрекал своих генералов в непонимании военной экономики, в которой сам Гитлер, безусловно, разбирался. Но ведь и Сталин разбирался в военной экономике и рациональной стратегии крупной современной войны как минимум не хуже Гитлера. И поэтому он — мысля за Гитлера — естественным образом предполагал, что Гитлер свой основной удар нанесёт по Украине. Это был не просчёт Сталина, как о том нам талдычат с хрущёвских времён, а разумная прогнозная оценка Сталиным возможных действий Германии.

И вот в рамках такой оценки наличие «белостокского» выступа, образовавшегося, к слову, не в результате военных действий, а в результате разграничения государственной границы по советско-германскому договору о дружбе и границе 1939 года, было очень удобным. Этот выступ нависал с запада над возможным «украинским» ударом вермахта и обеспечивал возможность советского глубокого флангового удара по немецким войскам, ворвавшимся на Украину.

Ожидая удара Гитлера через Украину, Сталин мыслил верно, потому что, сам будучи крупным политическим мыслителем, мыслил за Гитлера, которого оценивал высоко, верно. Верно, если иметь в виду то, что англосаксы называют «Большой Стратегией».

Реально Гитлер — поддавшись на настояния генералов, мысливших как генералы, — основной стратеги-

ческий удар с первых дней войны нанёс в направлении, кратчайшем до Москвы. Но затем Большая Стратегия войны и наше упорное сопротивление вынудили его повернуть на Украину.

Решив вчерне «украинские» проблемы, Гитлер вернулся к удару по Москве. Но все эти метания от Москвы к Украине и наоборот были всего лишь метаниями. И концу ноября 1941 года они приобрели характер уже конвульсивный. Киплинг метко заметил: «Вопрос считается решённым, когда он правильно решён...» Однако «русский вопрос» Германии нельзя было решить вооружённой силой на любом пути — хоть через Пинские болота и Смоленск на Москву, хоть через хлебодарную и индустриальную Украину к Крыму, Ростову-на-Дону и далее.

Тем не менее, раз начав эту войну, Гитлер был вынужден её продолжать. И он продолжил её так...

19 сентября 1941 года пал Киев... А 30 сентября немцы начали «генеральное», как они его назвали, наступление на Москву ударом 2-й танковой группы Гейнца Гудериана, вернувшейся на московское направление с Украины. С 5 октября 1941 года 2-я танковая группа была развёрнута во 2-ю танковую армию.

1-я танковая группа Клейста, двигавшаяся с Восточной Украины к Крыму и далее к Ростову-на-Дону, была в тот же день 5 октября развёрнута в 1-ю танковую армию.

Что же до остальных танковых групп, то 3-я ТГ под командованием Германа Гота и 4-я ТГ под командованием Эриха Гёпнера наступали на московском направлении. При этом активные действия под Ленинградом были ещё к середине сентября свёрнуты, и танки Гёпнера из группы армий «Север» теперь тоже рвались к Москве.

Для РККА и СССР вновь наступила пора тяжелейших испытаний — немцы, подобравшись материально, физически и психологически, наносили мощный удар. И это был сильный, умелый противник, которым он, собственно, оставался практически до самых последних дней

войны. В начале октября 1941 года Гальдер был вполне доволен, что видно и из его записей в дневнике...

3 октября 1941 года, 104-й день войны:

«На фронте, где осуществляется операция «Тайфун», весьма значительные успехи. Танковая группа Гудериана достигла Орла. На остальных участках фронта сопротивление противника почти повсюду сломлено (за исключением фронта 2-й армии). Танковые дивизии продвинулись на 50, а пехотные — до 40 км (как видим, «плохие дороги» быстрому продвижению не мешали. — *С.К.*)...»

4 октября 1941 года, 105-й день войны:

«Операция «Тайфун» развивается почти классически. Танковая группа Гудериана, наступая через Орел, достигла Мценска, не встречая никакого сопротивления. Танковая группа Гёпнера стремительно прорвалась через оборону противника и вышла к Можайску. Танковая группа Гота достигла Холма, подойдя, таким образом, к верхнему течению Днепра...»

6 октября 1941 года, 107-й день войны:

«...В целом можно сказать, что операция, которую ведет группа армий «Центр», приближается к своему апогею — полному завершению окружения противника...»

Успешным был октябрь 1941 года для Рейха и на других участках Восточного фронта. 16 октября румыны при помощи немцев взяли Одессу. 11-я армия Манштейна прорвалась через Перекоп в Крым. 1-я танковая армия Клейста своим правым флангом вышла на северо-западные подступы к Ростову, в район Миуса, а левым флангом — к донбасской Горловке. 16-я армия заняла Харьков и Белгород. 48-й моторизованный корпус группы армий «Центр» вошёл в Курск. 16 октября группа армий «Север» нанесла удар в сторону Тихвина, за три недели продвинувшись на 120 километров и 8 ноября заняв Тихвин.

На московском направлении группа армий «Центр» продвинулась на 230—250 километров, выйдя на подступы к Москве.

19 октября 1941 года в Москве было объявлено осадное положение.

Гальдер всё ещё доволен... **8 октября 1941 года** он перечисляет те воздушные силы, которые «после окончания операций намечено оставить на Востоке», но уже **9 октября 1941 года** в его дневнике появляется — нет, даже не тучка, а так — небольшое облачко забот: «Давление противника на западный фланг танковой группы Гудериана все время усиливается...»

Проходит месяц — какой месяц! — и **11 ноября 1941 года**, на 143-й день войны, Гальдер записывает:

«Противник предпринимает мощные атаки против танковой армии Гудериана. Обстановка не вполне ясная... Видимо, небольшой мороз».

Комментарием к предыдущему рассказу я возьму цитату из Гудериана об октябрьских боях:

«...в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска... развернулись ожесточенные бои местного (не совсем, как оказалось в итоге, так. — *С.К.*) значения, в которые втянулась 4-я танковая дивизия, однако из-за распутицы она не могла получить достаточной поддержки. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику...»

Замечу, что распутица не помешала, как видим, нашим наступательным действиям, но сковала — по заявлению Гудериана — его войска. Что ж, армия, рассчитывающая воевать лишь в тепличных условиях, рано или поздно объективно обречена на провал и не имеет права оправдываться «плохой погодой»!

В Москве в середине октября 1941 года обыватели впадали в панику, а советские воины в это время под Орлом постепенно создавали условия для решительного перелома в ходе войны. И **15 ноября 1941 года**, на 147-й день войны, в дневнике Гальдера появляется ещё одна, ранее невозможная для хозяина дневника, запись:

«...Получено донесение: «Противник отходит!» Это что-то новое! Между тем противник ведет энергичные контратаки на фронте 4-й армии (где начальником штаба был, к слову, генерал Блюментрит. — *С.К.*)...»

Итак, на 147-й день «блицкрига» начальника Генерального штаба Сухопутных сил Рейха уже удивляют (!) сообщения с фронта об отходе советских войск... Но дальше — больше!

17 ноября 1941 года, 149-й день войны:

«...Командование 4-й армии докладывает, что вследствие больших успехов, достигнутых противником на ее правом фланге, оно вынуждено ввести в бой резервы, предназначавшиеся для намеченного на завтра наступления. В общем, перейти в наступление в районе между Москвой и Окой они не могут...»

18 ноября 1941 года, 150-й день войны:

«Совещание у главкома. Он очень недоволен тем, что все больше исчезают шансы на быстрое приближение к Москве. Это не зависит от его желания! <...>

...фельдмаршал фон Бок, как и мы, считает, что в настоящий момент обе стороны напрягают свои последние силы и что верх возьмет тот, кто проявит большее упорство...»

Тут немцы были правы, но Гальдер ошибался, что мы, как и немцы, к концу ноября уже не имели резервов.

Мы их имели!

И уже наступали — пока, правда, под Ростовом.

21 ноября 1941 года Гальдер начал записи как раз с Ростова:

«Наши войска овладели Ростовом. Севернее Ростова идут тяжелые бои с численно превосходящим противником, который, действуя, по-видимому, под умелым руководством (это, к сведению Марка Солонина, — о маршале Тимошенко. — *С.К.*), ведет наступление в плотных боевых порядках несколькими группами, по 2—3 дивизии в каждой. Особой опасности для наших войск пока не существует (но вскоре она возникнет, и Ростов будет отбит! — *С.К.*)».

А на московском направлении всё еще наступал вермахт, но чего это ему стоило, говорит запись беседы Гальдера с полковником Цейцлером **1 декабря 1941 года**:

«О состоянии и положении отдельных дивизий. Численность этих дивизий очень незначительна. Командир 13-й танковой дивизии и один из наиболее способных командиров полков страдают полным расстройством нервной системы...»

2 декабря 1941 года Гальдер облегчённо вздыхает:

«Наступление под Тулой развивается успешно... Общий вывод: сопротивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил»...

Уважаемый читатель! Это было написано за три дня до начала нашего контрнаступления!

За три дня!!!

При этом уже 23 ноября 1941 года на совещании обер-квартирмейстеров армий Восточного фронта в ставке Гитлера было заявлено, что «военная мощь России более не представляет угрозы для Европы».

Немцы не сразу поняли, что произошло! **6 декабря 1941 года** Гальдер на совещании у Гитлера записал: «Артиллерия противника на нулевом уровне». А вечером того же дня, обобщая в дневнике обстановку на фронте, пишет о боях под Тихвином: «Противник производит массированные артиллерийские налеты на город».

А 9 декабря 1941 года войска Ленинградского и Волховского фронтов освободили Тихвин, а войска Юго-Западного фронта в тот же день освободили Елец.

11 декабря 1941 года войска Западного фронта освободили Истру, 15 декабря — Клин.

16 декабря 1941 года войска Калининского фронта освободили Калинин, 20 декабря войска Западного фронта вошли в Волоколамск и Наро-Фоминск, а 30 декабря — в Калугу.

16 декабря 1941 года командующий группой армий «Центр» фон Бок отдал совершенно секретный приказ № 3147, начинавшийся так:

«Уже несколько недель поредевшие соединения группы армий ведут упорные бои с численно превосходящим противником. Перенося мороз и лишения, войска мужественно выполняют свой долг... Сменить уставшие в боях соединения в настоящее время невозможно. Каждый должен устоять на своём месте...»

Заканчивался же этот приказ, который ещё в октябре 1941 года не мог бы присниться генерал-фельдмаршалу фон Боку даже в страшном сне, так:

«Письменная передача настоящего приказа запрещена. После того как его содержание будет доведено до всех командиров дивизий, он должен быть сожжен».

18 декабря 1941 года была издана с грифом «совершенно секретно, государственной важности» директива ОКХ. Вот её начало:

«1. *Фюрер приказал*:

Отступление крупного масштаба недопустимо. Оно может привести к полной потере тяжелого оружия и техники. Личным примером командующие, командиры и офицеры должны побуждать войска к фанатическому сопротивлению на своих позициях, даже если противник прорвался с флангов и с тыла...»

В июне 1941 года немцы в своих донесениях писали о «большевистских фанатиках» с некоторой долей снисходительного презрения — мол, что возьмёшь с этих дикарей... В декабре 1941 года немцы хватались в своих приказах за слово «фанатический» как за некий пароль к спасению... Это слово присутствовало в директиве фюрера, в донесении штаба 4-й армии в штаб группы армий «Центр», в телеграмме штаба группы армий «Центр» командованиям 2-й, 2-й танковой, 4-й армий, 4-й танковой группы, 9-й армии...

В последней телеграмме от 21 декабря 1941 года говорилось:

«...Фанатическая воля к защите той территории, на которой стоят войска, должна прививаться каждому солдату всеми, даже самыми жестокими средствами... <...>

История отступления Наполеона грозит повториться вновь...»

Вряд ли здесь требуются комментарии.

19 декабря 1941 года покинул свой пост — якобы по болезни — фельдмаршал Браухич. Фон Бока на посту командующего группой армий «Центр» заменил фельдмаршал фон Клюге. За полмесяца до этого, 3 декабря, фюрер отставил командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта, а 16 января 1942 года пришёл черёд и командующего группой армий «Север» Лееба.

20 декабря 1941 года Гитлер на совещании в ставке заявил: «Мы должны научиться ликвидировать прорывы». Но русские уже худо-бедно научились их создавать! 26 декабря 1941 года началась Керченско-Феодосийская десантная операция Закавказского фронта и Черноморского флота, Керчь и Феодосия были освобождены.

2 января 1942 года войска Западного фронта освободили Малоярославец, 20 января — Можайск, а 5 марта 1942 года — Юхнов.

К слову, о погоде... Накануне нашего декабрьского контрнаступления морозы под Москвой были действительно велики — до 36 градусов. Но тогда же Гитлер приказал изжить выражение «русская зима», назвав его «психологически опасным». Он, конечно, не подозревал, что со временем, после войны, это выражение окажется для его генералов психологически *выгодным* и его подхватят все аналитики Запада — от академичного англичанина Фуллера до полужёлтого английского журналиста Лена Дейтона...

К концу 1941 года всё стало ясно и немцам.

Записи за **29 декабря 1941 года** Гальдер начал со слов:

«Очень тяжелый день!»

30 декабря 1941 года:

«Снова тяжелый день!»

31 декабря 1941 года, на 193-й день войны, первая строка записей Гальдера не изменилась:

«Опять тяжелый день!»

2 января 1942 года:

«Весь день тяжелые бои... <...>

Сложившаяся обстановка побудила фельдмаршала фон Клюге запросить разрешения на отвод войск... У меня произошло бурное объяснение с фюрером. <...>

Неоднократные переговоры с фон Клюге, который находится в каком-то трансе и говорит о том, что ему не доверяют»...

3 января 1942 года, 196-й день войны:

«...В ставке фюрера разыгралась драматическая сцена. Он высказал сомнение в мужестве и решительности генералов...»

Далее Гальдер прибавил: «В действительности же все дело в том, что войска просто-напросто не могут выдерживать морозы, превышающие 30 градусов». Однако в действительности дело было в том, что русское сопротивление, начавшееся 22 июня 1941 года и день за днём не прекращавшееся ни на день весь оставшийся 1941 год, имело своим результатом создание такого положения вещей, когда германские войска оказались вынуждены замерзать у самых ворот Москвы.

Не так ли, господа?

9 января 1942 года Гальдер обеспокоен тем, что «к западу от Ржева локализовать прорыв противника не удалось», а на следующий день радуется, но чему: «Из-за весьма неблагоприятной погоды день прошел сравнительно спокойно».

Итак, на 203-й день войны плохая русская погода оказалась не врагом для войск Рейха, а их союзником. Что делать — времена постепенно изменялись...

11 января 1942 года Гитлер провёл в ставке совещание с фельдмаршалом фон Клюге. Гальдер в тот день записал:

«Фюрер настаивает на своем приказе о прочном удержании каждого вершка земли».

При этом Гитлер на просьбы с фронта отвечал всем стандартно: «Не думайте, что у вас тяжелее, чем у других»...

12 декабря 1941 года, когда советское контрнаступление только разворачивалось по-настоящему, Гальдер признался своему дневнику:

«в. Положение с производством танков. Оно в настоящее время таково, что мы вообще далее не сможем вести войну...»

Но куда же подевались те танки, с которыми немцы начали свой «блицкриг», рассчитывая с этими же танками «блицкриг» в 1941 году и завершить?

Где были они?

Утонули в русской грязи?

Или всё же сгорели в боях с Красной Армией?

Генерал-лейтенант танковых войск Рейха Фридрих фон Меллентин много позднее окончания войны написал:

«Для нас всегда останется открытым вопрос о том, могли ли мы добиться победы в критический 1941 год, если бы стратегия Гитлера была иной. Удар на Москву, сторонником которого был Гудериан и от которого мы временно в августе отказались, решив сначала захватить Украину, возможно, принес бы решающий успех, если бы его всегда рассматривали как главный удар, определяющий исход всей войны. Россия оказалась бы пораженной в самое сердце...»

И далее Меллентин цитирует знаменитого английского военного теоретика Лиддел Гарта, который в 1948 году заявлял, что если бы за годы Советской власти в России была создана такая же дорожная сеть, какой располагают западные державы, то «эта страна, возможно, была бы быстро завоевана. Плохие дороги задержали продвижение немецких механизированных войск»...

Ох уж эти плохие русские дороги, кое-как проложенные по русским же необъятным просторам! Как удобно всё объяснить их грязью и протяжённостью. В генеральском немецком сборнике «Роковые решения» генерал Гюнтер Блюментрит сетовал (стр. 74 советского издания 1958 года):

«В 1941 г. немецкая армия все еще состояла главным образом из чисто пехотных дивизий, которые передвигались в пешем строю, а в обозе использовались лошади. Только небольшую часть армии составляли танковые и моторизованные дивизии. Поэтому перед нами встала проблема: как покрыть огромные расстояния...»

Расстояния в России действительно побольше, чем в той же Германии. Нередко между начальной и конечной точкой маршрута пролегают тысячи километров, а может — и целый десяток тысяч. Задача!

Однако в 1941 году, в реальном масштабе времени, вермахт решал эту задачу вполне успешно и на уровне века, продвигаясь по необъятным русским просторам на том полумиллионе (!) единиц только колёсных автомашин, которые имелись в распоряжении трёх миллионов трёхсот тысяч человек личного состава сухопутных войск Рейха, задействованных с 22 июня 1941 года на Востоке.

Сведения о 500 тысячах колёсных автомашин приведены на странице 286-й справочника Мюллера-Гиллебранда издания 2002 года. И если по примеру Марка Солонина читатель возьмёт в руки простой калькулятор, то убедится, что в распоряжении подчинённых генерала Блюментрита по состоянию на 22 июня 1941 года имелась одна автомашина на 6,6 человека.

Разве этого было бы мало, чтобы доехать до Москвы — если бы ехать пришлось под «приветственно» поднятые две руки у миллионов советских «рабов Сталина»? Но транспорт вермахта «утонул» там же, где и его танковые части, — в «трясине» войны с Россией. Не «географической» трясине, создаваемой климати-

ческими факторами, а в той принципиально непроходимой системной «трясине», из которой для Рейха не было с 22 июня 1941 года ни одного возможного выхода, кроме...

Кроме безоговорочной капитуляции — как это и произошло 9 мая 1945 года в Берлине.

В 2002 году в Лондоне был издан коллективный сборник «Third Reich Victorious: The Alternate History of How the Germans Won the War». В 2004 году его выпустили в свет на русском языке в Москве под названием «Победы Третьего рейха: Альтернативная история Второй мировой войны» (М.: АСТ, Астрель).

И в нём десяток магистров, докторов, полковников и подполковников из Англии и США описали, как немцы *выиграли-таки* ту войну.

Гитлер мог выиграть Вторую мировую войну, лишь сохранив мир с СССР и упрочив экономический союз с ним — как базу прочного политического, а затем и военного союза. Любые иные варианты абсолютно антиисторичны даже в рамках виртуального анализа!

Более того, появившийся в начале нового века «анализ» «военных историков» США оказывался порой элементарно безграмотным. Так, эти горе-«аналитики» произвели Георгия Жукова, якобы сменившего Сталина, в Генеральные секретари ЦК КПСС, хотя до 1952 года правящей партией в СССР была ВКП(б).

И этот безграмотный «анализ» насквозь пропитан русофобией. Соответственно, в «версии истории» авторов «виртуального» сборника Советской России отведена жалкая участь, зато фельдмаршал Манштейн устраивает советским танковым войскам в феврале 1945 года новый «Танненберг» «на равнинах Центральной Польши».

На Западном фронте, в Нормандии, при этом, естественно, подписано сепаратное перемирие, позволившее немцам «перебросить тысячи орудий с западных границ Рейха на Восточный фронт».

Ох, как хочется *им* выиграть ту войну так, чтобы её не выиграли русские... Как хочется хотя бы на бумаге,

хотя бы в XXI веке, но лишить «этих русских» победы 1945 года!

Выходит, мало, мало англосаксам победы над Россией в 1991 и 1993 годах!

Один из учёных полковников, авторов сборника, — американец Джильберто Виллаэрмоза, подвизался в 1990 году в качестве старшего научного сотрудника Института военной истории у такой одиозной фигуры, как генерал Волкогонов. Поднабравшись у этого «генерала от провокации» антисоветского опыта, Виллаэрмоза стал затем советником по вопросам России и Евразии при Высшем командовании Объединённых Сил НАТО в Европе. «Многостаночничество» для атмосферы и сути нынешней «Россиянии» вполне логичное.

Однако вопреки метаморфозам этих виллаэрмоз, научно и исторически состоятелен, повторяю, лишь один альтернативный вариант победы фюрера — вместе с нами!

Победить русских в 1941 году вооружённой рукой немцы не могли при любом варианте своих действий после 22 июня 1941 года — даже если бы Россия образца 1941 года вся была покрыта сетью автобанов, а её климат на широте Москвы вдруг стал бы к осени 1941 года более мягким, чем в Южной Германии.

Ведь желающие всё списать на «плохие дороги» и «плохую погоду» не должны забывать, например, то, что если бы советские танковые и механизированные корпуса в самые первые дни войны совершали бы свои марши в сотни километров по автострадам, то они прибыли бы к месту боёв и в неплохом техническом состоянии, и с не вымотанным маршами личным составом, и — что очень немаловажно — ***намного быстрее***, чем это вышло на деле! И великое танковое сражение, неудачное для нас в треугольнике Луцк—Дубно—Броды, возможно, было бы успешным для нас в, например, более близком к границе треугольнике Владимир-Волынский—Луцк—Берестечко...

И тогда, смотришь, при всех наших просчётах и накладках советские танковые силы даже с изношенной

и неприработанной техникой, но и впрямь численно превосходящие в первый момент немецкие танковые силы всё решили бы в свою, русскую, пользу! Решили бы уже в первую неделю войны!

Так что — как это на первый взгляд ни парадоксально — возможно, именно отсутствие в западных областях СССР развитой сети хороших дорог и спасло немцев в 1941 году от быстрого разгрома советскими танковыми и механизированными корпусами!

Уж если размышлять «виртуально» на тему «Если бы...», то и такой ведь вариант исключать нельзя!

А морозы в тридцать шесть градусов? Но ведь к жаре в тридцать шесть градусов в Северной Африке вермахт был готов? Почему же его обер-квартирмейстеры и прочие генералы — штабные, строевые и учёные — не готовились к русским морозам? Они переоценили англичан и недооценили русских?

Ну,так они за это и получили от русских по зубам! И нечего сваливать свои интеллектуальные и организационные просчёты на русские пространства, русские дороги, русскую грязь, русские морозы и немецкие ошибки фюрера.

Причём и здесь ведь генерал Гальдер не подвёл меня! Не кто иной, как Гальдер образца августа 1941 года разоблачает послевоенную ложь своих коллег относительно того, что разутый-де и раздетый вермахт оказался «неподготовленным к русской зиме» и т.д.

На самом деле в вермахте уже в июле 1941 года задумывались о зимнем обмундировании для войск в России, хотя вначале и в несколько иной, чем оно вышло на деле, постановке проблемы — собирались тепло одевать оккупационные войска, устраивающиеся на зимних квартирах в России после победы над ней, а не боевые части, ведущие зимнюю войну.

Но собирались их обмундировывать в тулупы заранее.

Вот записи Гальдера, которые доказывают это и которыми я закончу анализ девятого мифа (выделения жирным шрифтом в цитатах — мои. — *С.К.*).

9 июля 1941 года, 18-й день войны:

«17.00. — *Хойзингер*: о текущих делах...

в. Обмен мнениями по вопросу будущей организации и распределения сил в оккупированных областях России ***после разгрома русских вооруженных сил*** (как оказалось, не состоявшегося. — *С.К.*). Следует сейчас же начать подготовку к зиме».

25 июля 1941 года, 34-й день войны:

«Совещание начальников штабов групп армий 25 июля 1941 года... <...>

в. Уже сейчас продумать вопрос о подготовке к зиме (зимнее обмундирование)».

2 августа 1941 года, 42-й день войны:

«...Вопрос о снабжении зимним обмундированием. Поставки зимнего обмундирования, заявки на которое были отправлены в мае, позволили обеспечить лишь небольшую часть общей потребности. Запад должен обойтись своими ресурсами. ***В распоряжении начальника управления вооружений сухопутной армии есть достаточный запас обмундирования, предназначенного для действующих войск на Востоке***. Этого запаса хватит до октября месяца сего года».

Как видим, «сани» для русской зимы вермахт — в полном соответствии с русской пословицей — начал готовить летом. Другое дело, что ситуация к зиме оказалась «нерасчётной» — и войска с запада пришлось перебрасывать, и склады с обмундированием противник уничтожал, и необратимые потери обмундирования, не снятого с трупов немецких солдат, оказались намного большими, чем предполагалось.

Гудериан, правда, заявлял позднее, что в разговоре с Гитлером в середине декабря 1941 года он якобы обвинил интендантов в том, что они уже несколько недель не могут «протолкнуть» зимнее обмундирование на фронт и эшелоны с ним стоят в Варшаве. Но где же были, во-первых, хвалёные германская пунктуальность и германская организованность? И что это Гудериан «зачесался» лишь в середине декабря? Он ведь мог «проследить путь» зимних тулупов не в декабре, как он это

сделал реально, а несколькими неделями ранее! Однако не проследил — под Москвой всё шло так, что немцы уже теряли голову и способность к трезвым действиям. Они были морально разбиты даже раньше, чем это произошло на поле битвы.

Так что ж тут сетовать на «русскую зиму»?

Да и была ли она, наша русская зима, всегда такой уж суровой в конце 1941 года? Я напомню читателю одну лишь фразу из записи переговоров по прямому проводу И.В. Сталина с командующим Калининским фронтом И.С. Коневым 12 декабря 1941 года.

«*КОНЕВ.* <...> **Дело осложнила оттепель, через р. Волгу тяжелых танков переправить не удается**...»

Это ведь очень важная фраза!

Во-первых, спрашивается: «Кому, коль дела обстояли так, мешала успешно воевать под Москвой русская зима — немцам или русским?» Ведь немцы к тому времени своё тяжелое оружие теряли в боях, а русские, оказывается, не имели возможности полноценно использовать своё тяжелое оружие из-за плохой русской погоды.

Во-вторых же, ещё более важно иное! Здесь мы имеем документальное свидетельство того, что в середине декабря 1941 года под Москвой случались даже оттепели! Но об этом в немецких мемуарных источниках упоминания нет. И, пожалуй, понятно, почему...

Приходилось читать, что в тылах наступающих на Москву немецких частей вроде бы находился огромный сервиз, который предназначался для торжественного обеда победителей после взятия Москвы. Сервиз этот мы взяли как трофей. Предполагался и парад германских войск на Красной площади. Принимать его, как я понимаю, собирался сам фюрер.

Однако в 1941 году на Красной площади был возможен только один военный парад. Тот, который реально на ней и состоялся 7 ноября 1941 года в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и который принимал Сталин.

Сталин в любом случае принимал бы этот парад 7 ноября 1941 года. Что же до Гитлера, то он при любом варианте своих действий, при любых, полностью устраивающих его генералитет решениях не имел ни одного шанса на *свой* парад на Красной площади.

Немцы в 1941 году заранее не имели возможностей для победы, потому что замахнулись на вещь тогда нереальную, тогда ни для кого не подъёмную — уничтожить Советскую Россию вооружённой силой. И тот же дневник генерала Гальдера показывает и доказывает, как высшее руководство Рейха, а не один Гитлер, не то что недооценило комплексного потенциала сопротивления Советского Союза, но просто-таки слепо, в упор, не признавало сам факт наличия у СССР такого потенциала.

Что, они, элита Рейха, всё понимали и лишь Гитлер был слеп и отвергал все предостережения и объективную информацию? Позвольте не поверить! Ведь если бы все эти гальдеры и браухичи, готы и боки, леебы и гудерианы, манштейны и блюментриты были действительно прозорливы *в реальном масштабе времени*, то есть видели бы однозначную гибельность для Германии похода на Россию, то они могли бы просто коллективно подать в отставку.

До этого похода!

Не заговоры устраивать, которые в тот момент могли лишь ослабить Германию, а отказать Гитлеру в поддержке действием — как это сделал имперский комиссар по трудоустройству Гюнтер Гереке задолго до войны. Он, старый имперский чиновник высшего уровня, по личному настоянию рейхспрезидента Гинденбурга был введён в первый кабинет министров рейхсканцлера Гитлера, но вскоре из него по своей инициативе вышел. Раз и навсегда...

Пирогов и пышек этот шаг Гереке, конечно, не обеспечил. Но и особых шишек ему Гитлер не наставил. Гереке, правда, не раз за годы существования Третьего рейха временно арестовывали, ущемляли, он официально числился «врагом государства», но... На «нет», как говорится, и суда нет.

Однако высший генералитет Рейха, высшее чиновничество — основа государственного аппарата, уже зная о плане «Барбаросса», не сказали ведь своему фюреру «Нет!». Наоборот, они сказали ему не просто «Да», но даже «О, да!!!». И что с того, что многие из них — как они потом «вспоминали» — внутри себя якобы колебались, опасались и сомневались. Реально-то они план «Барбаросса» и разработали, и поддержали, и с энтузиазмом — на первых порах — его осуществляли.

И только потом, когда ситуация получила своё логическое завершение, они всё свалили на «плохую погоду» и «плохого стратега Гитлера»...

Н-да!

Между прочим, ещё раз о Гереке. Если человек честен и принципиален, то он честен всегда. И после войны Гюнтер Гереке, видный деятель Христианско-демократического союза (ХДС), правящей партии канцлера Аденауэра, в буржуазной ФРГ не ужился. И кончилось тем, что он переселился в Германскую Демократическую Республику, став там президентом Центрального ведомства коневодства и скончавшись в ГДР в возрасте 77 лет в 1970 году, за два года до смерти 88-летнего Гальдера.

Две хронологически близкие судьбы. И какие разные в нравственном и психологическом отношении! Гальдер, как и Гереке, был всю жизнь убеждён, что любит Германию и служит ей. При этом Гальдер стал одним из тех, кто вёл Германию к краху, а Гереке своей жизнью дал реальный пример подлинной высокой гражданственности и духовной стойкости. Однако бывший королевско-прусский советник Гереке в своих мемуарах не очень-то — в отличие от Гальдера и его коллег — распространяется об «ошибках Гитлера». И, весьма вероятно, потому, что он — в отличие от Гальдера и его коллег — не имел к ним никогда никакого отношения.

После войны германские фельдмаршалы и генералы дружно утверждали, что они якобы опасались и не хотели войны с СССР, что они якобы предостерегали

Гитлера, а он якобы упорно не желал ничего слушать, когда ему говорили, например, о том, что на вооружении РККА имеется не менее десяти тысяч танков.

Но даже если так, сами-то эти генералы в свои данные верили? А если они в них верили, то почему, повторяю, в знак протеста против заранее проигранной войны не подали в отставку? Они что, не знали, что уже в 1937 году бурно развивающийся Советский Союз занимал первое место в Европе по общей продукции промышленности, второе — по производству электроэнергии, второе — по производству чугуна, стали и проката, первое по производству электростали и паровозов и к 1942 году планировал выйти по всем валовым показателям промышленного производства (кроме производства автомобилей) на первое место в Европе, а по добыче торфа, производству электростали, паровозов, тракторов, комбайнов и свекловичного сахара — на первое место в мире?

Для того чтобы всё это узнать, не надо было выкрадывать секретные сведения из несгораемых сейфов — достаточно было взять в руки календарь-справочник на 1941 год, выпущенный в конце 1940 года в СССР Государственным социально-экономическим издательством массовым тиражом!

И надо ли было долго размышлять и анализировать, чтобы понять — велик ли промышленный потенциал новой России и каков он по структуре, если из того же календаря-справочника следовало, что в 1913 году старая Россия производила 1,9 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, а СССР в 1942 году (в 1941 году это было уже вот — рядом) планировал произвести 75 миллиардов киловатт-часов, что в 1913 году старая Россия производила 0 (ноль) тысяч металлорежущих станков, а в 1937 году СССР — 36 тысяч при плане на 1942 год в 70 тысяч, что в 1913 году автомобилей производилось 0 (ноль) тысяч, а в 1937 году — 200 тысяч, паровозов — 418 и 1580, товарных вагонов — 14,8 тысячи и 66,1 тысячи при плане на 1942 год в 120 тысяч, кожаной обуви — 8,3 миллиона пар и 182,9 миллиона пар...

В 1913/14 учебном году в высших учебных заведениях России училось 112 тысяч человек (причём в инженерных — с гулькин нос!), а в 1937/38 учебном году в вузах СССР — 550 000 человек; в начальных и средних школах соответственно 7896,2 тысячи человек и 29 446 тысяч человек. Уже это доказывало, что Россия за четверть века преобразилась неузнаваемо!

Гитлер в отличие от своих генералов в военной экономике разбирался. И хотел захватить Украину не только из-за её хлеба, но и из-за её мощного промышленного потенциала. Поэтому генералам-генштабистам достаточно было привести фюреру общие статистические данные по темпам и объёму экономического развития СССР, указав при этом, что если в СССР в 1936 году было произведено 115 595 тракторов, то и десять тысяч танков за несколько лет русским произвести под силу.

Да, Гитлера провоцировал заниженными якобы разведывательными данными и толкал на войну с Россией формально английский, а фактически — космополитический агент влияния, глава абвера адмирал Канарис... Но ведь остальной-то высший генералитет — если верить его послевоенным уверениям, был против войны с Россией.

А «необъятные русские пространства»? Ссылаясь на них, гитлеровские генералы вынуждают нас предполагать, что, планируя войну против России, они представляли Россию чем-то вроде Люксембурга, который немцы весной 1940 года проскочили, толком и не заметив его.

Так что неча генералам на Гитлера пенять, коли у самих рыло было «в пуху»...

Миф десятый, в этой книге — последний «штатный»

ЛИШЬ КРОВЬЮ МИЛЛИОНОВ И ТЕРРОРОМ ЧК СТАЛИН СУМЕЛ ИЗБЕЖАТЬ КРАХА СВОЕГО РЕЖИМА В 1941 ГОДУ. ПРИ ЭТОМ ЕСЛИ БЫ НЕМЦЫ ПРИШЛИ В РОССИЮ КАК СОЮЗНИКИ РОССИЙСКИХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ И В 1941 ГОДУ НАЧАЛИ БЫ ПРОВОДИТЬ ПОЛИТИКУ, ПОДОБНУЮ ТОЙ, КОТОРУЮ ОНИ ПРИНЯЛИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЛАСОВУ И РОА ТРИ ГОДА СПУСТЯ, ТО СТАЛИНА СВЕРГ БЫ САМ НАРОД, САМИ ПЛЕННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ — ЕСЛИ БЫ ГИТЛЕР ПРОТЯНУЛ ИМ РУКУ И ВЕРНУЛ ОРУЖИЕ...

Эта книга постепенно приближается к завершению, и я могу признаться читателю, что форма анализа «мифов» оказалась удобным способом организации размышлений над тем, чем был в действительности для нашей страны и нашего народа 1941 год и чем его пытаются представить в сознании ныне живущих поколений враги нашей страны и нашего народа...

Говоря о стране, я имею в виду всю её — от многонациональных, но славянских Карпат до многонационального, но славянского Дальнего Востока и от русского Севера до таджикского Памира. Именно эти земли сплотила за тысячу лет та Великая Русь, понятие о которой духовно маразмирующий бывший автор гимна Советского Союза изъял из «новой редакции» гимна РФ, а враги Великой России пытаются изъять из души народов, населяющих Российское геополитическое пространство.

Впервые всерьёз на Россию в её современной исторической ипостаси Советского Союза замахнулись в 1941 году Гитлер и его генералитет. Однако уже 11 августа 1941 года, на 51-й день войны, один из военных руководителей этой войны, хорошо теперь знакомый читателю генерал-полковник Гальдер, сделал в своём дневнике такую запись:

«Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне (к ней перед войной так или иначе готовились все мировые державы, но лишь СССР готовился к обороне. — *С.К.*), несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских...»

Я не стал бы утверждать, что к этому выводу Гальдер пришёл самостоятельно. Его к нему вынудили! Вынудили своим поведением с самого первого дня войны наши отцы и матери, деды и прадеды. И в этой книге сказано, на мой взгляд, уже достаточно для того, чтобы оценить по «достоинству» россказни о терроре и страхе, без которых «режим Сталина» рухнул бы в одночасье. Собственный народ в ходе той войны пришлось с какого-то момента запугивать как раз Гитлеру. Да, собственно, что там — «с какого-то момента»! Если нам пришлось

вводить штрафные батальоны лишь летом 1942 года. то немцы их создали почти сразу после начала войны, и уже 9 июля 1941 года Гальдер отмечал: «Организация «штрафных батальонов» оказалась хорошей идеей»... А весной 1945 года эсэсовцы вешали дезертиров прямо на городских фонарях.

Но это не помогло. Страх порождает или бездействие, или отчаяние. И лишь убеждённость порождает стойкость. Немцы тоже проявляли массовый героизм и стойкость в той войне — в Сталинграде и Кёнигсберге, на земле, на воде, под водой и в воздухе, в 1941 и 1945 годах, но проявляли их лишь до тех пор, пока сохраняли убеждённость в своём праве на сопротивление и убеждённость в праве Гитлера требовать от них стойкости.

Когда они поняли, что этого права лишились, они лишили права на доверие и Гитлера...

И рухнули.

А мы — даже после катастрофических утрат 1941 года — нет. И это — факт. А не рухнули мы в том числе и потому, что не только всегда сознавали своё право на защиту родной земли, но и сознавали право Сталина требовать от народа любых жертв во имя изгнания с этой земли захватчиков и обеспечения грядущей Победы.

Показателен в этом смысле разговор Гудериана с Гитлером, который состоялся 20 декабря 1941 года в ставке фюрера под Растенбургом и растянулся на пять часов. Часть этого разговора Гудериан привёл в своих воспоминаниях, и там есть следующее место:

«Гитлер: «Вы полагаете, что гренадёры Фридриха Великого умирали с большой охотой? Они тоже хотели жить, тем не менее король был вправе требовать от каждого немецкого солдата его жизни. Я также считаю себя вправе требовать от каждого немецкого солдата, чтобы он жертвовал своей жизнью».

Я (Гудериан. — *С.К.*): «Каждый немецкий солдат знает, что во время войны он обязан жертвовать своей

жизнью для своей родины, и наши солдаты на практике доказали, что они к этому готовы. Однако такие жертвы нужно требовать от солдат лишь тогда, когда это оправдывается необходимостью»...

Психологически это место разговора фюрера и его генерала очень интересно! Пока немцы верили в необходимость войны с русскими, они были способны проявлять удивительную даже по русским меркам стойкость — один Сталинград чего стоит! Когда немцы утратили смысл сопротивления, они почти сразу оказались на него не способны.

И это — тоже факт.

Фактом является и то, что с приходом немцев жизнь — настоящая, живая жизнь — в оккупированных городах и сёлах замирала и приобретала призрачный характер, хотя в сентябре 1941 года кучка «щірих украæнців» в Ромнах и могла прогуливаться на глазах Гудериана в «сорочках-вишиванках».

«Ведомство» генерала Гальдера, то есть — сухопутные войска Рейха, не занималось гражданскими административными вопросами на всей оккупированной территории, но немалая часть этой территории находилась в зоне ответственности военного командования. И поэтому в дневнике генерала Гальдера имеются, хотя и не часто, «гражданские» записи. И среди них нет ни одной, выражающей радость от искренней массовой лояльности населения к «освободителям».

Зато есть записи, свидетельствующие об ином.

1 августа 1941 года, 41-й день войны:

«3. *Украина.* Население, проживающее в Западной Украине, стремится к самоопределению. В русской части (Украины) среди населения царит тупое равнодушие. Только в больших городах работают комитеты активистов».

Насчёт «тупого равнодушия» Гальдер переборщил — скорее надо было говорить о глухом сопротивлении и психологическом неприятии. И эпитет «тупое» — это, конечно, от раздражения.

Что же до «активистов», то об их уровне — не нравственном (его просто не было), а чисто интеллектуальном — можно судить по, например, материалам коллаборационистской газеты «Голос Крыма», издававшейся в Симферополе с 12 декабря 1941 года по 9 апреля 1944 года (всего было выпущено 338 номеров).

В 1996 году крымское издательство «Таврия» трагикомическим образом выпустило брошюру с подборкой материалов этой газеты. «Трагикомическим» потому, что в рамках обретённой благодаря уже прозападным нео-коллаборационистам «самостійністи» эту брошюру издатели старательно перевели с русских оригиналов на «державну мову» и издали под названием «Окупаційний режим в Криму: 1941—1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей»...

Грустное впечатление производят эти «матеріали»... И даже не холуйством своим, а откровенной убогостью.

Впрочем, кое-где жители оккупированной территории оккупантов радовали, и **2 августа 1941 года** Гальдер записывал:

«Немецкий персонал железных дорог работает недостаточно гибко и слишком медленно. Как во Франции, так и в Латвии мы встречаемся с таким положением, когда местный гражданский персонал железных дорог работает лучше и быстрее, чем наш...»

Однако так было в Латвии, где удар по лицу вызывал чаще всего не ненависть, а угодливую лакейскую улыбку. Но вот кампанию по обмолоту зерна в оккупированных областях Украины и России немцам в декабре 1941 года пришлось проводить силами собственных войск (см. «Дневник...» Гальдера, т. 3-й, кн. 2-я, стр. 35—36).

Приведу ещё одну, скорее забавную, запись Гальдера от **14 ноября 1941 года**:

«В Вильнюсе с докладом явился полевой комендант подполковник Ценпфенниг. Малоутешительные картины корыстолюбия в гражданской администрации.

Литовцы малопригодны для выполнения административных задач.

В Каунасе для доклада явился оберфельдкомендант полковник Юст. Он подтвердил неутешительную картину своекорыстия и эгоизма в гражданской администрации...»

Впрочем, Гальдер ошибался и тут! Не литовцы как таковые были малопригодны для выполнения административных задач, а литовцы-*предатели*! И тут уж ситуация была схожей что в Вильнюсе и Каунасе, что в Киеве и Харькове, что в Орле и Брянске, что в Смоленске и Риге, что в Элисте и Симферополе...

Генерал Власов в разговоре со своим конфидентом Сергеем Фрелихом незадолго до аудиенции у рейхсфюрера СС Гиммлера хвалился после очередного стакана, что его-де, Власова, в России знают, что он-де знаком с большим числом советских генералов и находился с ними в дружбе, что он-де знает, как они относятся к Советской власти, и что он — если Гиммлер даст согласие на создание Русской освободительной армии во главе с Власовым, быстро договорится с ними и они поймут друг друга, «хотя бы даже и по телефону»...

Но Власов не смог договориться с мало-мальски значительным числом даже пленных советских генералов. Не все вели себя в плену так героически, как, скажем, генерал Карбышев, но даже расстрелянный после возвращения из плена и долгого следствия генерал Понеделин на сотрудничество с Власовым не пошёл.

Вот список всех «сподвижников» Власова генеральского уровня...

1. Бывший генерал-майор береговой службы, бывший начальник Военно-морского училища ПВО в Либаве, Благовещенский, 1893 года рождения.

2. Бывший командир 21-го стрелкового корпуса бывший генерал-майор Закутный, 1897 года рождения.

3. Бывший начальник штаба 19-й армии бывший генерал-майор Малышкин, 1896 года рождения, в 1938 году был арестован, в 1940 году реабилитирован, как оказалось — зря.

4. Бывший начальник штаба Северо-Западного фронта бывший генерал-майор Трухин, 1896 года рождения, из дворян, отец и брат расстреляны в 1919 году за антисоветскую деятельность.

Кроме того, у Власова подвизались:

— перешедший к немцам 17 декабря 1942 года бывший командир 389-й стрелковой дивизии бывший полковник Буняченко, в 1942 году приговорённый к расстрелу трибуналом Северной группы войск Закавказского фронта за создание угрозы окружения для 9-й армии и всей группировки с заменой 10 годами заключения и возможностью отбывать наказание в действующей армии;

— бывший тридцатилетний член Военного совета 32-й армии бывший бригадный комиссар Жиленков, бывший секретарь Ростокинского райкома партии в Москве, из беспризорников;

— бывший командир 350-й стрелковой дивизии бывший полковник Зверев;

— бывший помощник начальника связи 2-й ударной армии Волховского фронта бывший подполковник Корбуков;

— бывший заместитель начальника штаба 6-й армии бывший полковник Меандров;

— бывший полковник ВВС бывший кавалер ордена Ленина Мальцев, арестовывавшийся в марте 1938 года и в 1940 году реабилитированный, как оказалось — зря.

Вот и весь генеральский «штат» РОА по состоянию на 1944 год — ровно десяток человек. Все они вместе с Власовым были повешены в конце августа 1946 года.

Надеюсь, приведённой выше краткой информации о масштабах «сотрудничества» русских военных с немцами читателю будет достаточно, чтобы посмеяться над утверждениями о том, что если бы немцы пришли-де в Россию как союзники российских антибольше-

вистских сил, то на борьбу со Сталиным поднялись бы миллионы.

Более точно передаёт ситуацию запись в дневнике Гальдера от **27 ноября 1941 года**:

«Местное население. Наши войска слишком щадят местных жителей. Необходимо перейти к принудительным мероприятиям в отношении местного населения».

Не думаю, что эта запись нуждается в развёрнутом комментарии, как и запись в том же дневнике, сделанная **20 июля 1941 года**, на 29-й день войны:

«Отдельные группы противника, продолжающие оставаться в нашем тылу, являются для нас настоящим бедствием. У нас в тылу нет никаких войск, чтобы ликвидировать эти группы».

Всё это напоминает анекдот: «Я медведя поймал! — Так тащи его сюда! — Да он не пускает». Красная Армия вроде бы и разбита, но её бойцы для победоносного вермахта по-прежнему являются настоящим бедствием, и у «побеждающих» немцев нет против них никаких войск. А ведь это — всего лишь через неполный месяц после начала войны.

Кто заставлял воевать эти оставшиеся в немецком тылу наши войска — НКВД? Берия? Страх перед Сталиным? И ведь все эти группы с боями пробивались к линии фронта, где они знали, что их ждут прифронтовые особые отделы, НКВД, суровые приказы того же Сталина...

Миф о массовых антисоветских, антикоммунистических и антисталинских настроениях в народе, в РККА и в её руководстве не выдерживает испытания уже единственным вопросом, а именно: «Если бы всё обстояло так, как утверждали в 1941 году германские спецпропагандисты и как утверждают сегодня «Суворов»-Резун,

Марк Солонин и прочие антисоветчики, то почему же в 1939, в 1940-м или в 1941 году — до 22 июня вооружённый народ не повернул штыки против власти?»

Ну, ладно, пусть после 22 июня 1941 года всех сплотила необходимость отпора внешней агрессии. Но ведь уже с 1939 года Красная Армия была подлинно массовой. И при этом внутренне она была — по утверждению Марка Солонина — антисталинской и антисоветской. А по утверждению Власова, и её генералитет относился к Сталину и Советской власти более чем прохладно.

Так за чем, как говорится, дело стало?

Но в том-то и дело, что на деле всё обстояло наоборот — расчёты Гитлера на блицкриг по мере развития боевых действий тонули не столько в несуществующей грязи летних русских дорог, сколько в море действительно народной ненависти к захватчикам.

Почему?

Отвечая на этот вопрос, можно привести множество фактов, цифр, имён, дат и воспоминаний, но я ограничусь двумя цитатами из «Воспоминаний солдата», написанных генералом Гейнцем Гудерианом:

«О настроениях, господствовавших среди русского населения, можно было, между прочим, судить по высказываниям одного старого царского генерала, с которым мне пришлось в те дни беседовать в Орле. Он сказал: «Если бы вы пришли 20 лет назад, мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова стали оживать, а вы пришли и отбросили нас на 20 лет назад, так что мы снова должны начать все сначала. Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины»...

Эти слова в особых комментариях не нуждаются, но я всё же замечу, что старый генерал имел в виду не просто единение народа в борьбе за суверенное национальное государство, но он имел в виду вполне определённое ***социальное*** устройство этого государства.

И суть этого устройства, сам того, похоже, не поняв, засвидетельствовал опять-таки Гудериан. В середине сентября 1941 года он ещё продвигался по территории Украины и заночевал вместе со своими офицерами Бюсингом и Кальденом в здании школы в Лохвице (это на северо-западе Полтавской области).

«Школа, — писал Гудериан, — находилась в прочном здании и была хорошо оборудована, ***как и все школы в Советской России*** (выделение, естественно, моё. — *С.К.*), находившиеся почти повсюду в хорошем состоянии. Для ***школ, больниц, детских домов и спортивных площадок*** в России было сделано много. Эти учреждения содержались в чистоте и полном порядке...»

И вот уж эти слова я как-либо комментировать не буду!

Однако ещё раз скажу о «страхе», который по Марку Солонину был якобы стержнем жизни в СССР Сталина...

Пусть читатель попробует угадать, о какой эпохе и относительно жизни в какой стране сказаны следующие слова: «*Народ мы воспитывали неправильно. Всё это следы и результаты излишнего демократизма. Каждый смел критиковать руководителя учреждения или предприятия...*»

Впрочем, я сразу успокою читателя, что пытаться угадать верный ответ — напрасный труд. Эти слова ответственного секретаря радиовещания Сталинградского фронта Заславского сказаны в августе 1942 года по поводу знаменитого приказа наркома обороны СССР Сталина № 227. И приведены они в спецсообщении Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР «О реагировании в связи с отходом наших войск и приказом НКО № 227» от 8 августа 1942 года!

Какие иногда удивительные кунштюки выделывает история! Надо же! Во внутреннем документе советских ***репрессивных*** органов времён эпохи Сталина отыскива-

ется непредвзятая, высказанная в сердцах без расчёта на оглашение и всё же документально зафиксированная благодаря ***информатору Особого отдела*** оценка довоенной жизни в СССР творческим (!) работником-интеллигентом (!!).

И эта житейская оценка наповал бьёт все россказни «демократов» о массовых репрессиях и режиме массового страха в сталинской России. Зато эта оценка свидетельствует об обратном — об ***излишнем демократизме*** в России Сталина!

Тогда же Заславский говорил: «*Это результат всей системы воспитания и общественной организации, когда руководитель должен был бояться каждого, если хотел жить...*»

Замечу, что последние слова не имеют отношения к пресловутому «страху перед доносами», потому что до этого Заславский сетовал по поводу чересчур открытой критики руководителей.

Я не буду утверждать, что положение вещей, когда ***руководитель*** должен был бояться каждого, является идеалом. Но это всё же лучше нынешнего, «россиянского», положения, когда каждый боится ***руководителя***.

А оккупантов боялись — потому что этот страх был заранее запланирован самими оккупантами как психологический стержень оккупационного режима. И это моё утверждение не голословно. Так, 17 марта 1941 года Гальдер после совещания у Гитлера записал в своём дневнике:

«...2. [Высказывания Гитлера по поводу] операции «Барбаросса»:

а. Мы должны с самого начала одержать успех. Никакие неудачи недопустимы...

<...>

... 5. [Высказывания Гитлера] о тыловых районах: В Северной России, которая будет передана Финляндии, никаких трудностей. Прибалтийские государства отойдут к нам со своим местным самоуправлением.

Русины (Гитлер имел в виду западных украинцев. — *С.К.*) будут нас приветствовать (Франк); Украина — неизвестно; донские казаки — неизвестно; кубанские казаки — неизвестно. Мы должны создать свободные от коммунизма республики. Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан.

В Великороссии необходимо применить жесточайший террор. Специалисты по идеологии считают русский народ недостаточно прочным. После ликвидации активистов он расслоится...»

А «режим», как его аттестуют «демократы», Сталина, точнее — социалистический строй, опирался как раз на развитие подлинной демократии, то есть, в переводе с греческого, — власти народа. И поэтому он практически развивал народные силы, черпая силу в самой народной гуще. Я чуть позже приведу весьма — на мой взгляд — неожиданное, но конкретное подтверждение этого общего тезиса. А пока — ещё одна, мало известная деталь той войны... 23 августа 1941 года нарком обороны СССР Сталин подписал приказ НКО № 281 о порядке представления к правительственным наградам военных санитаров и носильщиков. В соответствии с ним за вынос с поля боя 15 раненых с их винтовкой или ручным пулемётом санитар представлялся к награждению медалью «За боевые заслуги» или медалью «За отвагу»; за вынос 26 раненых — к ордену Красной Звезды; за вынос 40 раненых — к ордену Красного Знамени... За вынос 80 раненых полагался орден Ленина — высшая награда Родины.

То есть за всеми заботами войны Верховный Главнокомандующий не забыл и самых скромных и незаметных воинов на поле боя — не тех, кто идёт в атаку (хотя и это санитарам порой делать приходилось), а тех, кто шёл «за други своя» под пули для того, чтобы спасти жизнь раненого товарища, сражённого в атаке. И в этом тоже была суть эпохи Сталина и России Сталина...

Теперь же немного — о заградительных отрядах... Мне уже приходилось писать, что когда-то «продвинутые» «интеллигенты» распевали на кухнях: «Эту роту расстрелял из пулемёта свой же заградительный отряд».

Сегодня эти лживые гнусности преподносят «российским» мальчикам и девочкам средняя школа и «российское» телевидение. Однако в истории войны нет ни одного случая, когда какую-то *роту* расстрелял заградительный отряд. Ведь если бы некий заградотряд расстрелял стоящую (реально, конечно, — лежащую) перед ним роту, то тогда в положении роты оказался бы сам заградотряд — фронт-то держать кому-то надо. Поэтому армейские заградители в том случае, когда имелись в районе передовой, если и стреляли, то поверх голов — для острастки и прочистки мозгов.

При этом восстановление боевой устойчивости нестойкой части, находящейся на передовой, относилось к прерогативам заградительных отрядов Действующей армии, а заградительные отряды Наркомата внутренних дел (НКВД) ***никогда не обеспечивали боевой устойчивости войск***!

Первые заградительные отряды Наркомата обороны (НКО) были созданы в соответствии с Директивой Ставки ВГК от 5 сентября 1941 года. Командующему войсками Брянского фронта Ерёменко разрешалось (не предписывалось! — *С.К.*) создать заградотряды в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как неустойчивые. Заградотряды должны были не допускать самовольного отхода частей с позиций, а в случае бегства «остановить, применяя при необходимости оружие».

Более широко заградительные отряды НКО стали известны после знаменитого приказа наркома обороны СССР Сталина № 227 от 28 июля 1942 года, где, в частности говорилось: «...Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования...»

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывало «сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной...»

Обращаю внимание читателя — на армию штатной численностью где-то в сто тысяч человек приходилось до тысячи заградителей. Способен ли один вооружённый человек задержать сто вооружённых людей? Не думаю... Он может сдержать и задержать считаные единицы. Но ведь для нестойких единиц заградотряды и были созданы!

Тем же приказом № 227 предписывалось в пределах фронта сформировать от одного до трёх штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять провинившихся средних и старших командиров и политработников (а не «храбрецов»-уголовников).

В пределах армии предписывалось сформировать от пяти до десяти штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой) для провинившихся рядовых бойцов и младших командиров.

После стабилизации обстановки на фронте в конце 1942 года заградительные отряды НКО использовались в составе частей НКВД по охране тыла Действующей армии, а в соответствии с приказом НКО № 349 от 29 октября 1944 года были расформированы.

Что же до заградительных отрядов НКВД, о которых я более подробно писал в своей книге о Л.П. Берии, то адекватное представление об этих заградотрядах даёт справка заместителя начальника Управления Особых отделов НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейна на имя Берии, в которой сообщалось, что с начала войны по 10 октября 1941 года оперативными заслонами Особых отделов НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла

задержаны 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта, из числа которых Особыми отделами арестовано 25 878 человек. Остальные 632 486 человек были сформированы в части и вновь направлены на фронт.

При этом по постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек.

Что значит — обеспечить заградительные мероприятия ***в прифронтовой зоне*** ценой всего десяти тысяч расстрелов за первые четыре месяца тяжелейшей неразберихи? Это значит — действовать профессионально, взвешенно, а не тыкать всем подряд без особой надобности наганом в зубы. Вот и вся правда о «кровавых» заградительных отрядах «ЧК», якобы расстреливавших собственные роты.

При этом заградительные отряды НКВД при необходимости и сами воевали — ведь их основная деятельность пришлась на первый период войны, когда тыловой с утра район к вечеру мог стать фронтом. Надо сказать, что тема непосредственно фронтового героизма чекистов, прежде всего — пограничников, по сей день замалчивается, ибо правда о нём косвенно опровергает многие гнусности, распространяемые сегодня об НКВД Берии. А ведь тот же герой Ельнинской наступательной операции 1941 года, командующий 24-й армией 39-летний генерал Ракутин, был недавним подчинённым Берии. Уроженец Нижегородщины, сын крестьянина из деревни Новинки, Константин Иванович Ракутин до войны командовал Прибалтийским пограничным округом, а после её начала вошёл в число тех пограничных командиров, которые под руководством Берии вначале формировали соединения Резервного фронта, прикрывающего Москву, а затем ими командовали.

Пришедший в ряды РККА в 1919 году, в 17 лет, генерал НКВД Ракутин пал смертью храбрых 7 октября 1941 года в бою близ деревни Семаево Вяземского района Смоленской области. Официально он стал Ге-

роем Советского Союза посмертно, однако был им на протяжении всей своей недолгой, но яркой жизни, в которой успел повоевать с Колчаком, с белополяками, штурмовать Волочаевку, совершить в 20-е годы поход к «полюсу холода» с целью ликвидации банды авантюристов, вознамерившихся отторгнуть Якутию от Советского Союза... О Ракутине в своих воспоминаниях хорошо отозвался маршал Жуков, а начальник штаба 24-й армии — армейский генерал-майор А.К. Кондратьев, познакомившись с командармом, вскоре записал в дневнике: «Энергичен, подвижен, толков. Способен в массе материала отыскать самое важное и на нем сосредоточить свое внимание и внимание людей». Характеристика, типичная для испытанных кадров Берии.

В Смоленском сражении 1941 года, частью которого была Ельнинская операция, принимали также участие другие генералы-пограничники, но я особо выделю одного — 35-летнего командующего 33-й армией Западного фронта, украинского крестьянского сына Дмитрия Платоновича Онуприенко. Имя Онуприенко не очень-то известно даже сегодня, а он, кадровый чекист-пограничник, тоже был яркой личностью, тоже прошёл школу наркома Берии. С марта 1939 года — заместитель начальника Управления конвойных войск НКВД СССР (по «демократической» терминологии — «вертухаев»), с марта 1941 года — заместитель начальника Управления оперативных войск НКВД СССР, с июня 1941 года — начальник штаба МВО, а с июля 1941 года — командующий 33-й армией. Воевал храбро, не всем был удобен, но в 1943 году, командуя корпусом, за форсирование Днепра был удостоен звания Героя Советского Союза. С 1957 года, в 51 год, отправлен в отставку — хрущёвцам кадры Берии были ни к чему.

На фигурах генералов Ракутина и Онуприенко я остановился отдельно и потому, что блестящая полководческая деятельность пограничных генералов НКВД замалчивалась в СССР после убийства Сталина и Берии наглухо.

Вот пример... 8 декабря 1941 года Гальдер записал в своём дневнике: «Согласно данным радиоразведки, учреждения НКВД переформированы в полевые дивизионные штабы», на что советская редакция «Воениздата дала следующее примечание: «Несколько стрелковых дивизий НКВД действовало на фронте с первых дней войны. Они были укомплектованы преимущественно пограничными войсками и никакой реорганизации ни они, ни их штабы в то время не подвергались».

Здесь сознательно переврано практически всё! С первых дней войны на фронте воевали не дивизии НКВД, а пограничные полки НКВД, и лишь 29 июня 1941 года Ставка Главного Командования поручила наркому внутренних дел Берии сформировать не «несколько», а 10 стрелковых и 5 моторизованных дивизий с костяком из личного состава пограничных и внутренних войск НКВД. 14 июля 1941 года Ставка уже Верховного Командования издала приказ о создании фронта из шести резервных армий, четырьмя из которых командовали подчинённые Берии, в том числе 24-й — генерал-майор Ракутин.

30-й армией командовал начальник войск Украинского пограничного округа генерал-майор В.А. Хоменко, павший позднее смертью храбрых; 31-й армией — начальник войск Карело-Финского пограничного округа генерал-майор В.Н. Далматов.

29-ю армию после окончания формирования армий Резервного фронта принял заместитель Берии генерал-лейтенант Иван Масленников — герой битвы за Москву, личность вполне легендарная и естественным образом героическая.

Эти люди и сами не знали страха, и не сеяли его в людях. Как не сеял его в них и сам Сталин. Думаю, сегодня будет не лишним привести оценку атмосферы, установленной Сталиным в кругу высшего руководства войной. Это — свидетельство военного заместителя Сталина на той войне, маршала Жукова. В первом, прижизненном издании своих мемуаров, за которые

несёт ответственность он сам, а не редакторы посмертных «добавлений» в эти мемуары, маршал о работе Государственного Комитета Обороны, сосредоточившего в своих руках на время войны всю полноту власти в стране, написал так:

«На заседаниях ГКО, которые проходили в любое время суток, как правило в Кремле или на даче И.В. Сталина, обсуждались и решались все важнейшие вопросы того времени. Планы военных действий рассматривались Государственным Комитеттом Обороны совместно с Центральным комитетом партии (тут имеется в виду, конечно, не весь состав ЦК, а его секретариат и аппарат. — *С.К.*), народными комиссарами, права которых были значительно расширены. Это позволяло обеспечивать, когда возникала необходимость, сосредоточение огромных материальных сил на важнейших направлениях, проводить единую линию в области стратегического руководства и, подкрепляя ее организованным тылом, увязывать боевую деятельность войск с усилиями всей страны.

Очень часто на заседаниях ГКО вспыхивали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко. И.В. Сталин обычно расхаживал около стола, внимательно слушая споривших. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал говоривших репликами «короче», «яснее». Заседания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно.

Если на заседании ГКО к единому мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей крайних сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения. Так бывало, если у И.В. Сталина еще не было своего твердого мнения. Если же И.В. Сталин приходил на заседание с готовым решением, то споры либо не возникали, либо быстро затухали, когда он присоединялся к одной из сторон...»

Как видим, не страх, а деловая атмосфера исходила с самого верхнего этажа власти в СССР Сталина. И эти мощные волны сталинской выдержки и спокойствия доходили до самых «низов». Конечно, по пути они не раз сталкивались с «подводными камнями» некомпетентности, подлости, высокомерия и жестокости части нижестоящих руководителей. И тогда возникали многие из тех конфликтов, драм, а то и трагедий, которые сегодня «демократы» и «продвинутые» «историки» пытаются выдать за суть эпохи.

Но сутью эпохи была взвешенная директива Сталина, а не его окрик. Между прочим, Жуков свидетельствует:

«Всего за время войны Государственный Комитет Обороны принял около десяти тысяч решений и постановлений военного и хозяйственного характера. Эти постановления и распоряжения строго и энергично исполнялись, вокруг них закипала работа, обеспечившая проведение в жизнь единой... линии в руководстве страной в то трудное и тяжелое время.

И.В. Сталин был волевой человек и, как говорится, не из трусливого десятка. Несколько подавленным я его видел только один раз. Это было на рассвете 22 июня 1941 года: рухнула его убежденность в том, что войны удастся избежать.

После 22 июня 1941 года на протяжении всей войны И.В. Сталин... твердо руководил страной, вооруженной борьбой и нашими международными делами».

Десять тысяч постановлений и решений только ГКО! И каждое из этих решений Сталин обдумал и взвесил. Это — кроме повседневной работы главы государства и политика мирового уровня. Как провёл Сталин день 22 июня 1941 года, мы знаем. А какими, кстати, были для него дни 22 июня в последующие военные годы? Открывая журнал посещений кремлёвского кабинета, узнаём следующее...

22 июня 1942 года:

1. т. Щербаков	20.00 — 0.40
2. т. Бодин (нач. штаба фронта. — *С.К.*)	20.05 — 23.55
3. т. Молотов	20.10 — 1 ч. 00
4. т. Ворошилов	20.20 — 1 ч. 00
5. т. Маленков	20.30 — 1 ч. 00
6. т. Иванов (зам. нач. ГШ. — *С.К.*)	23.00 — 23.35
7. т. Берия	0.45 — 1 ч. 00

22 июня 1943 года:

1. т. Жуков	22.55. — 3.10
2. т. Василевский	0.30 — 3.10
3. т. Антонов	0.30 — 3.10
4. т. Мехлис	0.30 — 2.45
5. т. Молотов	0.45 — 3.15
6. т. Маленков	0.50 — 3.15
7. т. Микоян	1.10 — 3.15
8. т. Хрулев (нач. тыла КА. — *С.К.*)	1.10 — 2.55
9. т. Новиков (ВВС. — *С.К.*)	2.15 — 2.35
10. т. Никитин (ВВС. — *С.К.*)	2.15 — 2.35

22 июня 1944 года:

1. тов. Молотов	вход в 21.00 — 1.45
2. тов. Ванда Василевская (писательница. — *С.К.*)	вход в 21.00 — 23.35
3. тов. Мануильский (секретарь ИККИ. — *С.К.*)	вход в 21.00 — 23.35
4. Моравский (польск. полит. деят. — *С.К.*)	вход в 21.00 — 23.35
5. Турский (польск. полит. деят. — *С.К.*)	вход в 21.00 — 23.35

6. Ганецкий (польск. полит. деят. — *С.К.*)	вход в 21.00 — 23.35
7. Харды (польск. полит. деят. — *С.К.*)	вход в 21.00 — 23.35
8. т. Берия	вход в 23.50 — 1.45
9. тов. Маленков	вход в 23.50 — 1.45
10. тов. Конев	вход в 23.50 — 1.45
11. тов. Антонов (Генштаб. — *С.К.*)	вход в 23.50 — 1.45
12. тов. Грызлов (Генштаб. — *С.К.*)	вход в 23.50 — 1.45
13. тов. Крайнюков (чл. ВС 1 Укр. фр. — *С.К.*)	вход в 23.50 — 1.45
14. тов. Ворожейкин (ВВС. — *С.К.*)	вход в 1.15 — 1.45
15. тов. Никитин (ВВС. — *С.К.*)	вход в 1.15 — 1.45

Три дня из более полутора тысяч военных дней — если считать и войну с Японией. Три обычных, «навскидку» взятых дня. Но какой объём работы, какой размах!

И против такого лидера — по утверждению солониных — народ обратил бы оружие, если бы его получил от немцев? И это утверждается по отношению к тому народу, для вооружения и воинского умения которого Сталин работал день и ночь? Народу, миллионы представителей которого от Сталина получили лучшее в мире боевое оружие?

Какая всё же чепуха!

Глупость подобных «открытий» особенно ясно видна на фоне вынужденных оценок врага — например, генерал-майора Фридриха Вильгельма фон Меллентина. Меллентин был врагом России во время войны и остался им после войны. Однако он всегда был умным нашим врагом, и притом издавна — врагом опытным.

Он воевал в Польше, во Франции, на Балканах, в Африке, на Восточном фронте, а затем опять во Франции, в Арденнах и в самой Германии... Закончил войну начальником штаба 5-й танковой армии в Рурском котле. В 1956 году в Лондоне вышла его книга «Panzer battles 1939—1945», изданная у нас в 1957 году («Танковые сражения 1939—1945 гг.»). Глава XIX его мемуаров называется «Красная Армия», и ниже я приведу выдержки из неё.

Итак, потомственный немецкий офицер, генерал вермахта Ф.В. фон Меллентин:

«Русский солдат любит свою «матушку Россию», и поэтому он дерется за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком. Однако следует учитывать, что партия и ее органы обладают в Красной Армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей недоставало в первую мировую войну — железную дисциплину. <...> Дисциплина — главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина. <...>

Индустриализация Советского Союза, проводимая настойчиво и беспощадно, дала Красной Армии новую технику и большое число высоко квалифицированных специалистов.<...>

...в ходе войны русские постоянно совершенствовались, а их высшие командиры и штабы получали много полезного, изучая опыт боевых действий своих войск и немецкой армии. Они научились быстро реагировать на всякие изменения обстановки, действовать энергично и решительно .<...>

...русский, в целом, безусловно отличный солдат и при искусном руководстве является опасным противником. <...> Умелая и настойчивая работа коммунистов

привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского все больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растет. <...>

Русские дивизии <...> наступали, как правило, на узком фронте <...> Они появлялись словно из-под земли, и казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину.<...> Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого.<...> После 1941 года к людским массам русских добавились массы танков. Отбить такие атаки было, конечно, значительно труднее, и стоило это гораздо большего нервного напряжения.<...>

Мои замечания<...>касались<...>действий русской пехоты, которая в ходе второй мировой войны полностью сохранила великие традиции Суворова и Скобелева. <...> Русская артиллерия, подобно пехоте, также используется массированно.<...> В ходе войны русские совершенствовали и развивали тактику артиллерии в наступлении. Их артиллерийская подготовка превратилась в подлинный шквал разрушительного огня.<...>Русская артиллерия является очень грозным родом войск и целиком заслуживает той высокой оценки, какую ей дал Сталин.<...>

Необыкновенное развитие русских бронетанковых войск заслуживает самого пристального внимания со стороны тех, кто изучает опыт войны. Никто не сомневается, что у России может быть свой Зейдлиц, Мюрат или Роммель, — в 1941—1945 годах русские, безусловно, имели таких великих полководцев.<...>Танкисты Красной Армии закалились в горниле войны, их мастерство неизмеримо возросло. Такое превращение должно было потребовать исключительно высокой организации и необычайно искусного планирования и руководства»...

Сам военный, генерал Меллентин дал высокую оценку чисто военному руководству СССР, написав:

«Русское высшее командование знает свое дело лучше, чем командование любой другой армии».

Но к этим словам можно кое-что и прибавить: «Знает, благодаря политическому руководству, сформировавшему в ходе войны ***и перед ней*** компетентный потенциал такого командования»!

Причём и оценка Меллентина, и моё дополнение к ней подразумевает как первую фигуру русского высшего командования, конечно же, Сталина!

Чтобы лишний раз подтвердить ретроспективную немецкую оценку, приведу — пожалуй, последний раз в этой книге — ряд записей генерала Гальдера, сделанных в реальном масштабе времени. Интересно сравнить, как менялись эти оценки на протяжении 1941 года.

23 июня 1941 года, 2-й день войны:

«...я сомневаюсь в том, что командование противника действительно сохраняет в своих руках единое и планомерное руководство действиями войск».

24 июня 1941 года, 3-й день войны:

«...верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск».

27 июня 1941 года, 6-й день войны:

«...русское командование на Украине (следует отдать ему должное, оно действует хорошо и энергично...)».

3 июля 1941 года, 12-й день войны:

«...характер атак противника показывает, что командование противника полностью дезорганизовано. Организация атак исключительно плохая...»

11 июля 1941 года, 20-й день войны:

«Командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически...

Войска устали...»

26 июля 1941 года, 35-й день войны:

«...Противник снова нашел способ вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это, — с одной стороны, — яростные контратаки... а с другой — большое искусство, с каким он выводит свои войска

из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их по железной дороге и на автомашинах...»

8 августа 1941 года, 48-й день войны:

«...Следует обратить внимание на смелость противника при проведении операции на прорыв. Образовавшийся прорыв говорит не только о смелости и дерзости противника, он создает ряд неудобств для наших войск».

15 августа 1941 года, 55-й день войны:

«Опять мы повторяем старую ошибку, позволяя одной смело действующей русской дивизии сковать 3—4 наши дивизии...»

При этом ещё **28 июля 1941 года**, на 37-й день войны, Гальдер записал:

«Район Могилева окончательно очищен от войск противника. Судя по количеству захваченных пленных и орудий, можно считать, что здесь, как и предполагалось, первоначально находилось шесть дивизий противника».

Однако непосредственно Могилёв обороняла лишь 172-я стрелковая дивизия. Считая две соседние с ней дивизии, в районе Могилёва было всего три советские дивизии и несколько небольших потрёпанных наших частей, отступивших в этот район. А Гальдер числил здесь вдвое больше наших войск. И это — на 37-й день войны!

Интересна и запись от **19 июля 1941 года**:

«...*Артиллерийские части*. Придется еще не раз отстаивать необходимосить создания достаточного количества артиллерии РГК (резерва Главного командования. — *С.К.*) как могучего средства ведения боя. Нам нужны и дивизионы АИР (артиллерийской инструментальной разведки. — *С.К.*), и штабы командующих артиллерией. Крылатые словечки о том, что современная война ведется, мол, не артиллерией, а танками, являются ошибочными и приносят вред».

Гальдер не знал, конечно, что именно так мыслил Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами СССР Сталин. Он сознавал роль мощного и

хорошо организованного артиллерийского удара ещё со времён своего руководства обороной Царицына в Гражданскую войну. И поэтому в Красной Армии образца 1941—1945 года артиллерия была поднята на такую высоту, что Сталин с какого-то периода называл её «богом войны»! Уже 18 июля 1941 года постановлением ГКО № 200 была восстановлена должность Начальника артиллерии Красной Армии, а приказом НКО № 0234 сформировано Главное управление Начальника артиллерии Красной Армии во главе с будущим Главным маршалом артиллерии, а тогда — генералом Вороновым.

Немцы многого о нас не знали... 8 июля 1941 года, на 17-й день войны, Гальдер был уверен, что «формирование противником новых соединений... наверняка потерпит неудачу из-за отсутствия офицерского состава, специалистов и материальной части артиллерии», но уже к моменту нашего контрнаступления он на практике убедился в этой своей ошибке, как позднее немцы могли убедиться и в том, что Гальдер так же попал пальцем в небо, сомневаясь в нашей способности сформировать новые крупные танковые соединения.

В начале июля 1941 года Гальдер считал, что с Красной Армией как с серьёзным противником покончено. А менее чем через два месяца, 30 августа 1941 года, на 70-й день войны, Гальдер вздыхал по поводу того, что возможность переброски немецких войск на тот или иной участок фронта зависит уже не от воли германского командования, а от того, позволит ли это сделать противник.

А 20 декабря 1941 года сам Гитлер потребует от немецких войск, чтобы они учились умению противостоять прорывам, не паниковали при «просачивании отрядов противника в немецкую оборону» и не думали об отходе, «если для этого не созданы условия».

Впрочем, уже тогда, в конце 1941 года, немцы часто вынуждены были отходить без подготовки, а проще — «драпать», как говорили в советских войсках. При этом они, конечно, оставались умелыми и сильными вои-

нами. Просто на их силу всё чаще и чаще находилась ответная русская сила.

И эта сила исходила из самой народной гущи, но не из серой, не из лапотной, инстинктивно сумевшей возвыситься до идеи отпора врагу — как это было в Отечественную войну 1812 года... Новая русская сила имела и быстрый ум, и современные знания, и открытые глаза, и хорошо тренированные мускулы. И я сейчас, как и обещал, дам впечатляющие — на мой взгляд — и неожиданные иллюстрации к этому тезису...

Читатель, надеюсь, не забыл о докладе бывшего помощника японского военного атташе в Москве капитана пехоты Коотани «Внутреннее положение СССР (Анализ дела Тухачевского)» от июля 1937 года. Военный «историк» Черушев не привёл в своей книге о 1937 годе тот фрагмент доклада Коотани, который сейчас приведу я (по сборнику документов «Лубянка: Сталин и ГУГБ 1937—1938», стр. 453):

«...Наибольшего нашего (то есть в Японии. — *С.К.*) внимания требует та работа по популяризации и обучению авиации, которая проводится Осоавиахимом (Общество содействия авиации и химической обороне, предшественник ДОСААФа. — *С.К.*). <...>

...По данным, опубликованным в июне прошлого года, число аэроклубов всего за полгода выросло на 30 и дошло до 167... Если будут идти таким темпом, то задача подготовки 150 000 человек (гражданских пилотов первоначального обучения. — *С.К.*) отнюдь не будет невозможной.

Относительно роста аэроклубов: от Москвы в сторону Казани и Ленинграда идут шоссе. И вот, когда едешь по этим шоссе на автомобиле, на протяжении 200—300 км видишь через каждые 10—20 км аэродромы.... Аэродромы невелики и представляют собой простые посадочные площадки с примитивными ангарами. На них имеется, по крайней мере, по 7, иногда до 40—50 самолетов У-2... Все это появилось за прошлый год, и молодежь действительно усиленно учится...»

Сейчас вдоль подмосковных шоссе, как грибы, вырастают особняки нуворишей — в «Россиянии» Путина и Медведева. А в России Сталина, как грибы, вырастали, как видим, аэроклубы для рабочей и крестьянской молодёжи. Подчёркиваю: и для крестьянской — тоже. Да ещё и как «***тоже***»!!!

Когда я начал анализировать упоминавшуюся мной энциклопедию Томаса Поллака и Кристофера Шоурза «Асы Сталина» по некоему фактору, а конкретно — по месту рождения, то через какое-то время был, признаться, поражён. Из биографических данных «сталинских соколов»-асов следовало, что большинство из них — уроженцы сёл и деревень из самых разных регионов СССР. Я просто не верил своим глазам и не был уверен, что читатель мне поверит здесь на слово.

Так вот, чтобы мне всё же поверили, ниже я приведу данные ***на всех*** лётчиков-истребителей (Поллак и Шоурз пишут лишь о них), Героев Советского Союза, фамилии которых начинаются на букву «А»... С одной стороны, это — безусловно, случайная «выборка». С другой стороны, это — безусловно, представительная «выборка».

Вот она:

Владимир Абрамов, 1914 г.р., г. Кузнецк

Николай Абрамчук, 1912 г.р., с. Романовка Гродненской области

Шамиль Абрашитов — родился в татарской семье под Оренбургом

Александр Авдеев, 1917 г.р., д. Большая Таленка Тамбовской области

Михаил Авдеев, 1913 г.р., д. Городец Могилёвской области

Иван Авеков, 1919 г.р., д. Осиповка Витебской области

Пётр Агеев, 1913 г.р., с. Шумиха Курганской области

Василий Адонкин, 1913 г.р., с. Хохлово Белгородской области

Евгений Азаров, 1915 г.р., д. Вольфино Курской области

Сергей Азаров, 1915 г.р., д. Соколово Брянской области

Виктор Александрюк, 1921 г.р., г. Курск

Константин Алексеев, 1919 г.р., д. Приданцево под Москвой

Алексей Алелюхин, дважды Герой Советского Союза, 1920 г.р., с. Кесова Гора Калининской области

Николай Алифанов, 1912 г.р., из крестьянской семьи на Днепропетровщине

Владимир Алкидов, 1912 г.р., с. Алкужи Тамбовской области

Алексей Амелин, 1921 г.р, д. Остапово под Москвой

Султан Амет-хан, дважды Герой Советского Союза, 1920 г.р., г. Алупка Крымской АССР

Василий Андрианов, 1920 г.р., д. Иванисово, Калининской области

Илья Андрианов, 1918 г.р., с. Канищево Рязанской области

Александр Анискин, 1918 г.р., г. Екатеринослав (Днепропетровск)

Алексей Антипов, 1911 г.р., с. Васковичи Могилёвской области

Митрофан Ануфриев, 1921 г.р., г. Липецк

Николай Артамонов, д. Нехлюдовка Пензенской области

Григорий Артемченков, 1923 г.р., д. Аркино Брянской области

Фёдор Архипченко, 1921 г.р., д. Авсимовичи Могилёвской области

Николай Архипов, 1918 г.р., д. Пученково Ярославской области

Иван Астахов, 1921 г.р., д. Беломестное Тульской области

Михаил Асташкин, 1908 г.р., д. Нащи Рязанской области

Борис Афанасьев, 1920 г.р., г. Брянск

Владимир Афанасьев, 1921 г.р., с. Никандровка Воронежской области

Сергей Ачкасов, уроженец села Старо-Клеменское

Примерно ту же картину мы наблюдаем в биографиях дважды Героев Советского Союза — истребителей... Например, Владимир Лавриненков — уроженец деревни Птахино Смоленской области; Арсений Ворожейкин — деревни Прокофьево Нижегородской области; Павел Головачёв — деревни Кошелево Гомельской области; Кирилл Евстигнеев — деревни Хохлы Курганской области; Пётр Покрышев — села Голая Пристань Херсонской области; Николай Скоморохов — деревни Лапоть Саратовской области; Степан Супрун — села Речки Сумской области и так далее...

Собственно, из истребителей дважды Героев Советского Союза лишь трое — Сергей Луганский, Виталий Попков и Евгений Савицкий по рождению горожане (Алма-Ата, Москва и Новороссийск).

И лишь трижды Героев город и село дали поровну: Александр Покрышкин — рабочий из Новосибирска, а Иван Кожедуб — из черниговского села Ображеевка.

Одна эта сухая статистика вдребезги разбивает и миф об антинародном характере политики Сталина, и ещё один злонамеренный антисталинский и антисоветский миф — о якобы разгроме Сталиным и большевиками русской деревни. Как видим, именно молодые деревенские ребята составили гвардию «сталинских соколов». В старой *Расее* крылья обретала лишь «белая кость». Воинская лётная профессия была почти исключительно прерогативой дворянства, к ней лишь как исключение пробивались представители непривилегированных классов и в редчайших случаях — квалифицированные молодые рабочие. Молодые же крестьяне и мечтать о небе не могли.

И не мечтали.

А Советская, сталинская Россия подняла лучших молодых представителей русской деревни не просто до неба — в буквальном смысле этого слова, но и до самых высоких звёздных высот!

И так было со всеми молодыми и деятельными силами России — они в державе Сталина получали безграничные возможности для стремительного роста и

созидания, если это было не стремление к карьере и к единоличному благополучию.

Вот в чём была сила Сталина и державы Сталина!

И вот почему Сталин и его держава не рухнули после всех испытаний 1941 года, а окрепли и пошли к Победе.

Я мог бы ещё много говорить на эту тему и подтверждать сказанное документами и фактическими аргументами, но стоит ли?

Во-первых, эта книга не может разрастаться до размеров капитального труда.

А во-вторых, неужели и так не ясно — что тут и к чему?

Я, однако, приведу в заключение ещё один фрагмент из доклада японского капитана Коотани:

«В Японии сегодня смотрят на самолеты так — если полетишь, так упадешь... Мне неловко говорить так перед старшими по возрасту, но если среди нынешней молодежи есть люди, которые боятся самолетов, то нужно оказать на них влияние... Необходимо решительно поднять кампанию для популяризации авиации, и если... ленинградские рабочие подняли кампанию за подготовку 150 000 летчиков, то мы должны во что бы то ни стало готовить 50 000 летчиков...

...Я преклоняюсь перед руководителями советского правительства, которые обратили свои взоры на эту проблему...»

И если перед руководителями советского правительства, возглавляемого Сталиным, преклонялся умный недруг России, то разве могли не поддерживать это правительство, не верить такому правительству все деятельные силы советского общества?

На полях сражений Великой Отечественной войны погибло три миллиона коммунистов. Французскую Компартию, ставшую основой французского Сопротивления, называли «партией расстрелянных». В этом смысле Всесоюзную Коммунистическую партию (боль-

шевиков) времён войны можно было бы назвать «партией героически погибших», если бы не тот факт, что к концу войны в Действующей Армии по-прежнему находилось 3,3 миллиона живых, сражающихся членов ВКП(б) — шестьдесят процентов Действующей Армии! Место погибших занимали новые коммунисты-фронтовики. Они писали заявления о приёме в партию прямо на передовой, а там у коммуниста была, как известно, одна «привилегия» — первым подняться в атаку.

Так что вело фронтовиков-окопников в ряды ВКП(б)? Только за второе, военное, полугодие 1941 года в Красной Армии было принято кандидатами в члены партии 126 625 человек против 27 068 человек, принятых в первом, довоенном, полугодии.

Что вело их в партию?

Неужели — страх перед Сталиным?

Миф «сверхштатный», одиннадцатый

СЕГОДНЯ, В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА, МИР, БЛАГОДАРЯ МНОГОЛЕТНИМ ТРУДАМ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ И ИНСТИТУТА ВОЕННОЙ ИСТОРИИ МО РФ, А ТАКЖЕ БЛАГОДАРЯ УСИЛИЯМ РЯДА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ИМЕЕТ ПОЛНУЮ, ОБЪЕКТИВНУЮ И ДОСТОВЕРНУЮ ИСТОРИЮ КАК ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ТАК И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА 1941—1945 ГОДОВ ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Закончив анализ последнего, 10 мифа о 1941 годе, я издательское задание выполнил и одновременно исчерпал «штатный» лимит подлежащих анализу мифов. Однако я не могу не сказать хотя бы несколько слов на тему, обозначенную в формулировке одиннадцатого мифа, который в этой книге оказывается «сверхштатным», «сверхлимитным»...

Мы действительно даже в Советском Союзе никогда не имели достоверной и объективной истории войны. Уже самый первый, «хрущёвский», шеститомник

1961 года был полон умолчаний, а в некоторых принципиальных положениях он историю войны фальсифицировал. Не исправила положения и «брежневская» 12-томная «История Второй мировой войны», изданная в 70-е годы.

Что же до последних примерно пятнадцати лет, то с момента появления на массовом книжном рынке «Ледокола» «Суворова»-Резуна на головы современников начали выливаться не то что ушаты, а цистерны грязного исторического фальсификата, и в этом мутном потоке правда о войне оказалась для многих просто утопленной. Сегодня достаточно познакомиться с многими мнениями, высказываемыми на форумах Интернета, чтобы понять — какая невообразимая для осведомлённого и думающего человека неразбериха царит во многих молодых и не очень молодых умах, как чудовищно и злонамеренно искажена в них картина Великой Отечественной войны и вообще всей сталинской эпохи.

В 2002 году издательство «Вече» выпустило в свет книгу Александра Альбертовича Помогайбо «Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны». Это — чуть ли не единственный основательный разбор «Ледокола» «Суворова», и хотя он не лишён порой наивности, в целом вполне заслуживает похвалы и читательского внимания.

Так или иначе не упомянуть этот труд в своей книге я не мог, но вспомнил я о нём именно в связи с мифом одиннадцатым потому, что в предисловии к своей книге Помогайбо сделал очень показательное признание насчёт того, что когда он, в свою бытность журналистом, получил задание взять интервью относительно книги «Ледокол» в Институте военной истории, то это интервью вопроса для него не прояснило.

Как так могло случиться? Казалось бы, где же ещё можно досконально прояснить вопрос, как не в сосредоточии военной исторической мысли Отечества? Ан нет, не тут-то было. Вопрос прояснён не был.

Но почему?

Повторяю: в СССР была написана лишь одна история непосредственно Великой Отечественной войны — «хрущёвский» шеститомник под редакцией Поспелова, выпущенный в начале 60-х годов. Плюс — 12-томная «История Второй мировой войны», изданная в «брежневские» 70-е годы, где о Великой Отечественной войне сказано немало верного и полезного для её понимания, но — далеко, далеко не всё, если иметь в виду даже чисто фактическую и статистическую сторону истории войны.

Для сравнения сообщу, что официальная английская история Второй мировой войны, подготовленная исторической секцией при кабинете министров, насчитывает 80 (восемьдесят!) томов и, как отмечается в предисловии к русскому изданию 4-го тома этой истории, изданному Воениздатом в 1980 году, «отражает установочные взгляды английских правящих кругов на события Второй мировой войны».

Восемьдесят томов! И это при том, что описание событий на советско-германском фронте занимает в этой истории — если судить по тому 4-му — не более 8 % от общего объёма.

А где же ***наша*** полная история войны? И какие «установочные» взгляды должна отражать она?

Родная племянница Ленина, Ольга Дмитриевна Ульянова, на вопрос телевизионного ведущего о том, какой вариант генеалогических корней её дяди её устроил бы больше — «немецкий» или «еврейский», ответила, что её устроил бы ***правдивый*** вариант. Замечу к слову уже я, что «еврейский» вариант является ошибочным, как это показали объективные исследования уже в ельцинские времена...

Так вот, подлинную историю той войны можно написать, лишь исповедуя «установочные» взгляды, схожие с подходом Ольги Дмитриевны, а именно: 1) полная, точная, представительная информация; 2) честный, всеобъемлющий её анализ; 3) всесторонне обоснованные и всеобъемлющие выводы.

Однако где она, такая история? И многие ли подходят к исследованию истории войны непредвзято, чест-

но да и профессионально? Сегодня в библиографии многих «исследований» о войне чего только не встретишь, хотя большинство «сенсаций» на самом деле является или перепевами давно забытого старого, или переписыванием друг у друга... Но далеко не всегда в этих «списках использованной литературы» находится место даже для классики — того же Типпельскирха или коллективного сборника «Роковые решения»... Я уж не говорю о таких «редкостях», как мемуары генерала Винценца Мюллера или труд генерала Филиппи «Припятская проблема»... Нередко западная «классика» если и упомянута, то видно, что она привлечена для соответствующего «антуража» и придания «сенсациям» солидности.

Однако это, так сказать, — фигляры и шулеры от истории. А как там с крепкими профессионалами, и прежде всего с Институтом военной истории Министерства обороны РФ, а ещё ранее — Министерства обороны СССР?

В Англии, напоминаю, только открытая (и, конечно же, тоже полная «неполноты» и умолчаний) история той войны «тянет» на 80 томов. В США с 1945 по 1961 год в отделе военной истории штаба вооружённых сил США в Европе шла огромная работа по сбору воспоминаний и оценок большой группы бывших гитлеровских генералов и офицеров. В итоге было подготовлено более двух тысяч рукописей.

Имеем ли мы нечто подобное у себя дома? У нас ведь тоже было в плену немало немецких генералов... Но собрали ли мы вовремя не то что их, но даже *свой* полный опыт? Не знаю, каков полный объём книжной серии «Военные мемуары», однако вряд ли он составит хотя бы четверть от того, что получили янки от своих бывших противников. При этом многие из наших мемуаров представляют собой всего лишь «литературную запись», а не точный солдатский рассказ о событиях.

Впрочем, профессиональный военный историк может по поводу моих филиппик лишь пожать плечами,

поскольку знает, что и у нас велась подобная работа, и у нас пленные немецкие генералы получали пачку бумаги и ручку с пером, и у нас составляли вопросники для советского генералитета и велись обширные и серьёзные исторические исследования профессиональными военными — например, со сравнительным анализом уровней боевой устойчивости немецких и советских войск в разные периоды войны.

Но как это всё нашло отражение в полной истории войны?

Где она?

Почему журналист Помогайбо так и не смог прояснить неясные вопросы истории войны, даже побывав в Институте военной истории, и вынужден был сам в этих неясных вопросах разбираться?

Да, написать такую — честную и полную — историю войны сегодня будет особенно непросто, если учитывать ту психологическую атмосферу, которая создана за последние двадцать примерно лет отечественными фальсификаторами новейшей истории Отечества.

Причём что интересно! Никаких ведь супероткрытий эта история содержать не будет. Более того, её схема будет близка к традиционной: СССР войны не хотел, а Гитлер её начал по своему хотению. Гитлеровцы были жестоки и брали в первый период войны нередко нахрапом, а наши войска вели тяжёлые оборонительные бои. А поскольку наше дело было правым, мы победили!

Такова краткая схема... Но как многое в наполнении этой схемы по сей день отсутствует!

Так, честная история войны не может не дать в полный рост И.В. Сталина — полководца № 1 всех времён и всех народов... Полководца № 1 потому, что он руководил всем комплексом действий России в войне № 1 всех времён и всех народов и привёл Россию в этой войне к Победе.

Честная история войны не может не отдать должное и второй после Сталина управленческой фигуре военных лет, заместителю Сталина по ГКО Л.П. Берии...

В этой честной истории войны надо будет признать, что даже самым прославленным, и заслуженно прославленным, представителям нашего послевоенного «маршалитета» и генералитета не нужна была *полная* правда о том, как начиналась война.

Ранее в этой книге я уже писал, что Сталин после войны великодушно не обнародовал тот факт, что войну преступно проморгал не только Павлов, а чуть ли не всё военное руководство. «После того, как пришла Победа, стоит ли ворошить прошлое?» — скорее всего, решил он. Возможно, он не придавал очень уж важного значения изучению прошлого военного опыта и потому, что такой опыт в ракетно-ядерную эпоху должен был стремительно устаревать и действительно устарел бы, если бы оборонное строительство в СССР и после смерти Сталина и Берии шло бы рационально. Мы ведь не собирались завоёвывать мир силой оружия — как это пытался сделать Наполеон, как пытаются это сделать нынешние олигархи Запада. И поэтому нам достаточно было бы оградить себя Ракетно-ядерным Щитом, что полностью меняло бы все былые понятия о войне и исключало бы эту войну.

Или вот ещё одно обстоятельство, о котором я тоже уже упоминал... Сталин не знал, что после его смерти многие, да почти все его соратники, в том числе и военные, не оборвут Хрущёва тогда, когда он начнёт клеветать на Сталина явным для ближайшего окружения Сталина образом. Сталин не мог предположить, что его маршалы позволят оболгать своего верховного вождя. Но мы-то это сегодня знаем! А зная это, разве можно умолчать об *этом* в честной, объективной истории войны?

И нельзя в ней будет умолчать о том, о чём предпочёл умолчать сам Сталин, — о том, что он тоже совершил немало полководческих ошибок, потому что не сразу освоил полководческое ремесло, хотя и освоил его быстро и блестяще...

Да, объективная история войны ещё не стала фактом. И моя работа, которая в своей основной части уже

завершена, — это не более чем очередной «кирпич» в фундамент той полной истории войны, которая когда-то будет написана.

Пусть он не такой уж и «золотой», но я старался, чтобы он стал добротным «кирпичом» в коллективном «здании» подлинной, настоящей истории Великой Отечественной войны, к постройке которого резуны и солонины не будут иметь никакого отношения.

Впрочем, они обязательно должны попасть туда — но *мелким шрифтом*, в примечания к ней, потому что полная история войны должна будет сказать также и о наиболее злостных её фальсификаторах.

Как говорится: «Каждому — своё».

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЙ СИТУАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА В СВЕТЕ СИТУАЦИИ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ 1941—1945 гг.

Итак, уважаемый читатель, наш разговор о собственно 1941 годе закончен. Однако всесторонний разговор по существу не может быть, на мой взгляд, закончен без, например, ответа автора на резонный читательский вопрос: «Так что же всё-таки произошло в 1941 году? Почему произошло то, что произошло?»

Что ж, я на этот вопрос дам свой ответ, а уж в воле читателя принимать его или не принимать...

В середине 1941 года в России произошло в военной сфере нечто подобное — в системном смысле — тому, что произошло в 1933 году в сельском хозяйстве России.

И в 1933 году, и в 1941 году мы получили, что тут отрицать, катастрофы. При этом обе катастрофы имели одну и ту же системную причину, но эта причина не имела никакой связи с политикой Сталина и большевиков. Обе катастрофы, и 1933, и 1941 года, были обусловлены тяжёлым наследием старой, царской, России, которое досталось новой, большевистской, России без малейшего её желания, но — досталось. Ведь от своей страны и от её истории никуда не уйдёшь — если ты живёшь в своей стране, а не сбегаешь из неё в поисках тёплого местечка на планете.

И особенный драматизм ситуации заключался в том, что в своих наиболее существенных чертах это наследие царизма относилось не к сфере экономики, образования, науки, культуры, общественного развития и т.д. В своих наиболее значимых и отвратительных чертах оно, это проклятое наследие проклятого прошлого, относилось к сфере национального характера русского народа.

И тут надо кое с чем объясниться...

Я уже не раз писал в своих книгах, в том числе и в этой, что в русском народе есть как бы два народа — великий народ, олицетворением которого стали Иван да Марья, и ничтожный народишко Ванек и Манек. И чтобы развить эту мысль, я позволю себе обширную автоцитату из моей книги «Русская Америка — открыть и продать!», изданной издательством «Яуза» в 2005 году:

«Однако сейчас, когда я стою в конце немалой работы, я понимаю, что с какого-то момента эта книга стала также рассказом о величии русского духа, во-первых, и о значении компетентности власти в судьбе народов — во-вторых...

И прежде всего — в судьбе народа русского.

Русский народ — великий народ, и лишний раз мы доказали это своей восточносибирской, дальневосточной и тихоокеанской эпопеей.

Но эти же события, эти же периоды в нашей истории показывают и доказывают, что для России особенно значимо то, что представляет собой ее верховная власть и чем она руководствуется... И об этом в конце книги тоже хочется сказать несколько слов...

Если во главе России стоят умные патриоты, она обретает силу и перспективу. Если у власти оказываются бездари и «Иваны, не помнящие родства», страна слабеет и дряхлеет.

Увы, в России чаще случалось второе. И очень часто ее верховная власть была недостойна того народа, который был ей подвластен. Но даже в такие периоды разброда и шатаний Россия была сильна инициативой и жизнен-

ными силами наиболее славной части ее народной массы. Вспомним героев обороны Севастополя в Крымскую войну. Это была горстка, но горстка, ощущавшая себя частью Державы.

А Русская Америка?

Она — если вдуматься, началась даже не с Петра... Фактически она зарождалась еще в эпоху Ивана Грозного, когда началось не просто расширение Российского государства до его естественных границ, а расширение, сознательно инициируемое на высшем государственном уровне, то есть — инициируемое и поощряемое главой государства.

Тогда это был самодержец, человек впервые назвавшийся «царем всея Руси», — Иван Грозный... Как подлинный русский патриот, он был оболган и при жизни, и за гробом. Но двинул русских на восток именно он. Однако не в одном Грозном было дело, а прежде всего — в подлинно русском духе. То есть — в духе пытливом, деятельном, отважном, упорном и неприхотливом.

Как-то мне пришла в голову мысль о том, что есть как бы два английских народа, отличающихся один от другого даже внешне, — приземистый, корявый плебс, простонародье, и стройная, сухощавая и элегантная аристократия...

Не знаю, так ли это, но все более прихожу к убеждению, что в русском народе — причем и в самой толще его народной массы, и в верхних его слоях, — вот уж точно есть два принципиально отличающихся один от другого народа — народ Ивана да Марьи и народишко Ванек и Манек...

Первый народ бил чужеземцев, второй лизал им пятки.

Первый создавал певучие, берущие за душу песни, второй — похабные частушки.

Первый в тяжелую годину хмурил лоб, подтягивал пояс и засучивал рукава, второй — юродствовал.

Второй жил абы как, не очень интересуясь даже тем, что там есть за дальним лесом. Второй норовил отлежаться на печи, а первый...

А первый шел за тридевять земель — не завоевывая их, а органически вбирая их в круг русского дела.

Это было именно движение нации... Запад посылал в заморские владения вначале хищных авантюристов, затем — миссионеров, а затем уж — администраторов, колонистов.

А русский Иван, сын Ивана да Марьи, шел в новые земли Западной, Средней, Восточной Сибири сразу как выразитель общей русской воли — в силу широты характера. И даже если он шел вроде бы за ясаком и мягкой рухлядью, то — в итоге — он шел за судьбой Русской земли...»

Царская «Расея» массово производила именно манек и ванек, и могла существовать лишь до тех пор, пока Иваны да Марьи не набрали в России серьёзную силу.

В 1917 году именно это и произошло. Вначале, правда, наиболее активные слои высшей буржуазии, недовольные самодержавием, подготовили и совершили ***свою*** — Февральскую — революцию, но потом не сумели справиться со стихией, где разгул ванькóв соединялся с возникающей — по образному выражению Ленина — «мерной поступью железных батальонов пролетариата». И в октябре 1917 года родилась новая власть, начавшая преобразовывать «Расею» ванькóв в Россию Ивана да Марьи.

Ванькú всех сортов и уровней, вплоть до профессорско-академического, сопротивлялись, как могли. При этом если для ванькóв с университетскими значками это сопротивление как-то можно было оправдать тоской по утраченным привилегиям и желанием их вернуть, то ванькú в заношенных портках сопротивлялись в силу того дремучего невежества и глубоко сидящего внутри «не ндравится, и усё!», которое «Расея» венценосных ванькóв тщательно культивировала в народной душе не один век.

Народ, тот народ, для будущего которого Сталин гробил здоровье на морозах туруханской ссылки, ещё

не видел, не осознал, каким же оно — это будущее, — должно быть.

А Сталин знал!

И в 1933 году сохранившаяся «Расея» ванек и манек жестоко расплатилась — сама с собой — по многовековым долгам царской «Расеи»...

В 1941 году — тоже.

Что, уважаемый мой читатель? Неудобно? Жёстко и жестоко сказано? Согласен, жёстко и жестоко.

Но, увы, справедливо.

Мы сегодня должны понять — что нам дороже, нас якобы «возвышающий обман» или «тьма низких истин»? И одной из таких горьких истин является следующая...

Да, голод 1933 года был почти запрограммирован коллективизацией 1930 года, однако главной причиной гуманитарной катастрофы 1933 года стала не политика Сталина и даже не скрытые провокации троцкистов и антисоветчиков, а нежелание прежде всего середняцкой массы (а крестьянская Россия к началу коллективизации была преимущественно середняцкой) осознать, что только крупное товарное производство продовольствия может обеспечить будущее страны, а в условиях социализма, против которого как социального строя середняк ничего не имел, крупное товарное производство продовольствия можно было обеспечить ***только*** при коллективном хозяйствовании на земле.

Надо было или:

а) постоянно жить впроголодь, не иметь возможности развить крупную индустрию и оборону и вскоре стать жертвой внешней успешной агрессии той, или иной иностранной державы, или блока этих держав;

или:

б) провести коллективизацию, на её базе создать коллективное крупное товарное производство продовольствия и обеспечить им города, в которых рабочие создают крупную индустрию и материальную базу обороны России...

Был, впрочем, и третий вариант: вернуться к капитализму, когда не середняк-единоличник, а примерно

пять миллионов наёмных рабочих (батраков) в крупных капиталистических латифундиях создавали ту основную товарную массу зерна, которая более-менее кормила Россию и шла на экспорт.

Середняк капитализма не хотел, как не хотел он и коллективизации. А проблема имела характер лишь дилеммы: «или-или». «Да будет слово ваше «да-да», «нет-нет», а что сверх этого, то от лукавого», — две с лишним тысячи лет назад сказал Иисус Христос, но ещё до него древние римляне говорили: «Tertium non datur» — «Третьего не дано»!

То же честно сказал стране и Сталин. В 1929 году он сказал: «Нам надо за десять лет пробежать расстояние в сто лет. Иначе нас сомнут».

Иваны его поняли сразу, ваньки́ — через некоторое время. Вначале они не хотели объединять свои усилия, смотрели на вчерашнюю свою же, но теперь стоящую на колхозной конюшне лошадь, как на чужую... Вначале они в одночасье за считаный год ***наполовину*** вырезали — не в голодном 1933-м, а в ещё относительно сытом 1930 году — поголовье лошадей, свиней, крупного рогатого и мелкого скота... В конце первой трети XX века они хотели жить ни шатко ни валко, как века назад.

И тут неожиданно — для ванько́в — грянула страшная засуха 1933 года.

И произошла катастрофа — как некий итог той вековой мерзости, которую накопила в себе старая «Расея» и которую просто не успела вычистить до конца из народной души новая Россия.

Когда же проблема создания социалистической базы крупного товарного производства зерна была — через лишения и непонимание — в основном решена, в СССР уже во второй половине 30-х годов начался бурный рост не только промышленности, но и сельского хозяйства. И к 1941 году основная масса бывших середняков уже искренне стала сторонником коллективного хозяйствования.

Хотя народишко Ванек полностью, увы, не исчез, по-прежнему сосуществуя рядом с великим народом

Иванов. Причём ваньќи ведь были не только в деревне, но и в городе, и в армии. И носили они не только селянские портки, но и рабочие косоворотки, и красноармейские гимнастёрки. Ещё больше их — в процентном отношении — было среди тех, кто носил френчи, мундиры, портфели и сознание собственного руководящего величия.

И в деле обороны России в последние два-три года перед катастрофой 1941 года происходило нечто подобное тому, что происходило в сельском хозяйстве России в последние два-три года перед катастрофой 1933 года.

С одной стороны, Иваны и Марии прилагали огромные творческие усилия... Одни — для того, чтобы как можно быстрее в условиях очевидного исторического цейтнота построить могучую индустриальную державу, способную надёжно защитить себя современным оружием в современной войне... Другие — для того, чтобы как можно скорее и лучше освоить владение этим оружием.

С другой стороны, ваньки и маньки жили ни шатко ни валко. Ваньќи, отработав смену или откомандовав своё на плацу, спокойно покупали «бублички» и посиживали со своими «Машами» у теле... пардон, самовара.

В Европе уже не то что пахло порохом, там уже вовсю пахло пороховым дымом, а ваньќи всё ещё жили по законам безмятежно мирного времени.

И тут неожиданно — для ванько́в — грянула военная гроза 1941 года.

И произошла катастрофа — как некий итог той вековой мерзости, которую накопила в себе старая Расея и которую просто не успела вычистить из народной души новая Россия.

К войне был не готов, начальный период войны проиграл народишко Ванек и Манек, наиболее ярким представителем которых стал в среде военных генерал армии Павлов, а в гражданской среде — Никита Хрущёв.

А многомиллионный народ Иванов и Марий во главе со Сталиным с первого дня войны принял на себя её

груз и нёс его, нёс... Он сразу повзрослел и посуровел, этот народ, он сразу неизмеримо прибавил в численности. И оставшимся нескольким миллионам ванек и манек тоже пришлось — куда денешься — нести и нести груз войны все военные годы.

У Константина Ваншенкина — поэта очень неровного и неоднозначного есть тем не менее прекрасное стихотворение, которое начинается так:

Трус притворился храбрым на войне,
Поскольку трусам спуску не давали,
Он трясся, задыхаясь, на броне,
Он вяло балагурил на привале...

И этот трус «притворялся» храбрым так долго, что постепенно стал и впрямь кем-то вроде храбреца... Далее Ваншенкин пишет: «О, если бы однажды и подлец навеки притворился благородным», а заканчивает так: «Во всём другом естественность ценя, приветствую подобное притворство!»

Великая Отечественная война стала настолько великим испытанием для народа, она настолько переворачивала душу и стольких природных трусов вынудила идти в бой, под пули, она дала такие массовые примеры жертвенности и героизма, что очистила и благородно переродила души миллионов людей. И, несмотря на гибель на той войне миллионов Иванов и Марий, как и сотен тысяч — вечная слава и им! — бывших ванькóв, народ Иванов и Марий в ходе войны получил мощную прибавку. Хотя народишко ванек полностью, увы, не исчез даже после всех народных бедствий и народных подвигов.

Но к 1945 году великий народ Иванов пришёл в Берлин, водрузил над ним Знамя Победы и вознёс на гранитный постамент бессмертного бронзового Ивана Безымянновеликого, взявшего в руки меч 22 июня 1941 года и опустившего его лишь 9 мая 1945 года.

И так же, как к началу сороковых годов XX века стала понятна великая преобразующая и созидательная сила социализма в деле сельского хозяйства, так

к самой середине сороковых годов стала ясна великая жизненная сила социализма, позволившая России пережить военную катастрофу лета 1941 года и переломить ход войны в пользу России.

Вот как я объясняю происшедшее летом 1941 года и то, почему катастрофа 1941 года не стала для России финальной, а оказалась в общей истории Великой Отечественной войны лишь трагическим эпизодом.

«Так-то оно так, — может сказать на всё это кто-то из читателей. — Но как те давние события связаны с современностью и связаны ли они с ней вообще — напрямую?»

Точный ответ здесь однозначен: «Безусловно, связаны, да ещё и как!» Сейчас я приведу цитату-загадку, где некоторые слова пока выпущены, и пусть читатель попробует отгадать — когда и где это присходило... Итак:

«Вначале {...} преобладала идея разделить территорию Советского Союза на отдельные государства. Прибалтийские республики, Белоруссия, Украина должны были стать «свободными {...}» государствами с собственными правительствами. N-ские {...} наблюдатели должны были играть роль советников...

На итоговом совещании все эти идеи были выброшены за борт, проще говоря, забракованы. N заявил, что указанные территории станут протекторатами...»

На первый взгляд это может показаться откровенным признанием некого эксперта какого-нибудь Бильдербергского клуба или чего-то в этом роде, сделанным в неком «эксклюзивном» интервью в начале XXI века. Однако вот полный, без купюр, текст (ранее выпущенные слова, заменённые отточиями в фигурных скобках, выделены мной. — *С.К.*):

«Вначале ***в Генеральном штабе*** преобладала идея разделить территорию Советского Союза на отдельные государства. Прибалтийские республики, Белоруссия, Украина должны были стать «свободными ***от Стали-***

на» государствами с собственными правительствами. ***Немецкие военные*** наблюдатели должны были играть роль советников...

На итоговом совещании все эти идеи были выброшены за борт, проще говоря, забракованы. ***Гитлер*** заявил, что указанные территории станут протекторатами...»

Цитата же взята из книги Вальтера Гёрлица «The German General Staff. Its history and structure. 1657—1945» («Германский Генеральный штаб. Его история и структура. 1657—1945»). Как видим, о том, что сегодня стало для России реальностью, мечтали ещё «ястребы» германского генштаба, хотя мечтали об этом не только в Германии. Пока что руками «пятой колонны» на территории Советского Союза реализованы идеи, подобные давним идеям части германских генштабистов. Однако современная «Россияния» — если она будет пытаться сохраняться как либеральная «Россияния» — может дождаться и реализации более далеко идущих планов, подобных планам уже Гитлера.

И вот тут мы подходим к одному весьма тонкому моменту... Кому-то из читателей позиция автора книги может показаться странно непоследовательной. С одной стороны, он на документальных примерах показывает, что Гитлер совершенно сознательно шёл на войну с большевистской Россией, ненавидел её и не желал жить на одной планете с ней. С другой стороны, он утверждает, что война СССР с Третьим рейхом была отнюдь не запрограммирована автоматически. Как это понимать?

Понимать это надо так — если кому-то всё ещё что-то неясно... В короткий период между 1938 и 1941 годом в мире существовало два реально возможных, но диаметрально противоположных варианта развития исторической ситуации.

Один вариант — позитивный реализовывался при партнёрских отношениях России и Германии, основывался на идее континентальной Европы, объединённой под эгидой Германии, гарантированной Россией и про-

тивостоящей интернациональной элите с её штаб-квартирами в Лондоне и Нью-Йорке.

Другой вариант — негативный реализовывался при возникновении вооружённой борьбы между Германией и Россией, основывался на противостоянии между Германией и континентальной Европой, объединённой под эгидой интернациональной элиты с её штаб-квартирами в Лондоне и Нью-Йорке.

Я знаю, что 8 июля 1941 года Гальдер (вот, пришлось обратиться за сведениями к нему ещё раз) записал в своём дневнике:

«Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, ни и московитов (русских) вообще»...»

Но это было сказано Гитлером в запале и состоянии головокружения от внешне феноменальных военных успехов в той самой России, на которой обломал зубы сам Наполеон. И это было сказано уже после того, как был перейдён Западный Буг — Рубикон той войны.

Я далеко не сразу пришёл к тем выводам, которые привёл выше. И сегодня я вижу наше прошлое намного объёмнее по сравнению с тем, как видел его, скажем, пятнадцать лет назад.

Между давним, во многом наивным, моим «пониманием» истории и этой книгой пролегли не только годы, но и четыре опубликованные мои книги на затронутую тему — своего рода «трилогия» (в кавычках потому, что я стремился к достаточной самостоятельности каждой своей книги) об отношениях России и Германии: «Россия и Германия: стравить!», «Россия и Германия: вместе или порознь?», «Россия и Германия: путь к Пакту», а

также её виртуальное (впрочем, лишь в конце) продолжение «Кремлёвский визит фюрера».

И в каждой из этих книг я проводил ту основную мысль, что у России во внешнем мире не могло быть иного основного конструктивного партнёра кроме Германии — кайзеровской ли, веймарской ли, националистической ли...

Именно стратегический союз этих двух держав, развивавшихся за счёт собственных талантов, обуславливал мир в Европе и, соответственно, исключал там войну. Если бы ситуация сложилась так, то США никогда не смогли бы помышлять о роли хозяина Европы и мира.

Вот почему силами Мирового Зла было сделано всё, чтобы стравить две потенциально дружественные и взаимодополняющие страны и в 1914-м, и — в 1941 годах. Но, говоря так, я не впадаю в некое германофильство, в чём меня иногда подозревают некоторые активные участники форумов Интернета... Я — последовательный русский советский патриот и люблю не Германию, а Россию. Германию — как одно из трёх наиболее самобытных явлений истории XIX—XX веков (два остальных — это Россия и Япония) — я всего лишь уважаю.

Немногомудрые славянофилы не могут простить Бисмарку то, что он на Берлинском конгрессе не защищал интересы России, много-де для Германии сделавшей... Однако не всем же быть настолько простофилями, чтобы пренебрегать собственными национальными интересами в угоду какому-то «дяде»... Особенно — дяде Сэму, как это делает сегодняшняя либеральная «Россиияния». Это расейским «элитным» ванька́м на Россию наплевать, а Бисмарк уважал многие страны и народы, но любил одну страну — свою, как любил он и один лишь народ — собственный, немецкий.

Я за это на него не в претензии... Я и сам, повторяю, люблю лишь свой народ — русский, советский. Но люблю я его с открытыми глазами... Это ведь сердце должно быть горячим, а руки — чистыми... Разум же должен быть холодным, ясным — почему-то об этом треть-

ем члене знаменитой формулы Феликса Эдмундовича Дзержинского часто забывают. А ведь разум должен быть таковым не только у чекистов, но и у патриотов, у исследователей прошлого...

И холодный разум приводит к выводу, о котором выше уже было сказано не раз: ко второй войне русских с немцами привела нас не непримиримость идеологий (действительно по ряду принципиальных положений очень отличающихся), не объективный конфликт, а провокации недругов России и Германии, а также не преодолённое взаимное недоверие, основания к которому давали друг другу обе стороны.

Обе!

И обе не сделали всего, что можно и нужно было сделать...

В 1985 году Воениздат выпустил в свет мемуары маршала Чуйкова «От Сталинграда до Берлина». И там на странице 529-й было приведено показательное мнение подполковника Германского генерального штаба, взятого в плен в январе 1945 года. В разговоре тогда с ещё генералом Чуйковым немец — вполне убеждённый нацист сказал:

— Мир нужен не только немцам, но и русским. Ваши союзники ненадёжные. Мы, немцы, можем договориться с вами и будем надёжными соседями, а может быть, и союзниками против теперешних ваших союзников.

— Почему же в сорок первом немцы, нарушив договор о ненападении, напали на нашу мирную страну, которая никому не угрожала? — спросил Василий Иванович.

И генштабист ответил:

— Бурный рост Страны Советов внушал нам страх, мы боялись, что вы первые нападёте на нас. Гитлер решил опередить вас, чем совершил самую большую ошибку. Мы не ожидали, что Советы так сильны. Наш генеральный штаб и Гитлер просчитались...

Но тогда просчитались и мы, уважаемый читатель! Просчитались, допустив Гитлера до войны с нами... И в результате Планета лишилась того вполне возможного

развития мировой ситуации, который исключал бы к началу XXI века диктат мировой фондовой биржи.

Сегодня немцы и Европа вновь свысока смотрят на Россию, считая, что она уже сброшена с весов истории. Что ж, либеральную *двуголовую* на гербе и в Кремле «Россиянию» ванько́в действительно можно не брать в расчёт.

Но не совершают ли федеральные немцы в начале XXI века той же роковой ошибки, которую совершил в 1941 году немецкий националист Гитлер?

Уверен, что и сегодня здесь есть над чем думать и русским, и немцам, и всем европейцам. Как, впрочем, и не европейцам — тоже.

И ещё одно...

Один из моих давних товарищей и коллег, опытный инженер-оружейник, умеющий отлично анализировать не только инженерные проблемы, сказал мне:

— Ты знаешь, при всей очевидной твоей правоте, не получится ли так, что ты будешь лить воду на мельницу той сволочи, которая пытается поставить знак тождества между Сталиным и Гитлером и убедить нас в том, что все жертвы той Великой войны были якобы бессмысленны?

И продолжал:

— Не получится ли так, что молодой парень — с одной стороны, интеллектуал, а с другой, невольная жертва нынешнего «пиара», информационных подлогов и тотального загаживания мозгов, — увидит в твоих рассуждениях обратное тому, что ты хотел бы доказать? Его ведь не учат думать, его, напротив, зомбируют с телеэкранов, со страниц книг и газет, в школе и на студенческой скамье...

Буквально накануне этого разговора я перелистывал книгу Людмилы Чёрной «Коричневые диктаторы», где в разделе о Риббентропе эта «публицистка», с одной стороны, презрительно оценивает политику Сталина после 23 августа 1939 года, дня подписания пакта Молотова—Риббентропа, и презрительно рассуждает о сути визита Молотова в Берлин в ноябре 1940 года. С другой

же стороны, она цитирует великого путаника Андрея Сахарова, который в своих «Воспоминаниях...» сообщал, что в Горьком ему-де удалось прочитать записки Евгения Гнедина «о предыстории советско-германского пакта...». По словам Сахарова: «Гнедин, приводя многие опубликованные на Западе документы и дополняя их своими воспоминаниями, убедительно показывает, что советско-германский пакт 1939 года, его секретные статьи, сближение вплоть до переговоров о присоединении к оси (*имеется в виду Тройственный пакт Берлина, Рима и Токио. — С.К.*) — все это не просто необходимый маневр, единственный выход из положения, сложившегося для СССР в результате Мюнхенского «умиротворения» агрессора («историки» типа Чёрной так именуют передачу Германии Судетской области, населённой почти исключительно тремя миллионами немцев, но несправедливо включённой после Первой мировой войны в состав «Чехословакии». — *С.К.*), а поворот, давно желаемый Сталиным — Молотовым, соответствующий их глубинной ориентации и подготовленный множеством их многолетних действий».

Вот он, мол, — подлинный облик «тирана» Сталина, намекает читателю Чёрная... Мол, он давно мечтал о союзе с другим «тираном» — Гитлером... При этом Чёрная, естественно, помалкивает о том, что для СССР вражда с Германией (любого государственного устройства) была с точки зрения национальных интересов абсолютно не нужна. Помалкивает она и о том, что нарком иностранных дел СССР «Литвинов»-Валлах и подчинённые ему гнид... ах, пардон, гнедины много постарались для поощрения такой вражды, несмотря на очевидный вред от этого для СССР.

Злостно умалчивает наша «публицистка» и о многом другом, что может дать картину эпохи и объяснение мотивов Сталина, совершенно отличные от даваемых разного рода чёрными...

В третьем часу ночи я закончил знакомиться с «чёрными» пассажами, а наутро выслушал своего товарища. И, вспомнив о Людмиле Чёрной, решил, что резон в его

сомнениях есть. А коль так, то я, уважаемый читатель, понял, что моё послесловие ещё не закончено и надо сказать ещё кое-что — о «королях» финансов, о зелёной «капусте», о башмаках и цилиндре дяди Сэма и о «чёрной» грязи, выливаемой сонмом псевдоисториков на историю людей.

Нет, в той ситуации, как её сформировали тёмные силы человеческого общества, русский большевик Сталин и германский националист Гитлер почти не имели шанса не оказаться антагонистами в такой мере, что справедливыми стали слова: «За мир и свет мы боремся, они ж — за царство тьмы...»

Однако не Сталин и не Гитлер вели и привели свои страны и народы к такому смертельному противостоянию. Нет... Банкиры Ротшильды и торговец оружием Бэзил Захаров, Дюпоны и Рокфеллеры, Черчилль и Рузвельты, «советский» Валлах и антисоветский Барух, поляк Бек, чех Бенеш и многие другие «чёрные» и «грязные» сделали всё для того, чтобы мирный вариант европейской и мировой истории XX века стал невозможным.

Кто-то внутри СССР треножил Сталина в его стремлении проводить рациональную с точки зрения национальных интересов советского народа внешнюю политику. И в результате эта политика оказалась непоследовательной, а Сталину не хватило «всего ничего» для того, чтобы избавиться и от троцкистского, и от левацки-коминтерновского балласта в политике СССР.

Кто-то в Германии растравлял Гитлера. И в результате он пришёл к «Барбароссе»...

Кто-то в Англии, Франции, Польше, Норвегии, Голландии и Бельгии, в Греции и Югославии тоже блокировал разумную их политику, определяемую интересами народов этих стран, а не интересами мировых финансистов.

И, конечно же, в США — штаб-квартире всей мировой работы по подрыву мира и разжиганию всех бывших и будущих мировых войн — было предпринято очень много усилий по стравливанию Гитлера с Россией.

В своей книге — далеко не во всём правдивой, но во всём интересной, бывший личный помощник шефа абвера адмирала Канариса Оскар Райле пишет о министре иностранных дел полковнике Беке так:

«Бек отвергал как политические идеи Дмовского, ратовавшего за общий путь Польши с Советским Союзом, так и идеи Студницкого, выступавшего за взаимопонимание с Германией. Зато Бек склонялся к тезисам историка Адольфа Боженского, который считал единственно верной для Польши политику войны. Бек намеревался с помощью Запада («демократического». — *С.К.*) вновь ввергнуть Европу в большую войну. Первая мировая война сделала Польшу самостоятельной... Вторая же — считал Бек, даст Польше еще большее...»

Занятно, к слову, что расчёты Бека в некотором смысле оправдались, ибо польская «гоноровая» подлость обеспечила-таки Польше в конце концов огромные и несправедливые приращения её территории за счёт побеждённой Германии. Тут за поляков порадел Сталин, которого они сегодня обливают помоями и проклинают.

Райле, безусловно, очень переоценивает роль в подготовке и развязывании Второй мировой войны такой мелкой сошки, как пьяница Бек (сам же Райле сообщает, что «орлы» Канариса, обследуя брошенную официальную резиденцию Бека — дворец Брюль, обнаружили там огромный ящик пустых бутылок из-под шампанского и письмо пани Бек мужу со строчкой: «*Ночи, в которые ты не был пьян, я могу пересчитать по пальцам*»).

Но свидетельство Райле очень важно тем, что верно указывает на роль стран Запада как на кукловодов марионеток типа Бека.

Так при чём здесь Гитлер и тем более Сталин?

Да, война между русскими и немцами, если посмотреть на её объективную предысторию, может быть расценена нами, потомками героев той Войны, как недоразумение. Но это не значит, что бессмысленны были

жертвы, усилия и подвиги этих героев в той реальной субъективной ситуации, в которую загнали народы мира, Европы и, в частности, народы немецкий и советский, Золотая Элита мира и её бесстыдные, циничные и продажные лакеи от политики, а также левые фанатики «мирового пожара», в конечном счёте послужившие тем же силам Мирового Зла.

После того как эти силы смогли толкнуть Гитлера на путь, гибельный для него и для его Германии, у нас, у русских, не оставалось ничего иного, кроме как взять в руки оружие и отстоять свободу и независимость нашей Советской Родины в жестоких боях с немецко-фашистскими захватчиками...

Однако тот мир, гарантами стабильности которого были бы совместно прежде всего Россия и Германия, вполне мог стать реальностью. И не Сталин, да и не Гитлер в первую голову повинны в том, что на деле вышло иначе.

Как часто за все десятилетия, прошедшие после Второй мировой войны, западные историки, публицисты, литераторы и политики сокрушались — не с теми, мол, в союзе они воевали... Надо, мол, было воевать не против Гитлера вместе с Советами, а против Советов вместе с Гитлером. И не надо было, мол, вступать с этими русскими в союз — пусть и вынужденный, временный, неестественный...

А мы, простодушные русские, им доказывали — нет, всё верно, союз Запада с Гитлером не дал бы выгод Западу. И ни разу мы не задались вопросом: «А с тем ли, с кем надо, воевали в союзе ***мы***?» Не было ли нам выгодно и разумно воевать вместе с фюрером, с дуче, со Страной восходящего солнца против биржевого Запада, против Англии и США?

Кому-то такой мой вопрос — несмотря на всё сказанное выше — всё ещё может показаться кощунственным. И я это понимаю... Непросто, очень непросто взглянуть на прошлую эпоху с такой позиции.

Но я напоминаю: при таком не реализовавшемся, но возможном повороте событий на плацу Брестской

крепости советские солдаты не гибли бы под немецкими пулями, а проводили бы и впредь совместные с немцами парады... Не были бы разрушены Днепрогэс и Харьковский турбинный заводы, «Запорожсталь» и Сталинградский тракторный, киевский Крещатик и севастопольская Панорама...

Остались бы целы и давали бы продукцию для народов СССР десятки тысяч больших и малых заводов и фабрик... Утопали бы в садах десятки тысяч украинских, белорусских и великорусских сёл и деревень...

И жили бы, трудились бы и творили миллионы молодых строителей нового мира — комиссар Руднев и его сын Радик, инженер Константин Заслонов и писатель Аркадий Гайдар, москвичи Зоя и Шура Космодемьянские и краснодонцы Олег Кошевой с Сергеем Тюлениным и Улей Громовой...

Зато ни с Английского острова, ни с Североамериканского континента уже никогда не исходила бы та угроза миру, которую сегодня всё более олицетворяют Соединённые Чернеющие Штаты.

Нет, я не оскверняю своим анализом истории память павших — её оскверняют в кастрированной «Россиянии» те, кто с 1991 года подслуживался к чёрным силам биржевого Запада, а сегодня делано надувает щёки против Запада — по подсказкам всё тех же тёмных сил Запада...

И не оскверняют ли подвиги и память павших друзей те, кто, звеня боевыми наградами той войны, дефилирует на бутафорских «парадах» перед поставщиками на Запад русских национальных богатств? Оскверняют и прошлое, и настоящее, и будущее нашей великой Родины.

7 ноября 2008 года на Красной площади состоялся якобы военный парад — якобы в честь военного парада 7 ноября 1941 года. Но ***тот*** парад был проведён в честь вполне определённого события — 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года! И с Мавзолея Ленина, не задрапированного ёлками и палками, его принимал великий продолжатель

дела Ленина — Сталин, а батальоны уходили с Красной площади в бой за нашу Советскую Родину, осенённые знаменем великого Ленина.

Какое отношение к ***тому*** параду имеют организаторы этого якобы парада? Единственное — они демонтировали социализм и Советский Союз, оболгали Сталина, сорвали с Кремля знамя Ленина, заменили его власовским «триколором» и предали ту Советскую Родину, которой официально приносили присягу.

У них есть шанс — как и у любого предателя до них. Но этот единственный шанс — как и у любого предателя до них — заключается в возможности покаяться, пока не поздно, и если не кровью, то делом искупить свою вину перед Родиной.

А мы должны понять, что даже катастрофа 1941 года, преодолённая всё же Россией, бледнеет перед всё ещё не преодолённой нами катастрофой 1991 года.

Мы должны это понять. И поэтому не только для развлечения читателя и не только для его информации предпринимал и предпринимаю я свои труды, а и для того, чтобы наше будущее не повторило ошибки прошлого...

13 ноября 2008 года,
18 часов 50 минут московского времени

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Кремлёв

10 МИФОВ О 1941 ГОДЕ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *А. Григорьев*
Корректор *Н. Хаустова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в ООО «Дип покет»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.* **foreignseller@eksmo-sale.ru**

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.* E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91.
gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 14.01.2009.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 5000 экз. Зак. № 5501.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

10 мифов о 1941 годе

- **В трагедии 1941 года виноват Сталин, вовремя не отдавший приказ о приведении Красной Армии в боевую готовность.**
- **Летом 41-го Сталин собирался нанести превентивный удар по Германии (вариант: Сталин и Гитлер планировали общий удар по Англии, но Гитлер обманул Сталина).**
- **Красная Армия была полностью деморализована в первые же дни войны и попросту «разбежалась», а кровавый сталинский режим удержался у власти лишь благодаря массовому террору и всеобщему страху.**
- **Если бы в 41-м командовал Тухачевский, катастрофы бы не случилось.**
- **Если бы не ошибки Гитлера, осенняя распутица и русские морозы, фюрер уже в ноябре мог принимать парад Вермахта на Красной площади...**

Эти грязные антисоветские мифы пришли на смену парадным советским. Это «либеральное» промыванне мозгов калечнт умы и души. Эта «демократнческая» ложь вытесняет из памяти подлинную историю Великой Отечественной войны. Трагедия 1941 года стала главным козырем ревизионнстов, которые ради очерннення советского прошлого не брезгуют ннчем — ни подтасовками, нн передергиванием фактов, ни прямой ложью: в их «сенсационных» сочинениях события сознательно искажаются, потери завышаются многократно, слухи и сплетни выдаются за истину в последней инстанцни, антисоветские мифы плодятся, как навозные мухи в выгребной яме...

Эта книга — лучшее противоядие от «либеральной» лжи. Ведущий отечественный историк, автор бестселлеров «Берия — лучший менеджер XX века» и «Зачем убили Сталина?», не только опровергает самые злобные и бесстыжие антисоветские мифы, не только выводит на чистую воду кликуш и клеветников, но и предлагает собственную убедительную версию прнчин и обстоятельств трагедии 1941 года.

